

МИРОЛЮБИЕ И МИРОТВОРЧЕСТВО В АФРИКЕ

Сборник статей

Издательство «Весь Мир»

*К 90-летию академика
Аполлона Борисовича Давидсона*

*К 90-летию академика
Аполлона Борисовича Давидсона*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТДЕЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МИРОЛЮБИЕ И МИРОТВОРЧЕСТВО В АФРИКЕ

*К 90-летию академика
Аполлона Борисовича Давидсона*

Сборник статей

Москва
Издательство «Весь Мир»
2019

УДК 94(6)
ББК 63.3(6)
М 64

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.С. Балезин (отв. ред.), д.и.н. С.В. Мазов, д.и.н. И.И. Филатова

Научные рецензенты:

член-корр. РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН П.П. Черкасов
зав. кафедрой всеобщей истории РАНХиГС, к.и.н. О.В. Ауров

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0786-4

© Институт всеобщей истории РАН, 2019
© Авторы, 2019

Содержание

От редколлегии 7

К 90-ЛЕТИЮ АПОЛЛОНА БОРИСОВИЧА ДАВИДСОНА

И.И. Филатова. Аполлон Борисович Давидсон.
Жизнь и труды 9

А.С. Балезин. А.Б. Давидсон и Центр африканских
исследований 21

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А.Б. Давидсон. Изучать историю миролюбия, миротворчества! 35

МИРОТВОРЧЕСТВО В ИСТОРИИ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Г.В. Цыпкин. Воинские традиции и миротворчество в истории
Эфиопии. XIX – начало XX вв. 40

А.С. Балезин. Кабака Мутеса II как фактор умиротворения
в Уганде в 1950-е – 1970-е гг.:
институт или личность? 50

А.Л. Емельянов. Колониализм и миротворчество в Африке 73

С.В. Мазов. Миротворческие усилия во время гражданской
войны в Конго, 1964–1965 гг. 80

А.В. Антошин. Радио «Свобода», российские эмигранты
и холодная война в Африке в 1970-е гг. 106

Л.В. Иванова. Сомали: две стороны миротворчества 118

И.В. Кривушин. ООН и разрешение политического кризиса
в Кот-д’Ивуаре 123

А.Ю. Шпилов. Миротворческие усилия африканских
государств в урегулировании гражданской
войны в Кот-д’Ивуаре 2002–2011 гг. 141

Валенс Манирагена. Руанда 1994: Яркий пример провала
миротворчества 159

Г.М. Сидорова. Кто они – боевики незаконных вооруженных
формирований? 166

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ НА ЮГЕ АФРИКИ

<i>А.В. Воеводский.</i> «Наведение мостов между белыми и черными»: Альфред Ксума о достижении межрасового мира в Южной Африке	176
<i>И.И. Филатова.</i> Личность или обстоятельства? Нельсон Мандела как миротворец	182
<i>М.С. Курбак.</i> «Примиришь прошлое с будущим»: Комиссия правды и примирения в ЮАР	196
<i>Colin Darch.</i> Apartheid South Africa and the Peace Processes of 1988–1989 in the Southern African Region: Did the Leopard Change its Spots?	208
<i>Chris Saunders.</i> Reflections on Peace and Security in Southern Africa: South Africa and SADC over four decades	238
<i>Irina Filatova.</i> Gorbachev's 'Perestroika' and the South African Negotiated Settlement	248

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные труды Аполлона Борисовича Давидсона (Составитель — <i>Л.А. Карташова</i>)	278
Сведения об авторах	309

От редколлегии

Эта книга подготовлена к 90-летнему юбилею академика Аполлона Борисовича Давидсона. Основу ее составляют материалы конференции «Миролюбие и миротворчество в Африке», прошедшей в Институте всеобщей истории РАН в 2018 году.

Тема миролюбия и миротворчества в Африке, предложенная юбиларом, является новаторской: подавляющее большинство трудов по политической истории Африки, созданных в последние десятилетия как в России, так и за рубежом, посвящено войнам, переворотам, революциям, политическим конфликтам, геноциду, приносящим и приносящим неисчислимые страдания населению континента. Опыт миротворчества, решения этих конфликтов, как удачный, так и неудачный, оставался до сих пор вне тематики научных исследований африканистов, хотя по другим регионам подобные труды уже начали появляться. Наша книга – первая попытка восполнить этот пробел.

Тематика включенных в сборник статей весьма разнообразна. Здесь и примеры миротворчества в доколониальную эпоху (Г.В. Цыпкин), и деятельность современных миротворческих сил (А.Ю. Шипилов, И.В. Кривушин, С.В. Мазов). Есть анализ как удачного опыта примиренческих, объединительных усилий (М.С. Курбак, С. Saunders, I. Filatova), так и неудачного (Г.В. Цыпкин, А.С. Балезин, С.В. Мазов). Практически все статьи так или иначе освещают сложность, многоплановость, а порой и неоднозначность процессов миротворчества (Л.В. Иванова, М.С. Курбак, И.И. Филатова, С.В. Мазов, А.С. Балезин, С. Darch, I. Filatova и др.).

Авторы ставят такие важнейшие при анализе процессов миротворчества вопросы, как: переговоры во имя каких целей? мир в чьих интересах? каковы условия, внешние и внутренние, успеха миротворческих усилий? что препятствует этому успеху? Ответы на эти вопросы иногда весьма неожиданны.

Рассматривается и такой специфический аспект, как роль радио «Свобода» и российских эмигрантов в холодной войне в Африке (А.В. Антошин). Делается попытка показать роль колониализма в целом в становлении миротворчества в Африке (А.Л. Емельянов).

Открывают книгу статьи, посвященные трудам и жизненному пути А.Б. Давидсона (И.И. Филатова), и его роли в создании, воссоздании и деятельности руководимого им Центра африканских исследований ИВИ РАН (А.С. Балезин). Они носят аналитический характер и представляют большой интерес для читателя, независимо от главной темы сборника.

Завершает книгу библиография основных трудов А.Б. Давидсона, составленная Л.А. Карташовой.

К 90-ЛЕТИЮ АПОЛЛОНА БОРИСОВИЧА ДАВИДСОНА

Аполлон Борисович Давидсон.
Жизнь и труды

И.И. Филатова

Аполлон Борисович родился 23 августа 1929 года в глухой сибирской деревушке Ермаково, куда был сослан его отец — он был из «бывших». Матери пришлось зарегистрировать рождение сына 1 сентября, так как она сумела добраться до ближайшего ЗАГСа — многие версты — только к середине сентября, когда книга записей за август уже была закрыта.

Мать Аполлона Борисовича не была ссыльной и смогла увезти сына в Ленинград. Учился Аполлон Борисович в одной из лучших школ города, на Фонтанке, где и многие будущие знаменитости. Мальчик рос в среде старой петербургской интеллигенции.

Чудом пережил первую, самую страшную, блокадную зиму и весной вместе с семьей эвакуировался по «Дороге жизни». Войну провел в эвакуации в Свердловске, учился в Москве, потом вернулся в Ленинград и окончил школу там. Помогать матери и сыну было некому: отец с 1928-й по 1956-й с небольшими перерывами находился в ссылках, оба деда умерли от голода в Поволжье в 1921 году. Большинство родственников погибло от голода в блокаде Ленинграда. У матери было гимназическое образование, но не было специальности, поэтому получить работу с приличной зарплатой она не могла. Аполлон Борисович начал зарабатывать на жизнь еще школьником: работал переплетчиком.

В 1948 году Аполлон Борисович поступил на исторический факультет Ленинградского университета, на модную тогда специальность — историю международных отношений — и занялся историей Африки. По его словам, причиной интереса к Африканскому континенту были увлекательные книги его детства: Райдер Хаггард, Луи Буссенар, Майн Рид, «Питер Мариц, юный бур из

Трансвааля» и стихи Гумилева. Но была, наверное, и другая причина. О многих периодах и событиях историкам того времени приходилось писать, переходя от одной цитаты Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина к другой. Африка же не была в центре внимания классиков марксизма, а значит, в какой-то степени больше было возможности для независимых оценок и интересных тем.

На истфаке ЛГУ Африкой тогда не занимались, и ни в один курс она не входила: в позднесталинской советской геополитике Африка, в сущности, отсутствовала. Но на Восточном факультете университета была кафедра африканистики. Заведовал кафедрой Д.А. Ольдерогге. Он и руководил работой Аполлона Борисовича, хотя числился его руководителем преподаватель истфака.

В 1953 году, когда Аполлон Борисович окончил университет, сталинская кампания борьбы с космополитизмом была в самом разгаре. У выпускника с фамилией Давидсон шансов найти работу не было. На свои запросы он получил десятки отказов из школ, музеев и библиотек со всей страны. Но в марте Сталин умер, и к концу учебного года кампания начала затухать. Аполлон Борисович поступил в аспирантуру московского Института истории АН СССР, в Сектор новой истории, где работали такие выдающиеся историки, как А.З. Манфред, Б.Ф. Поршнев, А.С. Ерусалимский, Ф.В. Потемкин. Они и определили тот уровень профессионализма, с которым Аполлон Борисович в дальнейшем подходил к исследованию африканских проблем. Специализировался он по колониальной политике Англии под руководством Николая Александровича Ерофеева. В 1956 году Аполлон Борисович защитил кандидатскую диссертацию «Завоевание Родезии».

После XX съезда партии в советской внешней политике начался поворот к Востоку, а затем и к Африке. В Институте востоковедения АН СССР был создан отдел Африки, который возглавил И.И. Потехин. В этом отделе и начал свою трудовую деятельность Аполлон Борисович. Сразу после создания в 1959 году Института Африки АН СССР он перешел на работу туда.

В 1958 году Аполлон Борисович опубликовал первую монографию, «Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации 1888—1897»¹. Она стала и первой книгой об антиколониальной борьбе в мировой африканистике: вышла даже на несколько месяцев раньше, чем известная книга Г. Шепперсона и Т. Прайса

¹ *Давидсон А.Б. Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации 1888—1897. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (далее ГРВЛ), 1958.*

о восстании Чилембве в Ньясаленде (Малави)². Рецензии на нее появились и за рубежом, в том числе в Африке³. В 1965 году доклад Аполлона Борисовича о проблемах сопротивления Африки колониальному завоеванию был зачитан на первой международной конференции по истории Африки в Дар-эс-Саламе, а затем опубликован и в Африке, и в США⁴. Советская делегация на конференции была, но самого докладчика в ее состав не включили.

В начале 1960-х гг. Аполлон Борисович вместе с С.Р. Смирновым и Г.А. Нерсесовым работал над «Новейшей историей Африки»⁵. Она вышла на русском языке в 1964-м и 1967-м гг. и на английском – в 1968 году и стала одним из первых таких обобщающих изданий в мировой африканистике. Позднее таких обобщающих работ у Аполлона Борисовича было немало, но этот, первый, был особенно важен и стоил и авторам, и редакторам большого труда: ведь об Африке тогда было очень мало известно, и находить сведения об ее истории было нелегко. В 70-е гг. и в начале 80-х Аполлон Борисович написал главы по истории Тропической и Южной Африки для XI, XII и XIII томов «Всемирной истории», главы по Южной Африке для «Истории Африки в XIX – начале XX вв.» и двухтомника «Национально-освободительная борьба народов Африки»⁶. Он стал и одним из немногих советских авторов «Всеобщей истории Африки», изданной под эгидой ЮНЕСКО⁷.

² G.A. Shepperson, T. Price. Independent African: John Chilembwe and the origins, Setting and Significance of the Nyasaland Native Rising, 1915. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1958.

³ Journal of African History. Vol. 2, № 1, London, 1961, p. 161–162; Anthropos, Vol. 54, Fasc. 1-2, Salzburg, 1959, p. 296–299; Contact, Cape Town, 21 March 1959, p. 14.

⁴ A.B. Davidson. African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule // T.O. Ranger, ed. Emerging Themes of African History. Nairobi: East African Publishing House, 1968; *Ibid.* R. O'Collins, ed. Problems in the History of Colonial Africa, 1860–1960. New Jersey: Prentice-Hall, 1970.

⁵ Новейшая история Африки / А.Б. Давидсон, Г.А. Нерсесов, С.Р. Смирнов, ред. М.: Наука, ГРВЛ, 1964.

⁶ Страны Тропической и Южной Африки // Всемирная история. Т. XI. М.: Мысль, 1977. С. 450–466; Страны Тропической и Южной Африки // Всемирная история. Т. XII. М.: Мысль, 1979. С. 436–453; Страны Тропической и Южной Африки // Всемирная история. Т. XIII. М.: Мысль, 1983. С. 478–502; Страны Южной Африки // История Африки в XIX-начале XX в. М.: Наука, ГРВЛ, 1967; Южная Африка // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. С. 471–544; Южно-Африканская Республика // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 458–506.

⁷ Politics and Nationalism in Central and Southern Africa, 1919–35 // General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination 1880–1935 / Ed.

На рубеже 50–60-х гг. роль Африки в советской внешней политике росла буквально не по дням, а по часам. Африканские отделы создавались во многих государственных учреждениях и общественных организациях, но людей, хоть как-то знавших Черный континент, было мало: вузы лишь начинали готовить специалистов, посольства и корпункты только открывались. Аполлону Борисовичу, перешедшему на работу в созданный в 1959 году в Академии наук Институт Африки, пришлось писать бесконечные справочные материалы и аналитические записки, читать многочисленные публичные лекции и выступать с докладами в практических организациях.

Докторскую диссертацию Аполлон Борисович защитил в начале 1971 года, и сразу же выпустил ее книгой «Южная Африка – становление сил протеста, 1870–1924»⁸. В этом труде анализировались новые формы антиколониализма, возникшие после подавления «традиционного», то есть основанного на нормах доколониального общества, сопротивления африканцев колониальному угнетению. Аполлон Борисович собрал огромный материал о первых афро-христианских движениях, «туземных» ассоциациях, первых профсоюзах и других организациях черного городского населения, рассказал о начале деятельности Африканского национального конгресса. Рассмотрел он и социальный протест в среде белого населения, зарождение и первые шаги социалистических и коммунистической партий.

Работа была построена на уникальных источниках: личных архивах и воспоминаниях южноафриканских ветеранов борьбы против апарtheidа, микрофильмах обширной коллекции южноафриканских документов Гуверовского института и др. Естественно, доступа к зарубежным, тем более южноафриканским, архивам у Аполлона Борисовича не было; все эти материалы он с огромным трудом получил в Москве. Интервьюировал он и ветеранов Коминтерна, и по счастливому стечению обстоятельств ему удалось даже ознакомиться с документами закрытого тогда Коминтерновского архива, хотя ни цитировать, ни давать ссылки на материалы этого архива ему не разрешили. Книга Аполлона Борисовича положила начало новой тематике в мировой африканистике. С тех пор об истоках антиколониальной и социальной борьбы в Южной Афри-

A. Adu Boahen. Paris: UNESCO; Heinemann-Educational Books: London, 1985. P. 673–711. With A. Isaacman and R. Péliissier.

⁸ *Давидсон А.Б. Южная Африка – становление сил протеста, 1870–1924.* М.: Наука, ГРВЛ. 1972.

ке были написаны многие сотни исследований, но зарубежные специалисты по истории коммунистического движения в Южной Африке до сих пор ссылаются на «Становление сил протеста», как на первый фундаментальный труд по этой теме и сожалеют, что он никогда не был переведен.

В 1960-х — 1970-х гг. Аполлон Борисович начал заниматься еще одной темой, открывшей новую страницу в российской историографии Африки, — изучением истории связей России и Африки. В 1965 году он организовал конференцию «Исторические связи России с народами Африки», материалы которой были опубликованы на английском и французском языках⁹. В 70-е гг. под его редакцией вышли сборники «Африка глазами наших соотечественников» и «Изучение Африки в России. Дореволюционный период»¹⁰, а также две его книги по истории связей России и Африки в XVIII и XIX веках: «Облик далекой страны» и «Зов дальних морей»¹¹. Значимость этих трудов выходит за рамки изучения политических отношений России с тем или иным регионом мира: «исторические связи» трактуются в них широко: и как дипломатические и экономические отношения, и как процесс становления взаимных образов, взаимных представлений России и Африки, и как результат деятельности конкретных исторических личностей. Такой подход плохо укладывался в рамки и стиль историографии 70-х гг., но книги были популярны. Они были написаны ярким, нетрафаретным языком, и их читали не только профессиональные историки, но и широкая публика.

В те годы магистральным направлением африканистики считались работы о «некапиталистическом пути развития» и «социалистической ориентации» африканских стран. История связей России и Африки казалась любопытной, но все же побочной, неглавной темой. Ситуация изменилась с тех пор кардинально. «Социалистическая ориентация» давно забыта, а история связей России и Африки стала для российских африканистов центральной темой, разными аспектами которой занимаются многие, если не большинство.

⁹ Издание на англ. яз. *A.B. Davidson, D.A. Olderogge, V.G. Solodovnikov, eds. Russia and Africa. Moscow: Nauka, GRVL, 1966.*

¹⁰ Африка глазами наших соотечественников / Давидсон А.Б., ред. М., Наука, ГРВЛ, 1974; Изучение Африки в России. Дореволюционный период / Давидсон А.Б., Нерсесов Г.А., ред. М., «Наука», ГРВЛ, 1977.

¹¹ Давидсон А.Б. Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975; Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М., 1979.

Аполлон Борисович всегда стремится анализировать исторические события и явления через судьбы людей. В 1988 году в издательстве «Прогресс» вышла его книга «Сесиль Родс и его время»¹². В том же году она была издана на английском языке и получила высокую оценку Т. Рейнджера, профессора кафедры Родса в Оксфорде¹³. Эта книга не предлагала новых сенсационных деталей биографии Родса, призванных скомпрометировать одного из отцов британского империализма в глазах читателя, что вошло в обычай у его современных биографов¹⁴. Родс представлен в ней в контексте своей эпохи как ее сын и один из ее самых ярких выразителей. Через его личность, идеи и деяния Аполлон Борисович рассказал, в сущности, о британском империализме и колониализме, хотя и только в одном регионе.

После распада СССР читательский интерес к книгам, связанным с этой тематикой, чрезвычайно возрос. В 1998 году Аполлон Борисович опубликовал новую книгу о Родсе «Сесиль Родс – строитель империи», написанную по заказу издательства «Олимп»¹⁵. Вышла она большим для тех лет тиражом в 15 тыс. экземпляров и разошлась быстро. Новое английское издание книги о Родсе появилось в Претории в 2003 году.

Продолжением тенденции анализировать историю на основе не абстрактных проблем, а через жизнь и деятельность ее творцов, стала монументальная коллективная монография «История Африки в биографиях», опубликованная под редакцией Аполлона Борисовича в 2012 году¹⁶.

В 90-е гг. Аполлон Борисович вернулся к теме истории связей нашей страны с Африканским континентом – теперь более отчетливо, чем раньше, к той роли, которую играла Африка в истории России. Многие свои труды он посвятил тому, как менялся в общественном сознании россиян облик Африки, и какое место занимала она в разные годы в общественно-политической жизни страны. В 1992 году была опубликована немислимая до перестройки книга об африканских путешествиях Николая Гумилева¹⁷. Материалы

¹² Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М.: Прогресс, 1988.

¹³ South African Review of Books, October-November, 1989.

¹⁴ См., например, вышедшую в том же году подробнейшую 850-страничную биографию Родса: R.I. Rotberg. The Founder: Cecil Rhodes and the Pursuit of Power. Oxford: Oxford University Press, 1988.

¹⁵ Давидсон А.Б. Сесиль Родс – строитель империи. М.: Олимп, 1998.

¹⁶ История Африки в биографиях. М.: РГГУ, 2012.

¹⁷ Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, 1992.

к ней Аполлон Борисович собирал несколько десятилетий: еще в начале 60-х гг. интервьюировал Анну Ахматову, позднее Ирину Одоевцеву и Льва Николаевича Гумилева, расспрашивал тех, кто еще помнил атмосферу Серебряного века. Только необычное сочетание интересов Аполлона Борисовича и энциклопедичность его знаний как Африки, так и истории и литературы Серебряного века, позволили ему воссоздать картину африканских путешествий поэта. В 2001 году Аполлон Борисович опубликовал новую книгу о Гумилеве, основной темой которой стала сама личность поэта, а также увлечение российских литературных кругов начала XX века восточной и африканской экзотикой¹⁸.

Как и труды о Гумилеве, книга «Русские и англо-бурская война», изданная в Кейптауне в 1998 г.¹⁹, была также посвящена не столько Африке, сколько России. Российским добровольцам, воевавшим в англо-бурской войне, отношению к этой войне в России, восприятию ее разными политическими и общественными кругами. Уникальность собранных в этой работе сведений, необычный для английской историографии «личностный» подход к теме и живая манера изложения вызвали многочисленные отклики — около трех десятков рецензий в газетах и журналах Южной Африки, Англии и России.

Продолжением этой тематики стали и книги Аполлона Борисовича «Россия и Южная Африка. Три века связей» и «Россия и Южная Африка. Наведение мостов», опубликованные в 2010-м и 2012-м году²⁰. В 2013 г. в Южной Африке вышла книга «Скрытая нить. Россия и Южная Африка в советскую эпоху»²¹, получившая в 2014 году приз южноафриканского издательского конгломерата «Медиа 24» как лучшая книга года в категории нехудожественной литературы. В 2019 году под руководством и при участии Аполлона Борисовича была опубликована коллективная монография «Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки»²².

¹⁸ Давидсон А.Б. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич, 2001.

¹⁹ A.B. Davidson, I.I. Filatova. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town: Human & Rousseau, 1998.

²⁰ Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и Южная Африка. Три века связей. М.: Издательский дом ВШЭ, 2010; Филатова И.И., Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка. Наведение мостов. Издательский дом ВШЭ, 2012.

²¹ I. Filatova, A. Davidson. The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era. Cape Town, Johannesburg: Jonathan Ball Publishers, 2013.

²² Балезин А.С., Давидсон А.Б., Мазов С.В., ред. Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки. М.: Росспэн, 2019.

На протяжении долгой научной карьеры Аполлона Борисовича его отношения с начальством далеко не всегда складывались безоблачно. Кому-то не нравился нетрафаретный разговорный стиль его книг, и, несмотря на безупречность исследовательской работы и научного аппарата, его упрекали в «ненаучности». Были упреки и даже прямые доносы идеологического плана. По поводу «Становления сил протеста», например. «Каких именно сил?», «Против кого протест? Каков его классовый характер?» — спрашивали бдительные коллеги. Были и проявления антисемитизма. Мать Аполлона Борисовича — русская, и по паспорту он мог быть только русским, но из-за фамилии отца становился мишенью во всех антисемитских кампаниях в СССР, скрытых и открытых. В 70-е гг., например, один из радетелей расовой чистоты преподавательского состава МГУ открыл «сионистский заговор» в Институте стран Азии и Африки. Первой в его списке «заговорщиков» стояла фамилия профессора Ацамбы, грузинки, вторым был Аполлон Борисович. Все это отнимало силы, время и затрудняло работу, а иногда заставляло и менять место работы.

В Институте Африки Аполлон Борисович работал с момента его основания, но первый директор института, И.И. Потехин, умер в 1964 году, а с новым начальством отношения у Аполлона Борисовича не сложились. Он перешел на работу в МГУ, а в 1971 году организовал сектор истории Африки в Институте всеобщей истории.

В каком бы коллективе Аполлон Борисович ни работал, он неизменно становился инициатором новых научных направлений. В 70-х гг. его сектор издал коллективные монографии «Источниковедение африканской истории» (М., 1977) и «Историческая наука в странах Африки» (М., 1979)²³. Работа по источниковедению была в числе первых исследований, опубликованных в мировой африканистике на эту тему, а работа по африканской историографии стала первой в мире попыткой проанализировать характер молодой африканистики африканских стран.

В конце 1979 года сектор Аполлона Борисовича был упразднен дирекцией Института, и ему пришлось уйти в Институт востоковедения, где он возглавил группу по изучению национальных проблем. В феврале 1984 года сектор в ИВИ под руководством Апол-

²³ Источниковедение африканской истории / Давидсон А.Б., ред. М.: Наука, ГРВЛ, 1977; Историческая наука в странах Африки / Давидсон А.Б., ред. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.

лона Борисовича был возрожден. Сейчас он называется Центром африканских исследований.

С расширением возможностей работы в зарубежных архивах, а затем и открытием отечественных архивов, важнейшим направлением работы Центра стали сбор, анализ и публикация новых исторических документов. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. под редакцией Аполлона Борисовича были опубликованы два тома документов «Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г». и том документов «Коминтерн и Африка», а также, в соавторстве с коллегами С.В. Мазовым и Г.В. Цыпкиным, книга «СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений»²⁴. В 2003 году в Лондоне вышел двухтомник документов «Южная Африка и Коммунистический Интернационал»²⁵. В 2005–2007 гг. был опубликован трехтомник «История Африки в документах, 1870–2000»²⁶.

Еще одно направление работы Центра – изучение истории отечественной африканистики, ее достижений и недостатков. Статьями и воспоминаниями о Д.А. Ольдерогге, Н.А. Ерофееве, И.И. Потехине, Э. Шике, А.З. Зусмановиче, И.Л. Снегиреве, М.Б. Рабиновиче, Г.А. Нерсесове, В.Я. Голанте и О.К. Дрейере Аполлон Борисович отдает дань своим учителям и старшим коллегам и передает лучшее из заложенных ими традиций новым поколениям. Свои многочисленные публикации на эти темы Аполлон Борисович обобщил в двух книгах, вышедших в 2003 году: «Московская Африка» и «Становление отечественной африканистики. 1920-е – начало 1960-х»²⁷.

²⁴ Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. 1. XVIII в. – 1917 г. / Давидсон А.Б., Вяткина Р.Р., Цыпкин Г.В., ред. М.: ИВИ РАН, 1999; Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. 2. 1918–1960 гг. / Давидсон А.Б., Мазов С.В., ред. М.: ИВИ РАН, 1999; Давидсон А., Мазов С., Цыпкин Г. СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М.: ИВИ РАН, 2002; Коминтерн и Африка. Документы / Давидсон А.Б., Городнов В.П., ред. СПб.: Алетейя, 2003.

²⁵ A. Davidson, I. Filatova, V. Gorodnov, S. Johns., eds. South Africa and the Communist International: a documentary history (1919–1939), vols.1, 2. London: Frank Cass, 2003.

²⁶ История Африки в документах, 1870–2000. Т. 1. 1870–1918. / Давидсон А.Б., ред. М.: Наука, 2005; История Африки в документах, 1870–2000. Т. 2. 1919–1960 / Давидсон А.Б., ред.; Т. 3. 1961–2000 / Давидсон А.Б., ред. М.: Наука, 2007.

²⁷ Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х. / Давидсон А.Б., ред. М.: Наука, 2003; Давидсон А.Б., Иванова Л.В. Московская Африка. М.: Изд-во Театрального Ин-та им. Бориса Шукина, 2003.

Аполлон Борисович — далеко не только африканист. В 2000 году он стал президентом Ассоциации британских исследований России. С этого времени он внес большой вклад в развитие российского англоведения и поддержание связей российских историков с английскими коллегами. Он налажил проведение ежегодных совместных англо-российских конференций; под его редакцией вышло несколько сборников «Россия и Британия».

Аполлон Борисович — прирожденный преподаватель и яркий лектор. В 1959—1960 гг. он читал курс лекций в Высшей дипломатической школе (теперь Дипакадемия). В начале 1970-х — курсы в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы. В 70-х и 80-х — лекции в Институте общественных наук («Ленинской школе») для политических деятелей стран Африки. В 1991-м — в Америке, в университете штата Небраска. В 1991—1998 гг. — в университетах ЮАР. Несколько лет преподавал в Государственном университете гуманитарных наук. Но главным университетом для Аполлона Борисовича всегда был МГУ. Он читал там лекции в ИСАА и на истафаке с 1962 года. В ИСАА читает до сих пор. Впервые в МГУ разработал курсы по новой и новейшей истории Африки, по источниковедению и историографии африканской истории. Написал главы по Африке для учебника по новейшей истории стран Азии и Африки. В 1989 году издал учебник «История Тропической и Южной Африки, 1918—1988». По этим учебникам училось несколько поколений советских африканистов. Был Аполлон Борисович и одним из авторов вышедшего в 2016 году учебного пособия «Черная Африка: прошлое и настоящее»²⁸. Среди его бывших студентов российские и зарубежные журналисты, дипломаты, ученые, преподаватели, политики, парламентарии, министры, общественные и государственные деятели. Аполлон Борисович подготовил более 30 кандидатов наук; некоторые из его бывших студентов и аспирантов защитили докторские диссертации.

С 2004 года Аполлон Борисович преподает в Высшей школе экономики, с которой за эти годы успел сродниться. Курсы, которые он читает там, — свидетельство широты его научных интересов и обширности знаний: История XX века, Афроазиатизация современного мира, Серебряный век русской литературы, Культу-

²⁸ История стран Азии и Африки в новейшее время. М.: Изд-во Московского университета, 1979; История Тропической и Южной Африки, 1918—1988. М.: Наука, ГРВЛ, 1989; Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016.

ра советской эпохи. Некоторые из этих курсов – факультативы, но студенты приходят на них из года в год. Приходят и их друзья из других университетов. Теперь не только преподаватели оценивают знания студентов, но и студенты выставляют оценки преподавателям. У Аполлона Борисовича эти оценки – неизменно самые высокие.

В 1977–1992 гг. Аполлон Борисович участвовал в Дартмутских конференциях, бывших тогда важнейшим неправительственным каналом в советско-американском диалоге. Аполлон Борисович вел дискуссии по африканским проблемам и советской политике в Африке с крупнейшими американскими дипломатами и представителями делового мира. С советской стороны в конференциях участвовали Г.А. Арбатов, Е.М. Примаков и другие видные политики и политологи того времени.

Десятилетиями Аполлон Борисович знакомил российскую читающую публику с культурной и общественной жизнью Южной Африки, а южноафриканцев – с историей и культурой России. С 1958 года под его редакцией, с его предисловиями и комментариями в России вышли десятки переводов книг об Африке, прежде всего о Южной Африке: исследований, мемуаров, записок путешественников, художественной литературы. Добиться публикации этих книг было порой непросто: африканцы, даже «прогрессивные», далеко не всегда писали то, что нравилось советским издателям.

С конца 80-х гг. XX в. возможности взаимного ознакомления России и Африки с культурой, научной и общественной жизнью друг друга значительно расширились. Роль Аполлона Борисовича в этом процессе трудно переоценить. В 1988 году он вместе с африканистами многих стран мира в течение нескольких месяцев участвовал в работе Южноафриканской программы Йельского университета; в 1989 году стал руководителем первой делегации российских ученых, приглашенной в Южную Африку; в 1991 году несколько месяцев читал лекции в университетах ЮАР и работал в архивах этой страны; в 1992–1993 гг. работал в южноафриканском университете Родса.

В 1994 году Аполлон Борисович организовал и возглавил Центр российских исследований Кейптаунского университета. В речи тогдашнего президента ЮАР Нельсона Манделы на церемонии открытия Центра говорилось, что он призван быть мостом взаимопонимания между ЮАР и Россией и помочь преодолению тех предрассудков, которые накопились в отношениях между эти-

ми странами. «Мы ценим тот факт, – сказал Мандела, – что профессор Аполлон Давидсон и его коллеги прекрасно знают настоящий масштаб связей между нашими двумя странами. У них есть личный опыт этих длительных связей...»²⁹. В течение четырех лет существования Центра Аполлон Борисович не только читал курсы лекций по истории и культуре России, но и провел несколько конференций на тему об исторических и современных связях между двумя странами, организовал, впервые в Кейптауне, обучение русскому языку, издал сборник «Россия в современном мире»³⁰.

Вклад Аполлона Борисовича в развитие отношений между Россией и Южной Африкой был высоко оценен в обеих странах. В 2000 году Аполлон Борисович был награжден Орденом дружбы народов, а в 2012 году – южноафриканским Орденом соратников Оливера Тамбо.

Признанием выдающихся научных достижений Аполлона Борисовича стало избрание его в 2011 году действительным членом Российской Академии наук.

Жизнь Аполлона Борисовича не была легкой, но его воспоминания³¹ – свидетельство страшных страниц нашей истории – поражают добротой и великодушием.

В последние годы, когда обстановка в мире вновь накалилась, Аполлон Борисович увлекся темой миролюбия и миротворчества. Он считает, что историки уделяют этой тематике недостаточно внимания, и его чрезвычайно привлекают уроки мирного урегулирования в ЮАР и фигура Нельсона Манделы. В 2018 году, когда мир праздновал столетие со дня рождения Манделы, по инициативе Аполлона Борисовича его отдел организовал конференцию «Миролюбие и миротворчество в истории Африки: к 100-летию Нельсона Манделы». Именно эту тему выбрали коллеги Аполлона Борисовича для его юбилейного фештшифта.

²⁹ Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies of the University of Cape Town. Delivered by Cabinet Minister Pallo Jordan. Wednesday, 17 August 1994. In: *A. Davidson, I. Filatova, eds. Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa, Centre for Russian Studies, University of Cape Town, 17-19 August 1994. Cape Town: Phoenix Publishers, 1995, p. 6.*

³⁰ *A. Davidson, I. Filatova, eds. Russia in the Contemporary World...*

³¹ *Давидсон А. Я вас люблю. Страницы жизни. М., 2008; Давидсон А.Б. Письма с мыса Доброй Надежды. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.*

А.Б. Давидсон и Центр африканских исследований

А.С. Балезин

Аполлон Борисович Давидсон имеет множество заслуг в отечественной африканистике и в отечественном англоведении, но главным его детищем был и остается Центр африканских исследований, созданный в Институте всеобщей истории в далеком 1971 году как Сектор истории Африки.

Начало

С созданием 1 декабря 1971 года в Институте всеобщей истории АН СССР по инициативе и под руководством профессора А.Б. Давидсона Сектора истории Африки в Отделении истории Академии наук вновь появилось научное подразделение, занимающееся проблемами истории Африки.

Почему вновь? Дело в том, что создание Института Африки в 1959 году подразумевало, что историей Черного континента будут заниматься именно в этом научном учреждении, относившемся к Отделению истории АН СССР. В Институт Африки в полном составе был переведен из Института востоковедения созданный там в 1956 году Отдел Африки. Однако, возникнув в составе Отделения истории АН СССР, в 1962 году Институт Африки был переведен в Отделение экономики, и исторические исследования оказались вне магистрального направления его развития.

Аполлон Борисович пришел в Институт истории в 1953 году аспирантом, затем работал в Отделе Африки Института востоковедения и в Институте Африки АН СССР с основания обоих. Однако, поскольку исторические исследования в последнем стали занимать все меньшее место, он решил создать новый научный центр, где бы занимались именно историей Черного континента, на базе головного исторического НИИ нашей страны – Института всеобщей истории, выделившегося к тому времени из Института истории.

В ходе долгих переговоров А.Б. Давидсона с тогдашним директором Института всеобщей истории академиком Е.М. Жуковым

(1907–1980) обсуждалось много формулировок для приказа о создании Сектора, обосновывавших целесообразность этого акта. В результате же в приказе по Институту значилось коротко и ясно: «создать Сектор истории Африки».

При создании Сектора истории Африки Аполлон Борисович выдвинул несколько главных принципов, желая, как он сам мне потом сказал, уйти от негативного опыта, полученного им в прежних академических учреждениях:

- не заниматься проблематикой, непосредственно связанной с политической конъюнктурой, например, такими темами, как «некапиталистический путь развития» или «социалистическая ориентация» в Африке;
- исследовать проблемы истории африканских народов, опираясь на возможно широкий круг первоисточников;
- формировать состав Сектора из людей, получивших специальную африканистскую подготовку и, как правило, владеющих африканскими языками.

Тогда же сформировались основные направления работы нового научного коллектива, в рамках которых и до сих пор ведут свои индивидуальные и совместные исследования его сотрудники:

- источники и источниковедение африканской истории;
- историография Африки;
- Россия и Африка;
- Африканские колониальные общества.

Первыми сотрудниками Сектора стали Р.Р. Вяткина, много лет бессменный ученый секретарь, и Г.В. Цыпкин. Георгий Викторович Цыпкин, видный специалист в области истории Эфиопии, владеющий амхарским языком, и поныне остается нашим действующим сотрудником. Сейчас в Центре африканских исследований работают начавшие свой путь с аспирантов А.С. Балезин, С.В. Мазов и Н.Г. Щербаков, а также младшее поколение – Л.В. Иванова, А.В. Воеводский и М.С. Курбак.

Последние несколько лет своей жизни проработала в нем Гера Ивановна Потехина (1926–1979) известный африканист-литературовед. Эта тихая маленькая женщина была своеобразным человеческим и научным камертоном Сектора. Ее труд присутствовал практически в каждой публикации тех лет, даже если там и не стояла ее фамилия: Гера Ивановна подробно обсуждала со всеми коллегами их тексты.

С 1976 по 2009 гг. в Центре работал В.П. Городнов (1929–2009), который предпочел должность старшего научного сотрудника у нас должности заведующего сектором Юга Африки в Институте Африки РАН. В разные периоды в секторе работали В.Е. Овчинников, А.М. Пегушев, И.Е. Сеницына и Б.А. Шабаев.

Несколько лет на условиях штатного совместительства сотрудницей сектора была И.И. Филатова, в те годы – старший преподаватель, а затем профессор ИСАА при МГУ, зав. кафедрой африканистики. Ныне И.И. Филатова живет в ЮАР, но продолжает активное сотрудничество с нами.

Первые шаги

Под руководством Аполлона Борисовича Сектор истории Африки начал свою деятельность с того, с чего и должен ее начинать каждый уважающий себя историк – с «инвентаризации» имеющихся в его распоряжении источников по истории Черного континента. В 1977 году появилась коллективная работа «Источниковедение африканской истории»¹. В этой первой коллективной работе Сектора проводился анализ доступных для отечественных африканистов типов и видов источников, с особым вниманием к источникам на важнейших африканских языках, издавна имевших письменность – суахили, хауса и амхарском. Книга открывается статьей патриарха нашей африканистики Д.А. Ольдерогге (1903–1987) об африканских языках как особом историческом источнике. Едва успев выйти, эта книга раскупилась.

Такая же судьба была уготована и следующей работе Сектора, вышедшей через два года после первой – коллективной монографии «Историческая наука в странах Африки»². Эта книга была посвящена анализу взглядов на историю африканских народов ученых в самой Африке. В те годы в некоторых странах континента уже существовали национальные исторические школы, а в других только-только появлялись первые имена собственных историков. Прежде чем разрабатывать собственный взгляд на историю Африки, им было важно понять наметившиеся на самом африканском континенте идеи и тенденции.

¹ Источниковедение африканской истории. М., Наука, ГРВЛ, 1977.

² Историческая наука в странах Африки. М., Наука, ГРВЛ, 1979.

Сотрудники молодого Сектора и сами в основном были молоды и неопытны, они называли себя «Клубом тридцатилетних», и в работе над первыми двумя книгами вокруг сектора сложилась группа более опытных друзей и соавторов. С нами сотрудничали такие известные ученые, как Д.А. Ольдерогге, Н.А. Ерофеев (1907–1996) и Л.Е. Куббель (1929–1988), а также С.Я. Берзина (1932–2012), Л.О. Голден (1934–2010), Н.Б. Кочакова (1932–2014), В.А. Бейлис и другие.

Помимо общих работ в те годы выходили и индивидуальные монографии – Р.Р. Вяткиной³, Г.В. Цыпкина⁴ и другие. В тех случаях, когда это была первая книга в жизни автора, он проходил целую школу работы над рукописью на всех стадиях, в том числе и в ее многотрудном пути в издательстве. А.Б. Давидсон, бывший ответственным редактором всех этих книг, всегда вкладывал много сил в этот процесс. Сам он в те годы выпустил в соавторстве с В.А. Макрушиним две книги о русско-африканских дореволюционных связях⁵, открывших новое направление исследований Сектора – Россия и Африка.

По инициативе Аполлона Борисовича в Секторе обсуждались интересные темы, приходили компетентные люди, в частности, сотрудники других Секторов Института. Так, например, неоднократно выступали у нас Н.А. Ерофеев и А.Я. Гуревич.

У меня сохранилось несколько «общих», как они тогда назывались, толстых тетрадей с надписью на корешках: «Сектор. Действия». Действиями называл Аполлон Борисович, неофициально, конечно, заседания Сектора. Листаю эти тетрадки:

23 сентября 1975 года Жозеф Ки-Зербо (один из крупнейших африканских историков тех лет из Буркина-Фасо). Историческая наука в странах Западной Африки... 14 октября 1975 года Томас Ходжкин (крупный английский африканист). Африканистика в Великобритании... 24 ноября 1975 года Д-р Полачек из Праги. Африканистика в Чехословакии... 3 декабря 1975 года Джо Джеле, деятель Африканского Национального Конгресса (ЮАР) о молодежном движении и современном положении в Южной Африке... 13 декабря 1976 года П.Г. Кузнецов. Математическое выражение законов исторического

³ *Вяткина Р.Р.* Создание Южно-Африканского Союза. М.: Наука, ГРВЛ, 1976.

⁴ *Цыпкин Г.В.* Эфиопия: от раздробленности к централизации. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.

⁵ *Давидсон А.Б., Макрушин В.А.* Облик далекой страны. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. *Они же:* Зов дальних морей. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.

развития...13 апреля 1977 года А.Ю. Урнов о поездке в Танзанию, Замбию, Мозамбик и Сомали...

Можно было бы продолжать и продолжать листать старые тетради, но, кажется, приведенные выдержки уже достаточно ясно показывают: в те годы Аполлон Борисович сформировал определенные традиции тематики заседаний Сектора. Приглашались зарубежные историки-африканисты, в том числе из самой Африки, а также африканские политические деятели, оказавшиеся в Москве. Кроме того, на заседаниях Сектора проходили выступления африканистов и не только африканистов, побывавших в Африке. Такие поездки были тогда большой редкостью, и встречи с людьми, видевшими Африку своими глазами, помогали сотрудникам Сектора быть ближе к реальностям континента. И конечно же, заслушивались доклады коллег из самых разных научных учреждений Москвы, посвященные новым методам исторических исследований, новым подходам к истории вообще.

Понятно, что и сами сотрудники Сектора выступали на его заседаниях: рассказывали о сделанном, «обкатывали» на коллегам новые темы исследований, делились впечатлениями от собственных — таких редких! — поездок в Африку и других научных командировок.

Вынужденное интермеццо и его последствия

На исходе 70-х годов, однако, в связи с изменением обстановки в институте, жизнь Сектора, складывавшаяся так удачно и плодотворно, была прервана. А.А. Искендеров (1927–2017), державший тогда в своих руках бразды правления Институтом, организовал расширенное заседание партбюро, на котором направления научной деятельности Сектора объявлялись неправильными.

Аполлон Борисович и его сотрудники не соглашались с такой оценкой их работы и пытались возражать. Однако это не помогло: в один отнюдь не прекрасный день их поставили перед фактом: Сектор истории Африки был реформирован в Сектор истории колониализма, «доукомплектован» сотрудниками из других подразделений Института и получил нового начальника. От этого начальника — Б.М. Туполева (1933–2015) сотрудники Сектора с удивлением узнали, например, что «нет такой науки — африканистика».

И еще: «На войне, как на войне! Вы не опубликуете ни одной строчки, никогда не поедете за границу!» В течение четырех с лиш-

ним лет жизнь бывших сотрудников Сектора Африки складывалась трудно. Были проблемы с защитами диссертаций, с утверждением трудов к печати, отказом в приеме на работу аспирантов, и даже «политическим» персональным делом.

В этой ситуации Аполлон Борисович перешел работать в Институт востоковедения, где его встретили с большой радостью. Но он сохранял и поддерживал в нас веру в торжество справедливости.

Аполлон Борисович приложил огромные усилия к восстановлению Сектора, как он говорит, значительно бóльшие, чем к его созданию. Обычно в Академии наук разогнанные научные подразделения никогда не восстанавливались. Но он добился поддержки самых разных влиятельных людей и инстанций, в том числе и нового директора Института всеобщей истории З.В. Удальцовой (1918–1987), и в 1984 году случилось невозможное – Сектор истории Африки был восстановлен с прежней научной программой под руководством его создателя. Затем статус Сектора постепенно повышался: он стал Отделом истории Африки, а позднее – Центром африканских исследований. Сотрудники Сектора продолжили свою работу, публикуя для начала все то, что сделано было за эти тяжелые для них годы⁶.

Своеобразным итогом исследований колониальной истории ряда стран Африки стала вышедшая в 1993 году книга группы сотрудников Центра «Колониальное общество Тропической Африки»⁷. В этом коллективном труде развивается выдвинутая Д.А. Ольдерогге идея о колониальном обществе как особом типе социальности. На самом разном африканском материале были получены сходные результаты, которые мы и попытались обобщить. Оформление тома было выдержано в стиле, придуманном А.Б. Давидсоном для первых двух коллективных трудов Сектора, что подчеркивало его преемственность с ними, но сделан он был уже практически без привлечения внешних маститых авторов.

За годы, прошедшие с момента воссоздания Сектора, вышли и индивидуальные монографии его сотрудников – часть из них

⁶ В 1985 году вышел коллективный труд «Изучение истории Африки. Проблемы и достижения» (М.: Наука, ГРВЛ, 1985), составленный в Секторе истории колониализма в значительной части из статей и переводов работ коллег из ГДР, подготовленных сотрудниками сектора истории Африки.

⁷ Колониальное общество Тропической Африки: взаимодействие цивилизаций? Отв. ред. А.С. Балезин и И.И. Филатова. М.: Наука, ГРВЛ, 1993.

явилась осуществлением результатов работы в прежние годы, а часть — результатом новых исследований⁸.

Знаком признания исследовательской деятельности Центра стал выход в свет на английском языке в издательстве «Прогресс» книг А.Б. Давидсона о Сесиле Родсе и В.П. Городнова о восстании в Соуэто, значительно переработанных и дополненных⁹.

А.Б. Давидсон участвовал в крупном и престижном международном проекте — восьмитомной «Всеобщей истории Африки», изданной под эгидой ЮНЕСКО. Он был одним из всего трех наших соотечественников, удостоившихся этой чести. Его перу принадлежит раздел в седьмом томе, посвященном периоду 1880—1935 гг¹⁰.

В эти годы Аполлоном Борисовичем была заложена новая традиция, выросшая из секторских «действ»: регулярно проводить конференции по истории Африки, которые поначалу назывались рабочими совещаниями. Тема первого такого рабочего совещания (апрель 1986 года) была сформулирована так: «Африканская интеллигенция: исторические судьбы и общественная роль». Оно было посвящено памяти Г.И. Потехиной¹¹.

Значительным событием в этом ряду стала международная конференция «Африка в мировой истории», состоявшаяся в конце мая 1990 года. По инициативе Аполлона Борисовича она была проведена Сектором истории Африки совместно с Союзом Советских обществ дружбы и Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки. Во-первых, это была первая в нашей стране крупная международная конференция, специально посвященная именно истории Африки. На ней присутствовало много зарубежных ученых-африканистов — до 70 человек. Во-вторых, впервые в нашу страну приехала представительная (более 10 человек) делегация

⁸ *Городнов В.П.* Черные жители “белого” города. М.: Наука, ГРВЛ, 1983; *Цыпкин Г.В.* Эфиопия в антиколониальных войнах. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. *Давидсон А.Б.* Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, ГРВЛ, 1992; *Мазов С.В.* Парадоксы “образцовой колонии” М.: Наука, ГРВЛ, 1993 и др.

⁹ *Davidson A.B.* Cecil Rhodes and his Time. М.: Progress publishers, 1988; *Gorodnov V. P.* SOWETO: life and struggles of the South African Township. М.: Progress publishers, 1988.

¹⁰ *Apollon Davidson.* Politics and Nationalism in Central and Southern Africa // General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination. 1880–1935. Ed by A. Boahen. UNESCO, 1985, pp. 673–711. With A. Isaacman and R. Pelissier.

¹¹ См.: *Бализин А.С.* О рабочем совещании памяти Г.И. Потехиной «Африканская интеллигенция: исторические судьбы и общественная роль» // «Народы Азии и Африки». 1986. № 5. С. 130–133.

ученых из ЮАР. Конференция прошла успешно и получила широкое одобрение научной общественности¹².

Конференция эта стала рубежной — она проходила на сломе эпохи истории нашего Отечества. Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы с народами зарубежных стран и Советский комитет защиты мира в условиях перестройки искали новые формы мероприятий, приуроченных к Дню Африки, и участие в нашей конференции показалось им хорошей идеей. Все еще обладая финансовыми возможностями, каких не было и нет у Академии наук, они обеспечили оплату перелета некоторым зарубежным ученым, гостиничных номеров и большого конференц-зала с синхронным переводом в Центральном доме туриста.

В новых условиях

Несмотря на трудности работы в условиях рыночной экономики Отдел истории Африки, опять же по инициативе Аполлона Борисовича, находил возможности регулярно проводить международные конференции, всегда вызывавшие научный резонанс. Особенно следует упомянуть конференцию 1999 года «Афроцентризм и евроцентризм накануне XXI века», приуроченную к 70-летию А.Б. Давидсона. В ней ярко проявились черты, также ставшие для наших конференций традиционными — интересные, «не занудные» доклады, уважительное отношение коллег друг к другу, добрая и неформальная атмосфера заседаний. Материалы этой конференции впервые удалось опубликовать в виде книги¹³.

Изменения в жизни нашего Отечества открывали для нас все новые и новые возможности для исследования истории Африки.

Прежде всего это был широкий доступ к зарубежным центрам африканистики, как на Западе, так и в самой Африке. Аполлон Борисович, естественно, был первым из нас, получившим такие возможности. В 1988—1989 гг. его пригласили в долговременную

¹² Подробнее см.: *Балезин А.С.* Африка во всемирно-историческом процессе // «Восток». 1991. № 1. С. 163—167.

¹³ Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.Б. Давидсона. Под ред. А.С. Балезина. М.: ИВИ РАН, 2000.

исследовательскую командировку в Йельский университет США (Южно-Африканская исследовательская программа), а затем в Университет Родса в Грэйамстаун в самой ЮАР.

Большую роль в расширении научных связей сотрудников Центра со странами Юга Африки сыграл Центр российских исследований Кейптаунского университета, организатором и директором которого в 1994–1998 гг. также был Аполлон Борисович. На первый же из трех научных симпозиумов, организованных им в Кейптауне, «Россия в современном мире»¹⁴, поехала целая группа отечественных ученых. В их числе была и Р.Р. Вяткина, много лет отдавшая изучению Южной Африки и впервые получившая возможность увидеть эту страну своими глазами.

Благодаря деятельности Аполлона Борисовича в Кейптауне, наши сотрудники получили и другие, не менее важные возможности. Так, появилась возможность работать в архивах ЮАР и использовать их материалы в своих публикациях в России и за рубежом, а также публиковать свои работы в Южной Африке по-английски. В частности, в 1998 году там была издана объемная, прекрасно иллюстрированная книга А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Русские и англо-бурская война 1899–1902»¹⁵. Эта книга получила самые высокие оценки коллег как в ЮАР, так и в нашей стране.

Результатом работы в отечественных и африканских архивах стало двухтомное издание «Россия и Африка. Документы и материалы»¹⁶, инициатором и руководителем которого был также Аполлон Борисович. В этом издании приводятся редкие документы по истории российско-африканских связей, начиная с петровских времен и до 1960 года. Читатель найдет там наряду с впечатлениями первых россиян в Африке и первых африканцев в России, например, неизвестные подробности о деятельности Коминтерна в Африке или закулисные факты, предшествовавшие созданию Института Африки.

¹⁴ См. *Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17-19 august 1994.* Cape Town: Phoenix Publishers, 1995;

¹⁵ *Apollon Davidson, Irina Filatova. The Russians and the Anglo-Boer War, 1899–1902.* Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Human&Rousseau, 1998.

¹⁶ *Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. 1–2.* М., ИВИ РАН, 1999.

В XXI веке

Новым воплощением использования возможностей работы как в отечественных, так и в зарубежных архивах, стали книги «Коминтерн и Африка»¹⁷, изданная на русском языке в России, и двухтомный фундаментальный сборник документов «Коминтерн и Южная Африка»¹⁸, вышедший на английском языке в Великобритании. Эти проекты также были осуществлены по инициативе и под руководством Аполлона Борисовича.

Продолжением этой проблематики стала книга А. Б. Давидсона, С.В. Мазова и Г.В. Цыпкина «СССР и Африка. 1918–1960»¹⁹, написанная также в значительной степени на архивных материалах.

Нашла свое развитие и тема истории российско-южноафриканских связей. В 2010 году вышла книга А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Россия и Южная Африка: три века связей»²⁰. В ней на основе большого числа южноафриканских и российских архивных материалов рассказывается, как менялись взаимные представления народов этих двух стран на протяжении трех веков. Продолжением этой работы стала их книга «Россия и Южная Африка: наведение мостов»²¹, подробно освещающая отношения нашей страны с ЮАС/ЮАР в XX веке, включая непростую историю восстановления дипломатических отношений между ними в конце прошлого столетия. Неудивительно, что это фундаментальное исследование вызвало большой интерес в Южной Африке. Там была издана сделанная на его основе книга И.И. Филатовой и А.Б. Давидсона «Скрытая нить», на обложке которой была приведена ее оценка крупным ученым Дэвидом Вэлшем: «Значительное исследование, заслуживающее стать классикой»²².

¹⁷ Коминтерн и Африка. Документы. Сост. В. Городнов. Ред. А. Давидсон. СПб, 2003.

¹⁸ Davidson A., Filatova I., Gorodnov V., Johns S. South Africa and the Communist International: a Documentary History. V. I-II. London, 2003.

¹⁹ Аполлон Давидсон, Сергей Мазов, Георгий Цыпкин. СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. Под редакцией Аполлона Давидсона. М.: ИВИ РАН, 2002.

²⁰ Аполлон. Давидсон, Ирина Филатова. Россия и Южная Африка: три века связей М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ”, 2010.

²¹ Ирина Филатова, Аполлон. Давидсон. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

²² Irina Filatova, Apollon Davidson. The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg; Cape Town: Jonathan Ball Publishers, 2012.

Важным итогом многолетней работы Центра африканских исследований стало издание трехтомной «Истории Африки в документах»²³. Эта фундаментальная публикация материалов, в том числе архивных документов, в частности, из африканских архивов и в переводах с африканских языков, охватывает узловые моменты истории Африки с 1870 по 2000 год и дает источниковую базу для поколений будущих историков-африканистов. Конечно, эта работа была выполнена также по инициативе и под руководством Аполлона Борисовича.

Аполлон Борисович всегда предлагал и предлагает сотрудникам Центра новые темы для коллективных исследований. Так, итогом многолетних исследований проблем исторической самоидентификации африканцев, их отношений с Западом и Россией стал коллективный труд «Рах Africa: континент и диаспора в поисках себя»²⁴. В этой книге — и задел на будущее, поскольку ряд статей открывает новые направления исследований и ставит новые проблемы.

Своеобразным продолжением изучения особенностей африканской исторической мысли и ее национальных ветвей в их конфликте и взаимодействии с западной исторической традицией явилась другая коллективная работа сотрудников Центра по руководством А.Б. Давидсона — «Африка: история и историки»²⁵.

Еще одним продолжением исследования этой проблематики, в частности изучения особенностей исторической памяти и исторической политики, стала инициированная Аполлоном Борисовичем и в значительной мере состоящая из статей сотрудников Центра коллективная монография «История — поле сражений»²⁶. Так, уже в последние годы, развивается одна из магистральных тем работы Центра, начало которой положил вышедший на заре его существования в 1979 году, упоминавшийся выше коллективный труд «Историческая наука в странах Африки».

Особое место в научном творчестве Аполлона Борисовича всегда занимала и занимает история, как он говорит, «нашего цеха» —

²³ История Африки в документах (1870–2000). Под ред. А.Б. Давидсона. Том 1 (1870–1919). Ред. Г.В. Цыпкин. Том 2 (1919–1960). Ред. С.В. Мазов. Том 3 (1961–2000). Ред. В.П. Городнов. М.: Наука, 2005–2007.

²⁴ Рах Africa: континент и диаспора в поисках себя. Сборник научных статей. Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2009.

²⁵ Африка: история и историки. Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

²⁶ История — поле сражений. Отв. ред. — академик РАН Аполлон Давидсон. М.: Собрание, 2015.

кропотливый интерес к нашим предшественникам — африканистам. О них сначала он, а затем и сотрудники Центра африканских исследований писали отдельные статьи²⁷, а в 2003 году вышла целая книга²⁸. В этой книге не только рассказывается о судьбах, порой трагических, советских африканистов, но и анализируются достижения и заблуждения тех лет.

Еще одним фундаментальным коллективным трудом нашего Центра, созданным по инициативе и под руководством Аполлона Борисовича, стала «История Африки в биографиях», общим объемом в 95 печатных листов²⁹. Издание представляет собой три тома очерков о почти 200 африканских и афро-американских политиках, мыслителях, деятелях культуры, европейских путешественниках и колониальных администраторах — тех, кто создавал современную Африку южнее Сахары, начиная со второй половины XIX века. Эта работа стала первым трудом в биографическом жанре такого масштаба в истории отечественной африканистики, она основана на обширном документальном материале, в том числе и ранее неизвестных документах из отечественных и зарубежных архивов.

Событием в африканистике стал выход в свет и презентация в магазине «Библио-Глобус» объемного коллективного труда «Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки»³⁰, созданного по инициативе и под редакцией Аполлона Борисовича в основном силами сотрудников Центра африканских исследований. Эта книга повествует о становлении отношений России со странами Черной Африки, о формировании взаимных представлений, повседневной жизни россиян в Африке и африканцев в России.

Центр африканских исследований не остается в стороне и от новых коллективных проектов Института всеобщей истории, появившихся в недавние годы и выходящих далеко за рамки нашего Института. Прежде всего это новое издание Всемирной истории, в котором разделы по истории Африки XX века были написаны Аполлоном Борисовичем³¹.

²⁷ См., напр.: *Вяткина Р.Р.* Имя за псевдонимом. Г.Е. Гернгрос // *Азия и Африка сегодня*, 1993, № 7. С. 74–76.

²⁸ Становление отечественной африканистики. 1960-е — начало 1980-х. М.: Наука, 2003.

²⁹ *История Африки в биографиях.* Под общей редакцией академика РАН Аполлона Давидсона. М.: РГУ, 2012.

³⁰ *Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки.* Отв. Ред. А.Б. Давидсон. М., Росспэн, 2019.

³¹ *Давидсон А.Б.* Тропическая и Южная Африка: трансформация колониального общества // *Всемирная история.* Т. 6. Кн. 1. М.: Наука, 2017; *Давид-*

В новом веке Аполлон Борисович продолжает быть инициатором организации нашим Центром научных конференций по проблемам истории Африки. Так, в 2001 году мы провели конференцию по историографии Африки: «Африканистика XX века: время, люди, взгляды». Среди наших гостей были крупные ученые, представлявшие историческую африканистику Великобритании, Германии, Франции, Восточной Европы и Южной Африки³². В 2004 году конференция была приурочена к 75-летию А.Б. Давидсона и посвящена источниковедческим проблемам, конкретнее – архивным источникам по истории Африки³³. Тематика последующих конференций 2007, 2009 2011 и 2014 годов была сформулирована более широко, это дало их участникам возможность затронуть широкий круг проблем, в числе которых, однако, неизменно были историография и источниковедение³⁴. Историография и источниковедение африканской истории оказались и в центре тематики конференции 2019 года под названием «Изучая историю Африки: люди, проблемы, источники». А для конференции 2018 года Аполлон Борисович предложил абсолютно новаторскую тему – «Миролюбие и миротворчество в Африке». Ее материалы и послужили основой для этой книги.

Еще один интересный и перспективный проект нового века, осуществленный по инициативе Аполлона Борисовича, – альманах «Под небом Африки моей», который мы выпускаем совместно с кафедрой африканистики ИСАА МГУ. Он рассчитан на широкую читающую публику и в этом смысле продолжает еще одну традицию Центра африканских исследований – знакомить отечественного читателя с африканской культурой и литературой

сон А.Б., Филатова И.И. Тропическая и Южная Африка: деколонизация и поиск устойчивого развития // Всемирная история. Т. 6. Кн. 2. М.: Наука, 2018.

³² См.: Африканистика XX века: время, люди, взгляды. Материалы международной научной конференции. Под ред. А.С. Базелина. М., 2002.

³³ См.: Архивы – ключ к истории Африки. Материалы международной научной конференции. Под ред. А.С. Базелина. М.: ИВИ РАН, 2005.

³⁴ Африка: континент и диаспора в поисках себя в XX веке. Материалы международной научной конференции. Под ред. А.С. Базелина. М.: ИВИ РАН, 2008. Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. Материалы международной научной конференции. Под ред. А.С. Базелина. М.: ИВИ РАН 2010. Изучение истории Африки в России и за рубежом: этапы, тенденции, перспективы. Материалы Международной научной конференции. Под ред. А.С. Базелина. М.: ИВИ РАН 2012. История: научно-образовательный журнал, 2016. Выпуск 3 (47) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001440-3-1>

в частности. С 2000 года вышло уже восемь выпусков альманаха³⁵. Название для альманаха – пушкинскую строку – тоже предложил Аполлон Борисович.

Центр Африканских исследований продолжает работу над новыми проектами под руководством Аполлона Борисовича Давидсона.

³⁵ Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Под ред. А.С. Балезина и Н.В. Громовой. Вып. 1. М., 2000; Вып. 2. М., 2003. Вып.3. М., 2005. Вып. 4. М, 2009. Вып. 5. Африканистика и африканисты в Институте восточных языков и Институте стран Азии и Африки МГУ. М., 2010. Вып. 6. М., 2012. Вып. 7. М., 2015. Вып. 8. М., 2018.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Изучать историю миролюбия, миротворчества!

А.Б. Давидсон

Мы, ныне живущие поколения, и наши отцы, стали очевидцами коренного перелома в истории человечества. Ведь до сих пор вся всемирная история была связана с крупными войнами, да и вообще нередко воспринималась как история войн. Вспомните школьные и университетские учебники, по которым мы учились, — они полны войн.

А теперь? Как быть теперь? Ведь с появлением термоядерного оружия Третья мировая война, если она произойдет, может стать концом существования человечества.

В какой-то мере понимание этой угрозы есть. Ведь в Европе Первую мировую войну от Второй отделяли всего два десятилетия. После Второй прошло уже много лет, а Третьей все еще пока нет.

И сколько создано миротворческих организаций. И региональных, и претендующих на деятельность во всем мире¹. Они, как правило, возникали в системе ООН или были связаны с ней². «На практике, — считают специалисты, — ООН проявляет себя не всегда необходимым и почти всегда недостаточно влиятельным субъектом миротворческого процесса»³. И правда, к сожалению, миротворческие организации ООН не играли решающей роли в крупнейших конфликтах последних десятилетий.

¹ *Макаров М.В.* Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. М., 2007.

² *Заемский В.Ф.* ООН и миротворчество. М., 2008.

³ *Никитин А.И.* Миротворческие операции: концепции и практика. М., 2000. С. 22.

Так что угроза крупных конфликтов пока еще отнюдь не вполне осознана. Всего два десятилетия назад война в Конго и вокруг Конго стоила жизни примерно пяти миллионам человек. В Африке ее называют Третьей мировой. Но мир ее почти не заметил.

Да что греха таить — сейчас начинается гонка вооружений, новая холодная война. И, увы, нет никакой гарантии, что она из холодной не превратится в горячую.

Новые конфликты вспыхивают то там, то здесь. В Сирии они уже привели к гибели огромного числа людей и бегству миллионов. И конца края этому пока не видно.

Не хотелось бы думать, что теперь, впервые, судьба человечества может так зависеть от сумасшедшего поступка какого-нибудь диктатора или группы безответственных террористов, овладевших термоядерным оружием. Но, увы, кто знает. К тому же наша судьба может зависеть и от абсолютных и неприятных случайностей. Но я хотел бы надеяться на то, что она зависит от мудрых государственных деятелей и от столь же мудрой общественности ведущих стран мира.

Ну а мы, историки, можем ли мы влиять на все это? Можем, и еще как! Мы должны напоминать — и общественности и государственным деятелям — важнейший исторический опыт. И позитивный, и негативный. Почему и как удавалось избежать конфликтов. И почему не удавалось.

Нельзя сказать, что этот опыт не изучался. Многое было написано. Вышла даже книга о далеко не самом кризисном вопросе: о национальном примирении на Мадагаскаре⁴.

Но все же изучению миротворческого опыта уделялось явно недостаточно внимания. Неизмеримо меньше, чем истории войн.

Такой подход отразился и в науке, во всей системе народного образования и в массовой культуре. Да что там — достаточно посмотреть на памятники. Это история войн, генералы, победы — и массовые могилы. В каждой стране: история войн (особенно побед, одержанных этой страной), полководцев, героев этих войн. А где же памятники миротворцам, тем, кто был против войны и даже, пусть и не всегда, умел их избежать? Много ли знаем мы памятников миролюбию, миротворчеству?

⁴ *Имбеки А.* Национальное примирение: сложный случай Мадагаскара. М., 2013.

* * *

Но как бы ни сложна была ситуация семьдесят лет после Второй мировой войны, в самые последние годы она стала еще сложнее. Отходит время, тесно связанное с понятиями «глобализм», «глобализация».

Ослабел «эффeкт послевоенной прививки национальной, этнической, расовой и региональной терпимости», написал А. Минаев. Основная идея его статьи звучит в ее заголовке: «Наш дом — весь мир? Или только дом?». И в подзаголовке: «Миграция и порожденный ею рост национализма раскололи Европу»⁵.

Трудно не согласиться с таким утверждением автора: «В Старой Европе в последнее время укоренились традиции прав человека. Но недавно что-то надломилось в сознании и настроениях». И «национализм и ксенофобия смешались с экономическим и социальным недовольством в гремучий коктейль».

Этот процесс проявился не только в Европе, но и в США, да и в других странах.

«Поиск компромиссов — это лучшая основа для согласия и сотрудничества, — считает Путин. — Именно такой подход востребован в мире сегодня». Так он написал в книге соблезнований посольства Южно-Африканской Республики, прийдя туда в декабре 2013 года в связи со смертью Нельсона Манделы, которого Путин назвал «мужественным, мудрым человеком». Но, как мы видим, компромиссы пока не заняли должного места в современных международных отношениях. Запад считает, что у него нет серьезной роли и в российской внешней политике.

Это неизбежно сказывается на миролюбии и миротворчестве, стало препятствием на их пути. Последние события пока еще не подверглись исследованию в крупных трудах отечественных ученых, во всяком случае, я таких трудов не видел. Но в печати эти явления обсуждаются.

Известный публицист Леонид Млечин называет их контрреволюцией. «Контрреволюция шагает по Европе: ультраправые и национал-патриоты одерживают победу за победой». И национализм, который в каждой стране стремятся называть патриотизмом, довлеет не только над общечеловеческими проблемами, но даже над подходом к экономике. «Развитие экономики мало волнует национал-популистов». Главное для них — воспитать подрастающие поколения так, чтобы они неизменно гордились своей

⁵ Минаев А. // Новая газета, 19.XII.2018.

историей, а не осмысливали ее. А это неизбежно приводит к искажению подлинного прошлого.

В Польше сейчас принят уникальный закон, который, угрожая тюремным сроком, определяет, что можно говорить о прошлом, а чего нельзя. Этот закон позволит в судебном порядке наказывать тех, кто обвинит поляков в пособничестве нацистам в годы Второй мировой или назовет их «соучастниками уничтожения евреев».

Млечин приводит пример: в июле 1941 года в одной из деревень Белостокской области «поляки по собственной инициативе — без немцев! — убили несколько сот евреев, сожгли заживо в овине. В 2001 году тогдашний президент Польши Александр Квасьневский извинился перед еврейским народом за это преступление. Если бы он сказал что-то подобное сейчас, то по новому закону, принятому в Польше, ему мог грозить тюремный срок»⁶.

* * *

Конечно, рост национализма в странах Европы связан с притоком иммигрантов из стран «третьего мира». Но ведь этот приток неизбежен. Численность европейцев несоизмерима с численностью азиатов, африканцев, латиноамериканцев — и к тому же она уменьшается, рождаемость у коренных европейцев падает.

И все мы, к каким бы расам и нациям ни принадлежали, будем жить вместе, рядом друг с другом.

Так что любые меры ограничения иммиграции могут действовать лишь на краткий срок. На долгий — все равно иммиграция будет расти.

Надо думать не о том, как европейским странам обнести себя стенами или построить огромную стену между Соединенными Штатами и Мексикой. Надо думать о том, как жить в условиях, когда неизбежна иммиграция и когда люди разных рас будут жить бок о бок друг с другом. Этот процесс уже идет, но он будет только убыстряться при наших внуках, правнуках...

Как тут избежать столкновений — межнациональных, межрасовых, межгосударственных?

Тут и нужны историки. Они должны убедительно показать, как удавалось избежать распрей. И почему их не удавалось избежать.

⁶ Новая газета. — 08.04.2018.

Историки же, увы, до сих пор уделяли миротворчеству мало внимания. Зато в высказываниях великих мыслителей мы видим многое из того, что особенно важно нам помнить.

Вот один из выводов нашего мудрейшего из мудрых: «Все люди мира имеют одинаковые права на пользование естественными благами мира и одинаковые права на уважение». Да, эта мысль Льва Толстого вряд ли близка националистам где бы то ни было. Но разве можно всерьез и на долгое время решить международный конфликт, если ею пренебречь?

А Достоевский? «Человек, ненавидящий другой народ, не любит и свой собственный».

И разве эти мысли — только у нас? «Наша истинная национальность — человек». Так утверждал Герберт Уэллс. В Британии же родилось и очень верное: «История учит, что войны создают больше проблем, чем решают». И грустная ирония: «Нация есть сообщество людей, которых объединяют иллюзии об общих предках и общая ненависть к соседям».

А слова Махатмы Ганди: «Око за око — и мир ослепнет»?

Не стоит ли помнить все эти высказывания тем политикам, которые уверены, что на недружелюбный или глупый поступок соседа надо немедленно ответить таким же? И историкам, которые изучают историю войн, но не то, как их избежать?

Да, проблемы миролюбия и миротворчества становятся сейчас столь жизненно важными, и на пути их решения так много старых и новых препятствий, что в подходе к ним просто необходимо опираться на опыт общечеловеческой мудрости.

Мы, в Отделе истории Африки, стараемся говорить о разных аспектах этой темы, особенно в Африке — ведь именно там в последние десятилетия происходили самые кровавые конфликты. И самое главное — привлечь внимание к опыту миролюбия и миротворчества. Опыту, который становится все важнее для нашего всеобщего будущего, но изучается пока еще явно недостаточно.

МИРОТВОРЧЕСТВО В ИСТОРИИ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Воинские традиции и миротворчество
в истории Эфиопии XIX – начала XX вв.

Г.В Цыпкин.

Пожалуй, Эфиопия не самая показательная страна для раскрытия темы «Миролюбие и миротворчество в истории Африки». Особенности политического развития этой страны, частые войны, которые она вела на протяжении многих веков, замедленность процесса социально-экономического развития, живучесть традиций – все это способствовало закреплению военно-организационных основ эфиопской государственности. Осознание себя «островком христианской веры в море язычества» постоянно побуждало жителей страны находиться в боевой готовности и с молодых ногтей быть готовыми для защиты рубежей своей страны. Большой отпечаток на общественное сознание оказали и многочисленные феодальные междоусобицы – постоянный спутник Эфиопии в период феодальной раздробленности. Как отмечалось в одной из эфиопских хроник, «Наша история состоит из постоянно повторяющихся событий: один феодал шел войной на другого, оставляя за собой сожженные деревни и вытопанные поля». В случае необходимости каждый феодал собирал под свое начало вооруженный отряд, каждый из обязанных ему крестьян, взяв в руки копьё или меч, следовал за своим хозяином. Практически вся страна в такие периоды представляла собой как бы огромный военный лагерь, где каждому, в зависимости от места, занимаемого в феодальной иерархии, отводилась и соответствующая военная роль.

Военный элемент в жизни эфиопского общества неизменно производил большое впечатление на европейцев, посещавших эту страну. Одна из лучших зарисовок этой стороны жизни эфиопского общества содержится в книге Константина Арнольди, поручика

лейб-гвардии Измайловского полка, входившего в состав первой русской дипломатической миссии в Аддис-Абебе.

«Если вы, — пишет он, — проезжая по мирному абиссинскому городу, будете присматриваться к идущим вам навстречу людям, то увидите, что добрых три четверти из них вооружены. Одни опоясаны кривыми обоюдоострыми саблями или длинными прямыми мечами в ножнах... другие несут на плечах легкие копья... у третьих, наконец, висят на поясе закрученные кинжалы и ножи. Даже те, кто не несут никакого оружия, зачастую опоясаны широкими патронташами... Если затем вы выедете из города и направитесь по большой торговой дороге, вам легко будет заметить, что все без исключения идущие или едущие люди вооружены или холодным, или огнестрельным оружием, а некоторые и тем и другим. Кто бы ни был попавшийся вам навстречу путник: купец или солдат, вельможа или крестьянин, будь он верхом или пешком, вы всегда увидите при нем его саблю, ружье, копье или револьвер... все до одного, будь то согбенный старик или пятнадцатилетний мальчик, вооружены так или иначе.

Зайдите в один из этих круглых домов с конической соломенной крышей, из которых состоят абиссинские города и деревни. Как бы ни был убог его внутренний вид, как бы ни был беден его хозяин, вы увидите висящую на стене, под закопченной крышей, саблю и щит или прислоненное к стене ружье...

Ступайте на базар, находящийся в одном из этих соломенных городов. Вы непременно увидите типичную сухую фигуру ашкера с винтовкой, закинутой на плечо на погонном ремне, внимательно пробующего пальцем железо лезвия или торгующегося до седьмого пота из-за лишней соли, которую, по его мнению, торговец берет за патронташ.

Обратите внимание на караваны, попадающиеся вам по пути... Вперемешку с мулами идут люди — ашкеры или рабы, — несущие по пять-шесть связанных винтовок. Это типичная абиссинская картина. Обыкновенно такой караван направляется к кому-нибудь из расов или других владельцев, имеющих собственное войско...

Вам попадается навстречу нищий, и первое, что он просит у вас, это не деньги и не кусок хлеба, а патрон. Деньги от него могут не принять, а патрон примут всегда и везде...»¹

¹ Арнольди К. Военные очерки Абиссинии. СПб., 1907. С. 3—5.

Обобщая свои эфиопские наблюдения, К. Арнольди делает вывод, что «абиссинский народ представляет собой типичное и редкое в наше время явление вооруженного народа – народа-воина»². Аналогичную мысль высказывает и другой русский офицер А.К. Булатович: «Абиссинское войско и есть абиссинский народ с его отличительными чертами – самостоятельностью и критическим отношением ко всему»³.

Что же лежало в основе этого феномена, чем можно объяснить примат военного элемента в жизни эфиопского общества, чем, по словам того же К. Арнольди, «обуславливается это всеобщее вооружение и военно-походная складка абиссинской жизни?»⁴

Как уже отмечалось, объяснение, видимо, следует искать в особенностях исторического развития страны, отложивших отпечаток на психологические особенности эфиопов. «Бурные события, не прерывавшиеся почти ни на один день в течение нескольких столетий, приучили население не расставаться с оружием, они сделали меч и ружье в стране негусов обиходной вещью. Можно без преувеличения сказать, что каждый абиссинец появляется на этом свете с прирожденной страстью к оружию и с гордостью носит его, потому что и отец его, и дед, и прадед всю жизнь не расставались со своим. Это же вечно боевое положение послужило причиной того, что в Абиссинии возникла совершенно самобытная, имеющая связь с народом армия, проникнутая прекрасными боевыми традициями и практически выработавшая отличные боевые приемы»⁵.

В системе ценностей эфиопского традиционного общества, являвшегося по своему характеру военно-феодальным, военная служба занимала одно из первых мест. Вся система воспитания эфиопского мальчика была ориентирована прежде всего на подготовку воина. Можно вспомнить, что по традиции новорожденному младенцу вставляли в рот наконечник копья, полагая, что это действие будет способствовать его воинским качествам. В целом, вся система воспитания мальчиков была ориентирована прежде всего на подготовку воина. С младых ногтей мальчики-эфиопы формировались в духовной атмосфере общества, где военная служба являлась самым почетным занятием. Следует добавить, что

² Арнольди К. Указ. соч. С. 7.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. 45. Д. 33. Л. 64.

⁴ Арнольди К. Указ. соч. С. 7.

⁵ Там же. С. 7–8.

лишь в армии существовал социальный лифт. Самый захудалый селянин, опоясавшись кривой саблей гураде и взяв в руки копье, вставал на путь, ведущий к возможной удаче и благосостоянию. «Простой воин, — отмечал проживший в Эфиопии несколько лет англичанин У. Плоуден, — известный своей отвагой, пользуется повсеместным уважением. Ему льстят и угождают многие из вождей, которые стремятся заполучить его услуги, его имя упоминается в песнях, и сам он не без основания считает себя равным самым известным в стране»⁶.

Можно в этой связи вспомнить, что император Теводрос II (1818—1868) начинал свой путь к верховной власти будучи предводителем одной из вооруженных банд шифта, людей, промышленявших разбоем на дорогах.

Высокий боевой дух эфиопского воина, который отмечался многими европейскими современниками, объяснялся прежде всего тем местом, которое занимала в системе его ценностей война. «Выросшие в стране, где гром войны или междоусобиц не прекращается почти ни на минуту, где звание солдата высоко и почетно не на одних только словах, и где люди лишь благодаря войне достигают почестей и материального довольства, они смотрят на нее как на явление вполне нормальное, даже желательное. Только в походе солдат может вволю пограбить крепостного галласа и добыть из его хижины все, что ему нужно, только в сражении, победив врага, он может захватить его скот и имущество и взять в плен его семью, которая потом всю жизнь будет работать на него»⁷.

Крики, которые издает в бою эфиопский воин, представляют собой часть своеобразного традиционного аутотренинга, так называемой фуккэра, при помощи которой идущий в бой самовосхвалением доводил себя до такого психологического состояния, когда у него умножались решительность и силы. Ближайшим аналогом могут служить берсерки, воины-викинги, которых в сражении порой охватывало безумное опьянение убийством. Упоминание одной из таких фуккэра содержится у А.К. Булатовича: «В бою абиссинцы подбадривают себя целыми речитативами, которые они выкрикивают хриплым, визгливым голосом с пеной у рта: «Коретча Фарда! Аба Санчайо! Энье Зараф! Энье Гедай! Энье Яба Данья Лидж! Анчи ман нэш? Энье Яба Данья ашкер! Энье

⁶ Цит. По: М. Perham. The Government of Ethiopia. London: Faber & Faber, 1969. P. 164.

⁷ Арнольди К. Указ. соч. С. 109.

Габбро Мариам!» В переводе это будет: «Лошадь героя! Я разбойник! Я убийца! Я дитя Аба Даньи — Отца Судьи (кличка лошади Менелика). Ты кто такая? Я слуга Аба Данья! Я Габро Мариам (его, положим, собственное имя)»⁸.

Фуккэра не единственный специфический элемент военной культуры традиционной эфиопской армии. На протяжении многих веков сохранялся такой варварский военный обычай, как кастрация пленных. «Этот обычай, происхождение которого теряется во тьме веков, — пишет К. Арнольди, — настолько въелся в плоть и кровь абиссинцев, что убить врага считается недостаточным, надо принести, как доказательство убийства, кровавый трофей... Нередко бывает, что эту дикую операцию проделывают и над живым врагом»⁹.

Трудно объяснить, что лежало в основе этого древнего военного обычая. При этом следует отметить, что в XIX веке обычай этот, своеобразный атавизм прошлого, был скорее исключением, а не правилом. Упоминания о нем не содержится даже в тех работах европейских авторов, которые написаны явно с эфиопофобских позиций. Вместе с тем, большее распространение получил другой не менее жестокий обычай, заключающийся в ампутации у военнопленных правой кисти и левой ступни. Такой операции, о чем свидетельствуют фотографии того времени, подверглись некоторые темнокожие эритрейцы, служившие в итальянских войсках во время итало-эфиопской войны 1895—1896 гг.

Исходя из выше приведенного, представляется проблемным определить место Эфиопии в парадигме миролюбия и миротворчества. И все же в истории страны можно обнаружить факты, свидетельствующие, что в конкретных исторических условиях кнут, в отличие от пряника, не всегда был главным методом решения политических проблем.

Примером, в частности, может служить политика правителя области Шоа, будущего императора Эфиопии Менелика. В стремлении укрепить позиции своего домена в борьбе за гегемонию на общеэфиопской политической арене Менелик предпринял ряд походов по присоединению к Шоа приграничных областей. Известно, что во многих случаях шоанский ныгус предлагал противникам мирное подчинение на условиях своего рода автономии.

⁸ Булатович А.К. С войсками Менелика II. Под редакцией, с предисловием и примечаниями И.С. Кацнельсона. М., 1971. С. 118.

⁹ Арнольди К. Указ. соч. С. 133—134.

Примером может служить судьба Джиммы, торгового султаната на юге страны, известного своими невольничьими рынками. Перед вторжением на территорию султаната в 1882 году Менелик предложил правителю Джиммы Абба Джифару в обмен на добровольное подчинение своей власти сохранить за султанатом автономию, а за султаном – все права местного управления. Понимая бессмысленность сопротивления вследствие неравенства сил, Абба Джифар принял предложение Менелика. Джимма осталась автономной, обязавшись выплачивать ежегодную дань и помогать в завоевании соседних областей.

Судя по всему, это был единственный случай добровольного присоединения к Шоа. Во всех других случаях, при отказе местных властей идти на компромисс все решала военная сила. В отличие от Джиммы, сохранившей самоуправление, захваченные земли были розданы шоанским воинам, превратившим местное население в полукрепостных, что было основой традиционной системы гэббар.

Пожалуй, единственным исключением был захват Харэра, богатого торгового центра на юго-востоке современной Эфиопии, через который шли закупки огнестрельного оружия для шоанской армии. По мнению эфиопских историков, вплоть до XVI века, до войны с армией эмирата Адал, Харэр входил в состав эфиопской империи.

Как и в случае с Джиммой, купеческий Харэр привлекал Менелика торговым характером экономики. Нарушение хозяйственной жизни города и деятельности его торговой общины не входило в его планы. Поэтому вторжению шоанских войск в Харэр предшествовало обращение Менелика к правителю города, в котором говорилось: «Я пришел вернуть себе свою страну, а не разрушать ее. Если ты подчинишься, если станешь моим вассалом, я не лишу тебя права управлять страной. Подумай об этом, чтобы не пожалеть потом»¹⁰.

Эмир не принял предложения Менелика, и судьбу Харэра решило оружие – харэрцы были наголову разбиты в битве при Челенко 6 января 1887 года. Эмир бежал в соседнюю Джиджигу, Харэр стал частью Шоа.

Впервые, пожалуй, в истории шоанских завоеваний дело обошлось без массовых грабежей. Эфиопский историк объясняет

¹⁰ *Guebre Selassie*. Chryronique du regne de Menelik II, roi des rois d Ethiopie. T.1. Paris: Maisonneuve frères, 1930–1931. P. 238.

это обстоятельство, как и довольно гуманное отношение победителей к жителям Харэра, необходимостью создать стабильный форпост вблизи европейских колоний на красноморском побережье и желанием Менелика выглядеть «цивилизованным» в глазах европейских держав. Именно Харэр избрали местом пребывания многие европейские торговцы оружием, в том числе и известный французский поэт Артюр Рембо.

Взятием Харэра руководил ближайший сподвижник Менелика, его двоюродный брат Мэконнын, отец будущего императора Хайле Селассие. Будучи назначенным губернатором Харэра, он прославился своей веротерпимостью, привлекая мусульманских старейшин к управлению городом. При нем строились не только христианские храмы, но и мечети.

Особого упоминания заслуживает эпизод итало-эфиопской войны 1895—1896 гг., вызвавший резонанс во многих зарубежных странах. Сама война состояла из трех сражений: при Амба-Алаге, Мэкэле и Адуа. После победы при Амба-Алаге эфиопские войска вышли к крепости Мэкэле, где засел итальянский гарнизон численностью в полторы тысячи человек под командованием майора Галлиано.

С военно-инженерной точки зрения форт Мэкэле представлял собой неприступное сооружение, особенно в условиях войны с эфиопской армией, слабым местом которой было неумение штурмовать крепости и другие хорошо укрепленные позиции. Форт был обнесен валом, обложенный валунами и окруженный рвом. Высота бруствера достигала трех-четырёх метров и не допускала лобовой атаки. Наиболее уязвимым местом было отсутствие источника или колодца на территории укрепления.

Вплоть до подхода основных войск боевые действия эфиопской стороны ограничивались небольшими стычками. 8 января 1896 года эфиопская армия предприняла попытку взять крепость массированным штурмом, но безуспешно. Малокалиберные артиллерийские орудия эфиопов не могли существенно помочь при штурме.

Ворваться в крепость не удалось, зато полным успехом завершилась попытка отрезать итальянцев от источника воды в 400 метрах от осажденных. В течение последующих дней эфиопы предприняли новые попытки овладеть крепостью, которые были отбиты с большими потерями для них.

В этой ситуации эфиопское командование приняло решение прекратить атаки и перейти к блокаде крепости, рассчитывая, что нехватка воды вынудит итальянский гарнизон сдаться.

Положение итальянцев ухудшалось с каждым днем. Стремясь сократить расход воды, они выгнали из крепости всех имевшихся там животных, что пополнило припасы эфиопской армии.

В сложившейся ситуации у итальянского командования было два выхода: либо бросить все имеющиеся силы на освобождение гарнизона, что означало бы вступление в генеральное сражение со всей императорской армией, занявшей удобные позиции, либо с целью освобождения блокированного гарнизона вступить в переговоры с императором Менеликом. В результате проведенных через посредника переговоров было достигнуто соглашение об освобождении осажденных в Мэкдэле солдат, которым было разрешено воссоединиться с основными силами итальянской армии. Имеются сведения, что это стоило итальянской стороне 5 млн. франков или 2 млн. талеров Марии-Терезии. Факт выкупа подтверждается и тем обстоятельством, что, дав согласие на уход итальянского гарнизона, император оставил в качестве заложников девять офицеров, освобожденных после получения второй половины суммы выкупа¹¹.

Помимо финансовых, освобождение итальянского гарнизона принесло и политические дивиденды. Пресса многих европейских стран, на страницах которых периодически опубликовывались сообщения с итало-эфиопского театра боевых действий, отозвались на это событие хвалебными комментариями. Вот так закладывались первые камни в тот пьедестал популярности в Европе, на котором император Менелик оказался через несколько месяцев, завершив разгром итальянской армии в битве при Адуа. «Поздравляя абиссинцев с достигнутыми ими новыми успехами, — писали, в частности, «Биржевые ведомости», — нельзя не выразить одобрения по поводу того политического такта и человеколюбия, которые они проявили, отпуская итальянский гарнизон восвояси при возможно менее унижительной обстановке»¹².

Действия эфиопского командования заслуживали такого панегирика. Итальянцам были возвращены вьючные животные и даже патроны, чтобы иметь возможность защищаться в случае нападения со стороны рыскающих банд шифта. Более того, поскольку гарнизону «приходилось идти на соединение с войсками Баратьери в течение четырех переходов через страну, в которой поголовно

¹¹ *Елец Ю.* Император Менелик и война его с Италией. По дневникам и походным документам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898. С. 177—178.

¹² «Биржевые ведомости». СПб, 21.01.1896.

восстало население, Менелик приказал войскам раса Мэконнына довести до назначенного пункта и охранять во все время пути батальон Галлиано, который со своими офицерами обязался честным словом не поднимать более оружия против Менелика. Таким образом, явилась еще никогда не виданная в военной истории картина, когда одна воюющая сторона охраняла другую»¹³.

Кстати, никто из итальянских офицеров не считал нужным сдерживать слово, данное «дикарям», и тот же майор Галлиано, командир освобожденного батальона, вскоре погиб в битве при Адуа.

Обращаясь к более поздним временам, в частности, ко второй итало-эфиопской войне 1935–1941 гг., стоит отметить терпимость эфиопского населения страны к итальянским военнопленным. В основном они использовались для строительства дорог в разных частях страны. Некоторые из них приняли решение не возвращаться на родину. Одной из причин были браки, заключенные между итальянскими военнослужащими и эфиопками. В Эфиопии, как и в Эритрее, существовало несколько форм брака: церковный, гражданский и брак на определенный период времени согласно заключенному между обеими сторонами контракту. Известный под названием бэдэмоз (дэмоз в переводе с амхарского языка означает «зарплата»), такой брак был идеален для любвеобильного итальянца, оторванного от женского общества. Согласно традиции, мужчина в таком браке был обязан обеспечить свою временную жену жильем, мебелью, продовольствием и определенной суммой денег. Самым важным было то обстоятельство, что дети, рожденные в этом браке, считались законными. Более того, поскольку, согласно итальянскому законодательству, дети от смешанных браков имели право на итальянское гражданство, часть их отправлялась на учебу в школы и университеты Италии, получая финансовую поддержку от своих белых отцов.

Особенности политического развития Эфиопии, частые войны, которые страна вела на протяжении многих веков, замедленность ее социально-экономического развития, живучесть традиций, частые феодальные междоусобицы, осознание себя «островком христианской веры в море язычества» — все эти факторы постоянно побуждали население страны находиться в боевой готовности и быстро сменить плуг на копье и саблю. Все перечисленное мало способствовало появлению таких явлений, как миротворчество и миролюбие.

¹³ *Елец Ю.* Император Менелик и война его с Италией... С. 177–178.

И все же в истории этой страны можно выделить, хотя немногочисленные, эпизоды, когда вместо кровопролития использовались относительно мирные методы решения военных проблем. Наиболее ярким примером может служить один из эпизодов итало-эфиопской войны 1895—1896 гг., когда по договоренности враждующих сторон и за солидный денежный выкуп был с миром выпущен итальянский гарнизон, окруженный в крепости города Макэле. Европейская, в том числе и русская пресса, отметили «политический такт и человеколюбие», которые проявила в этой ситуации Эфиопия.

Кабака Мутеса II как фактор умиротворения в Уганде в 1950-е – 1970-е гг.: институт или личность?

А.С. Балезин

Миротворчество в Африке бывает разное. Сила традиционной власти могла и может использоваться в самых разных целях и разных контекстах. Один из примеров тому – деятельность кабаки Буганды Мутесы Второго (1923–1969).

Буганда – государство в Восточноафриканском Межозерье, сформировавшееся к XVI веку, вошедшее в состав и давшее название британскому протекторату Уганда. Кабака – титул наследственного верховного правителя Буганды, обладавшего в доколониальный период практически абсолютной властью в государстве. В годы британского протектората кабаки Буганды стали частью «туземной администрации», полномочия их были ограничены англо-бугандийским соглашением 1900 года – документом, регламентировавшим политическую систему протектората следующие 55 лет.

Юный правитель. Первые опыты миротворчества

Мутеса II, сын кабаки Дауди Чва, родился в Кампале 19 ноября 1924 года в доме миссионера и врача Альберта Кука. При крещении он получил имена Эдуард Уильям Дэвид Фредерик. В возрасте пяти лет его отправили в самое привилегированное учебное заведение Уганды – Королевский колледж Будо, дававший неполное среднее образование. Там он изучал английский, Священное Писание, историю (в основном историю Англии) и математику. Будущий кабака не был хорошим учеником, зато много и охотно играл в травяной хоккей, теннис, крикет и футбол, с удовольствием плавал. В раннем возрасте начал покуривать и пробовать спиртное.

22 ноября 1930 года было объявлено о смерти его отца, который в свое время с горечью заметил: «Мои подданные все больше начинают смотреть на меня как на одного из служащих британ-

ской администрации на жалованьи. И это потому, что я не обладаю никакой реальной властью над своим народом»¹.

Три министра «туземного» правительства Буганды должны были выбрать нового кабаку и остановили свой выбор на юном Фредерике. Видимо, тут сыграло роль и миссионерское образование, и не в последнюю очередь контакты с аристократией Буганды. За три дня до этого новому кабаке исполнилось 15 лет, и поэтому, как когда-то при его малолетнем отце, были назначены три регента. Их функции, как и прежде, выполняли министры.

Церемония вступления на престол нового кабаки была упрощена. Знаки власти ему вручали, поставив, а не посадив его на трон. Его одели в два куска луба, леопардовую шкуру, дали щит и стрелы. Он ударил в королевский барабан.

После изнурительной двухдневной церемонии юноша вернулся в Будо. Теперь уже он назывался кабака Эдуард Фредерик Мутеса II.

Политикой Мутеса практически не интересовался, отдав все дела в руки регентов. Но в 1941 году возникла проблема, требовавшая личного вмешательства Мутесы. Намасоле (королева-мать) решила в нарушение традиций вторично выйти замуж, да еще за человека из неаристократического рода. Катикиро (первый министр) Нсибирва дал свое согласие на этот брак, хотя весь люкико (совет бугандийской знати) высказался категорически против. Назревал серьезный конфликт. Окончательное слово, опять же по традиции, оставалось за кабакой, и он разрешил матери вторичное замужество. Так Мутеса впервые выступил в роли миротворца, причем руководствовался не местной, а английской традицией.

Прошел еще год, и Мутеса достиг совершеннолетия. Теперь он мог пройти церемонию коронации, причем традиционные ритуалы были переплетены с христианскими обрядами — богослужениями в протестантском соборе в Кампале и церкви при колледже Будо, возложение на голову короны епископом Стюартом. В ходе коронационных церемоний по традиции была избрана лубуга — ритуальная сестра кабаки, сводная, поскольку родных братьев и сестер у него не было. Ее звали Алиса, она была старше Мутесы на десять лет и оказывала влияние на своего брата. По поводу переплетения традиционной и христианской процедур в коронации удачно сязвил Хам Мукаса, один из столпов протестантской

¹ Цит. по: *Kabwegyere T. The Politics of State Formation. The Nature and Effects of Colonialism in Uganda. Nairobi, 1974. P. 85–86.*

церкви в Буганде. Он сказал, что у кабаки не должно быть сводных братьев — в настоящей языческой семье по традиции братьев к моменту коронации убили бы, а в подлинно христианской — они не родились бы вообще из-за запрета на многоженство².

Став коронованным кабакой, Мутеса одновременно стал и студентом колледжа Макерере. Три дня в неделю он проводил во дворце, а другие три — в колледже. Предполагалось, что кабака будет изучать медицину, ветеринарию и сельское хозяйство, но он отдавал предпочтение истории. В основном же он по-прежнему играл в футбол, а то немногое время, которое проводил в аудиториях, иногда заканчивалось быстрее, чем звенел звонок.

Тем временем обстановка в Буганде постепенно накалялась. В январе 1945 года вспыхнули волнения. Демократические круги требовали выборности части членов люкико, впервые бастовали рабочие — требовали улучшения условий труда, волновалось крестьянство, выступавшее за повышение закупочных цен на хлопок и другие продукты сельского хозяйства. Общим требованием стала отставка министра финансов С. Кулубьи. От «туземного» правительства Буганды потребовались твердые решения.

Сначала Мутеса пытался уклониться от решения конфликта: он послал вместо себя на переговоры с забастовщиками лубугу Алису. Ее неуспех заставил его все же прервать охоту и провести переговоры с недовольными. Они закончились тем, что кабака вручил переговорщикам письменный ответ следующего содержания: «Что касается дел, о которых вы мне говорили, то они определены Соглашением 1900 года. Моим личным долгом является соблюдение Соглашения, и я верю, что вы также одобряете Соглашение... Скажите вашим людям, чтобы они вернулись домой»³.

Британские власти арестовали в общей сложности 1724 недовольных⁴, однако участники протестных выступлений в конце концов добились удовлетворения части своих требований: выборности членов люкико и вождей, а также отставки Кулубьи.

Напряжённость в Буганде разрядилась. При этом кабака, несмотря на первоначальный отказ удовлетворить требования недовольных, в итоге и в этот раз выступил в их глазах миротворцем. Ведь репрессии проводились британскими властями,

² Подробнее см.: *Балезин А.С.* У Великих Африканских озер. Монархи и президенты Уганды. М., 1989. С. 122.

³ *The Mind of Buganda. Documents of the Modern History of an African Kingdom.* Ed. by *D.A. Low.* Berkeley; London, 1971. P. 141.

⁴ *Apter D.* *The Political Kingdom in Uganda.* Princeton, 1967. P. 260.

а реформы — смена министров, выборность части люкико и вождей — именем кабаки.

Неудавшаяся попытка умиротворения: волнения 1949 года

24 сентября 1945 года кабака отправился продолжать свое образование в Кембридж, где прожил три года. Из всех занятий предпочтение, как и прежде, Мутеса отдавал спортивным играм. Он становится завсегдатаем привилегированных клубов, и его однокашники впервые начинают звать его Фредди — впоследствии он и войдет в историю как «король Фредди».

В годы учебы в Кембридже кабака стал носить военную форму, сразу же по прибытии туда начал проходить курс офицерской подготовки. В это время его официальной невестой была провозглашена Дамали Кисосонколе. Она была также отправлена в Англию, чтобы «набраться хороших манер».

В июне 1948 года он окончил курс в Кембридже, пройдя за третий год обучения курс основ колониальной администрации. После этого получил звание капитана британской гвардии. Получив чин досрочно, Фредди продолжил армейскую службу: участвовал в парадах, разъезжал на своем автомобиле по округе, привилегированным клубам.

8 октября 1948 года кабака вернулся в Уганду. Возвращение было обставлено с большой помпой. Путь из аэропорта до дворца был украшен банановыми листьями и приветственными надписями. По прибытии состоялась сначала торжественная церковная служба, а затем церемония принятия отставки трех своих регентов. С этого момента в двадцать четыре года он формально становится полноправным кабакой «туземного правительства Королевства Буганда». Затем была пышная свадьба. Подданных, желающих поприветствовать кабаку, собралось так много, что машина с молодыми с трудом пробиралась сквозь толпу.

Мутеса II поселился в малом дворце. Здесь он жил и принимал посетителей, хотя официальный приемный зал находился в большом дворце. Распорядок дня во дворце был такой: кабака вставал в десять утра и ложился в два-три часа ночи.

Мутеса много ездил по стране на автомобиле — посещал школы, больницы. Он «инспектировал» эти учреждения — по шпаргалкам, полученным от соответствующего министра. «Инспектируя» тюрьмы, он мог освободить кого-нибудь из заключенных, поскольку обладал правом верховного судьи в Буганде.

В государственных делах его роль часто сводилась к тому, чтобы убедить люкико принять рекомендации губернатора Дж. Холла — губернатор с ним сблизился, они часто играли в теннис.

Но иногда он был вынужден занять определенную позицию по какому-либо вопросу и всерьез участвовать в политических делах. Так случилось весной 1949 года, когда в Уганде вновь вспыхнули волнения, и опять центром их стала Буганда — ядро формирования политических партий. Первая из них, партия Батака, была организована в 1946 году. Весной 1949 года она возглавила выступления народных масс, требовавших, в частности, выборности 60 членов люкико и права самим обрабатывать хлопок, сбыт и обработка которого были монополизированы колониальными властями. На улицах возникали стычки, Кампала пришла в волнение. Поскольку люкико отказывался удовлетворить требования протестующих, их последним шансом стал кабака. Толпа в несколько тысяч человек двинулась ко дворцу. Кабака понял, что избежать разговора не удастся, но заявил, что примет не всех, а только восемь человек. Начались препирательства — послали двенадцать, кабака сказал, что будет разговаривать с восьмерыми. Послали десять, кабака принял восьмерых. Он защищал интересы крупных землевладельцев — бугандийских аристократов — и потому не удовлетворил, да и не хотел удовлетворить требований недовольных, так как речь шла о демократизации жизни Буганды, к чему он не был склонен. Сохранилась стенограмма его беседы с представителями партии батака. Вот выдержки из нее:

Его Высочество: Я внимательно выслушал ваши аргументы. Скажите мне, кто из вас одобряет Соглашение 1900 года?

Ответ: Мы все одобряем.

Его Высочество: Ваши первые три вопроса касаются Соглашения 1900 года. В своей последней речи в люкико я разъяснил вопрос о количестве неофициальных (выборных, которые не входят в люкико по должности, занимаемой в «туземной» администрации. — *А.Б.*) представителей.

Ответ: Неофициальные представители нам этого не передали, иначе мы не пришли бы сюда сегодня.

Его Высочество: Представителей выбираете Вы. Вы и должны спрашивать их о подобных вещах...

Ответ: Люди пришли сюда и хотят знать, какой ответ Вы нам дадите. Мы сможем передать им его прямо сейчас.

Его Высочество: Вы что, хотите, чтобы я дал Вам ответ прямо сейчас? Нет, по вопросам сельского хозяйства я сначала спрошу

мнение у моих советников... Идите и скажите вашим людям, чтобы они разошлись по домам⁵.

Таким образом, кабака избежал прямых ответов, сославшись на Соглашение 1900 года. Требования восставших не были удовлетворены, кроме назначения новых министров. Катикиро стал Пауло Кавума, оставивший нам в своих мемуарах подробности кризиса 1953–1955 гг.⁶

События 1949 года уменьшили симпатии баганда к своему кабаке и их веру в него как в опору и защитника народа. Этому способствовал скандал с прелюбодеянием Мутесы с чужой женой, получивший широкую огласку. Подданные в массе своей осуждали поведение Мутесы, кое-кто поговаривал даже, что он недостоин быть кабакой.

Таким образом, во второй попытке миротворчества кабака выступил с позиций традиционализма и в значительной мере утратил авторитет среди подданных.

Кабака – символ антибританского протеста:
бугандийский кризис 1953–1955 гг.

17 января 1952 года в Уганду прибыл новый губернатор – сэр Эндрию Коэн. У нового губернатора был план, который не понравился кабаке и его окружению, – он хотел создать унитарный протекторат с единым законодательным советом. Такой совет существовал в Уганде с 1921 года, но на правах совещательного органа, а в Буганде и других «королевствах» все внутренние вопросы решались «туземными» правительствами. Цель реформ сам Коэн позднее определил следующим образом: «участие людей на местах в формировании и проведении политики на всех уровнях и создание репрезентативной системы»⁷.

Однако подобные реформы существенно уменьшили бы прерогативы высшей аристократии Буганды и лично кабаки, поэтому его отношения с новым губернатором быстро испортились.

Этому способствовала и работа специальной британской комиссии, которая рекомендовала увеличить число выборных чле-

⁵ *The Mind of Buganda...* P. 139-141.

⁶ *Kavuma, Paulo. Crisis in Buganda 1953–1955.* London, 1979.

⁷ *Cohen, Sir Andrew. Uganda's Progress and Problems //African Affairs, 1957. Vol. 56, # 236. P. 118.*

нов люкико и расширить функции законодательного совета Уганды. Все это было и осуществлено в марте 1953 года.

Дальше — больше. Вскоре британский министр колоний О. Литтлтон заявил о необходимости федерации трех британских восточноафриканских территорий — Кении, Уганды и Танганьики.

Это заявление стало причиной бугандийского кризиса 1953—1955 гг., главным действующим лицом которого стал кабака Мутеса II. Он понимал, что в случае осуществления плана восточноафриканской федерации возникала угроза самому существованию «туземных правительств королевств» Уганды и прежде всего его собственному положению.

Поэтому Мутеса II сразу же включился в борьбу против этого плана. Он отправился к губернатору и заявил, что обратится с протестом к министру колоний, к чему губернатор отнесся весьма скептически. Мутеса составил письмо Литтлтону, в котором, в частности, говорилось: «Как хорошо известно... Королевство Буганда является государством, находящимся под протекторатом правительства Ее Величества, вышеназванные соглашения были ратифицированы министерством иностранных дел, в юрисдикции которого дела Уганды находились с тех пор, поскольку с самого начала было ясно, что Уганда не может рассматриваться как колония. Но в 1902 году по причинам, непонятным народам Уганды, ее дела были переданы министерству колоний». Здесь же выдвигалось требование вновь передать угандийские дела в юрисдикцию министерства иностранных дел, поскольку Буганда является «договорным государством» (имеется в виду Соглашение 1900 года. — *А.Б.*). Более того, в письме содержалась просьба «подготовить и осуществить план, направленный на достижение нами независимости, по возможности установить для этого короткий срок»⁸. Так, впервые кабака выдвинул требование сепаратного предоставления независимости одной Буганде.

Литтлтон предложил, что лично приедет в Уганду для переговоров, однако Коэн выступил против. Последовала целая серия переговоров между губернатором и кабакой, вылившаяся затем в открытую борьбу. Кабака распорядился не назначать представителей от Буганды в законодательный совет. Более того, он в союзе с тремя другими «королями» (правителями Буньоро, Торо и Анколе) выступил за пересмотр отношений «королевств» с центральным правительством Уганды.

⁸ The Mind of Buganda... P. 164-166.

Тогда губернатор лично вылетел в Лондон и 27 октября 1953 года привез ответ британского правительства, в котором отмечалось необходимость создания унитарной Уганды и отвергались все требования кабаки и люкико. Губернатор настаивал, чтобы кабака зачитал в люкико их совместное заявление, в котором Мутеса снял бы все свои требования. Кабака отказывался. В результате дело дошло до того, что губернатор сказал кабаке: «Если не согласитесь, вам придется уехать». На что Мутеса ответил: «Если кому и придется уехать, так это наверняка вам»⁹.

27 ноября последовал официальный ультиматум губернатора. Кабака заявил, что не может на него ответить, не посоветовавшись с люкико. 30 ноября губернатор вызвал его к себе. Кабака явился в сопровождении трех министров и охранника с ружьем и приказом в случае чего стрелять. У самого кабаки также был с собой пистолет. Но кабака и министры взяли с собой не только оружие, а еще и проект письма и телеграммы на имя министра колоний. Телеграмма — резюме содержания письма — гласила: «Ответил губернатору невозможность поставить подпись без консультации с великим люкико тчк сообщил губернатору подписание сводит нулю мое положение среди народа и противоречит демократическим принципам тчк прошу скорого ответа поскольку сессия люкико скоро = кабака Мутеса»¹⁰.

Кабака вручил губернатору проект письма и телеграммы и попросил отправить их в Лондон. Губернатор отказался это сделать. Тогда кабака предложил, чтобы делегаты подождали в соседней комнате, пока губернатор лучше изучит предложенные документы. Погуляв в саду, кабака и его спутники вернулись в кабинет губернатора, где атмосфера сгустилась еще больше. «Ну, что вы решили?» — спросил губернатор. «Мы не изменили своего мнения и просим вас послать в Лондон нашу телеграмму», — последовал ответ. В воздухе повисла тяжелая пауза. Затем губернатор сказал: «Теперь уже нет времени для таких действий». Он зачитал документ, в котором пункт за пунктом содержались условия о том, что кабака отказывается от всех выдвигавшихся им и люкико требований. После прочтения каждого пункта повторялся один и тот же вопрос губернатора: «Вы согласны с этим пунктом?» — и ответ кабаки: «Нет».

⁹ Withdrawal of Recognition from Kabaka Mutesa II of Buganda. London, HMSO, Cmd. 9028, 1954. P. 9–10.

¹⁰ Withdrawal of Recognition... P. 43.

Когда условия были прочитаны до конца и на все был получен отрицательный ответ, губернатор сказал: «Ну что же, мне очень жаль. С сегодняшнего дня вы больше не кабака Буганды». Эффектным жестом он вытащил из кипы документов на столе и подписал бумагу, в которой Мутеса II лишился полномочий «туземного правителя Королевства Буганда». Кабака передал эту бумагу своему катикиро Кавуме и сказал губернатору: «Пусть это будет на вашей совести». Но сцена на этом не закончилась. Губернатор вышел из комнаты, и тут же через другую дверь в нее вошли два полисмена. Один из них протянул Мутесе новую бумагу: «Ваше Высочество, вот приказ о вашей высылке, и мне приказано осуществить его». Кабака спросил, означает ли это, что он арестован, и получил утвердительный ответ. Полицейская машина, припаркованная рядом с его собственным лимузином, увезла его в аэропорт, где уже ждал наготове военный самолет¹¹.

На следующий день самолет приземлился в Британии. Там Мутесе сообщили, что в Кампале от удара скончалась лубуга Алиса, узнавшая о высылке своего брата.

Новость о высылке кабаки потрясла Буганду. Люди перестали общаться со своими друзьями-европейцами. Кто-то поклялся, что до возвращения кабаки не будет больше бриться. Снова в моду вошла одежда из лубяной материи, первой ее надела жена кабаки. Похороны лубуги Алисы вылились в многотысячную демонстрацию протеста.

Так кабака из малоуважаемого человека (которого все считали недостойным высокого поста), проводившего политику англичан, вдруг превратился в главного борца за идеалы баганда. Причем симпатии народа обеспечивали ему не личные качества, а именно его традиционный статус кабаки как стержня всей жизни Буганды. Катикиро Кавума позднее написал по этому поводу: «Наша критика Его высочества могла быть искренней, но мы никогда бы не смирились с нападками Британского правительства на нашего законного правителя»¹².

Борьба за возвращение кабаки как условие миротворения Буганды

Мутесу устроили в лондонском отеле «Савой». Затем для него были сняты комнаты на Итон-плейс. Ему советовали вернуться

¹¹ *Withdrawal of Recognition...* P. 12-13.

¹² *Kavuma P. Crisis in Buganda...* P. 68.

как частному лицу, и Коэн уже подобрал ему преемника на посту кабаки — Джорджа Маванду, его старшего брата, который, правда, отказался от предложенной «честь». Тогда в Буганде решили на время отсутствия кабаки назначить регентов: губернатор полагал — пока не будет посажен на трон новый кабака, а люкико — пока не вернется Мутеса II. На телеграфный запрос люкико кабаке о регентстве было получено его согласие.

В Буганде развернулась активная борьба за возвращение кабаки. Люкико послал в Лондон специальную делегацию для борьбы за возвращение кабаки, причем к отбору ее членов подходили с особой тщательностью. Далекое не все баганда были уверены, что делегация добьется поставленной цели, на что Кавума отвечал пословицей, соответствующей русской: «Попытка — не пытка»¹³.

Члены делегации в Лондоне активно обрабатывали британское общественное мнение: в многочисленных интервью предсказывали близкое кровопролитие на их родине. В то же время противники кабаки распространяли слухи о его невероятной порочности, пытаясь по-своему настроить общественность. В конце концов делегатам было официально объявлено, что кабака не вернется в Буганду никогда.

Более того, британские власти попытались купить кабаку: ему предложили пенсию, намного превышавшую его жалование как кабаки, за отказ от претензий на трон Буганды. Но кабака отказался отречься от престола и послал телеграмму в Буганду с просьбой о финансовой поддержке. И несмотря на запреты британских властей Мутесе трижды тайно были посланы деньги из казны Буганды. Более того, многие организации и частные лица в Буганде делали пожертвования в его пользу¹⁴.

В Буганде 8 и 9 февраля 1954 года были объявлены днями «траура» по кабаке. Накануне происходили службы в католических и протестантских церквах, но наибольшее число сочувствующих собрали служители местных культов. Христианство выходило из моды — ведь это была религия европейцев, сославших кабаку! Лубяные одежды как символ традиционной Буганды мелькали по всей стране — где-то они превращались в лубяную повязку на европейском пиджаке, или лубяной галстук, или лубяной вымпел на велосипеде. В дни траура закрылись лавки, пустовало здание

¹³ Ibid. P. 43.

¹⁴ Ibid. P. 44—45, 54.

люкико. Был объявлен трехмесячный бойкот иностранных товаров¹⁵.

В ответ британские власти закрыли три местные газеты. Коэн вылетел в Лондон, и вскоре Литтлтон в речи в палате общин в первый раз заявил, что Уганда должна получить самоуправление и туда будет послана специальная комиссия для переговоров с люкико о будущем месте Буганды в Уганде. Главой комиссии был назначен профессор Лондонского университета Кейт Хэнкок. Но люкико опередил миссию Хэнкока, послав делегацию в Лондон, которая требовала прежде всего возвращения кабаки. Уезжая из Лондона, делегаты наняли английских адвокатов, чтобы они подготовили жалобу в Верховный суд Уганды о неправомерности высылки кабаки.

Одновременно готовился визит в Уганду молодой королевы Елизаветы II. Против ее визита в Буганде возражали, считая, что Буганда не может принимать такую высокую гостью, когда в стране отсутствует кабака. Британские власти также беспокоились по поводу визита английской королевы в Уганду — в соседней Кении бушевало восстание Мау-Мау, да и Буганда бурлила. Там даже существовали планы сжечь резиденцию, построенную для королевы напротив дворца кабаки, и Кампалу наводнили детективы¹⁶. Но визит прошел тихо. Бывший губернатор Уганды Ф. Митчел советовал, чтобы во время визита королева милостиво разрешила кабаке вернуться и тем самым приобрела симпатии баганда. Министр колоний Литтлтон одобрил это, но воспротивился губернатор Коэн.

В июне 1954 года в Буганду прибыл Кейт Хэнкок. Миссия его была ускорена беспорядками в Буганде, в частности организованным угандийским Национальным конгрессом, а также бойкотом иностранных товаров. Баганда прозвали его «ванкоко» — «цыпленок», выразив тем самым свое презрительное отношение к нему и его миссии¹⁷.

Хэнкок имел задание добиться от люкико избрания новых регентов и нового кабаки. А люкико встретил его демонстрацией — обычной процедурой воздания почестей кабаке.

Во время работы Хэнкока Буганда всячески демонстрировала свою приверженность кабаке. Кульминацией стало дело Киганиры. Этот человек, объявивший себя «пророком Кибукой Омумбале»,

¹⁵ *Kavuma P.* Op. cit. P. 55–56.

¹⁶ *Ibid.* P. 61.

¹⁷ *Low D.A.* *Buganda in Modern History.* Berkeley: University of California Press. 1971. P. 118.

поселился на дереве неподалеку от Кампалы и там предвещал скорое возвращение Мутесы II. К «пророку» стекались толпы людей. Они восторгались его предсказаниями и щедро одаривали. Дерево «пророка» британские власти стали рассматривать как источник беспорядков. Туда была послана полиция с приказом арестовать Киганиру. Возникла стычка полиции с народом, в которой был убит один из полицейских. С помощью слезоточивого газа толпу удалось разогнать, а «пророка» — арестовать. За убийство полицейского он был приговорен к смертной казни, замененной затем двадцатью годами тюрьмы¹⁸.

Одновременно в Верховном суде Уганды слушалось дело о высылке кабаки в Лондон, возбужденное по жалобе люкико. Кабака давал показания в Лондоне. В результате суд признал, что кабаку следовало выслать не за нарушение статьи 6 Соглашения 1900 года о «лояльном сотрудничестве» кабаки, вождей и народа Буганды с британскими властями в управлении Бугандой, а за нарушение статьи 20, в которой говорилось о подчинении кабаки, вождей или народа Буганды британским властям¹⁹.

5 ноября 1954 года было объявлено решение суда, и вся Буганда ликовала: «Коэн ошибся! Коэн ошибся!» — слышалось повсюду. И никто не хотел понимать, что высылка могла произойти по другой статье Соглашения 1900 года. Важен был сам факт ошибки губернатора. «Коэн ошибся!» — говорили люди другу другу теперь вместо приветствия, и вся Буганда еще тверже стала верить в то, что кабака вернется²⁰.

16 ноября 1954 года в палате общин были зачитаны рекомендации комиссии Хэнкока, в которых впервые говорилось о возможности возвращения кабаки, правда, и о возможностях для баганда выбрать нового кабаку.

В люкико разбор предложений Хэнкока длился долго. Одна за другой заседали две комиссии. Наконец 6 мая 1955 года люкико принял свой документ по урегулированию вопроса о Буганде. Затем люкико послал в Лондон специальную делегацию для ведения переговоров о заключении нового англо-бугандийского соглашения. Вслед люкико направил в Лондон еще одну делегацию, которая должна была вести переговоры о возвращении кабаки. Переговоры по обоим вопросам получились трудные, столкнулись

¹⁸ *Kavuma P.* Op. cit. P. 82.

¹⁹ *Ibid.* P. 90.

²⁰ *Ibid.* P. 91–92.

твердая позиция Коэна и уступчивая — нового министра колоний А. Леннокс-Бойда. В результате договорились, что кабака вернется, но Буганда станет посылать своих представителей в законодательный совет Уганды. Кабаке предстояло стать «конституционным монархом», его как бы выключили из отношений между губернатором и люкико²¹. Позднее была назначена и дата возвращения — 17 октября 1955 года.

Кабака возвращался домой с таким большим багажом, что ему пришлось перезаказать билеты, поскольку предложенный британским правительством самолет был переполнен и не смог взять все пожитки Мутесы. В Каире и Хартуме у трапов его ожидали красные ковровые дорожки. Но с наибольшим ликованием его встретили в Буганде. Сам он вспоминал: «Людей предупреждали, чтобы они не скапливались в аэропорту, но 2500 баганда расположились там на ночь лагерем, а еще больше народа пришло утром»²².

Кабаку встретил салют из девяти винтовок. Поздоровавшись со своей семьей и министрами, он обошел почетный караул. А затем носильщики кабаки несли его до открытого автомобиля. 22 мили, отделяющие Энтеббе от Кампалы, кортеж преодолел более чем за два часа, дорога была загружена ликующей толпой. Последние несколько сот метров кабаке даже пришлось идти пешком. Дорога была разукрашена банановыми листьями, триумфальными арками. Свидетельство очевидца: «Мужчины вопили, женщины визжали от восторга и ... прыгали от радости»²³.

На следующий день, 18 октября 1955 года, кабака и Э. Коэн подписали новое соглашение между Британией и Бугандой. Оно знаменовало собой подтверждение автономных прав Буганды в Уганде и закрепление прав кабаки как «конституционного монарха».

Для кабаки началась полоса сплошных приемов и праздников. Ему надарили кучу подарков — от волос с бород тех баганда, которые не брились во время его ссылки, до суммы в шиллингах, равной его весу. Он объехал всю Буганду, и везде ему устраивали пышные приемы. В то же время по всей Буганде развернулась кампания против «предателей» — либо не веривших, что кабака вернется, либо «недостаточно боровшихся за его возвращение». Кампания эта была нежелательной для британских властей Уганды, и в их официальном отчете за 1955 год отмечалось: «Часть вождей

²¹ *Kavuma P.* Op. cit. P. 97—98.

²² *Mutesa II, Kabaka of Buganda. Desecration of My Kingdom.* London, 1967. P. 143.

²³ *Jabavu N.* Drawn in Colour. African Contrasts. New York, 1962. P. 172.

подала в отставку, а другие подверглись нападениям, так что пришлось провести многочисленные аресты»²⁴.

Вместе с тем активно поощрялись наиболее стойкие борцы за возвращение кабаки. В частности, Мутеса вручил многим Орден щита и копья.

Таким образом, в ходе бугандийского кризиса 1953–1955 гг. Мутеса выступил знаменем традиционалистских настроений в Буганде. Его возвращение в страну в качестве кабаки стало фактором умиротворения Буганды. При этом для широких масс имели значение не его личные качества, а его статус законного правителя. Покушение британских властей на этот статус рассматривалось как покушение не только на права традиционалистской аристократии страны, но и на само существование Буганды.

На пути к новому кризису во главе сепаратистских устремлений аристократии. 1958–1961 гг.

Приближалась независимость Уганды. Возникали новые политические партии. Но кабака первоначально оставался в стороне от новых бурных политических процессов. Однако в 1959 году под давлением британских властей Мутесе пришлось осудить бойкот на иностранные товары, объявленный Национальным движением Уганды. Затем он все более активно включался в борьбу аристократии Буганды за сохранение своих привилегий в будущей независимой стране. В 1958 году Буганда отказалась послать своих депутатов в законодательный совет Уганды. Аристократия «королевств» вновь выдвигала план независимой Буганды во главе с кабакой и потому бойкотировала выборы — места Буганды в законодательном совете остались пустыми. Затем бойкотировалась конституционная комиссия, которая разработала проект конституции будущей независимой Уганды, составной частью которой, естественно, виделась Буганда. Люкико назначил свой конституционный комитет. Самое большое, на что мог пойти люкико, — это на федеральную Уганду с особым статусом Буганды внутри ее. К тому же было объявлено о плане всеобщих выборов в законодательный совет в 1961 году, и верхушка Буганды выступала за то, чтобы выборы были отложены, пока не будет гарантий федерального статуса для Буганды.

²⁴ Uganda Report for the year 1955. London, 1956. P. 6.

В конце лета 1960 года Мутеса II возглавил делегацию люкико в Лондон. Не допустить создания унитарного государства — такова была цель на всех переговорах 1960—1962 гг. аристократии Буганды и других «королевств». Мутеса считал себя в эти годы революционером. В своих мемуарах он приводит такой факт: он остановился в Лондоне в том же отеле, где в то время жил и султан Занзибара. Однажды султан вбежал к нему в апартаменты с криком: «Вы действительно хотите не согласиться с британским правительством?» Получив утвердительный ответ, он ушел с возгласом: «Аллах!» Давая в тот вечер ужин, он не пригласил кабаку, который объясняет это тем, что султан «не хотел, чтобы его видели на публике с революционером, который сам в этом признался»²⁵.

Но кабаке и возглавляемой им делегации добиться тогда ничего не удалось. В результате они решили бойкотировать выборы в законодательный совет и вновь выступили за предоставление независимости одной Буганде. В Лондон послали несколько меморандумов, в одном из которых, в частности, говорилось: «Буганда не может променять свои традиции на независимость Уганды. Они нам гораздо дороже. Мы не пойдем на то, чтобы бросить такую жертву на алтарь независимости Уганды»²⁶. В конце концов было объявлено, что с 31 декабря 1960 года Буганда станет считать себя независимой страной.

Однако, если сепаратное провозглашение независимости Буганды осталось бумажным актом, реальным шагом к расколу стал бойкот ею выборов 1961 года. 96—97 процентов баганда не участвовали в выборах, а те, кто участвовал, голосовали за депутатов от демократической партии. Историк П. Гукиина позднее писал по этому поводу: «Для большинства баганда участие в партийной деятельности означало бы полный отказ от лояльности по отношению к кабаке»²⁷.

В результате большинство в Национальной ассамблее — так стал называться законодательный совет — получила демократическая партия (объединяющая католиков), а ее лидер Бенедикто Киванука стал премьером переходного правительства.

²⁵ *Mutesa II, Kabaka of Buganda. Desecration...* P. 157.

²⁶ *Karugire S.R. The Political History of Uganda. Nairobi, 1980. P. 177.*

²⁷ *Gukiina P. Uganda: a Case Study in African Political Development. London, 1972. P. 91.*

Компромисс с Оботе как фактор умиротворения и получения Угандой независимости. 1961–1963 гг.

В это время заметное место на политической арене занял лидер сформированной в 1960 году новой партии – Народного конгресса Уганды – Аполо Милтон Оботе. Оботе понимал, что, как позднее сформулировал тот же П. Гукиина, «Партийная политика в Буганде была обречена, если она не основывалась на традиционных политических ценностях, признающих власть, исходящую лишь от кабаки и осуществляемую от имени кабаки»²⁸.

Поэтому Оботе предложил Мутесе политический союз, а Мутеса согласился на его предложение. Следует подчеркнуть, что в формировании союза с Конгрессом Мутеса сыграл активную политическую роль, выступив против большинства в люкико.

По его инициативе состоялась поездка делегации люкико в Лондон, и он несколько раз обращался к люкико с требованиями разрешить делегации участвовать в заседаниях. «Учитывая заверения, данные мне и комитету министром колоний, участие Буганды в конференции, видимо, совсем не повредит ее положению. Поэтому нам кажется желательным, чтобы люкико разрешил своим представителям занять места на конференции; это позволит Буганде разъяснить свою позицию по вопросу о будущих взаимоотношениях с остальной Угандой», – писал он в Кампалу 16 сентября 1961 года, за два дня до открытия конференции.

Мутеса принимает активное участие в первой конституционной конференции по Уганде, на которой для Буганды был предложен федеральный статус в рамках Уганды. Творцом компромисса между люкико и британским правительством – федеральный статус, а не полное отделение Буганды, – был именно он. Возможно, он занял такую позицию, поскольку (если верить ему самому) Оботе предложил ему за это пост премьер-министра Уганды. При этом кабака не выступал как официальное лицо на переговорах – его роль сводилась к тому, чтобы «сидеть у телефона и быть готовым дать совет, обсуждать вечером события дня и в случае необходимости выступать в роли миротворца». На конференции он появился лишь однажды, когда переговоры зашли в тупик, и помог их успешно завершить. В результате Буганда получила право сохранить кабаку и люкико, федеральный статус, свой Верховный суд, полицейские силы и право выбирать или

²⁸ Ibid.

назначать по собственному усмотрению депутатов в Национальную ассамблею.

В результате этих переговоров было подписано новое англо-бугандийское Соглашение 1961 года, закрепившее эти положения. А кабака был пожалован британской королевой в дворянское достоинство. Так были оценены его усилия на переговорах. Ведь именно Мутеса уговорил люкико на участие Буганды в конституционной конференции 1961 года.

Приближались новые выборы в Национальную ассамблею. На них аристократию Буганды представляла вновь созданная организация — Кабака екка (Только кабака). Это не была политическая партия в полном смысле слова, поскольку костяк ее составляла иерархия вождей. Вожди были и организаторами выборов 1962 года. Кабака екка выбрала своим символом стул, который должен был ассоциироваться с тронном.

Вся Буганда голосовала за Кабака екка, что дало этой организации в результате 22 места в Национальной ассамблее Уганды. Демократическая партия получила тоже 22 места, а Конгресс — 43. Образовался альянс между Кабака екка и Конгрессом, которые затем сформировали коалиционное правительство. Премьер-министром стал Оботе.

На второй конституционной конференции в Лондоне переговоры вновь чуть не зашли в тупик. Верхушка бугандийской аристократии никак не соглашалась на возвращение соседнему Буньоро «потерянных графств» — территорий, отданных Буганде британскими властями еще в 1897 году Мутеса вновь сыграл свою роль — он по очереди уговаривал делегатов. В конце концов сошлись на том, что в «потерянных графствах» в течение трех лет будет проведен референдум. Это был компромисс, которым, однако, были недовольны все стороны — и Буганда, и Буньоро, и Оботе.

Кроме того, на этой конференции было решено, что полицейские силы по всей стране будут контролироваться центральным правительством — для аристократии Буганды это был шаг назад. Но Оботе пообещал, что потом они решат этот вопрос с соответствующими министрами.

Провозглашение независимости Уганды было назначено на 9 октября 1962 года. Повсюду развевался национальный флаг Уганды — красно-желто-черный с изображением журавля в центре. На всех церемониях кабака появлялся вторым — вслед за губернатором. В то время настроение у него было отличным: «Мы получили федеральный статус, за который боролись. В стране была спо-

койная обстановка, экономика находилась в удовлетворительном состоянии, и от нее ждали многого. Для того чтобы конституция была действенной, нам достаточно было находиться в хороших отношениях с премьер-министром; Оботе относился к нам дружелюбно, уважал наши позиции...»

В то время вопросом, занимавшим кабаку более всего, были «потерянные графства». Он ни в коем случае не хотел, чтобы эти земли были возвращены Буньоро. Для этого он приехал на север-запад Буганды, за двести миль от Кампалы, где для него была построена резиденция. Кабака пытался убедить баганда, что эти районы нужно обживать, строить там дороги и школы; была даже заложена чайная плантация.

В октябре 1963 года кабака Мутеса II был избран первым президентом независимой Уганды, сменив на посту главы государства временное лицо — британского генерал-губернатора. Выбирала его Национальная ассамблея, исходя из того, что президентом должен стать один из «монархов королевств», которые стали называться теперь «федеральными землями».

Единственное, что его смущало — не помешает ли пост президента Уганды выполнению его функций как кабаки Буганды. Но вскоре он понял, что пост президента был в значительной мере формальным — в основном его функции сводились к официальному представительству.

От умиротворителя к изгнаннику. 1963–1966 гг.

Постепенно отношения Мутесы с премьер-министром Оботе обострялись. Оботе говорил о введении однопартийной системы, что не нравилось аристократическим кругам Буганды. Они поговаривали о возможности коалиции с демократической партией и даже придумали ей название — «Демократическая екка», но коалиция не состоялась, так как в Буганде многие рассматривали эту партию как враждебную, не могли простить ей участия в выборах 1961 года.

В январе 1964 года восстал военный гарнизон в Джиндже — втором по величине городе Уганды. Кабаку, хотя он занимал еще и пост верховного главнокомандующего угандийской армией, информировали об этом с большим опозданием. Меры же были приняты быстро: из соседней Кении переброшены британские солдаты. Зачинщиков бунта, требовавших увеличить жалованье, арестовали.

В сентябре 1964 года коалиция между Конгрессом и Кабака екка фактически распалась. К тому времени Конгресс уже располагал большинством в Национальной ассамблее. Министры — члены Кабака екка — вышли из состава кабинета. Одновременно был решен вопрос о «потерянных графствах» — они перешли под управление центрального правительства, а в ноябре 1964 года там был проведен референдум, в результате которого два «графства» отошли к Буноро. Уловка кабаки с расселением там баганда не удалась.

В следующем году кабака продолжил свою светскую жизнь скорее как кабака, а не как президент, каковым он, в сущности, был только формально.

В октябре 1965 года между Оботе и Мутесой вновь возник конфликт: Оботе захотел во время парада по случаю третьей годовщины независимости произнести речь, чему кабака воспротивился. Тем не менее речь была произнесена.

Баганда и сам кабака не могли простить Оботе наступление на их «права». В неприязни к Оботе присутствовал и еще один важный фактор — этнический. Оботе и его окружение представляли народы севера Уганды — ачоли, ланги и другие. Из этих народов в основном рекрутировалась и армия Уганды. Поэтому кабака с удовольствием поддержал обвинения (выдвинутые членом Национальной ассамблеи от Кабака екка Дауди Оченгом) Оботе и некоторых других лиц в присвоении «конголезского золота» — средств, переданных повстанцами Восточного Конго (ныне Заир) на закупку оружия. Формально оставаясь в стороне, он принимал косвенное участие в разборе этого дела в феврале 1966 года в Национальной ассамблее. В своем доме он принимал Оченга, слушал магнитофонные записи и смотрел стенограммы дебатов. Когда ситуация в Кампале накалилась, кабака в качестве президента страны запросил британского комиссара и послов некоторых африканских стран о возможности переброски их солдат в Уганду. Он даже попытался арестовать Оботе. В своих мемуарах, все время подчеркивая, что оставался в стороне, Мутеса II не скрывал, что был бы рад падению премьера: «По правде говоря, у меня на этом этапе не случился бы разрыв сердца, если бы человека, который не представлял теперь никого, кроме себя самого, преисполненного решимости разрушить мое королевство, сняли бы с поста премьер-министра, доказав его причастность к преступлениям»²⁹.

²⁹ *Mutesa II, Kabaka of Buganda. Desecration...* P. 187-188.

Тем не менее ситуация продолжала оставаться сложной. 23 февраля были арестованы несколько министров, а 24 февраля приостановлено действие конституции. Приостановление действия конституции лишало Буганду и другие «королевства» их привилегий. В ответ люкико отказался сотрудничать с Оботе и потребовал вывода центрального правительства Уганды из столицы Буганды Кампалы. Оботе было направлено восемь ультиматумов люкико, последний из них устанавливал даже дату вывода — 30 мая.

23 мая 1966 года были арестованы несколько наиболее влиятельных министров кабаки, а 24 мая две роты пошли на штурм его дворца. Штурм начался, когда еще не рассвело. Кабака, ночевавший в своем дворце, был разбужен выстрелами уже внутри ограды дворца. Его охранники ввязались в перестрелку с правительственными войсками и удерживали свои позиции в течение нескольких часов. Затем выстрелами они расчистили путь к ограде дворца. Через стену пришлось перелезть. Мутесе удалось добраться до миссии «Белых отцов» в Кампале. У миссионеров смогли остаться только трое — сам Мутеса и два его охранника.

Стало известно, что есть приказ взять Мутесу живым или мертвым и его яхта на озере Виктория сожжена. Кабака бежал к западной границе, до которой было около трехсот миль, пешком, передвигаясь скрытно, переодетый в чужой белый макинтош. Часть пути их подвез на машине преданный кабаке человек. Во время побега, длившегося несколько недель, о нем ходили самые невероятные слухи: то его будто бы видели в Найроби, то в Аддис-Абебе, а то он якобы возвращается с большими силами на штурм Кампалы. Некоторые газеты объявили даже о его смерти. На самом же деле он по-прежнему двигался к границе кружным путем, обходя многочисленные засады.

Так беглецы добрались до границы Бурунди. При переходе границы они не скрыли, что принадлежат к народу баганда, но назвали чужими именами и сказали, что идут навестить родственников. Открылись только по прибытии в столицу Бурунди Бужумбуру, где кабаку с распростертыми объятиями встретил тамошний король. Тут же был установлен контакт с британским посольством, которое запросило Лондон о согласии предоставить кабаке политическое убежище. Ужинал он в тот день с британским послом.

Из Бужумбуры кабаку транспортным самолетом вывезли в Брюссель, а из бельгийской столицы он вылетел в Лондон. Уже там он узнал о разгроме в своем дворце и о том, что были сожжены королевские барабаны — символ власти правителей Буганды.

Мутеса остался в Лондоне, где в школу ходили трое его детей. В 1967 году, вскоре после его прибытия в Лондон, там вышла книга его мемуаров «Осквернение моего королевства», принесшая кабаке немалые доходы. В ней он, в частности, делает интересное замечание о встрече культур в его стране: «Ассимиляция западных ценностей без отказа от собственных более древних увеличила наш потенциал. Нас когда-то называли «жемчужиной Африки», и мы не хотели терять эту славу, став культурными»³⁰. В Лондоне во время своего второго изгнания Мутеса вел иную жизнь, нежели в первом изгнании. Сразу по прибытии он пробыл неделю в офицерском госпитале для восстановления сил. Затем начались его скитания. Он жил в квартирах, нанятых для него друзьями. Мутеса существовал на небольшие гонорары за статьи в «Санди телеграф», а затем на деньги за его книгу, которые быстро разошлись. Попытки экс-кабаки пристроиться в свой бывший полк натолкнулись на нежелание британского правительства иметь с ним дело. В общем, он жил и пил в основном на деньги, которые ему посылали друзья из Буганды. Давали деньги и баганда, живущие в Лондоне, и несколько друзей-англичан.

Лишь во второй половине 1968 года для «короля Фредди» нашлось место в благотворительном обществе Р. Кар-Гомма, заботившемся о жителях лондонских трущоб. Бывший кабака занимался теперь сбором пожертвований, украшательством общественных туалетов и составлением песенника для нищих. Его восемь «роллс-ройсов» остались во дворце в Менго, и Мутесе теперь нередко приходилось передвигаться пешком. Однако его бедствия, а также непризнание официальным Лондоном делали его в глазах почитателей в Буганде мучеником. Доброжелатели предупреждали, что его жизни грозит опасность.

Умиротворитель посмертно

Смерть Мутесы 21 ноября 1969 года произошла при странных обстоятельствах. Его адъютант подал ему ужин, затем подошел к телефону. Звонили Мутесе. Когда адъютант вошел к нему, чтобы позвать его, он нашел Мутесу на полу мертвым. Вскрытие показало необычно высокий процент алкоголя в крови. Но печень, почки и сердце оказались здоровыми, на теле не было обнаружено

30 *Mutesa II, Kabaka of Buganda. Desecration...* P. 58, 75.

каких-либо следов насилия. Скотленд-Ярд быстро закрыл дело. Но среди баганда еще долго жили слухи о колдовстве, которое погубило кабаку.

Мутеса успел отпраздновать свой сорок пятый день рождения 19 ноября, но не успел дать прием по этому случаю. Прибывшая в Лондон вдова бывшего кабаки настояла на том, чтобы тело ее мужа не отправляли в Уганду. Да и сам Мутеса когда-то говорил, что, если ему суждено будет умереть в изгнании, он хочет, чтобы его тело оставалось в Британии до тех пор, пока в Буганде не будет восстановлена монархия. Поэтому после скромного отпевания тело Мутесы, предварительно забальзамированное, было тайно увезено в неизвестном направлении.

Но ему было суждено вернуться на родину не после восстановления монархии, а при диктатуре Иди Амина. Одной из первых акций пришедшего к власти в 1971 году Амина было перезахоронение тела Мутесы в усыпальнице кабак в Кампале. 31 марта 1971 года специальный самолет с телом кабаки приземлился в Энтеббе, где его встретил салют из 73 винтовок. На вертолете гроб был доставлен на холм Кололо, где впервые был поднят флаг независимой Уганды. Амин произнес прочувствованную речь. Затем четыре дня гроб со стеклянной крышкой находился в соборе Намирембе, куда стекались толпы баганда, чтобы проститься со своим последним кабакой. 4 апреля состоялась заупокойная служба. Епископ Стюарт, когда-то венчавший и короновавший его, закончил службу словами на луганда: «Прощай, наш Мутеса!» Перед тем как поместить гроб в усыпальницу, лицо Мутесы, по обычаю, закрыл лубяной материей его сын Рональд Мутеби. Он все еще надеялся стать новым кабакой Буганды, и надежды эти сбылись при президенте Мусевени.

А Амин устроил всю эту эпопею с перезахоронением кабаки с единственной целью — привлечь на свою сторону жителей Буганды, среди которых мало кто ему симпатизировал. Позднее Мутесе был установлен памятник на площади перед «Империал Гранд-отелем» в Кампале. Так кабака Мутеса II и после смерти был использован как фактор умиротворения в Уганде.

Традиционалистские методы разрешения конфликтных ситуаций — не редкость в колониальной и даже в постколониальной Африке. Миротворчество Мутесы II — практически на всех этапах его политической карьеры — как раз такого сорта. Оно всегда было традиционалистским, базирующимся на месте кабаки в системе традиционных политических институтов Буганды, сохранившейся

в несколько видоизмененной форме при англичанах. В частности, кабаки использовали свое влияние на решения высшего консультативного органа аристократии Буганды — люкико. Конфликты Мутесы с британскими властями, союз, а затем и противостояние с Оботе, были продиктованы именно его стремлением сохранить традиционные институты власти в Буганде, и прежде всего роль института кабаки. Его поддержка широкими массами, достигшая в годы бугандийского кризиса огромного размаха, зиждилась отнюдь не на его личных качествах, а на традиционном месте кабаки в мироощущении баганда.

Колониализм и миротворчество в Африке

А.Л. Емельянов

Одной из самых актуальных проблем Африки начала XXI века является миротворчество. На континенте накоплен огромный негативный потенциал конфликтогенных проблем, несущих угрозу миру и безопасности, целостности государств, благополучию и жизни людей. В результате длящихся десятилетиями конфликтов миллионы африканцев погибли, стали инвалидами, превратились в беженцев. Ключевым вопросом выхода Африки на путь устойчивого развития остается предотвращение и урегулирование кризисных ситуаций. На грани национальной катастрофы и распада государства находятся как минимум десять стран. Сомали уже перешагнуло эту грань и почти тридцать лет находится в состоянии неконтролируемой анархии.

Вооруженные конфликты происходили на протяжении всей истории человечества. По подсчетам историков в истории Европы последних двух тысячелетий лишь незначительный отрезок времени приходился на мирные периоды. В колониальной Африке вооруженные конфликты были сведены к минимуму. Прежде всего это были восстания против господства белого человека. Да и то их подавляющее большинство пришлось на начало становления колониального общества и на послевоенный период, когда метрополии на короткое время утратили контроль за политическими процессами в своих колониях.

В период независимости характер вооруженных конфликтов принципиально изменился. Современное оружие превратило их в угрозу самому существованию некоторых больших человеческих коллективов. Вооруженные конфликты невозможно свести исключительно к субъективным факторам, важнейшим из которых является безответственность политиков. Эти конфликты являются следствием незавершенности процессов становления современного общества в колониальный период.

Прошло более пятидесяти лет со времени начала деколонизации Черного континента, но колониальное прошлое продолжает оказывать самое активное влияние на африканские государства и их население. В основном принципиальные или структурообразующие изменения произошли только в одной из

сфер жизни — политической. Создание независимых государств — важнейшее достижение африканских народов, залог их независимого социально-экономического развития. Но во всех остальных сферах жизни структурообразующих изменений не произошло. Тропическая и Южная Африка вошла в мировое экономическое разделение труда в качестве поставщика ресурсов и продолжает занимать это место в XXI веке. Смесь христианства и ислама с традиционными верованиями продолжает доминировать на континенте. Языки метрополий по-прежнему остаются государственными во всех странах Африки: они незаменимы для межэтнических контактов. Еврохристианскую¹ культуру потеснила исламская, но отнюдь не местная, африканская. Все основные системы жизнедеятельности государства и общества не претерпели изменений со времен колониализма — политические структуры, силовая составляющая, системы здравоохранения и образования, инфраструктура, снабжение продуктами питания, предметами первой необходимости и т.д.

Именно поэтому изучение влияния колониального общества на Африку начала XXI века остается одной из самых актуальных тем для историков. За пятьдесят лет стало очевидно, что нельзя одноmomentно, разумеется, по историческим меркам времени, отказаться от навязанного наследия еврохристианской цивилизации, да и вряд ли это возможно вообще, и, самое главное, необходимо. За всю двухтысячелетнюю историю Африки только вмешательство европейских держав смогло серьезно трансформировать все стороны жизни больших человеческих коллективов Черного континента. В результате синтеза традиционного и современного появилось колониальное общество, которое по своим основным характеристикам значительно отличалось от аналогичных структур в других частях мира. Оно до настоящего времени продолжает оказывать на современную Африку большое влияние. Отдельные элементы колониального общества не только сохраняются, но и продолжают активно влиять на социальные, экономические и политические процессы и на все стороны жизни Африки. Никакие другие события в многовековой истории Черного континента не оказали такого глубокого влияния на жизнь больших человеческих коллективов.

Единственным критерием выделения исторических эпох истории Африки является колониализм. Европейское завоевание Черного континента подвело черту многовекового развития, привело

¹ Под еврохристианской цивилизацией я подразумеваю ареал расселения «белого человека» католического и протестантского вероисповедания.

к «общему знаменателю» все то многообразие больших человеческих коллективов, «включило» Африку в единое историческое пространство, международное разделение труда, преобразовало традиционное общество, ликвидировав его наиболее архаичные черты. При всей сложности этого процесса, при всей его жестокости, несправедливости и даже преступности, необходимо отметить одно главное достижение — постепенное внедрение концепции «права на жизнь» одного индивидуального человека, основного достижения современного общества, которое уже в XIX веке окончательно утвердилось в еврохристианской цивилизации.

Процесс вовлечения африканских больших человеческих коллективов в единый исторический процесс не был односторонним, он имел множество составляющих. Я остановлюсь на одном из самых главных — появлении «колониального общества». Оно в силу ряда причин принципиально отличалось от азиатских и латиноамериканских обществ, подвергшихся аналогичной трансформации.

Основы концепции «колониального общества» были заложены французскими учеными — Жоржем Баландье и Октавом Маннони. Последний в 1950 году в своей монографии «Психология колонизации»² впервые ввел понятие «колониальная ситуация», однако автор сводил ее к столкновению двух типов личности, то есть сугубо к социально-психологической стороне дела. Баландье в шестидесятых годах в целой серии работ теоретически обосновал правомерность существования «колониального общества» как отдельного и самодостаточного варианта общественного развития. Правда этим термином он называл общество белых колонистов, африканские — именовал «колонизованными». Баландье считал, что колониализм наложил «особый тип эволюции» на покоренные народы, осуществлявшийся в условиях совокупности новых коллективных обстоятельств. Баландье полагал, что при столкновении различные типы цивилизации соединяются в новую форму отношений. Происходило наложение нового механизированного общества с сильной экономикой, быстрым темпом жизни и христианством на доиндустриальное отсталое общество, в котором темп жизни значительно медленнее, а религиозные институты — не христианские.

В отечественной историографии это понятие развил член-корреспондент Академии наук СССР, один из основателей оте-

² *Mannoni O. Prospero and Caliban: The Psychology of Colonization. London, New York, 1956.*

чественной африканистики Дмитрий Алексеевич Ольдерогге. В 1973 году, он опубликовал статью на эту тему в сборнике с малоприметным названием и крохотным тиражом, так как в те времена любому обществу полагалось иметь четкие формационные характеристики. Маститый ученый обратил внимание на одну особенность в этническом развитии Африки. Как известно, колониальные границы на Черном континенте проводились в подавляющем большинстве по параллелям и меридианам, прямыми линиями первоначально исключительно на бумаге. В результате многие народы были разделены между английскими, французскими, бельгийскими и португальскими колониями. Перед достижением независимости практически ни один народ, сохранивший свое языковое единство, не захотел объединиться с говорившими на том же языке соотечественниками, отрезанными от них колониальными границами. Референдумы по этому поводу проводились ООН без каких-либо серьезных фальсификаций и обычно при отсутствии серьезных политических сил, заинтересованных в получении того или иного результата. Следовательно, менее чем за столетие в каждой колонии сложилось новое политическое единство, которое предопределило не только создание независимых государств из искусственно объединенных этнических групп, но и их дальнейшее существование, за редким исключением без изменения границ в течение последующих десятилетий.

Ольдерогге писал о колониальном обществе как об этапе в этническом развитии Тропической и Южной Африки, но его выводы существенно дополнили теоретические положения Баландые и его последователей, так как впервые с достаточной полнотой была раскрыта одна из составляющих механизма формирования колониального общества. В пределах колониальных границ одной метрополии устанавливались единые нормы, объединявшие все первоначально разноплеменное население, единый стереотип поведения вне зависимости от этноса, усвоение которого становилось для африканца необходимым для продвижения по социальной лестнице и «престижного потребления». Этот стереотип поведения и восприятия мира во всех планах выделял индивида каждой страны из общей массы «других». Усвоение языка метрополии, которое было необходимо не только для социального продвижения, но и для контактов, особенно в городах и других зонах современного развития, со своими соотечественниками, говорящими на других языках. Недаром в подавляющем большинстве современных африканских стран европейский язык является единственным государственным.

Такая ситуация способствовала объединению разных народов и этнических групп в рамках колонии, но при этом отдаляла их от соплеменников по другую сторону границ. В каждой колонии вводились единые нормы экономического характера: организация налогового обложения, система принудительных повинностей, деньги, которые могли значительно различаться, и юридические нормы. В основе всех правовых систем колоний лежал принцип расового неравенства, при котором любой африканец «ниже» любого европейца, и правовые нормы метрополии в «чистом виде» распространялись только на ее граждан, а для «подданных» в колониях существовал «туземный кодекс». Но в зависимости как от метрополии, так и от колонии, юридические нормы для коренного населения существенно различались, особенно их правоприменение и масштабы несоблюдения законодательства на местах.

Кроме того, в каждой колониальной империи существовала своя система образования на языке метрополии. Различался и характер управления колониями, особенно на местах. Они различались по количеству чиновников-африканцев и их максимально возможному карьерному росту. Большую роль играли и различия в представлениях европейских политиков о Черном континенте и в конкретных подходах к управляемым обществам. Англичане делали ставку на существовавшие «традиционные» структуры, использование правителей и вождей, поощрение местных языков, обычаев и социальных структур. Французы же стремились европеизировать африканцев, даже школьные учебники по истории начинались фразой «наши предки галлы». Португальцы следовали, насколько это было им выгодно и удобно, концепции лузотропикализма, предусматривавшей создание единого народа и общей культуры из жителей колоний и метрополии.

Население колонии было вынуждено воспринимать нормы бытового характера, присущие той или иной метрополии, а именно — системы мер, веса, правила вождения транспорта, организации почтово-телеграфной связи, религии и этико-моральных норм³. В дальнейшем тема колониального общества разрабатывалась многими исследователями⁴.

В доиндустриальных обществах всякая легитимация имела сакральный характер. В современном — «расколдовывание

³ *Ольдерогге Д.А.* Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наука, 1983. С. 181–190.

⁴ В качестве примера можно привести: Колониальное общество Тропической Африки: Взаимодействие цивилизаций? / Под ред. А.С. Балезина и И.И. Филатовой. М.: Наука, 1993.

реальности», по словам Макса Вебера, привело к созданию новых способов управления обществом. Когда Европа столкнулась с необходимостью взаимодействовать с социально отсталыми и в большинстве своем безгосударственными африканскими обществами, ей понадобились механизмы, которые можно было встроить в социальные структуры Черного континента, но они должны были обеспечить его взаимодействие, как политическое, так и экономическое, с метрополиями и при этом не противоречить светскому характеру управления. Результатом социального творчества колониальных властей явились новые социальные группы, в большой степени напоминавшие сословия.

Колониальная трансформация — это сложный противоречивый процесс комплексного структурно-институционального и ценностно-ментального преобразования всех сфер жизни доколониальных обществ, вызываемых несоответствием существующих моделей функционирования, и возникший в результате мировых интеграционных процессов в новой социокультурной и политической ситуации. Эта трансформация была направлена на увеличение способности африканских обществ и их жителей контролировать и решать возникающие перед ними проблемы в новых условиях. Она характеризовалась модернизацией культурного наследия через видоизменение традиционных и создание новых институтов (в значительной степени посредством освоения инокультурных заимствований), структур норм и ценностей в результате активного взаимодействия двух цивилизаций, одна из которых находилась в господствующем положении по отношению к другой.

Колониальное общество — всего лишь один из этапов развития Африки, возможно, не самый главный, но самый важный сейчас. Оно не закончилось с достижением африканскими странами политической независимости, но оказывает влияние на африканские общества и государства до настоящего времени. Это вполне самостоятельная общность, которая имеет свои закономерности развития, социальные группы, политические институты.

Европа не смогла взломать африканские структуры, она была вынуждена приспособлять их к своим собственным и в то же время приспособлять эти свои к африканским. После провозглашения независимости колонизаторов заменила образованная по стандартам западной цивилизации элита, но система, созданная колониальной ситуацией продолжала существовать. Среди прочего это означало, что в принципе европейская цивилизация дала

каждому африканцу право на жизнь. В доколониальной Африке оно отсутствовало. Каковы бы ни были жестокости колониальных властей, в колониальные годы, особенно после Второй мировой войны, это основополагающее право современного общества стало основой колониального законодательства и для представителей традиционной знати, и для администрации. После провозглашения независимости появление новых институтов управления и норм, общественного мнения, в том числе международного, и новых классов сыграло решающую роль в восприятии важности жизни каждого отдельного члена общества, как одной из обязательных норм жизни.

Разумеется, эти нормы соблюдались редко, был геноцид в Руанде и многочисленные войны, в которых гибли миллионы. Но важно было то, что именно с созданием колониального общества пришло понимание того, что такой способ решения конфликтов не нормален, в современном обществе есть другие методы их решения.

Миротворческие усилия во время гражданской войны в Конго, 1964–1965 гг.

С.В. Мазов

Летом 1964 года правящий режим бывшего бельгийского Конго оказался на грани краха. В августе повстанцы, которые называли себя симба (в переводе с суахили — лев), полностью контролировали 5 и частично 8 из 21 провинции. Правительственные войска беспорядочно отступали. Американская разведка прогнозировала «полное разрушение государственной структуры» в ближайшее время¹. Подавить восстание удалось только путем внешнего военного вмешательства.

Автор исследовал наименее изученный аспект восстания — миротворческие усилия, попытки примирить враждующие стороны. В обширной историографии восстания² работ на эту тему нет. Базу источников составили материалы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), документы Организации африканского единства (ОАЕ) и ООН, мемуары очевидцев и участников событий.

¹ *Glejeses P.* Flee! The White Giants Are Coming: The United States, Mercenaries and the Congo, 1964-1965 // *Empire and Revolution: the United States and the Third World since 1945* / Eds. P.L. Hann, M.A Heins. Columbus (OH), 2001. P. 71.

² *Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А.* История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 230-245; *Мазов С.В.* «Львы» под знаменем Лумумбы: восстание в Конго в 1963-1964 годах // *Исторический журнал: научные исследования*. 2012. № 6; *Его же.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2016. С. 238–286; *Его же.* СССР и повстанцы Восточного Конго, 1964–1965 (по материалам АВП РФ) // *История. Электронный научно-образовательный журнал*. 2018. Выпуск № 5 (69); *Gérard-Libois J.* The New Class and Rebellion in the Congo // *The Socialist Register*. Vol. 3. 1966; *Glejeses P.* Op. cit.; *Namikas L.* Battleground Africa: The Cold War in the Congo, 1960–1965. Washington (D.C.), Stanford (Calif.), 2013. P. 181–222; *Reed D.* 111 Days in Stanleyville. London, 1966; *Young C. M.* Rebellion in the Congo // *Protest and Power in Black Africa* / Eds. R.I. Rotberg, A.A. Mazrui. New York, 1970.

Причины, начало, ход восстания

Восстание симба стало заключительным аккордом конголезского кризиса, который разразился в считанные дни после провозглашения независимости Конго 30 июня 1960 года и сразу приобрел международный характер. Огромная и сказочно богатая полезными ископаемыми территория в «сердце Африки» стала первой горячей точкой холодной войны в Африке южнее Сахары. Конголезский кризис богат событиями, которые «потрясли мир». Беспорядки, охватившие страну через неделю после провозглашения независимости (30 июня 1960 года). Отделение Катанги и ввод войск ООН (июль 1960 года). Убийство первого премьер-министра Конго Патриса Лумумбы (17 января 1961 года), одного из символов независимой Африки. Драматическая, полная неожиданных поворотов борьба за возвращение Катанги в состав Конго (1960–1963 гг.), стоившая жизни Генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду (погиб в авиакатастрофе 17 сентября 1961 года).

Особенностью конголезского кризиса было то, что противостояние противников по холодной войне сочеталось с глубоким и ожесточенным внутренним конфликтом, фактически гражданской войной. Соперничество сподвижников Лумумбы, левого националиста, отстаивавшего унитарное устройство Конго, с консервативными сторонниками федеративного устройства привело к смещению Лумумбу, его убийству и вооруженным столкновениям между формированиями преемника Лумумбы Антуана Гизенги и войсками федерального правительства. Страны советского блока поддерживали Лумумбу, а потом Гизенгу, Запад – их противников: президента Жезефа Касавубу, начальника генштаба конголезской армии Жозефа-Дезире Мобуту, главу отделившейся Катанги Моиза Чомбе. Создание в августе 1961 года правительства «национального единства» во главе с Сирилом Адулой, где Гизенга стал вице-премьером и лумумбисты получили министерские посты, не положило начало мирному урегулированию внутреннего конфликта, наоборот, Гизенга в январе 1962 года был арестован по сфабрикованному обвинению в мятеже и посажен в тюрьму без суда и следствия.

Восстание стало следствием глубоких противоречий в конголезском обществе, нараставших после достижения независимости. Конголезский историк точно описал настроения соотечественников в конце 1963 года. Смутное время, казалось, закончилось, и забрезжила надежда на то, что они наконец-то вкусят плоды

независимости. В 1960 году политики обещали золотые горы, говорили, что после ухода колонизаторов наступит светлое будущее и благоденствие. У всех будет работа и высокая зарплата. Не надо будет платить налогов. Станут доступными дома, автомобили, бытовая техника, появится водопровод и электричество. Бесплатными станут образование и медицинская помощь. Далеко не все принимали эти посулы за чистую монету, но многие верили, что на смену колониальному господству придет подлинная свобода, а несметные богатства страны станут достоянием народа. Лумумба обещал золотой век и отстаивал суверенитет Конго. Его враги — те, которые сместили и убили его, оказались похуже белых господ. Установили репрессивный, коррумпированный, проамериканский режим. Погрязли в коррупции и роскоши. Смотрели на простых людей свысока, считали их быдлом. Безжалостно расправлялись с недовольными. Их называли «новыми белыми», черными по цвету кожи, но чужими по духу³.

29 сентября 1963 года президент Касаубу распустил парламент, единственный государственный институт, где звучал голос оппозиции, сторонников Лумумбы, и наделил правительство чрезвычайными полномочиями. На совещании, проходившем в Леопольдвиле 29 сентября — 3 октября 1963 года, лумумбисты учредили Национальный совет освобождения (НСО). Последовавшие репрессии заставили многих оппозиционеров переместиться в Браззавиль, столицу соседнего бывшего французского Конго, где к власти пришли левые силы. Там и обосновался НСО. Он был аморфной структурой, куда вошли представители различных политических сил, которые по тем или иным причинам находились в оппозиции режиму Адулы: его бывшие министры, оставшиеся не у дел политики провинциального масштаба, радикальная часть сторонников Гизенги, уволенные офицеры Конголезской национальной армии (КНА). Председателем НСО был избран Кристоф Гбение, руководитель отделений в восточном Конго Национального движения Конго (НДК), партии Лумумбы.

В мае 1964 года была опубликована Программа НСО. Он позиционировал себя как «центр сплочения всех патриотов, входящих или не входящих в политические организации, авторитетный руководитель и организатор последовательной борьбы против империализма и его агентов», «наследника и продолжателя дела Патриса Лумумбы». Главными целями организации стали «восстановление

³ *Nzongola-Ntalaja G.* Op. cit. P. 124-125.

народного суверенитета» и «национальной независимости», «возвращение народного достоинства и национальных богатств суверенному и трудовому народу», «создание народно-революционного национального правительства». Для достижения этих целей Совет призвал конголезцев начать «вооруженные операции против официального насилия, предательства и фашизма конголезских агентов империализма»⁴.

Вооруженную борьбу начал Пьер Мулеле. Он был министром образования в правительстве Лумумбы и в правительстве, учрежденном Гизенгой в Стэнливиле в декабре 1960 года. В январе 1961 года Мулеле стал представителем стэнливильского правительства в Каире, где поддерживал контакты с советским посольством. В марте 1961 года возглавил делегацию, которая безуспешно вела переговоры в Москве о предоставлении правительству Гизенги советской военной помощи⁵. Мулеле был одним из немногих конголезских политиков с твердыми убеждениями и принципами. Он разочаровался в Гизенге, считал его «неспособным противостоять натиску неокOLONИАЛЬНЫХ СИЛ», не поддержал компромисс с врагами Лумумбы ради «национального примирения», которое походило на капитуляцию. В апреле 1962 года Мулеле уехал в Китай, где полтора года изучал теорию «народной войны» Мао-Цзэдуна и прошел военную подготовку, необходимую для ведения партизанских операций⁶.

В июле 1963 года Мулеле вернулся в Конго и скрылся в лесах провинции Квилу на юго-западе страны. Там он создал сеть лагерей, где наладил политическую учебу и военную подготовку сторонников. Их костяк составляла малоимущая сельская и городская молодежь. За полгода ему удалось развернуть сеть лагерей, подготовить боевые группы во главе с «политическими комиссарами», заручиться поддержкой вождей. Завершив первый этап, Мулеле приступил к организации партизанских районов. В январе 1964 г. басени начали совершать вылазки и рейды, атаковали военные посты, устраивали засады, нападали на христианские миссии, магазины и склады европейских компаний. Правительственные войска были окружены в городах, которые повстанцы, следуя тактике «народной войны» «деревня окружает город», не собирались

⁴ АВР РФ. Ф. 590. Оп. 7. П. 10. Д. 8. Л. 10-15. Программа действий Национального совета освобождения. Журнал «Ремарк конголез» № 10 от 16 мая 1964 г. С. 227–230. Перевод с французского МИД СССР.

⁵ Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». С. 133–140.

⁶ *Nkrumah K.* Challenge of the Congo. A Case Study of Foreign Pressures in an Independent State. London, 1967. P. 153-154.

захватывать. На «освобожденных территориях» басени расправлялись с полицейскими и военнослужащими, чиновниками, осуществляли конфискацию и раздел имущества «реакционеров»⁷. Китайская Народная Республика через НСО в Браззавиле организовала доставку повстанцам Мулеле оружия и снаряжения на сумму 40 тыс. долларов⁸.

В начале 1964 года в НСО произошел раскол. Гбение был обвинен в превышении полномочий и снят с поста председателя. Он это решение не признал и выехал в столицу Руанды Бужумбуру. За ним последовали многие руководители НДК. Фактически стали действовать два НСО — один в Браззавиле, которым руководили Эгил Бошеле-Дэвидсон и Гастон Юмбу, другой в Бужумбуре во главе с Гбение. По его поручению один из соратников Лумумбы Гастон Сумиало организовал весной 1964 года вооруженное сопротивление силам центрального правительства в восточном Конго и на севере Катанги, где влияние лумумбистов было традиционно сильным. Через китайское посольство в Бужумбуре он получил от КНР «некоторую помощь деньгами и оружием»⁹. Первые вооруженные столкновения повстанцев с армией произошли в апреле 1964 года. Действия симба носили иной характер, нежели маоистская стратегия партизанской войны, которой следовали басени. Главной целью симба был захват городов и создание там центров новой власти.

17 мая был взят город Увира. Теперь через озеро Танганьика открывался беспрепятственный путь в Бурунди, откуда повстанцы стали получать китайское оружие. Увира стала местом рождения Народной армии освобождения (НАО), там повстанцы провинций Киву, Катанги и Восточной объединились в единый фронт под руководством Сумиало.

Неотъемлемой частью подготовки повстанцев был психологический тренинг через привычные и понятные им магические ритуалы. По традиционным верованиям человек, принявший снадобье дава, становился неуязвимым для пуль. Они либо проходили сквозь него, не причинив вреда, либо превращались в воду, соприкасаясь с телом. Дава делала из воина супермена со сверхъестественными способностями. Он мог одним пристальным взглядом парализовать волю врага, сделать его беспомощным. Дава представляла собой воду, настоянную на злаках, которую готовили и «заряжали»

⁷ Young C. Op. cit. P. 989.

⁸ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 7. П. 7. Д. 13. Л. 2. Петров Л. О помощи КНР национально-патриотическим силам Конго, 5 апреля 1965 г.

⁹ Там же.

знахари, выполнявшие определенные обряды. При посвящении снадобье пили из специальных маленьких пиал и обрызгивали им тело. Все воины проходили обряд посвящения, чтобы стать неуязвимыми для пуль, в каждом отряде обязательно были знахари. Они получали подписанные руководителями восстания мандаты с полномочиями «сопровождать и лечить военных во время боевых операций». У вождей повстанцев были свои личные знахари. Дава проявляла свою чудодейственную силу, если человек соблюдал ряд строгих запретов и ограничений. Нельзя было употреблять алкоголь, вступать в половые связи, прикасаться к другим людям, не прошедшим обряд посвящения; есть пищу, приготовленную беременной женщиной; ступать в воду. Дабы оставаться неуязвимыми, воины должны были соблюдать определенные правила и в бою: идти в атаку строго по прямой, вытянув перед собой руки; смотреть только вперед, не отводя взгляда; кричать «май Мулеле» («вода Мулеле»). Если пуля все-таки настигала прошедшего обряд посвящения, у знахарей было готово объяснение: неудачник делал что-то не так. Убит – значит, испугался, совершил кражу или спал с женщиной, ранен – значит, только испугался. Знахари не прятались за спины воинов, им надлежало сопровождать атаковавших и размахивать пальмовыми ветвями, чтобы отгонять злых духов. Перед атакой многие курили марихуану¹⁰.

По наблюдениям кубинского революционера-интернационалиста Че Гевары, находившегося среди конголезских повстанцев в апреле-ноябре 1965 года, вера в даву была настолько сильной, что никто не шел в бой, не пройдя соответствующего ритуала. Он неоднократно говорил с командным составом о необходимости отучить бойцов от связанных с давой предрассудков. Все было напрасно: «К даве относятся как к символу веры. Наиболее политически образованные утверждали, что она является природной, материальной силой, и они, будучи диалектическими материалистами, признают ее силу и секреты, которыми владеют знахари»¹¹.

Правительственная армия беспорядочно отступала. Солдаты КНА верили в волшебную силу давы не меньше, чем повстанцы. Не отличавшиеся меткой стрельбой и высоким боевым духом мобутовцы обращались в бегство, придя в ужас от «неуязвимости» противника. НАО овладела всей северной Катангой, рядом круп-

¹⁰ Young C. Op. cit. P. 999-1000; Hoare M. Congo Mercenary. London, 1967. P. 20-21; Reed D. Op. cit. P. 9.

¹¹ Guevara E. The African Dream. The Diaries of the Revolutionary War in the Congo. Translated from the Spanish by Patrick Camiller. London, 2000. P. 7.

ных городов восточного Конго, 5 августа пала его столица Стэнли-виль, который обороняли 1500 военнослужащих КНА.

В захваченном городе осталась часть персонала американского консульства, в том числе консул Майкл Хойт и вице-консул Дэвид Гринвис (офицер ЦРУ). Симба относились к американцам с нескрываемой враждебностью. В консульство нагрянули симба, перевернули все вверх дном в поисках «скрывавшихся солдат КНА». Сотрудников избили прикладами. Всем, кроме Хойта, засунули в рот обрывки американского флага и заставили жевать. Американцев посадили в грузовик и привезли в военный лагерь Кетеле. Им приказали снять носки и обувь и стали колотить штыками, целясь в оголенные ступни. Приходилось быстро отдергивать ноги от земли и невольно исполнять судорожно-нелепый танец под смех и улюлюканье симба¹². С тех пор американцы находились под арестом.

Препятствия для миротворческих усилий

Восстание симба было сложным случаем для миротворчества. Это была гражданская война, жестокая и беспощадная. Повстанцы хотели второй, «подлинной» независимости, наступления золотого века, который обещал после ухода колонизаторов их кумир Лумумба. Выполнить заветы Лумумбы для его сторонников означало изгнать белых и уничтожить их местных приспешников. Пыткам и казням подвергались не только представители центральной власти, основанием для расстрела могло стать европейское образование, принадлежность к «интеллектуалам». На центральной площади Стэнливиля стоял «памятник Лумумбы» – его цветная фотография в полный рост в застекленной рамке, вертикально закрепленная на бетонной плите. Памятник стал местом «суда единодушного одобрения» и экзекуций¹³.

Даже гипотетические шансы на примирение между федеральным правительством и симба были похоронены пролоббированным США назначением на пост премьер-министра Моиза Чомбе. Находившийся в добровольной ссылке в Испании бывший лидер сепаратистского движения в Катанге 26 июня прилетел в Леопольдвиль и 9 июля по поручению Касавубу сформировал правительство.

¹² *Hoyt M.* Captive in the Congo. A Consul's Return to the Heart of Darkness. Annapolis (MD), 2000. P. 79-81.

¹³ *Reed D.* Op. cit. P. 76.

Чомбе вырос в одной из наиболее состоятельных конголезских семей, был прямым потомком Мвата-Ямво, правителя государства Лунда, существовавшего в XVI–XIX веках на западе современной Народной Республики Конго и северо-востоке современной Анголы. Унаследовал состояние отца и стал преуспевающим предпринимателем, владельцем плантаций масличной пальмы и сети магазинов. Улыбчивого богача с подвижным хитроватым лицом, носившего дорогие костюмы, называли «черным европейцем». Не отказывая Африке в самобытности, Чомбе считал, что добиться прогресса она сможет только «с помощью белых»¹⁴. Он выступал за сохранение тесных связей с Бельгией после независимости, стал лидером отделившейся от Конго в июле 1960 года богатой полезными ископаемыми провинции Катанги, проявил себя жестким и умелым политиком в противоборстве со сторонниками единого Конго внутри страны и войсками ООН, которые в конце концов подавили катангский сепаратизм в январе 1963 года¹⁵.

У Чомбе была репутация «ходячего музея колониализма», для многих африканских политиков он был «токсичной» фигурой. Показателен прием, оказанный конголезскому премьеру египетскими властями во время конференции неприсоединившихся стран, проходившей 5–10 октября 1964 года в Каире. Чомбе решил участвовать в ней вопреки предупреждению египетского президента Насера о том, что от Конго может приехать только Касавубу. 4 октября весь дипломатический корпус Леопольдвилля собрался на аэродроме Нджили, чтобы проводить делегацию из 46 человек во главе с Чомбе в Каир. Не было только посла ОАР. В последний момент перед вылетом одетый в шорты и футболку клерк из египетского посольства привез паспорта с визами. На подлете к Каиру «Боингу» Чомбе была запрещена посадка. Самолет сел в Афинах, где Чомбе встретился с летевшим на конференцию императором Эфиопии Хайле Селассие и рассказал ему о своих злоключениях. Император взял конголезскую делегацию в свой самолет, и Чомбе «контрабандой» долетел до Каира. По указанию Насера Чомбе привезли во «дворец “Аль-Уруба”», обычно предоставляемый в распоряжение приезжающих гостей, но “на всякий случай” выставили охрану»¹⁶.

¹⁴ *Tshombe M.* My Fifteen Months in Government. Translated by Lewis Bernays. Plano (TX), 1967. P. 57.

¹⁵ См.: *Colvin I.* The Rise and Fall of Moise Tshombe. London, 1968; *Gérard-Libois J.* Katanga Secession. London, 1966.

¹⁶ *Беляев И., Демченко П.* Провокация не удалась // Правда. 07.10.1964.

И три дня держали фактически под домашним арестом в номере, где был отключен телефон¹⁷.

У симба к Чомбе был свой особый счет. Они считали себя духовными преемниками и продолжателями дела Лумумбы. Он стал символом и идейным знаменем восстания. Его почитали как посланца бога, человеческую инкарнацию несбывшихся надежд и чаяний, связанных с «первой независимостью». На партийных карточках НДК образца 1964 года печатали красное пятно — символ пролитой «великомучеником» Лумумбой крови¹⁸. Причастность Чомбе к убийству Лумумбы, позднее доказанная документально¹⁹, уже тогда не вызывала сомнений. С палачом Лумумбы не могло быть примирения и компромисса.

Чомбе считал восстание «итогом заговоров международного коммунизма»²⁰ и для его подавления прибег к испытанному в Катанге способу — привлек белых наемников²¹. Отрядам наемников при поддержке самолетов «военно-воздушных сил Конго», за штурвалами которых сидели наемники из числа кубинских эмигрантов²², удалось переломить ход боевых действий, они начали наступление на Стэнливиле.

Попытки мирного урегулирования

Руководители восстания начали апеллировать к внешнему миру, просили помощи, требовали прекратить бомбардировки и остановить кровопролитие. Роль миротворца взяла на себя недавно созданная Организация африканского единства.

5 сентября в столице Эфиопии Аддис-Абебе открылась чрезвычайная сессия министров иностранных дел 34 стран-членов ОАЕ. В повестке дня был один вопрос — положение в Конго. Созыву сессии поспособствовали США, которые рассчитывали привлечь внимание к судьбе арестованных повстанцами американских дипломатов в Стэнливиле и изменить позицию африканских стран в отношении

¹⁷ *Colvin I.* Op. cit. P. 183–184.

¹⁸ *Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А.* Указ. соч. М., 1982. С. 234–236; *Young C.* Op. cit. P. 993.

¹⁹ *De Witte L.* The Assassination of Lumumba. London, New York, 2001.

²⁰ *Tshombe M.* Op. cit. P. 33.

²¹ *Hoare M.* Op. cit.

²² *Villafañe F.* Cold War in the Congo. The Confrontation of Cuban Military Forces, 1960–1967. New Brunswick (NJ), 2009.

правительства Чомбе. Американской дипломатии удалось добиться от императора Хайле Селассие гарантий, что Чомбе будет допущен на форум, а от самого премьера — согласия пойти на компромисс ради улучшения отношений с африканскими странами²³.

Симба приурочили к открытию сессии провозглашение в Стэнливиле Народной Республики Конго (НРК). Ее президентом стал Гбение, Сумиало занял пост министра обороны. Реальная власть находилась у командующего вооруженными силами генерала Николаса Оленги. Территория самопровозглашенного государства охватывала 7 из 21 конголезской провинции. Представителей НРК в Аддис-Абебу не пригласили, но обращение Гбение к ОАЕ было распространено на сессии. Он назвал целями НРК «восстановление суверенитета конголезского народа», «возрождение национальной независимости, восстановление национальной свободы и демократии»²⁴.

Повстанцев поддерживали левые африканские режимы, в частности, Гана, чей президент Кваме Нкрума приложил немало напрасных усилий, чтобы стать самостоятельным игроком в конголезском кризе²⁵. В Аддис-Абебе он предложил план урегулирования, который предусматривал прекращение огня и «нейтрализацию всех конголезских вооруженных формирований», созыв конференции круглого стола всех конголезских политических сил, включая повстанцев, создание временного правительства и проведение всеобщих выборов, ввод в Конго миротворческих сил ОАЕ для «помощи новому временному правительству в поддержании мира и порядка» до выборов²⁶. Выполнение нкрумовского плана означало легитимизацию «борцов за свободу» с хорошей перспективой прихода их лидеров к власти.

Чомбе, естественно, предложения Нкрумы отверг и выдвинул собственный план. Он выразил готовность отказаться от услуг иностранных наемников и любой помощи из неафриканских стран в обмен на военную помощь «дружественных стран» — Либерии, Малагасийской Республики, Нигерии, Сенегала и Эфиопии, которым следовало разрешить «помочь его стране посылкой войск

²³ *Wagoner F.* Dragon Rouge. The Rescue of Hostages in the Congo. Washington (D.C.), 1980. P. 58–59.

²⁴ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 256–257.

²⁵ *Nkrumah K.* Op. cit.; *Мазов С.В.* Распавшийся альянс: конголезский кризис и советско-ганские отношения, 1960–1961 // Новая и новейшая история. 2017. № 5.

²⁶ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 255–256.

в районы, где уже воцарился мир»²⁷. Замысел был прозрачен: подавить восстание силами прозападных африканских стран.

Принятый сессией план мирного урегулирования стал плодом долгих дискуссий и многочисленных согласований. Редакционная комиссия приступила к работе над проектом плана 8 сентября в 22.00, а закончила в 5.00 9 сентября. В тот же день после «длительного» обсуждения сессия «одобрила все пункты проекта решения со значительными изменениями». В заключительный день сессии 10 сентября председатель заседания зачитал последнюю поправку, в которой «говорилось о военной и другой помощи правительству Конго (Леопольдвиль) со стороны стран-участниц Организации африканского единства». Поправка не была принята, причем 9 голосов было подано «за» и 9 «против» при 15 воздержавшихся»²⁸.

Министр иностранных дел Ганы Коджо Ботсио сильно расчувствовался по этому поводу и заявил, что от волнения не может выступать, предложив хором спеть песню собственного сочинения «In the struggle for Africa there is a victory for us». Хоровое пение было остроумным способом избежать публичной оценки итогов сессии. В плане был только один пункт, который соответствовал духу предложений Нкрумы — «прекращение набора наемников и их выдворение из Конго». В остальном — полное выхолащивание. Вместо прекращения огня — «призыв ко всем политическим лидерам достичь национального примирения путем создания правительства Единства, которое обеспечит порядок и проведение свободных выборов». Вместо ввода войск ОАЕ — отправка ее миссии «в страны, которые вмешиваются в дела Конго, с тем чтобы попросить их воздержаться от этого». Хорошо еще, что не прошла поправка о военной помощи ОАЕ режиму Чомбе для подавления восстания. Для практической реализации решений сессии было принято решение учредить «Специальный комитет для помощи политическим лидерам в достижении национального примирения, нормализации отношений Конго с соседними странами и решения вопросов помощи Конго»²⁹. Даже такой документ Чомбе и представители еще пяти стран не подписали, воздержавшись при голосовании. Наступление наемников и бомбардировки продолжались.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 695. Л. 105. Документы Организации африканского единства (ОАЕ). Т. I. М.: Генеральный Штаб Вооруженных Сил СССР. Главное разведывательное управление, 1965. (Далее: Документы ОАЕ). Доклад о третьей чрезвычайной сессии Совета Министров в Аддис-Абебе.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 695. Л. 108, 109.

²⁹ *Nkrumah K. Op. cit. P. 257.*

Но все стороны были довольны. «Правда» охарактеризовала итоги конференции как «провал планов колонизаторов»: «ОАЕ вместо “уничтожения мятежников”, чего требовал нынешний конголезский премьер, предложила решить конголезскую проблему на базе прекращения иностранного вмешательства, то есть именно так, как требуют ее решить патриоты Конго»³⁰. Повстанцы могли записать в актив призыв выдворить наемников из Конго и то, что вопрос об освобождении удерживаемых в Стэнливиле зарубежных дипломатов не нашел отражения в решениях сессии. Чомбе считал, что в Аддис-Абебе ему удалось «пробить окружавшую его стену ненависти» и завоевать репутацию «реалистичного лидера Африки»³¹.

Специальный комитет ОАЕ по Конго в составе представителей Верхней Вольты, Ганы, Гвинеи, Камеруна, Нигерии, ОАР, Сомали, Эфиопии начал работу в Найроби 19 сентября 1964 года под председательством кенийского президента Джомо Кениаты. Туда прибыли Чомбе в сопровождении многочисленной команды бельгийских помощников и министр иностранных дел повстанческого правительства Томас Канза. Но Чомбе не удалось наладить отношения с Кениатой, и 21 сентября он покинул кенийскую столицу, отказавшись «вести переговоры с мятежниками». Канза, интеллигент и профессиональный психолог, сумел убедить Кениату занять активную миротворческую позицию³².

23 сентября Комитет призвал США прекратить поставку вооружений и другую военную помощь правительству Чомбе. Кениата сообщил на пресс-конференции о решении направить делегацию из представителей пяти стран (в том числе Ганы, Гвинеи и ОАР) для встречи с президентом Линдоном Джонсоном. Конголезцев среди них не было.

Это вызвало резко негативную реакцию президента Касавубу, который объявил о выходе Конго из ОАЕ, поскольку поездка ее миссии в Вашингтон является вмешательством во внутренние дела страны³³. Джонсон поддержал союзника. Он заявил, что примет делегацию только в том случае, если в ее составе будет представитель леопольдвильского правительства³⁴. Посол США в Кении

³⁰ Колесниченко Т. Чомбе в изоляции // Правда. 10.09.1964.

³¹ Tshombe M. Op. cit. P. 49, 50.

³² Atwood W. The Reds and the Blacks. A Personal Adventure: Two Tours on Duty in Revolutionary Africa as Kennedy's Ambassador to Guinea and Johnson's to Kenya. New York, 1967. P. 196-198.

³³ Nkrumah K. Op. cit. P. 258.

³⁴ Wagoner F. Op. cit. P. 61.

Уильям Эттвуд сообщил об этом условии Кениате и министру иностранных дел Кении Джозефу Мурумби, главе делегации. 24 сентября Мурумби отправился в Вашингтон, не уведомив американские власти³⁵.

Там их ждал подчеркнуто холодный прием. Неделя в американской столице прошла в бесплодных попытках встретиться с президентом. 1 октября Кениата послал указание Мурумби «сделать хоть что-нибудь». Госсекретарь Дин Раск пригласил делегацию на рабочий завтрак, где согласовали общее коммюнике. Для ОАЕ оно было хоть каким-то спасением лица, а американцев ни к чему не обязывало. Они согласились убедить Чомбе не применять авиацию против повстанцев, когда и если будет достигнуто соглашение о прекращении огня. Останавливать наступление наемников на Стэнливиле никто не собирался. Для установления мира результат миссии был нулевым, что не помешало кенийской прессе назвать ее «триумфом доброй воли»³⁶. Нкрума оценил итоги визита по-другому: «Отношение американского президента к миссии отчетливо показало, насколько низко он оценивает значимость ОАЕ»³⁷.

Вскоре американцы оказались в положении, когда им все-таки потребовалось содействие ОАЕ.

При поддержке авиации наемники быстро продвигались к Стэнливилю. 29 октября по радио Стэнливиля прозвучал призыв Гбение к главам Алжира, Ганы, Гвинеи, Мали и ОАР: «Довожу до сведения ваших превосходительств, что вы разделяете со мной ответственность за потерю Африки. Я сделал все возможное для сохранения африканского достоинства, а вы оставили меня один на один с американскими и бельгийскими бомбардировками. Я обращаюсь к вам в последний раз, умоляю во имя Лумумбы: вмешайтесь в течение нескольких часов. Если вы не сделаете этого, я применю тактику выжженной земли, и американцы с бельгийцами окажутся в пустыне»³⁸. Это был жест отчаяния, оставшийся без ответа.

Превратить джунгли восточного Конго в пустыню симба было не по силам, и они прибегли к более простому и действенному способу, чтобы спасти положение. 5 ноября симба арестовали в Стэнливиле более 300 иностранцев, в большинстве бельгийцев и американцев, объявив их военнопленными, а фактически сделав заложниками. Их жизням грозила реальная опасность. Гбение

³⁵ *Attwood W.* Op. cit. P. 199-200.

³⁶ *Ibid.* P. 203.

³⁷ *Nkrumah K.* Op. cit. P. 258.

³⁸ *Reed D.* Op. cit. P. 163.

публично пригрозил: «Мы сделаем фетиши из сердец американцев и бельгийцев, оденем на себя содранную с них кожу», если наступающий на его столицу враг «не отступит»³⁹.

По указанию из Госдепартамента посольство США в Леопольдвиле послало радиограмму Гбение с выражением готовности вести переговоры для обеспечения безопасности американских граждан в Стэнливиле. 21 ноября в Найроби прибыл Канза и начал переговоры с Кениатой, Эттвудом и генсекром ОАЕ гвинейцем Диалло Телли. Канза настаивал, что условием освобождения заложников должно быть прекращение огня. Эттвуд пытался убедить его согласиться на эвакуацию иностранных граждан из Стэнливиля самолетами Красного Креста под международным контролем с участием ОАЕ. Кениата поддерживал Канзу, в частных беседах объяснял американскому послу, что лучшей гарантией безопасности заложников будет остановка наступления наемников на Стэнливиле. Телли не занимал никакой позиции, утверждал, что его миссия — давать советы Кениате, избегал прямых контактов с Канзой⁴⁰.

Переговоры в Найроби нужны были американцам только для выигрыша времени, чтобы осуществить готовившуюся операцию «Красный дракон» по освобождению заложников. Эттвуд был в курсе времени и деталей операции, но не подавал виду, что развязка близка, и говорил о необходимости продолжения переговоров. Он сообщил Кениате о высадке бельгийского десанта в Стэнливиле в 10 утра по местному времени 24 ноября спустя несколько часов после начала операции. Он заявил, что прерывает переговоры с «представителем мятежников», о чем просит сообщить Канзе. Эттвуд пишет в мемуарах: «Я понимал, что обманул его, и мы устроили ОАЕ Перл-Харбор. Кениата едва сдерживал гнев»⁴¹. Первый опыт миротворчества закончился для кенийского президента фиаско.

Обострение конфликта и провал миротворчества

НАТО разработал операцию «Красный дракон» — переброску по воздуху из Европы на американских самолетах более 300 бельгийских десантников, их высадку в аэропорту Стэнливиля и осво-

³⁹ *Attwood W.* Op. cit. P. 208.

⁴⁰ *Ibid.* P. 208–215.

⁴¹ *Ibid.* P. 215.

бождение заложников. Высадка прошла успешно, большинство заложников удалось спасти, но не обошлось без жертв. Операция всесторонне исследована и описана в мельчайших деталях⁴². Остаются неясными причины странного поведения командира охраны заложников полковника Опепе, который фактически попытался заложников спасти. На этот счет у автора есть свои предположения.

Утром 24 ноября 320 бельгийских парашютистов беспрепятственно десантировались на примыкавшее к аэродрому поле для гольфа. Им хватило получаса, чтобы захватить аэродром и расчистить взлетно-посадочную полосу от бочек с водой, сломанных транспортных средств и других препятствий. Охрана практически не оказала сопротивления, покинув оборудованные пулеметные точки, симба скрылись в лесу.

Около 7 часов на диспетчерской вышке, где командир десанта полковник Лоран развернул свой штаб, неожиданно зазвонил телефон. Мужской голос сообщил на французском языке, что заложники находятся в отеле «Виктория». Спустя несколько минут к вышке подошел голландский миссионер и подтвердил эту информацию. Лоран отдал приказ немедленно выдвигаться в город. Три километра рота парашютистов преодолела меньше чем за час, уничтожая метким и плотным огнем стрелявших по ним симба. Достигнув последнего поворота перед отелем, когда до него оставалось всего ничего, десантники услышали стрельбу⁴³.

В отеле «Виктория» находились 298 заложников: 280 бельгийцев, 17 американцев и итальянец, в том числе примерно 100 женщин и детей. 24 ноября они проснулись в шесть утра от гула самолетов. Те, кто занимал номера на верхних этажах, могли наблюдать в окна высадку десанта, некоторые даже вышли на крышу, чтобы лучше видеть это редкое зрелище. Обитателям нижних этажей вид на аэропорт закрывали дома, но они сразу же догадались в чем дело. Радио Стэнливила окончательно развеяло сомнения: «Мы получили нож в спину от бельгийцев и американцев. Берите мачете и убивайте белых людей. Убивайте белых людей!» Спасение было близко, но до него надо было еще дожить.

В тревожном ожидании прошел час. В семь часов в коридорах появились вооруженные симба. Они распахивали двери номеров и приказывали заложникам выходить на улицу. Их построили перед отелем. В колонне оказалось примерно 250 человек, полу-

⁴² См., например: *Wagoner F. Op. cit.*

⁴³ *Reed D. Op. cit. P. 248; Wagoner F. Op. cit. P. 179.*

сотне удалось остаться в отеле, спрятавшись на крыше, в туалетах, платяных шкафах. Двенадцать симба окружили заложников, держа автоматы наготове. «Ваши братья пришли с неба. Сейчас вы будете убиты», — повторяли они. У командовавшего конвоем полковника Жозефа Опепе, похоже, были другие планы. «Вы должны заплатить за бомбардировки. Мы отвеем вас в аэропорт, где вы погибнете от ваших же бомб», — заявил он заложникам, оставляя им пусть призрачный, но шанс остаться в живых. «Давайте убьем их сейчас», — зароптали солдаты. Полковник сказал, что белые будут живым щитом, и скомандовал: «Марш!»

По мере продвижения колонны становилось ясно, что Опепе ведет собственную игру, тянет время. Нарастал звук интенсивной перестрелки, бельгийские парашютисты были уже близко. Конвоиры стали нервничать. Надо покончить с заложниками сейчас, настаивали они. «Я прикончу первого, кто начнет убивать белых», — пригрозил командир. Подчиненные стали смотреть на него с подозрением. Навстречу колонне вылетел джип с двумя офицерами НАО. Они ударили от парашютистов и были вне себя от ярости. «Расстреляй их всех», — крикнули они Опепе. Тот схитрил: «Расстрелять? Это для них легкая смерть. Мы порвем их на куски копьями и ножами». Выругавшись, офицеры уехали. Конвоиры приказали всем сесть. Со стороны аэропорта подъехал пикап. Из кабины вылез майор Бубу, один из приближенных Сумиало, глухонемой бородатый гигант, боксер-тяжеловес. Бубу отчаянно жестикулировал, показывая Опепе, что парашютисты совсем рядом и с белыми пора кончать. Полковник от него отмахнулся⁴⁴.

Дальше описания очевидцев расходятся. Одни пишут, что Бубу не понял жеста Опепе и открыл огонь по заложникам, другие утверждают, что первым на спусковой крючок нажал самый молодой конвоир, у которого не выдержали нервы. Все считают, что Опепе не давал команды стрелять.

Так или иначе, но через несколько секунд все 12 конвоиров без разбору палили по сидящим заложникам. Кому не достались первые пули, бросились врассыпную. Симба продолжали стрелять по бегущим людям. Через несколько минут появились бельгийские парашютисты. Увидев их, конвойные бросились наутек. 33 заложника были убиты на месте, шестеро умерли от ран, 40 получили ранения⁴⁵.

⁴⁴ Hoyt M. Op. cit. P. 212-214; Reed D. Op. cit. P. 249-254; Wagoner F. Op. cit. P. 179-180.

⁴⁵ Villafaña F. Op. cit. P. 102.

Полковник Опепе был расстрелян симба за невыполнение приказа Оленги уничтожить заложников сразу после начала вторжения.

Выскажу предположение, что жертв могло быть значительно больше, если бы не разговор, состоявшийся между Гбение и резидентом ЦРУ в Конго Лоренсом Девлиным. В конце августа 1964 года Гбение несколько дней находился в руандийской столице Бужумбуре. Там ему нанес неожиданный визит Девлин, чтобы «напомнить о его ответственности за безопасность американских и других заложников в Стэнливиле». Речь шла о зарубежных дипломатах. Гбение ответил издевательски остроумно: «Я могу вас заверить, что ваши люди так же свободны, как и вы в данный момент. Почему бы вам не поехать со мной в Стэнливиле и воочию убедиться, что они свободны и с ними хорошо обращаются? Или вы боитесь ехать?» Девлин произнес с «сардонической улыбкой»: «Вы знаете, и я знаю, что есть еще одна причина, по которой вы защищаете американцев, которых держат как заложников в Стэнливиле. Вы знаете, что я знаю, и учреждение, на которое я работаю, знает где живут в Европе ваша жена и дети. Вы никогда не совершите поступков, которые подвергнут их опасности, не правда ли?»⁴⁶

Неприкрытая угроза офицера ЦРУ подействовала бы на любого. Тем более на Гбение. В его бытность министром внутренних дел в правительстве Адулы Девлин установил с ним «тайные отношения» и проводил «секретные встречи»⁴⁷. Видимо, только железное правило ЦРУ не раскрывать своих агентов заставило Девлина не назвать Гбение таковым. Гбение был очень заинтересован, чтобы с голов иностранцев, оказавшихся в заложниках у симба, не упал ни один волос, и вполне мог приказать Опепе сохранить им жизнь. Если это предположение верно, то самым эффективным и успешным миротворцем невольно оказалось ЦРУ, чей сотрудник спас много жизней заложников.

За тех, кто погиб, жестоко отомстили. Вошедшие в город вслед за десантом наемники и части КНА устроили там «день охоты». Озверевшие солдаты стреляли во всех без разбору на улицах, врываются в дома, убивали мужчин, насиловали женщин. Местом жуткой бойни стала штаб-квартира партии Лумумбы НДК, где были убиты десятки человек, все, кто не успел покинуть здание. Город подвергся тотальному разграблению⁴⁸.

⁴⁶ *Devlin L.* Chief of Station, Congo. A Memoir of 1960-67. N.Y., 2007. P. 221-222.

⁴⁷ *Ibid.* P. 159.

⁴⁸ *Hoare M.* Op. cit. P. 127-129; *Reed D.* Op. cit. P. 264.

Высадка десанта и расправа над повстанцами вызвала широкий международный резонанс. Собравшийся в Найроби на чрезвычайное заседание Специальный комитет ОАЕ по Конго 28 ноября опубликовал заявление для прессы, в котором осудил «военную интервенцию в Конго, организованную правительствами Соединенных Штатов Америки, Бельгии, Великобритании, а также всех тех, кто сделал возможным агрессию в Стэнливиле»⁴⁹. Президент Ганы Кваме Нкрума расценил ее «как наглую агрессию против Африки, напомнившую, что колониализм не умер». Президент Алжира Ахмед Бен Белла заявил, что направит добровольцев и оружие для помощи «конголезским братьям». Словесным осуждением дело не ограничилось. В Каире толпа прорвалась на территорию американского посольства и сожгла носившую имя президента Кеннеди библиотеку культурного центра, где хранилось 27 тыс. книг. В Кении прошла демонстрация под лозунгом «Повесить президента Джонсона!» Массовые демонстрации протеста против действий Бельгии и США прошли в Джакарте, Пекине, Софии и Праге, где в здании американского посольства были выбиты стекла. В Москве демонстранты, среди которых было много студентов из Азии и Африки, атаковали американское и бельгийское посольства, зданиям был причинен ущерб⁵⁰.

Досталось и конголезскому посольству. 28 ноября оно направило Управлению по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД СССР ноту в связи с «варварским нападением» студентов Университета дружбы народов. Они «бросали в здание посольства камни», нанесли материальный ущерб. В ноте выражалось возмущение, что милиция не обеспечила защиту посольству, «играла символическую роль», не оттеснив демонстрантов. Попустительство привело к тому, что студенты взломали двери здания посольства, «разбили все стекла», уничтожили часть архивов, проникли в гараж, повредили посольскую автомашину «Чайка»⁵¹.

26 ноября в МИД был приглашен посол Бельгии, где его ознакомили с заявлением советского правительства. Оно охарактеризовало «высадку бельгийских парашютистов и захват силой оружия города Стэнливиле» как «грубый акт вооруженного вмешательства

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 695. Л. 116. Документы ОАЕ. Т. I. Доклад Генерального Секретаря о четвертой чрезвычайной сессии Совета Министров, Нью-Йорк (США), 16–21 декабря 1964 года.

⁵⁰ *Reed D.* Op. cit. P. 269; *Wagoner F.* Dragon Rouge. The Rescue of Hostages in the Congo. Washington (D.C.), 1980. P. 185–186, 191; *Namikas L.* Op. cit. P. 210.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 7. П. 10А. Д. 6. Л. 4–5.

во внутренние дела со стороны Бельгии, США и Англии, продолжающих политику произвола и насилия в отношении конголезского народа». Ссылка на необходимость освобождения заложников была сочтена фальшивым предлогом, раскрывающим «колониальную сущность этого агрессивного акта»: «И дело не в том, что в Стэнливиле было какое-то количество иностранцев, а в том, что колониальные державы, убедившись в неспособности своего ставленника Чомбе справиться с положением в стране, решили оказать ему открытую помощь в подавлении национально-освободительного движения частями регулярной армии». СССР потребовал «прекращения военной интервенции и вывода из Конго всех бельгийских войск и всех иностранных наемников». Заявления аналогичного содержания были сделаны послу Великобритании в СССР и временному поверенному в делах США в СССР⁵². 25 ноября постоянный представитель СССР в ООН Н.Т. Федоренко направил письмо председателю Совета Безопасности. Его текст отличался от заявления лишь мелкими деталями⁵³.

В СССР развернулась пропагандистская кампания против «новых преступлений империалистов в Конго» со всеми ее атрибутами: митингами трудящихся, заявлениями общественных организаций, подборками сообщений в центральных газетах об акциях протеста в других странах⁵⁴.

Советская реакция на интервенцию не ограничилась вербальным уровнем. Посольство Демократической Республики Конго в СССР было закрыто. Временный поверенный в делах ДРК в СССР Г. Ньямбани 22 декабря покинул Москву. На аэродроме его провожали дипломаты из Бельгии, Великобритании и США, но не было ни одного представителя африканского дипломатического корпуса⁵⁵.

До военной операции стран НАТО в Стэнливиле СССР воздерживался от материальной поддержки повстанцев. Летом 1964 года их представители не раз просили советскую военную, финансовую и иную помощь. С этим в советские посольства в разных странах обращались бывший министр информации в правительстве Лумумбы Анисет Кашамура, сам Гбение и доверенное лицо Канзы в Лондоне Скотланд. Конкретных результатов эти обращения

⁵² Правда. 26.11.1964.

⁵³ S/6066.

⁵⁴ Правда. 26.11.—02.12.1964.

⁵⁵ *Natufe I. Soviet Policy in Africa. From Lenin to Brezhnev.* Bloomington, 2011. P. 258.

не дали⁵⁶. «Через несколько дней после рейда на Стэнливилль» советское руководство приняло решение оказать военную помощь повстанцам⁵⁷. Симба было выделено «различное оружие, боеприпасы и снаряжение на сумму более 5 млн. рублей (достаточное для вооружения 14 тыс. человек). Это специмущество было поставлено в Алжир, ОАР, Гану и Танзанию» для переправки в Конго. Правительство СССР «удовлетворило также отдельные конкретные запросы конголезских патриотов. По просьбе руководителей национально-патриотических сил в СССР было принято на обучение 120 конголезцев»⁵⁸. Относительно номенклатуры военных поставок автору удалось только установить, что «3 катера» были поставлены через Танзанию⁵⁹.

На фоне очередного обострения конголезского кризиса и его дальнейшей интернационализации продолжались миротворческие усилия. 28 ноября 1964 года заседавший в Найроби Специальный комитет ОАЕ по Конго принял решение «рекомендовать административному секретарю организовать чрезвычайное заседание глав государств и правительств в Аддис-Абебе 18 декабря 1964 года, которому должны предшествовать 16 и 17 декабря подготовительное совещание Совета министров»⁶⁰. О чем главы правительств и министры иностранных дел были уведомлены специальной телеграммой. 2 декабря комитет направил всем странам-участницам ОАЕ предварительный доклад, где, в частности, были прописаны основные положения будущей резолюции. Она предусматривала вывод наемников, прекращение огня и «иностранного вмешательства», созыв конференции всех конголезских лидеров заинтересованных сторон под наблюдением ОАЕ, «проведение свободных выборов» под контролем ОАЕ⁶¹.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 7. П. 7. Д. 13. Л. 122. Л. Петров. О деятельности правительства «Народной Республики Конго» (сентябрь–декабрь 1964 г.). Справка, 13 декабря 1965 г.

⁵⁷ Gleijeses P. *Conflicting Missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976*. Chapel Hill, L., 2002. P. 75.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 7. П. 19. Д. 7. Л. 228–229. II Африканский отдел МИД СССР. Конголезский вопрос. (Справка), 27 октября 1965 г.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 7. П. 19. Д. 7. Л. 102. II Африканский отдел МИД СССР. О положении в руководстве национально-патриотических сил Конго (Леопольдвилль). (Краткая справка), 4 августа 1965 г.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 695. Л. 116. Документы ОАЕ. Т. I. Доклад Генерального Секретаря о четвертой чрезвычайной сессии Совета Министров, Нью-Йорк (США), 16–21 декабря 1964 года.

⁶¹ Там же. Л. 117.

Выполнение резолюции, будь она принята, было выгодно повстанцам, сделало бы ОАЕ реальным игроком в конголезском кризисе. Чувствовалась рука Нкрумы. Его план урегулирования был отвергнут на сентябрьской сессии в Аддис-Абебе, когда симба добились впечатляющих военных успехов. А после разгрома основных сил повстанцев в Стэнливиле шансы на их признание легитимной стороной конфликта стали нулевыми.

Многие главы африканских государств считали, что события в Конго не повод для специальной чрезвычайной сессии: «10 декабря, то есть менее, чем за неделю до 16 декабря, административный секретарь не получил $\frac{2}{3}$ положительных ответов, необходимых для созыва совещания на высшем уровне». Министры иностранных дел участвовали в работе сессии ГА ООН и не сочли целесообразным прерывать ее. Конголезский вопрос они решили обсудить не в Аддис-Абебе, а посвятить ему «чрезвычайное совещание при ООН в Нью-Йорке»⁶².

Возможно, такое решение было оправданным, поскольку как раз в это время ситуация в Конго обсуждалась в Совете Безопасности. 1 декабря 22 неприсоединившиеся страны, в основном африканские, обратились к его председателю с просьбой «в срочном порядке» созвать заседание для «рассмотрения положения в Демократической Республике Конго»⁶³. Они назвали «военные операции в Стэнливиле и в других частях Конго», проведенные правительствами Бельгии и Соединенных Штатов с согласия правительства Соединенного Королевства, «вмешательством в африканские дела, явным нарушением Устава Организации Объединенных Наций и угрозой миру и безопасности африканского континента»⁶⁴.

Срочно Совет не собрался, обсуждение конголезского вопроса началось 9 декабря. На нем четко обозначились позиции противников по холодной войне. Представитель СССР Т.Н. Федоренко назвал высадку десанта «агрессией колонизаторов, которые самым вызывающим образом попрали принципы Устава Организации Объединенных Наций, грубо нарушили национальный суверенитет Конго». Представитель США Адлай Стивенсон заявил, что «акция, предпринятая Соединенными Штатами и Бельгией, пред-

⁶² Там же. Л. 118, 119.

⁶³ Так Республика Конго стала называться с 1 августа 1964 г.

⁶⁴ S/6076. С. 1, 4.

ставляет собой лишь чисто спасательную миссию, заранее согласованную с законным правительством Конго»⁶⁵.

Африканские страны акцентировали внимание на расовом аспекте освобождения заложников, подчеркивали недопустимость «спасения жизни нескольких людей, принадлежащих к белой расе, в то время как жизни лишаются тысячи африканцев». «Агрессия в Стэнливиле, — заявил представитель Конго (Браззавиль) Ш.Д. Ганао, — является исключительно серьезным делом. Она только что доказала разительным образом, что в этом мире нет места для черного человека, кем бы он ни был, будь то в стране, в которую он приехал, <...> или на его собственной родине, в Африке». Представитель Ганы К. Ботсио не преминул указать в весьма жестких выражениях на наличие расовой проблемы в США: «Согласно международному праву, у Соединенных Штатов не больше прав на вмешательство [в Конго], чем, скажем, у Ганы в дела южных штатов Соединенных Штатов Америки в целях защиты жизни афро-американских жителей этих штатов, которые постоянно подвергаются пыткам и которых убивают за то, что они требуют своих законных прав, и защищать жизнь которых поручено правительству Соединенных Штатов»⁶⁶. Ему вторил представитель Гвинеи Л. Беавоги. «Так называемые цивилизованные правительства и страны, которые сейчас осуждают то, что они называют зверствами повстанцев», не выражали негодования, когда американские самолеты, пилотируемые кубинскими наемниками, «бомбили города, удерживаемые силами Совета национального освобождения, убивали конголезских и европейских мирных жителей». «Не по той ли причине, что тысячи конголезских граждан, убитых южноафриканскими, родезийскими, бельгийскими авантюристами, а также кубинскими эмигрантами, были чернокожие, как и цветные граждане Соединенных Штатов, которых убивали в Миссисипи?»⁶⁷

Стивенсон ответил, что за семь лет работы в ООН он «не слышал такого бессмысленного, безответственного, оскорбительного и отвратительного языка в этом зале, языка, используемого, если хотите, бесцеремонно с целью очернить и оболгать смелые и успешные усилия по спасению человеческих жизней представителей многих национальностей, людей различного цвета кожи».

⁶⁵ S/PV.1170. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 1170-е заседание. 9 декабря 1964 года. С. 1, 2.

⁶⁶ Там же. С. 9, 12, 13.

⁶⁷ S/PV.1171. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 1171-е заседание. 10 декабря 1964 года. С. 4.

С сожалением отметив возникновение в зале «призрака расового антагонизма и конфликта», представитель США заявил, что черный расизм не является «противоядием против белого расизма»⁶⁸.

Результатом острых и продолжительных дебатов стала «беззубая» резолюция, принятая Советом 30 декабря. Призывы «всем государствам воздержаться от вмешательства или прекратить вмешательство во внутренние дела Конго» и «прекратить огонь в Конго» были не более чем благими пожеланиями. Не предусматривалось никаких конкретных мер, Генеральному секретарю ООН всего лишь предлагалось «следить за развитием положения в Конго и представить Совету Безопасности доклад в соответствующий момент»⁶⁹. Федоренко справедливо отметил, что резолюция «далеко не в полной мере выражает законные требования африканских государств, которые обратились к Совету Безопасности за помощью», в ней «не названы по именам те, кто несет ответственность за агрессивные действия против конголезского народа, <...> и не содержится должного осуждения совершенной этими странами вооруженной интервенции в Конго»⁷⁰.

Сами африканские страны тоже не смогли принять действенные решения по Конго. Совет министров иностранных дел стран-членов ОАЕ 21 декабря принял резолюцию, которая «подтвердила» ущербный план мирного урегулирования, принятый 10 сентября в Аддис-Абебе⁷¹. Реализовывать этот заведомо невыполнимый документ поручили Специальному комитету ОАЕ по Конго, у которого для этого не было полномочий, возможностей и ресурсов⁷².

Это ярко проявилось на третьей сессии Совета министров иностранных дел стран-членов ОАЕ, проходившей в Найроби 29–30 января 1965 года. Долго спорили о том, целесообразна ли поездка делегации Специального комитета в Конго (Леопольдвиль), Конго (Браззавиль) и Бурунди, и надо ли ей встречаться с лидерами повстанцев. В итоге решили создать подкомитет для организации такой поездки и «пригласить представителей

⁶⁸ S/PV.1174. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 1174-е заседание. 14 декабря 1964 года. С. 7.

⁶⁹ S/6129.

⁷⁰ S/PV.1188. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 1188-е заседание. 30 декабря 1964 года. С. 2.

⁷¹ См. выше: С. 90.

⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 695. Л. 120. Документы ОАЕ. Т. I. Доклад Генерального Секретаря о четвертой чрезвычайной сессии Совета Министров, Нью-Йорк (США), 16-21 декабря 1964 года.

Республики Конго (Леопольдвиль) и конголезских революционных руководителей или их представителей встретиться с членами комитета в пятницу, 12 февраля 1965 года в Найроби»⁷³. Ни поездка, ни встреча не состоялись. Комитет оказался совершенно недееспособным. Этого не скрывали и некоторые участники сессии. Представитель Верхней Вольты «напомнил, что Комитет собирается в третий раз, а никаких сдвигов в его работе не произошло»⁷⁴. Нигерийский представитель заявил, что «прежде всего Комитет должен установить срок завершения своей работы»⁷⁵. В дальнейшем на попроще конголезского миротворчества Комитет никак себя не проявил.

Даже на фоне прямого (помимо наемников) военного вмешательства в Конго ни ООН, ни ОАЕ не смогли принять действенный план мирного урегулирования в Конго. Бесперспективность миротворческих усилий стала очевидной.

Социалистические и левые африканские страны продолжали оказывать повстанческому движению военную и иную помощь. После визита представителей руководства повстанцев в Москву в сентябре 1965 года было принято решение предоставить им «дополнительное вооружение (на 4 тыс. человек), продовольствие и медикаменты, а также принять на обучение в СССР еще 200 конголезцев»⁷⁶. В апреле 1965 года Че Гевара во главе небольшого отряда переправился через озеро Танганьика с территории Танзании в «освобожденный район» в северной Катанге. Он намеревался наладить партизанскую войну в восточном Конго и превратить его в «еще один Вьетнам»⁷⁷.

Внешняя помощь не обеспечила повстанцам военных успехов. Среди симба произошел раскол, полевые командиры занялись дележом доходов и власти, устраивали междоусобные вооруженные разборки, погрязли в коррупции, жили на широкую ногу⁷⁸.

После отстранения от власти одиозного Чомбе в октябре 1965 года симба перестали поддерживать даже левые африканские страны. Характерную эволюцию претерпела позиция по конголез-

⁷³ Там же. Л. 132–133.

⁷⁴ Там же. Л. 125.

⁷⁵ Там же. Л. 127.

⁷⁶ АВП РФ. Ф. 0590. Оп. 7. П. 19. Д. 7. Л. 229. 2-й Африканский отдел МИД СССР. Конголезский вопрос. (Справка), 27 октября 1965 г.

⁷⁷ См.: *Guevara E.* Op. cit.

⁷⁸ См.: *Мазов С.В.* СССР и повстанцы восточного Конго. URL: <https://history.jes.su/s207987840002286-3-1>

скому вопросу ганского президента К. Нкрумы. В начале 1965 года «после неудачной сессии Совета Министров иностранных дел по Конго в Найроби» ганское правительство «считало, что единственным выходом из создавшегося положения является непосредственная военная помощь повстанцам». К середине года, «внимательно изучив обстановку в стране и разногласия среди лидеров повстанцев, оно пришло к выводу, что это движение вряд ли имеет шансы на успех». Нкрума решил, что «человеком, который мог бы стабилизировать положение в стране, и который, хотя и в умеренной степени, но все же настроен националистически и будет сотрудничать с другими африканскими странами, является Касавубу». На саммите глав государств-членов ОАЕ в Аккре в октябре 1965 года Гана «выступила посредником в переговорах между Касавубу и другими африканскими лидерами». Правительство Ганы и большинство других правительств-участников саммита заверили Касавубу, что «они окажут ему полную политическую поддержку при условиях, что он выведет из страны всех иностранных наемников, вступит в контакты с лидерами повстанцев, нормализует отношения с Конго (Брааззавиль) и навсегда устранил Чомбе из политической жизни Конго»⁷⁹. Вопрос о присутствии в Аккре представителей конголезских повстанцев не поднимался, о положении в Конго не было принято специальной резолюции⁸⁰.

В ноябре того же года восточное Конго покинул отряд Че Гевары. Для Че это было трудным решением, но другого выхода не было. «Мы, — писал он, — руководствовались идеей, что необходимо создать такую ситуацию, когда люди, получившие опыт в освободительных сражениях (и в дальнейшем в борьбе против реакционных сил), сражались бы плечом к плечу с неопытными, необстрелянными людьми, то есть обеспечить “кубинизацию” конголезцев»⁸¹. Получилось же наоборот, произошла «конголезация» кубинцев, которые оказались на грани деморализации.

Вскоре после завершения конголезского предприятия Че Гевары в Конго произошли события, предопределившие судьбу страны более чем на 30 лет. 24 декабря 1965 года Мобуту осуществил бес-

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0573. Оп. 10. П. 20. Д. 11. Л. 57–58. Третий секретарь посольства СССР в Гане С. Беляев. Позиция Ганы по основным международным вопросам, 25 января 1966 г.

⁸⁰ Resolutions adopted by the second ordinary session of the Assembly of Heads of State and Government held in Accra, Ghana from 21 to 26 October 1965. Organization of African Unity. Secretariat. Addis Ababa, 1965.

⁸¹ *Guevara E.* Op. cit. P. 2.

кровный военный переворот, провозгласил себя главой государства и отправил Касавубу в ссылку в родную деревню, где тот тихо закончил свои дни. Мобуту заявил о готовности проводить политику неприсоединения, «поддерживать ценности ОАЕ и устремления народов Африки»⁸², что выгодно отличало его от Чомбе в глазах африканских лидеров.

Лишившись внешней помощи, симба прекратили вооруженную борьбу. В марте 1966 года советская разведка констатировала: «Национально-патриотическое движение в Конго (Леопольдвиль) фактически перестало существовать, потерпев поражение в вооруженной борьбе против правительственных войск»⁸³. Советское руководство свернуло контакты с представителями повстанцев и взяло курс на налаживание отношений с режимом Мобуту. Дипломатические отношения между СССР и Демократической Республикой Конго были восстановлены в ноябре 1967 года.

Гражданскую войну в Конго 1964–1965 гг. пыталась погасить ОАЕ. Ее миротворческие усилия закончились провалом из-за непримиримости и ожесточенности враждующих сторон, управляемости африканских лидеров внешними игроками конголезского кризиса, не авторитетности организации не только на международной арене, но и в Африке. Выработанные ОАЕ компромиссные предложения по мирному урегулированию не стали основой для переговоров между представителями повстанцев и конголезских властей. Делегации ОАЕ не удалось убедить руководство США прекратить военную поддержку режима Чомбе. Учрежденный ОАЕ Специальный комитет по Конго оказался совершенно недееспособным. Переговорный процесс начался только после захвата симба в Стэнливиле более 300 белых заложников. Переговоры в Найроби между представителем повстанцев и американским послом в Кении при посредничестве председателя Комитета ОАЕ по Конго кенийского президента Джомо Кениаты велись американской стороной не в миротворческих целях, а для прикрытия готовившейся военной операции по освобождению заложников, и были прекращены сразу после ее начала. Военное поражение повстанцев, междоусобицы, моральное разложение их лидеров сделали миротворчество неактуальным.

⁸² *Nkrumah K.* Op. cit. P. 290.

⁸³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Л. 309. Информация ГРУ о положении в национально-патриотическом движении Конго, 23 марта 1966 г.

Радио «Свобода», российские эмигранты и холодная война в Африке в 1970-е гг.¹

А. В. Антошин

Конфликтогенность Черного континента — факт, широко известный не только специалистам, но и тем, кто не занимается Африкой. Так, только в 2017 году ООН и Африканский союз проводили в Африке 10 миротворческих операций с привлечением воинских контингентов общей численностью 90 тыс. человек. Общая стоимость миротворческих операций составила примерно 6,9 млрд долл. (около 0,5 % общемировых военных расходов)².

Однако вопрос о том, какие факторы играли (и играют) ключевую роль в эскалации напряженности в Африке относится к числу дискуссионных. Можно ли утверждать, что в XX веке войны и вооруженные конфликты в странах Африки возникали вследствие исключительно внутренних причин? Или эти явления в той или иной мере отражали противостояние великих держав, которые стремились использовать местных «политических игроков» в своих интересах? Пожалуй, наиболее очевидно подобные тенденции прослеживались в годы холодной войны. Как известно, в 1970-е гг. Советский Союз весьма активно стремился усилить свое влияние в странах Тропической Африки, направляя режимам «социалистической ориентации» разнообразную помощь. Естественно, это не оставалось без внимания со стороны США. Финансировавшееся ими радио «Свобода»³ в 1970-е гг. в своих передачах регулярно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002-ОГН/19, тип гранта а(м), «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

² Панин А. Операции по поддержанию мира в Африке. Эл. ресурс. Адрес доступа: http://factmil.com/publ/strana/afrika/operacii_po_podderzhaniju_mira_v_afrike_2017/166-1-0-1210

³ В современной историографии уже анализировалась проблема использования ведущими странами Запада как средств массовой информации, так и эмигрантов из Советского Союза в холодной войне. См.: *Major P.* Listening behind the Curtain: BBC Broadcasting to East Germany and Its Cold War Echo // *Cold War History*. 2013. Vol. 13. Issue 2. P. 255–275; *Mikkonen S.* Exploiting the Exiles: Soviet Emigres in U.S. Cold War Strategy // *Journal of Cold War Studies*. 2012. Vol. 14. Issue 2. P. 98–127.

обращалось к африканской тематике. Наряду с этой структурой активное участие в информационной войне той эпохи принимали и печатные средства массовой информации Запада, некоторые из них были созданы российскими эмигрантами. Те оценки советской политики в Африке, которые давались этими пропагандистскими центрами, представляют немалый интерес для исследования.

Статья базируется, в частности, на материалах личного архива одного из американских руководителей радио «Свобода» Йена Лодисена (архив хранится в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета, Вашингтон, США). Занимавший на радиостанции различные должности (глава политического штаба, глава отдела программной политики, программный менеджер Русской службы, директор по политическим и исследовательским проблемам, с 1984 года — директор американских операций), он во многом определял идеологические установки «Свободы» в указанный период. В данном архиве хранится переписка Й. Лодисена с сотрудниками радиостанции — российскими эмигрантами, которая помогает «пролить свет» на процесс создания контента на «Свободе» в 1970-е гг. Кроме того, в статье использованы материалы Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) и Архива Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия), а также публикации наиболее известного пропагандистского издания антикоммунистической эмиграции эпохи холодной войны — журнала «Посев».

Анализ упомянутого выше джорджтаунского архива Й. Лодисена показывает, что американский топ-менеджер «Свободы» преимущественно взаимодействовал с главой программного отдела радиостанции В.А. Оболенским⁴. Последний являлся видным членом Народно-трудового союза (НТС), что было отнюдь не случайно. НТС был наиболее активной эмигрантской антикоммунистической организацией эпохи холодной войны⁵, и многие его

⁴ Оболенский Валериан Александрович (1925–1977) — родился в Париже в семье русских эмигрантов, учился в русской гимназии. В годы Второй мировой войны находился в Лондоне, после освобождения Парижа выступал в составе балетной труппы перед британскими войсками. После войны вступил в НТС. Работал в Русской службе Би-би-си, преподавал русский язык в Кембридже. С 1952 года работал в отделе внешних сношений НТС во Франкфурте–на-Майне. С 1955 года — глава отдела новостей радио «Свобода», затем директор программного отдела радиостанции.

⁵ Среди современных исследователей истории НТС следует выделить Б. Тромли. См.: *Tromley B. The Making of a Myth: The National Labor Alliance,*

деятели (помимо В.А. Оболенского – А.А. Тенсон, Г.А. Пар, Б. Литвинов и др.) работали на радиостанции «Свобода»⁶. В 1970-е гг. они следили за развитием ситуации на Африканском континенте, рассматривая ее в контексте борьбы великих держав за влияние в отдельных странах и регионах. Пожалуй, наиболее острую реакцию НТС вызвали события гражданской войны в Нигерии, связанные с попыткой получения независимости Биафрой. Характерно, что этому была даже посвящена передовица первого номера журнала «Посев» за 1970 год, имевшая броский заголовок «Коллаборанты», сразу создававший у читателя параллель с событиями Второй мировой войны, она была посвящена осуждению «сговора» между Великобританией и Советским Союзом по вопросу об отношении к событиям в Нигерии. Деятели НТС напоминали, что государственные границы в Африке зачастую были проведены искусственно, совпадая «со старыми рубежами», проложенными в период «дележа колоний», без учета этнической ситуации в регионах континента. Эмигрантские публицисты замечали, что об этом, как и о праве наций на самоопределение, не раз говорилось на заседаниях международных организаций, с трибуны ООН. «Но вот некоторые новые правительства вдруг объявляют колониальные рубежи своими священными границами, а народы, желающие самоопределиться – сепаратистами и изменниками»⁷, – с возмущением заявляли деятели НТС. Они крайне негативно оценивали поддержку центрального правительства Нигерии Великобританией и Советским Союзом, объясняя это желанием Лондона получить природные богатства страны и надеждами Москвы на создание в западноафриканском государстве «народной республики»⁸. При этом НТС обвинял руководство Нигерии в многочисленных нарушениях прав человека, бросая ему самые суровые обвинения: «Биафранцев морили голодом, расстреливали из английского оружия, давили советскими танками... В Биафре погибла, по меньшей мере, треть населения. Такие действия именуется геноцидом»⁹.

При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что обращение к ситуации в Западной Африке было для НТС еще одним поводом для того, чтобы осудить «примиренческую» поли-

Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities // *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18. Issue 1. P. 80–111.

⁶ См.: *Оболенская-Флам Л.* Воздушными путями // *Посев*. 2003. № 3. С. 11.

⁷ См.: [Редакционная статья]. *Коллаборанты* // *Посев*. 1970. № 1. С. 1.

⁸ См.: Там же.

⁹ Там же.

тику Запада в отношении существовавшего в СССР политического режима. По мнению эмигрантских публицистов, факты попустительства со стороны Запада нарушениям прав человека в Нигерии и Советском Союзе были звеньями одной цепи. «Почему те, кто коллаборировал с Брежневым и Косыгиным в Биафре, станут вдруг возмущаться арестами в СССР?»¹⁰ — задавали риторический вопрос деятели НТС. Интересно, что публицисты «Посева» ввели даже специальный термин — «дух Биафры», что подразумевало создание условий, при которых становилось невозможным существование какого-либо народа, наблюдался «процесс уничтожения духа и разума нации»¹¹.

Анализируя публикации «Посева» 1970-х гг., убеждаешься: для деятелей НТС события в Африке могли быть поняты лишь в контексте общей ситуации в международных отношениях эпохи холодной войны. Критикуя отдельные шаги Запада в отношении африканских государств, российские эмигранты сразу же проводили параллели с реакцией Вашингтона и Лондона на действия Москвы. Так, известный деятель НТС Ю.В. Чикарлеев¹² назвал «политическим шантажом» исключение делегации Южной Родезии из числа участников Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене. При этом он обвинял мировое сообщество в непоследовательности, «двойных стандартах», заявляя: «Если начать исключать страны по политическим причинам..., исключить придется также Советский Союз»¹³.

Значительное внимание на страницах «Посева» уделялось активизации африканского направления внешней политики СССР. По мнению деятелей НТС, данная политика постепенно эволюционировала, менялись ее векторы, регионы, куда направлялись основные усилия советской дипломатии. Так, в 1960-е гг. резко возросло число советских торговых и рыболовных судов у западного побережья Африки. Как полагал публицист «Посева» Г. Микулин, «излюбленным пристанищем советские суда избра-

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: [Редакционная статья]. Дух Биафры // Посев. 1973. № 3. С. 25.

¹² Чикарлеев Юрий Васильевич (р. 1926). Родился в Ленинграде, в конце войны был призван в армию, в 1945 году бежал в Грецию. Вступил во французский Иностраннный легион (служил в Африке и Индокитае). Член НТС с 1952 года, занимался пропагандой среди советских моряков в иностранных портах. Впоследствии порвал с НТС, опубликовал разоблачительную книгу «Трагедия НТС. Эпизод тайной войны» (Нью-Йорк, 1987).

¹³ См.: Чикарлеев Ю. Олимпиада: спорт или политика? // Посев. 1972. № 10. С. 7.

ли Дакар, что отнюдь не вызывает восторга в правящих кругах Сенегала»¹⁴. Данная активность, как подчеркивал эмигрантский публицист, являлась отнюдь не случайной и преследовала далеко идущие цели, связанные с укреплением политического и экономического влияния СССР в регионе. Возможно, замечал он, «какой-либо стране на западном африканском побережье понадобится такая же “братская помощь”, какая на средиземноморском побережье уже оказывается Египту», и Советскому Союзу ее будет оказывать значительно проще, если в регионе он уже будет иметь прочную базу, определенное экономическое присутствие¹⁵.

Вместе с тем, на страницах «Посева» уже в первой половине 1970-х гг. стали появляться и материалы, авторы которых фиксировали смещение центра тяжести советской политики в Африке с западного на восточное побережье. Об этом прямо писал в 1973 году, например, известный деятель НТС А.П. Столыпин¹⁶, связывая это с необходимостью для СССР иметь военно-морские базы в Индийском океане¹⁷. По его мнению, ключевым для Советского Союза в этом плане являлось Сомали, сотрудничество с режимом С. Барре.

Впрочем, тот же А.П. Столыпин указывал на то, что к началу 1970-х гг. у СССР на континенте появился новый серьезный соперник — КНР. Следует подчеркнуть, что эмигрантские публицисты рассматривали ситуацию в Африке отнюдь не только сквозь призму противостояния двух сверхдержав — СССР и США. Они справедливо отмечали, что внутри социалистического «лагеря» налицо были серьезные противоречия между Советским Союзом и Китаем. Последний уже в первой половине 1970-х гг. имел весьма прочные позиции в целом ряде стран континента. Так, в феврале 1973 года Нигерия, по замечанию А.П. Столыпина, «с энтузиазмом» приняла весьма многочисленную китайскую сельскохозяйственную делегацию. В тот же период КНР предоставила Заиру беспроцентный заем на сумму 100 млн. долларов. Что же касается Танзании и Замбии, то там, по замечанию деятеля НТС, «китайцы

¹⁴ Микулин Г. Советский флот у Западной Африки // Посев. 1972. № 2. С. 31.

¹⁵ См.: Там же. С. 32.

¹⁶ Столыпин Аркадий Петрович (1903—1990). Сын премьер-министра Российской империи. В 1920 г. вместе с семьей был вывезен польским Красным Крестом в Варшаву. Жил в Германии, Италии, Франции, работал в банковской сфере. С 1935 г. — член НТС, в 1942—1949 гг. — председатель отдела Союза во Франции. С 1969 года до смерти — член редколлегии журнала «Посев».

¹⁷ См.: Столыпин А. Из Африки в Индийский океан // Посев. 1973. № 8. С. 40.

утвердились прочно»¹⁸, о чем свидетельствовал известный проект строительства железной дороги, для осуществления которого в Восточной Африке оказалось большое количество специалистов из КНР. Все эти факты даже позволили сделать А.П. Столыпину весьма хлесткое (и вряд ли, на наш взгляд, полностью справедливое заключение), что «бой» за Африку против Китая СССР «проигрывает по всему фронту»¹⁹.

Тем не менее, бесспорно, что активизация Китая становилась одним из важнейших факторов, которые вынуждали Советский Союз уделять в 1970-е гг. Африке значительно большее внимание. Эмигрантские аналитики фиксировали активизацию деятельности в СССР специальных исследовательских центров, которые занимались Африкой. Уже упомянутый Г. Микулин обратил внимание на Институт Африки АН СССР, называя его «первоклассной группой специалистов», которая «бдительно следила» за развитием политических процессов на Черном континенте²⁰. В 1972 году на страницах «Посева» была даже опубликована развернутая рецензия на известный труд «Политические партии Африки», подготовленный Институтом Африки и вышедший под редакцией В.Г. Солодовникова. Озаглавленная в «лучших» традициях эпохи холодной войны — «Советы для подрывной работы в Африке», — эта статья, однако, содержала в целом позитивную оценку данного труда одним из ведущих антикоммунистических пропагандистских центров. По мнению рецензента, созданная Институтом Африки книга была составлена «без излишних пропагандистских приемов, умно и откровенно»²¹. Как считал публицист «Посева», подобная «откровенность» была возможна потому, что этот труд имел весьма небольшой тираж и был рассчитан на сравнительно узкую аудиторию. Отмечая, что он был составлен «хорошими специалистами», рецензент, однако, полагал, что он все же «схематичен и абстрактен». В связи с этим антикоммунистический автор справедливо упрекал коллектив советских африканистов в недооценке религиозного фактора, в частности, роли ислама в Африке²². Любопытно и замечание рецензента, что основное внимание в данной книге было уделено тем странам, где либо у власти находились союзники СССР — «передовые отряды» «с тоталитарными веяниями» (Гви-

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Микулин Г.* Указ. соч. С. 32.

²¹ А.С. Советы для подрывной работы в Африке // *Посев.* 1972. № 1. С. 61.

²² См.: Там же.

нея, Танзания, Конго), либо «орудовали партизаны, прислушивавшиеся к коммунистическим напевам» (Ангола, Мозамбик, Португальская Гвинея)²³. Иными словами, полагал автор «Посева», несмотря на основательность данного труда, он вряд ли мог претендовать на комплексный охват проблемы политического развития Африканского континента. Тем не менее, сам факт появления рецензии на эту книгу в «Посеве», бесспорно, симптоматичен: он показывает, что Африка рассматривалась антикоммунистической эмиграцией как важный участок холодной войны.

При этом представленный выше обзор публикаций по африканской тематике на страницах «Посева» показывает, что деятели НТС далеко не во всем были солидарны с той линией, которую осуществляли на Черном континенте страны Запада. Поэтому неслучайно, что работавшие на радиостанции «Свобода» эмигранты нередко вступали в конфликт с теми установками, которые им давал американский менеджмент «Свободы». Это было тем более закономерно, что, несмотря на проделанную НТС после Второй мировой войны серьезную идейную эволюцию, многие его члены сохраняли приверженность принципам Белой идеи, лежавшим в основе идеологии организации еще в 1930-е гг. Между тем, американские руководители «Свободы» были настроены совершенно иначе. Сотрудник «Свободы» — известный деятель НТС Г.А. Рар²⁴ — позднее так характеризовал взгляды одного из ведущих менеджеров «Свободы» Й. Лодисена и его соратников: «Царская Россия представлялась им иронической и во многом отсталой страной; зато положительно оценивался Февраль 1917 года. Одним из почти что положительных героев был Троцкий, и в значительной степени они идеализировали Ленина. “Белые”, конечно, были “реакционерными” и даже монархистами»²⁵.

²³ А.С. Советы для подрывной работы в Африке // Посев. 1972. № 1. С. 61.

²⁴ Рар Глеб Александрович (1922–2006). Родился в Москве в семье офицера Русской Императорской армии. В 1924 году семья была выселена в Эстонию, затем они переселились в Латвию. Вырос в Лиепае (Либаве). В 1941 году как балтийский немец переселился в Германию. Член НТС с 1942 года, в 1944–1945 гг. находился в заключении в концлагерях Заксенхаузен, Бухенвальд, Дахау и др., освобожден в апреле 1945 года. После войны работал в издательстве «Посев», в Отделе иностранных дел НТС во Франкфурте, на радиовещании НТС на Тайване и в Японии. С середины 1970-х гг. — сотрудник радио «Свобода», ведущий религиозно-исторических передач. Председатель Свято-Князь-Владимирского Братства в Германии. Член Совета НТС в 1967–1990 гг.

²⁵ Рар Г. А. «...И будет наше поколение давать истории отчет». Воспоминания. М., 2011. С. 494.

Данный конфликт мировоззренческих установок и общих подходов к антикоммунистической борьбе вел к тому, что американцы и российские эмигранты во многом по-разному смотрели и на ситуацию в Африке. Хранящиеся в джорджтаунском архиве письма Й. Лодисена ясно свидетельствуют о том, что американцы не одобряли прямолинейности, свойственной многим российским антикоммунистам. Последние, как было показано выше, были склонны подчеркивать экспансионизм советской политики в Африке, открыто заявляя, что именно это было важнейшим дестабилизирующим фактором ситуации на континенте. Американский менеджмент «Свободы» чаще всего был настроен более осторожно, избегая хлестких эпитетов и навешивания ярлыков. Характерно замечание Й. Лодисена в письме В. Оболенскому относительно сделанной в 1971 году передачи на тему «Растущая роль Пекина в Черной Африке»: «Интеллигентный, сбалансированный текст»²⁶. Вот что прежде всего ценилось американцами! Они были крайне осторожны в освещении конфликтов на континенте, выступали против того, чтобы огульно обвинять в их эскалации определенные силы. По их мнению, обвинения обязательно должны были быть четко аргументированы. Поэтому из той же передачи «Растущая роль Пекина в Черной Африке» Й. Лодисен попросил В. Оболенского удалить фрагмент о том, что Гана при К. Нкруме вела пропаганду в соседних странах, подстрекая их жителей выступать против своих правительств²⁷. Очевидно, по мнению американского менеджера, подобные обвинения, во-первых, не были должным образом обоснованы журналистом, во-вторых, могли вызвать негативную реакцию со стороны нового руководства Ганы, ухудшив ее отношения с США.

Тема китайской политики в Африке уже в начале 1970-х гг. нередко звучала в передачах на радио «Свобода». В них было показано, что КНР усиливает свое присутствие на Черном континенте, используя для этого разнообразные средства. Американский менеджмент радиостанции позитивно воспринимал такие сюжеты, полагая, что об этом необходимо говорить. Так, Й. Лодисен одобрил цикл передач, посвященных Экваториальной Гвинее, в характерном американском стиле заметив: «Это было отличное шоу!»²⁸ Оценивая данные передачи, он отметил, что в них «усилия

²⁶ Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Jon Lodeesen papers. Box 1. Folder 28. J. Lodeesen to V. Obolensky. 23.04.1971.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. Folder 27. J. Lodeesen to V. Obolensky. 09.03.1971.

Китайя были помещены в ясно понятный контекст, показана их схожесть с советской политикой в Африке»²⁹.

Однако далеко не все передачи, созданные российскими антикоммунистами, встречали такое одобрение у американских руководителей радио «Свобода». Пожалуй, скорее наоборот: критических отзывов было даже больше, чем положительных. Как уже отмечалось, по мнению американцев, характерная для российской антикоммунистической эмиграции прямолинейность нередко вела к тому, что не учитывались нюансы, специфика политической культуры африканцев, сложность этнического и религиозного состава населения в странах континента. Так, весьма критически был оценен Й. Лодисеном подготовленный весной 1971 года сюжет на тему «Советское вмешательство в Судане». «Его надо переработать», — решительно заявил в письме В. Оболенскому американский менеджер. По его мнению, первоначальный текст передачи представлял ситуацию в стране таким образом, что «русские помогают арабским работорговцам против мирных миссионеров». «Снова и снова», указывал Й. Лодисен, в сюжете поднималась тема противостояния мусульман («которым помогают Советы») и христиан. Такая картина, полагал американский менеджер, была упрощенной и могла вызвать негативную реакцию мусульманского населения Африки, спровоцировав конфликты. Кроме того, Й. Лодисен задавался вопросом: «Можем ли мы сказать, что все наши слушатели разделяют симпатии автора к христианам?»³⁰ Американское руководство «Свободы» всегда помнило о том, что потенциальную аудиторию радиостанции составляло и население советской Средней Азии, Азербайджана, Татарской АССР и ряда других территорий со значительным мусульманским населением. Подобные сюжеты могли вызвать отторжение у этих людей, чего, безусловно, стремились избежать американцы.

Заметим, что позднее, в начале 1980-х гг., эмигранты-антикоммунисты, работавшие на «Свободе», в своих передачах продолжали обращаться к африканским сюжетам. Так, отдельные «скрипты» радиопередач, посвященных ситуации на Черном континенте, имеются в личном фонде сотрудника радио «Свобода» Е. Кушева³¹

²⁹ Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Jon Lodeesen papers. Box 1. Folder 27. J. Lodeesen to V. Obolensky. 09.03.1971.

³⁰ Ibid. Folder 28. J. Lodeesen to V. Obolensky. 13.04.1971.

³¹ Кушев Евгений Игоревич (1947–1995). Жил в Москве. Ушел из школы, учился в школе рабочей молодежи, затем на истфаке МГУ. В 1960-е — начале 1970-х гг. относился к советской инакомыслящей интеллигенции: основал

(фонд хранится в Архиве Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена, Германия). Как показывает анализ их содержания, данные передачи носили ярко выраженный антикоммунистический характер, сохраняя все те особенности, которые были характерны для сюжетов, созданных работавшими на «Свободе» российскими эмигрантами в 1970-е гг. Так, Е. Кушев резко критиковал Советский Союз за поддержку «колониального режима» в Эфиопии, боровшегося против повстанцев Эритреи³².

Как подобные передачи радиостанции «Свобода» воспринимались эмигрантской аудиторией? Как показывает анализ архивных источников (прежде всего личной переписки), основная масса эмигрантов-антикоммунистов во многом разделяла те настроения, которые были характерны для деятелей НТС, выступавших на радио и печатавшихся в «Посеве». У этих людей вызывала отторжение осторожная политика американцев, они полагали, что необходимо «называть вещи своими именами». Так был настроен, например, старый эмигрант, «последний меньшевик» Б.М. Сапир³³, о чем свидетельствуют материалы его личного фонда, хранящегося в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). Как показывают эти документы (прежде всего его письма известному британскому историку и советологу Леонарду Шапиро), ситуация в Африке в 1970-е гг. привлекала внимание Б.М. Сапира. Так же, как деятели НТС, он полагал, что в Африке шла холодная война, где Запад испытывал постоянное давление со стороны сил коммунистической экспансии. Весьма откровенно он написал об этом в апреле 1978 года: «Я боюсь, что события в Африке и в Азии льют воду на мельницу Брежневых и Косыгиных, и что Европа, этот крохотный островок демократии

дискуссионный «Клуб Рылеева», публиковался в самиздате, допрашивался КГБ СССР. В 1974 году эмигрировал из СССР, с 1982 года – сотрудник радио «Свобода».

³² Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. NA). F. 27 (Kushev). Эритрея, 18.02.1982.

³³ Сапир Борис Моисеевич (1902–1989). Меньшевик с 1919 года, в 1921–1922 гг. – один из организаторов и руководителей Российского союза социал-демократической рабочей молодежи (меньшеvistского «комсомола»). Неоднократно арестовывался, сидел в Бутырке и Рязанской тюрьме. Сослан в Курскую губернию, бежал. В 1922–1923 гг. находился на нелегальном положении в Харькове и Москве, после ареста отправлен на Соловки, затем был в ссылках в Кеми и Кургане. В 1926 году бежал из ссылки за границу, примкнул к меньшевистской эмиграции. Историк, архивист, многолетний сотрудник Международного института социальной истории в Амстердаме.

в океане тоталитаризма и военных диктатур, не в состоянии защищаться и наступать. Нужно ли мне перечислять удары, нанесенные и наносимые демократическому миру? Сомали, Эритрея, Ангола, а теперь Заир. И что наиболее нелепо, нам приходится закрывать глаза на режим, поддерживаемый Мобуту, режим мало чем отличающийся от системы, которую несут с собой его противники»³⁴.

Эти слова свидетельствуют о том, что, как и многие представители западной общественности, Б.М. Сапир прекрасно осознал, что режим Мобуту отнюдь не являлся демократическим. Однако старый меньшевик последовательно выступал за поддержку заирского диктатора, полагая (как и многие антикоммунисты на Западе), что это — единственная реальная альтернатива просоветским силам в регионе. Он «не лучше, но и не хуже порядков в Анголе»³⁵, — так Б.М. Сапир охарактеризовал режим Мобуту в письме Л. Шапиро в апреле 1977 года.

Старый меньшевик подвергал резкой критике линию социалиста Ф. Миттерана, считая ее примиренческой по отношению к советской политике в Африке. Б.М. Сапир даже заявлял, что лидер французских социалистов «плетется в заирском вопросе за «Юманите»». При этом Б.М. Сапир считал такую позицию части национальной политической элиты вполне закономерной, связанной с особенностями менталитета французов. Проблема, полагал Б.М. Сапир, состояла в том, что во французском обществе идеи применения силовых методов, наступления на права человека всегда были непопулярны. В результате многие французы негативно относились к режиму Мобуту. С этим Б.М. Сапир не мог согласиться. Понимая, что его высказывания звучат агрессивно и могут быть расценены как поддержка авантюристических, милитаристских сил в Африке, он указывал: «Не поймите меня превратно. Я вовсе не проповедую новый Вьетнам, на этот раз в Африке. Я только не считаю нужным мешать самим африканцам наказать Анголу..., а тем самым и СССР». В связи с этим Б.М. Сапир делал чрезвычайно важный вывод, общий для всей антикоммунистической эмиграции: «Мы переживаем установление смычки между большевизмом и африканским национализмом»³⁶. Иными словами, по мнению старого меньшевика, в 1970-е гг. СССР умело использовал те внутривосточные процессы, которые проте-

³⁴ Bakhmeteff Archive Research (BAR). Boris Sapir collection. Box 70. Folder "1978". Б. Сапир — Л. Шапиро. 23.05.1978.

³⁵ Там же. Folder "1977". Б. Сапир — Л. Шапиро. 23.04.1977.

³⁶ Там же.

кали на Африканском континенте. Именно с этим было связано внимание к ситуации в Африке со стороны аналитических структур, «мозговых центров» советской внешней политики, таких, как Институт Африки АН СССР. Отслеживая процессы развития африканских обществ, те новые идейные течения, которые возникали в среде политических элит государств континента, советские африканисты обеспечивали базу для использования этих явлений в интересах СССР.

В том же направлении пытались действовать и на Западе. Однако, как показывает проведенный в данной статье анализ исторических источников, западное экспертное сообщество отнюдь не представляло собой монолитное единство. Налицо были различия в тональности, расставлении акцентов при характеристике ситуации в Африке. Диктовавшиеся идеологическими соображениями, конъюнктурой холодной войны, эти различия, однако, нередко были плодотворны, поскольку позволяли взглянуть на ситуацию в Африке под разными углами зрения, высветить те грани проблем, которые при ином положении дел могли ускользнуть от внимания. Данный анализ может быть исключительно полезен, в том числе, и для формирования стратегии миротворческих операций, проводимых на Африканском континенте.

Сомали: две стороны миротворчества

Л.В. Иванова

Политика сомалийского лидера Сиада (Сийяда) Барре, как внутренняя, так и внешняя, привела к появлению национальной сомалийской идеи, развитию сомалийской культуры, становлению государственности. Вместе с тем его правление закончилось полным разрушением Сомали как государства. Роль С. Барре в истории Сомали современными сомалийцами оценивается по-разному: с одной стороны, он был отцом нации, сумевшим сплотить некогда открыто враждующие племена, с другой – перевел эту вражду в скрытую форму посредством террора, возвысил собственный клан и создал культ личности.

Результатом правления Барре стала гражданская война в Сомали, усилившаяся во время засухи 1991–1992 гг. Значительная часть населения покинула страну, главным образом в статусе беженцев. А Сомали стало ареной тестирования разнообразных методов миротворчества – от посредничества и переговоров до полувоенных методов урегулирования местных конфликтов и военного вмешательства ООН, время от времени перераставшего в гуманитарную интервенцию. Основную роль в выборе миротворческих средств играли США, сначала напрямую, затем посредством влияния на другие страны. Так, с 1992 года Сомали превратилось в тренировочную базу миротворческих сил ООН. В апреле 1992 года Совет Безопасности ООН учредил миссию UNOSOM I, в рамках которой в Сомали было размещено 50 невооруженных наблюдателей. Однако их деятельность по контролю над доставкой и распределением гуманитарной помощи в страну была неэффективной.

В 1992 году руководителем миссии ООН в Сомали был назначен алжирский дипломат М. Сахнун, который уделял особое внимание восстановлению местных традиционных институтов, региональных центров помощи, в надежде дать толчок к тому, чтобы сомалийцы сами начали улучшать ситуацию. Однако его независимая политика не устраивала ООН, и его сменил иракский дипломат И. Киттани. Он выполнял все директивы штаб-квартиры ООН, но вскоре ушел со своего поста из-за проблем со здоровьем. Пост руководителя миссии занял американский адмирал Дж. Хоуи.

По инициативе США к концу 1992 года Совет Безопасности решил отправить в Сомали международные силы, с правом использования оружия для обеспечения доставки гуманитарной помощи. В оперативную группировку ООН (UNITAF) вошли контингенты из более чем 20 стран. Операция получила название «Возрождение надежды» (Restore Hope) и стала одной из самых дорогих в истории миротворчества (1,5 миллиарда долларов).

Накануне начала операции средства массовой информации особо подчеркивали роль США как главного носителя мира и морально-нравственных ценностей в регионе. Американская позиция была исчерпывающе обозначена президентом Дж. Бушем:

«Народ Сомали, особенно дети, нуждается в нашей помощи. Мы сможем облегчить их страдания. Мы можем помочь им жить. Мы должны дать им надежду. Америка должна действовать. Предпринимая эти действия, я хочу подчеркнуть, что Америка в одиночку не может исправить все недостатки в мире, но мы также понимаем, что кризисы в некоторых странах не могут быть преодолены без американского участия, и часто вмешательство Америки необходимо, чтобы привлечь большее число государств к решению конфликта».

Операция «Возрождение надежды» способствовала улучшению положения населения в стране, был начат процесс национального примирения. В марте 1993 года было объявлено о начале новой операции – «Продолжение надежды» (UNOSOM II), целью которой ставилось уже не обеспечение гуманитарной помощи, а участие в восстановлении центральной власти, экономики, социальной и политической жизни в Сомали. Однако вмешательство представителей ООН во внутренние дела страны, проведение военных акций против генерала Айдида привели к тому, что местное население перестало поддерживать «интервенцию ООН», и миротворцы стали подвергаться нападениям, причем счет жертвам с их стороны шел на десятки, со стороны сомалийцев – на сотни. Изначально сопротивление со стороны сомалийцев вообще не принималось в расчет. Действия миротворцев в западных СМИ описывались в героических тонах и в военной терминологии, в то время как сопротивление местного населения считалось преступлением, варварством и бандитизмом. Когда Совет Безопасности ООН принял резолюцию о расследовании, аресте и наказании виновных в нападении на пакистанских солдат-миротворцев, Клинтон полностью поддержал эту инициативу, назвав инцидент «худшим нападением на миротворцев за три десятилетия».

Операция UNOSOM II была признана неудачной, и к 1995 году миротворческие войска покинули Сомали. В результате этой операции погибло примерно 150 миротворцев, был нанесен ущерб престижу ООН, среди американских военнослужащих появилось понятие «синдром Сомали», означавшее неприятие человеческих потерь в малых военных операциях.

Участие канадских миротворцев также привело к неожиданно обострению в самой Канаде. Канадские власти не имели особых интересов в Сомали, однако премьер-министр Малруни считал необходимым представить Канаду как полноценного игрока на мировой арене. Канада, объявившая мультикультурализм политическим принципом, позиционировала себя как самая миролюбивая нация. В 1992 году в состав миротворцев вошли 750 канадцев. Канадские миротворцы особо подчеркивали свои отличия от американских коллег — те были настоящими воинами, а канадцы отличались дипломатичностью и толерантностью. Однако реалии, в которых и тем, и другим приходилось выполнять свои обязанности, разительно отличались от ожидаемых, и поведение самих миротворцев постепенно начало нарушать провозглашенные базовые принципы.

Случай с сомалийским подростком Ароном Шидане стал известен как «сомалийское дело», которое не только рассматривалось Канадской Королевской Комиссией, но и транслировалось на телевизионном канале Cable Public Affairs Channel (CPAC). Сомалийцы, безоружные и намазанные маслом, чтобы проскальзывать через проволочные ограждения, проникали в лагерь канадских миротворцев в попытках своровать еду и амуницию. Солдаты задерживали их, связывали и утром отдавали клановым лидерам или в полицию. Весной 1993 года сомалийский подросток Арон Шидане забрел в лагерь миротворческой миссии канадцев. Его поймали, капрал Матчи пытал его, бил железными прутьями, прижигал ноги. Через три часа пыток подросток умер. Как показало следствие, 8 канадских миротворцев были свидетелями этого избиения, но никто не остановил его. Матчи был обвинен в покушении на убийство сомалийца и сам предпринял попытку самоубийства. Он был признан недееспособным и от участия в следствии отстранен. В ходе суда неоднократно указывалось, что участники военных миссий принимали антидепрессанты и наркотические средства, чем отчасти и объяснялось их неадекватное поведение во время проведения миссий. Соучастник Матчи К. Браун был осужден на пять лет заключения. Освободившись через полтора года,

он опубликовал книгу, в которой описал последствия посттравматического синдрома участников военных кампаний и указал на несправедливость обвинений в свой адрес¹.

Позднее выяснились подробности смертей других сомалийцев, умерших при странных обстоятельствах той же весной 1993 года. В ходе следствия по «сомалийскому делу» у солдат были найдены фотографии, на которых они позируют рядом с избитыми местными жителями, записи разговоров между миротворцами об их отношении к выполняемой миссии и т.п. Вскрылись случаи неадекватного поведения по отношению к сослуживцам среди самих канадских военных. Все это привело к роспуску подразделения канадских миротворцев (Canadian Airborne Regiment) и назначению комиссии по расследованию инцидентов в Сомали, связанных с деятельностью канадской миротворческой миссии.

«Сомалийское дело» всплыло снова во время открытия очередной экспозиции в Канадском военном музее 5 мая 2005 года. Одна из работ, написанных канадской художницей Гертрудой Киарнс, была представлена в рамках тематической выставки из 24 портретов, демонстрирующих «лицо Канады в войнах» – от Первой мировой войны до войны в Афганистане². «Сомалийские» композиции были написаны художницей еще в 1996 году, однако в музее они выставлялись впервые. Два портрета (диптих) изображали капрала Матчи и рядового Брауна, позирующих с сомалийским подростком Шидане. Оба солдата-миротворца являлись фигурантами расследования Канадской Королевской Комиссии, о которой шла речь ранее. После открытия экспозиции в Канадском военном музее в местной газете появилась статья³, ставившая под вопрос понятия «героев войны» и «героизма» действий участников «сомалийского дела». Сразу же в социальных сетях развернулись дискуссии с участием ветеранов войн о понятии «героизма» и «не-героев», которые очерняли имидж доблестных канадских солдат-миротворцев. В адрес музея начали поступать угрозы с требованием убрать работу Киарнс, однако администрация музея публично отказалась это сделать. Куратор выставки Д. Оливер заявил, что «если мы будем потакать капризам тех, кого мы можем

¹ P. Worthington and K. Brown. Scapegoat: How the Army Betrayed Kyle Brown. Toronto: Seal Books, 1997.

² Brandon L. War, Art and the Internet. A Canadian Case Study. Canadian War Museum // Convergence 13, 1. 2007.

³ Payne E. War, Unvarnished // Ottawa Citizen. May, 1. 2005.

оскорбить, то вскоре у нас останутся голые стены и экспонаты без каких-либо комментариев»⁴.

Воплощение в жизнь идеалов миротворчества продемонстрировало вероятность получения довольно неожиданных результатов, как для объектов, так и для субъектов этого процесса. В 1997 году правительство Италии также начало внутреннее расследование преступлений итальянских миротворцев в отношении жителей Сомали.

Как показывают приведенные выше примеры, современные цивилизаторские миссии, принимающие форму гуманитарных интервенций, на деле лишь милитаризируют и продлевают местные конфликты. Миссия по «превращению отсталых государств в конструктивных членов мирового сообщества» посредством «давления, сдерживания и нейтрализации» (Б. Клинтон) в Сомали потерпела фиаско.

Провал функций поддержания мира объясняется отсутствием в стране-объекте мира как такового, а неудачи миротворческих миссий — неэффективностью реализации идей о демократическом устройстве общества в европейском понимании и необходимости принимать во внимание существование иных, отличных от европейских, ценностей. Попытки самих сомалийцев решить собственные проблемы усилением религиозного контроля и передачи власти Союзу исламских судов в 2006 году дали очередной повод иностранному вмешательству во внутренние дела Сомали для ликвидации вероятной террористической угрозы. Принятая на конференции в Найроби в 2004 году формула равного демократического представительства 4.5 не соответствовала представлениям сомалийцев о демократии и также оказалась неэффективной. Приходится допустить, что традиционное представление о мире и миротворчестве у сомалийцев значительно отличается от «западного», и способы поддержания мирных отношений могут быть эффективными лишь при соблюдении тех традиционных принципов сомалийского общества, которые Западу могут показаться вовсе не демократичными и весьма далекими от миролюбия.

⁴ *Brandon L. Op. cit.*

ООН и разрешение политического кризиса в Кот-д'Ивуаре

И.В. Кривушин

В сентябре 2002 года в Кот-д'Ивуаре вспыхнула гражданская война. В различных городах страны произошли вооруженные выступления против президента Лорана Гбагбо, лидера Ивуарийского народного фронта (ИНФ); мятежные силы установили контроль над ее северной частью и двинулись на юг, к Абиджану, культурному и экономическому центру страны. Однако военное вмешательство Франции (Операция «Единорог») положило конец их наступлению, и страна оказалась разделенной на две зоны – северную, находившуюся под властью мятежных «Новых сил», и южную, контролировавшуюся правительством. К концу года в Кот-д'Ивуаре был также размещен контингент Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). При международном посредничестве (в том числе и ООН) основные ивуарийские политические силы подписали 23 января 2003 года соглашение во французском городке Лина-Маркусси, предусматривавшее как достижение внутривнутриполитического компромисса, так и «помощь ЭКОВАС, Франции и Объединенных Наций для организации их сил с целью гарантировать» выполнение соглашения¹. 13 мая Совет Безопасности ООН (СБ) принял Резолюцию № 1479 о создании «для дополнения операций французских сил и сил ЭКОВАС, на первоначальный шестимесячный период, Миссии Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре (МООНКИ), которая будет содействовать осуществлению сторонами в Кот-д'Ивуаре Соглашения Лина-Маркусси и включать военный компонент», то есть «военную миссию связи» из 26 офицеров². 27 февраля 2004 года СБ одобрил Резолюцию № 1528 об учреждении «Операции Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре (ОООНКИ) на первоначальный срок в 12 месяцев, начиная с 4 апреля 2004 года»; к ней переходили полномочия МООНКИ и сил ЭКОВАС, и она должна

¹ Linas-Marcoussis Agreement. P. 2. URL: www.ucd.ie/ibis/filestore/Linas-Marcoussis%20Agreement%20.pdf

² Резолюция 1479 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4754-м заседании 13 мая 2003 года. С. 2. R.

была координировать свои действия с французскими войсками и включать «военный компонент» численностью 6240 человек³. Такое расширение масштабов участия ООН в урегулировании ивуарийского конфликта было следствием ухудшения отношений противоборствующих сторон с Францией и стало ответом на соответствующую просьбу президента Гбагбо от 10 ноября 2003 года и обращения ЭКОВАС от 24 ноября⁴.

Урегулирование ивуарийского кризиса, однако, затянулось на долгие годы. Новые президентские выборы, намеченные, согласно первоначальному плану, на октябрь 2005 года, повести не удалось. Мандат ООНКИ периодически продлевался; при этом продлевался также и мандат «поддерживающих ее французских сил», которые таким образом приобретали статус войск ООН. Численность военного контингента ООН в 2005–2006 гг. была увеличена до 8115 человек, а в 2009–2010 гг. сокращена до 7392; общая их численность к тому времени составила 8650 человек; в основном это были подразделения из Бангладеш, Пакистана, Иордании, Марокко, Ганы, Бенина, Нигера, Сенегала и Того. Все это время ООНКИ действовала в очень сложных условиях — ее сотрудники становились объектом периодических нападений, для их перемещения чинились всяческие препятствия, а в проправительственных СМИ велась антиооновская пропаганда.

Президентские выборы раз за разом откладывались, в чем был прежде всего заинтересован действующий глава государства. Правда, весной 2007 года он согласился на то, чтобы ООН «сохранила свою функцию международного механизма, призванного удостоверять результаты избирательного процесса». Однако Гбагбо выступил против того, чтобы Специальный представитель генерального секретаря «выступал в качестве арбитра», что, по его мнению, стало бы «чрезмерным вмешательством»⁵. 28 января 2010 года СБ поручил ООНКИ обратить особое внимание на «проведение открытых, свободных, справедливых и транспарентных президентских выборов» и на поддержку «программы разоружения, демобилизации и реинтеграции»⁶. 20 мая того же года генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал эти задачи «приоритетными»⁷.

³ Резолюция 1528 (2004), принятая Советом Безопасности на его 4918-м заседании 27 февраля 2004 года. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Резолюция 1911 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6267-м заседании 28 января 2010 года. С. 4.

⁷ Двадцать четвертый очередной доклад... С. 28.

На данном этапе отношение генерального секретаря ООН к ивуарийскому президенту было осторожным, скорее прагматическим — пока сохранялась возможность заставить его пойти на президентские выборы, угрожавшие лишить его власти, не следовало загонять его в угол. 20 мая 2010 года Пан Ги Мун заявил, имея в виду Гбагбо и его окружение: меры наказания «тех, кого сейчас можно обвинить в задержке процесса, ... могут быть контрпродуктивными, и я настоятельно призываю Совет поощрять диалог и политические компромиссы»⁸.

30 июня 2010 года СБ принял резолюцию, в которой уточнил рамки мандата ОООНКИ, позволив ей прибегать к силовым действиям для «защиты гражданского населения» в рамках «своих возможностей» и не вторгаясь в компетенцию ивуарийских властей⁹, — формулировка достаточно неопределенная в отношении как случаев, так и масштабов их использования. Эта неопределенность была вполне естественной, поскольку отражала проблему, достаточно остро стоявшую перед ООН в связи с ее ролью в урегулировании конфликта в ДРК (Второй конголезской войны 1998—2002 гг.): насколько возможно сочетать «военные операции, проводимые при поддержке миссий по поддержанию мира, и задачи по защите гражданского населения», как должны действовать силы ООН, если перед ними «поставлена задача защищать гражданское население и одновременно оказывать поддержку той или иной стороне вооруженного конфликта»¹⁰.

Все препятствия к проведению президентских выборов удалось устранить только к началу сентября 2010 года. 29 сентября СБ по просьбе Пан Ги Муна санкционировал увеличение военного и полицейского контингента на 500 человек (до 9150) для дополнительного обеспечения электорального процесса¹¹. 18 октября он призвал «политических лидеров и народ Кот-д'Ивуара с уважением отнестись к результатам выборов и постараться урегулировать любые претензии в связи с выборами через надлежащие каналы»¹². За три дня до этого СБ принял Резолюцию № 1946, в которой

⁸ Там же. С. 33—34.

⁹ Резолюция 1933 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6350-м заседании 30 июня 2010 года. С. 5.

¹⁰ Совет Безопасности. 6354-е заседание. 7 июля 2010 года. С. 8—9.

¹¹ Резолюция 1942 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6393-м заседании 29 сентября 2010 года.

¹² Очередной доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре. 18 October 2010. С. 8.

предупредил, что готов к санкциям против лиц, которые «создают угрозу мирному процессу и процессу национального примирения в Кот-д'Ивуаре»¹³.

Выборы 31 октября 2010 года прошли, по заявлению Специального представителя Генерального секретаря ООН Чхве Ён Джина, «спокойно и организовано», «не было зарегистрировано никаких серьезных нарушений прав человека, что само по себе впечатляет, поскольку процесс воссоединения еще не завершен»¹⁴. Международные наблюдатели, «признав некоторые недостатки, выразили общее удовлетворение проведением выборов»¹⁵. 4 ноября Независимая избирательная комиссия (НИК) объявила, что никто из кандидатов не набрал абсолютного большинства и что Гбагбо получил 38,04%, а бывший премьер-министр Алассан Уатгара – 32,07%. Ряд партий потребовал пересчета голосов, но 6 ноября Конституционный Совет (КС) подтвердил результаты, объявленные НИК; 12 ноября их удостоверил Чхве Ён Джин.

Руководство ООН испытывало облегчение, поскольку столь долго откладывавшиеся выборы президента, наконец, состоялись и прошли неплохо («историческая дата для Кот-д'Ивуара»¹⁶). Оставалось лишь таким же образом провести второй тур, открыв новый период истории страны – завершить процесс формирования высших органов власти (проведение парламентских выборов) и демобилизации и разоружения, а также восстановить территориально-институциональное единство Кот-д'Ивуара. Неудивительно, что генеральный секретарь ООН затронул 23 ноября вопрос о «возможном сокращении сил ООНКИ с полным учетом необходимости укрепления стабильности в стране»¹⁷, которое СБ предусмотрел еще в своей Резолюции № 1933¹⁸. Позднее он сделает признание: ему казалось, что страна, наконец, «встала на путь, ведущий к прочному миру и стабильности»¹⁹.

Накануне второго тура Пан Ги Мун призвал ивуарийских лидеров уважать его будущие итоги и подчеркнул: «Любые связанные

¹³ Резолюция 1946 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6402-м заседании 15 октября 2010 года. С. 3.

¹⁴ Совет Безопасности. 6415-е заседание. 3 ноября 2010 года. С. 3.

¹⁵ Двадцать шестой очередной доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре. 23 November 2010. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Резолюция 1933... С. 10.

¹⁹ Двадцать седьмой очередной доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре. 30 March 2011. С. 20.

с выборами споры должны урегулироваться с помощью созданных на основании закона механизмов. Мандат Специального представителя Генерального секретаря на удостоверение результатов выборов остается важной гарантией»²⁰.

Второй тур состоялся 28 ноября. Этот тур, по мнению Чхве Ён Джина, «несмотря на несколько инцидентов, в ряде которых на западе и севере страны применялось насилие, был проведен в основном демократическим путем»²¹; четыре месяца спустя он назовет эти выборы «одними из самых открытых, свободных, справедливых и транспарентных выборов в мире»²². По словам Пан Ги Муна, они прошли «в целом в условиях свободы и справедливости»²³. Такое же мнение высказали миссия наблюдателей ЭКОВАС, миссия наблюдателей АС и несколько позднее (25 января) миссия ЕС²⁴. Однако практически сразу же представители президентского лагеря начали информационную кампанию, имевшую целью поставить под сомнение честность и транспарентность выборов в тех частях страны, которые контролировались «Новыми силами». 30 ноября члены НИК от Альянса президентского большинства помешали пресс-секретарю комиссии огласить частичные результаты голосования. НИК удалось сделать это только днем 2 декабря, когда ее председатель объявил победителем А. Уаттару: он получил 54,1% голосов, тогда как Гбагбо — 45,9% при явке 81%. Но уже вечером того же дня председатель КС назвал это заявление не имеющим «никакой юридической силы, поскольку НИК превысила законный трехдневный лимит для оглашения предварительных результатов»²⁵, а 3 декабря аннулировал итоги выборов в семи северных департаментах и провозгласил победителем Гбагбо; за него, по версии КС, проголосовало 51,45%, а за Уаттару — 48,55% при явке 71,28%. В тот же день Уаттара известил КС, что приносит президентскую присягу в письменной форме; на следующий день Гбагбо прибыл в КС и лично принес присягу в качестве президента. Каждый из них назначил свое правительство. Таким образом, выборы не разрешили, а лишь усугубили ивуарийский политический кризис.

В этой ситуации международное сообщество безоговорочно встало на сторону Уаттары. 3 декабря Чхве Ён Джин подтвердил

²⁰ Двадцать шестой очередной доклад... С. 19.

²¹ Совет Безопасности. 6437-е заседание. 7 декабря 2010 года. С. 2.

²² Совет Безопасности. 6513-е заседание. 13 апреля 2011 года. С. 2.

²³ Двадцать седьмой очередной доклад... С. 5.

²⁴ Там же. С. 5–6.

²⁵ Совет Безопасности. 6437-е заседание. С. 2.

результаты выборов, оглашенные НИК. «Даже если бы были приняты во внимание все жалобы, представленные лагерем президента Гбабго в Конституционный совет, – утверждал он на заседании СБ 7 декабря, – итоги второго раунда не изменились бы: победителем на президентских выборах все равно стал бы г-н Алассан Уатгара»²⁶. В тот же день это заявление одобрил Пан Ги Мун. Аналогичную позицию заняли ЕС, Франция и США. 6 декабря АС, а 7 декабря ЭКОВАС, признали Уатгару избранным президентом и приостановили участие Кот-д’Ивуара в работе своих руководящих органов до тех пор, пока тот не приступит к исполнению обязанностей главы государства.

АС попытался выступить в качестве посредника, однако его усилия оказались безрезультатными. 20 декабря СБ единогласно принял Резолюцию № 1962, в которой осудил «самым решительным образом попытки узурпировать волю народа и нарушить целостность избирательного процесса, а также воспрепятствовать любому прогрессу в рамках мирного процесса в Кот-д’Ивуаре» и заявил, что ситуация в этой стране «продолжает создавать угрозу для международного мира и безопасности в регионе»²⁷. Совет продлил мандат ООНКИ (и французского контингента) до 30 июня 2011 года и сохранил существующую ее численность. Он призвал «все стороны в полной мере сотрудничать с ООНКИ и оказывающими поддержку ее деятельности французскими силами, в частности, обеспечивая их защиту, безопасность и свободу передвижения наряду с беспрепятственным и незамедлительным доступом на всю территорию Кот-д’Ивуара, в том числе в административные и государственные учреждения» и поручил ООНКИ «в координации с ивуарийскими властями поддерживать обеспечение безопасности правительства и ключевых политических субъектов», указав на ее полномочия «использовать все необходимые средства для выполнения своего мандата в пределах своих возможностей и районов развертывания» и пригрозив «принять меры, в том числе целенаправленные санкции против лиц, которые, среди прочего, создают угрозу мирному процессу и процессу национального примирения, в частности стремясь подорвать результаты избирательного процесса, воспрепятствовать деятельности ООНКИ и других международных субъектов»²⁸. 24 декабря Руководящий орган ЭКОВАС

²⁶ Совет Безопасности. 6437-е заседание. С. 3.

²⁷ Резолюция 1962 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6458-м заседании 20 декабря 2010 года. С. 1–2.

²⁸ Там же. С. 4.

заявил: «Если г-н Гбагбо не прислушается к безоговорочному требованию ЭКОВАС о передаче власти, то Сообществу не останется выхода, кроме принятия иных мер, включая законное применение силы, для достижения целей ивуарийского народа (курсив наш. — И. К.)»²⁹.

23 декабря Всемирный банк заморозил все программы финансовой помощи Кот-д'Ивуару. Место представителя Кот-д'Ивуара в ООН 29 декабря было передано назначенному Уаттарой дипломату Юсуфу Бамбе³⁰. В конце декабря 2010 года — начале января 2011 года. ЕС и США ввели визовые и финансовые санкции в отношении Гбагбо и его ближайшего окружения.

Новые посреднические усилия ЭКОВАС, АС и ООН, возобновившиеся в конце декабря 2010 года и продолжавшиеся в течение января — марта 2011 года, не принесли никакого успеха. 19 января 2011 г. СБ одобрил предложение Пан Ги Мун от 7 января увеличить ОООНКИ на 2 тыс. военнослужащих и осуществить их немедленную отправку и развертывание, вновь потребовал не препятствовать свободному передвижению сил ООН и их доступу ко всей территории страны и всем государственным учреждениям и осудил анти-ооновскую пропаганду, прежде всего со стороны официального Ивуарийского радиовещания и телевидения (ИРТ)³¹.

Силы общественной безопасности (СОБ) и приверженцы Гбагбо (особенно организация «Молодые патриоты») развязали кампанию насилия против сторонников Уаттары. Последний вместе с рядом других оппозиционных политиков был блокирован в отеле «Гольф» в Абиджане, где их охраняли военнослужащие и полицейские ООН. С середины декабря СОБ стали постоянно применять слезоточивый газ и огнестрельное оружие против мирных демонстраций в поддержку Уаттары. СБ уже 17 декабря осудил это чрезмерное использование силы. Однако масштабы насилия продолжали расширяться. Ситуация еще более обострилась после появления «невидимых коммандос», которые с конца февраля начали нападать на сторонников Гбагбо. В ответ СОБ все чаще (особенно в марте) стали использовать тяжелое оружие (бро-

²⁹ ECOWAS Commission. An Extraordinary Session of the Authority of Heads of State and Government on the Cote d'Ivoire. Abuja, 24 December 2010. Final communiqué. P. 4.

³⁰ New Permanent Representative of Côte d'Ivoire Presents Credentials. 29 December 2010. URL: <https://www.un.org/press/en/2010/bio4261.doc.htm>

³¹ Резолюция 1967 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6469-м заседании 19 января 2011 года. С. 2–3.

нетранспортеры, гранатометы и минометы). Объектом нападений «Молодых патриотов» и СОБ оказались даже граждане государств ЭКОВАС: их похищали, убивали (даже сжигали заживо) и уничтожали их имущество. Сотрудники ООН сообщали «о внесудебных и групповых казнях, изнасилованиях, пытках и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видах обращения, насильственных исчезновениях, произвольных арестах и задержаниях, нападениях на религиозные здания, запугиваниях, притеснениях и вымогательствах»³². С середины декабря по 23 марта было убито от 434 до 462 человек³³, среди них – 27 граждан стран ЭКОВАС; 72 человека исчезли, а 520 были незаконно арестованы³⁴. С конца февраля также возобновились столкновения между СОБ и подразделениями «Новых сил». Страна оказалась в полном политическом тупике.

17 декабря 2010 года правительство, сформированное Гбагбо, официально потребовало вывода ОООНКИ из Кот-д'Ивуара. После этого гбагбистские власти стали всячески препятствовать деятельности сил ООН. 9 марта они запретили все полеты ОООНКИ и французского корпуса в воздушном пространстве страны. СОБ и «Молодые патриоты» нападали на сотрудников ООН, блокировали ооновские патрули, не позволяли им приходить на помощь гражданским лицам, подвергавшимся опасности, или отказывали в доступе в районы столкновений сторонников и противников Гбагбо. 23 марта они ворвались в здание Верховного комиссара ООН по делам беженцев и ограбили его. ИРТ обвиняло миротворцев «в нарушении суверенитета Кот-д'Ивуара, оказании поддержки “Новым силам”, в том числе посредством распространения оружия, и в убийствах невооруженного гражданского населения»³⁵. ООН зафиксировала «191 случай нарушения свободы передвижения, 31 угрозу, 13 грабежей, 38 нападений, 7 незаконных задержаний, 30 случаев ограбления мест проживания персонала и большое число случаев, связанных со словесными оскорблениями, угоном автомобилей и запугиванием»³⁶.

Саммит ЭКОВАС 23–24 марта в Абудже заявил, что эскалация насилия в Кот-д'Ивуаре – «прямой результат отказа бывше-

³² Двадцать седьмой очередной доклад... С. 15.

³³ Бамба называл цифру 859 человек (Совет Безопасности. 6506-е заседание. 25 марта 2011 года. С. 6).

³⁴ Там же. С. 2–4.

³⁵ Двадцать седьмой очередной доклад... С. 16.

³⁶ Там же. С. 19.

го президента г-на Лорана Гбагбо уступить власть г-ну Алассану Уаттаре, общепризнанному победителю на выборах 28 ноября 2010 года», и призвал СБ принять более жесткие международные меры против Гбагбо и его сторонников, а также «укрепить» мандат ООНКИ, «обеспечив Миссии возможность использовать все необходимые средства для защиты жизни и имущества людей и способствовать немедленной передаче власти г-ну Алассану Уаттаре»³⁷. 25 марта в своем выступлении на заседании СБ помощник Генерального секретаря по операциям по поддержанию мира Атула Кхаре подытожил: «Ухудшающаяся ситуация в плане безопасности и расширение масштабов применения тяжелого оружия пагубно сказываются на условиях жизни населения Кот-д'Ивуара и его благополучии. Очень серьезной является ситуация в области прав человека в стране, где отмечается большое количество нарушений прав человека»³⁸. На этом же заседании представитель Уаттары Бамба призвал санкционировать «на чрезвычайной основе законное применение силы для защиты населения Кот-д'Ивуара, демократии и мира в стране и введение Алассана Уаттары в должность в качестве полноправного президента»; «может ли Совет Безопасности, — спросил он, — довольствоваться тем, чтобы оставаться пассивным наблюдателем продуманного истребления многих тысяч проживающих в Кот-д'Ивуаре людей?»³⁹ 25 марта Совет по правам человека постановил учредить независимую международную следственную комиссию для расследования сообщений о серьезных нарушениях прав человека в Кот-д'Ивуаре. А 30 марта Пан Ги Мун подчеркнул, что «хотя права человека нарушали обе стороны, большая часть убийств была совершена силами, лояльными г-ну Гбагбо, которые действовали при поддержке наемников и молодежных групп»⁴⁰. Он призвал Гбагбо, который, по его словам, продолжает «удерживать власть с помощью силы»⁴¹, «уйти с достоинством»⁴²; при этом генеральный секретарь ничего не сказал о возможности активных силовых действий ООНКИ ни для его смещения, ни для защиты гражданского населения; единствен-

³⁷ ECOWAS Commission. Thirty-Nine Ordinary Session of the Authority of Heads of State and Government on the Cote d'Ivoire. Abuja, 23–24 March 2011. Final communiqué. P. 6.

³⁸ Совет Безопасности. 6506-е заседание. С. 3.

³⁹ Там же. С. 7.

⁴⁰ Двадцать седьмой очередной доклад... С. 15.

⁴¹ Там же. С. 23.

⁴² Там же. С. 22.

ное, о чем в тот момент шла речь, — это об охране военнослужащими ООН отеля «Гольф» и избранного президента Уаттары⁴³.

В тот же день СБ принял Резолюцию № 1975, в которой признал, что ситуация в Кот-д'Ивуаре «представляет угрозу международному миру и безопасности», и призвал Гбагбо «немедленно уступить власть», а все государственные и силовые структуры — подчиниться избранному президенту⁴⁴. Он постановил «ввести адресные санкции в отношении тех, кто препятствует работе ООНКИ и других международных сторон в Кот-д'Ивуаре и совершает серьезные нарушения прав человека и норм международного гуманитарного права», в том числе в отношении самого Гбагбо и его жены Симоны⁴⁵. Таким образом, бывший президент был выведен за рамки международного правового поля. Наконец СБ подтвердил полномочия ООНКИ «использовать все необходимые средства» для «защиты гражданского населения, подвергающегося непосредственной угрозе физического насилия», а также «недопущения использования тяжелых вооружений против гражданского населения (курсив мой. — И.К.)»⁴⁶.

Эта резолюция была принята единогласно при активном одобрении многих членов СБ. Однако представитель Индии, хотя и проголосовавший «за», заявил: «Они [силы ООН] не должны заниматься сменой режима. Соответственно, ООНКИ не должна стать стороной в ивуарийском политическом тупике. ООНКИ не должна также оказаться вовлеченной в гражданскую войну, а должна осуществлять свой мандат беспристрастно и в контексте обеспечения защиты и безопасности миротворцев и гражданского населения»⁴⁷. Он также призвал «заранее не выносить заключения о характере» преступлений по отношению к гражданским лицам в Кот-д'Ивуаре и выразил недовольство «тенденцией торопить процесс принятия резолюций»⁴⁸. В более мягкой форме его поддержал представитель КНР, который подчеркнул, что операции ООН по поддержанию мира «должны проводиться в строгом соответствии с принципом нейтралитета»⁴⁹.

⁴³ Двадцать седьмой очередной доклад... С. 23.

⁴⁴ Резолюция 1975 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6508-м заседании 30 марта 2011 года. С. 2–3.

⁴⁵ Там же. С. 4–5.

⁴⁶ Там же. С. 3.

⁴⁷ Совет Безопасности. 6508-е заседание. 30 марта 2011 года. С. 3.

⁴⁸ Там же. С. 3–4.

⁴⁹ Там же. С. 8.

В третьей декаде марта отряды сторонников Уаттары – Республиканские силы Кот-д’Ивуара (РСКИ) – развернули наступление на Абиджан. 30 марта они полностью окружили его, а 31 марта пошли на штурм. Пытаясь удержать контроль над городом, лояльные Гбагбо воинские подразделения активно использовали тяжелые вооружения. Они применяли их и в ходе нападений на штаб ОООНКИ и патрули ООН, было ранено 11 миротворцев, 2 сотрудника ООН погибли. Тогда Пан Ги Мун приказал ОООНКИ, ссылаясь на Резолюцию № 1975, принять «все необходимые меры для предотвращения применения тяжелых вооружений против гражданского населения»⁵⁰. 4 апреля ОООНКИ и французские войска провели с этой целью «боевые операции в Абиджане»⁵¹: ооновские и французские вертолеты обстреляли президентский дворец и два военных лагеря, находившихся под контролем гбагбистов. «Наш мандат, – заявил представитель ОООНКИ, – защищать жизни невинных людей, и именно это мы и делаем»⁵². «Если бы тяжелые орудия не обстреливали нас и гражданских лиц в эти последние три дня, мы бы не предприняли эту операцию», – утверждал заместитель генерального секретаря ООН по миротворческим операциям Алэн Леруа⁵³. В ответ представители Гбагбо назвали бомбардировки «незаконными действиями» и «военными преступлениями», имеющими целью физическое устранение ивуарийского президента⁵⁴.

6 апреля силы, верные Гбагбо, возобновили военные действия с применением тяжелой артиллерии; из крупнокалиберных орудий были обстреляны штаб и патрули ООН. 9 апреля они попытались захватить отель «Гольф», используя минометы и крупнокалиберные пулеметы; при этом один миротворец был ранен. 10 апреля Генеральный секретарь вновь приказал ОООНКИ атаковать силы гбагбистов: в тот же день в 23.00 два вертолета ООН вместе с шестью французскими «провели новые боевые операции и нанесли удары по местам дислокации тяжелых вооружений в районах вокруг дворца и резиденции президента и на территории нескольких воинских

⁵⁰ Двадцать восьмой доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Кот-д’Ивуаре. 24 June 2011. С. 2.

⁵¹ Там же.

⁵² *Laing A., Swaine J.* Ivory Coast: UN fire rockets at Laurent Gbagbo’s palace // *The Telegraph*. 5 April, 2011.

⁵³ Цит. по: *Plett B.* Did UN forces take sides in Ivory Coast? // *BBC News*. 7 April 2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-13004462>

⁵⁴ *Ibid.*

частей»⁵⁵; часть дворца была разрушена. После этого колонна из более чем 30 французских бронетранспортеров двинулась к резиденции бывшего главы государства и окружила его, а сторонники Уаттары ворвались во дворец; около 3.00 11 апреля Гбагбо и его окружение были арестованы. После этого бои в Абиджане прекратились. К началу мая было подавлено сопротивление в последнем оплоте гбагбистов – в районе Йопугона на юго-востоке страны. 5 мая КС аннулировал оглашенные им 3 декабря 2010 года итоги второго тура президентских выборов и 6 мая принял присягу Уаттары.

Выступая 13 апреля в СБ, Чхве Ён Джин пытался снизить значимость силового вмешательства ООН. «Гбагбо, – утверждал он, – был задержан силами, поддерживающими г-на Уаттару. В отличие от кризисов, которые потребовали широкомасштабного международного военного вмешательства, ивуарийский кризис был разрешен в основном самими ивуарийцами. <...> Кот-д’Ивуар является примером того, как народ успешно решает свои проблемы при поддержке международного сообщества. Однако урегулирование возникшего после выборов кризиса – это в первую очередь заслуга самих ивуарийцев»⁵⁶. В то же время посол Бамба признал, что «<тяжелые> вооружения были во исполнение резолюции 1975 (2011) уничтожены ОООНКИ и операцией “Единорог”»⁵⁷. Он выразил признательность СБ «за тот ответственный подход», который был избран им «в ответ на сигналы о бедствии проживающего в Кот-д’Ивуаре гражданского населения, и за то, что он пришел ему на помощь»; это позволило «нам спасти жизни неисчислимого количества людей, оказавшихся в ловушке разгула кровопролития, развернутого бывшим президентом Кот-д’Ивуара»⁵⁸.

Атаковав силы Гбагбо, ООН фактически отказалась от принципа своего военного нейтралитета, который, по словам Чхве Ён Джина, был «одним из краеугольных камней ее присутствия в Кот-д’Ивуаре»⁵⁹, хотя, по мнению бывшего президента ЮАР Табо Мбеки, это произошло еще тогда, когда Чхве «...принял экстраординарное решение расширить свой мандат, объявив, кто выиграл

⁵⁵ Двадцать восьмой доклад... С. 3. См. также: Ivory Coast: New air strikes near Gbagbo residence // BBC News. 10 April 2011.

⁵⁶ Совет Безопасности. 6513-е заседание. С. 2.

⁵⁷ Там же. С. 8.

⁵⁸ Там же. С. 8–9.

⁵⁹ Цит. по: *Smith D.* Ivory Coast: UN’s intervention broke the impasse // *The Guardian*. 5 April 2011.

президентские выборы. С этого момента ООНКИ не имела иного выбора, кроме как активно действовать для утверждения Уаттары в качестве президента страны и смещения Гбагбо»⁶⁰. По словам Адекейе Адебаджо, исполнительного директора Центра разрешения конфликтов в Кейптауне, «...тот факт, что войска Гбагбо напали на <военнослужащих> ООН, оправдывает реакцию возмездия. Слишком часто ооновцы становились легкими мишенями, когда страны, предоставлявшие войска, не желали, чтобы они вмешивались, — с особо трагическими последствиями в Конго, Судане и Руанде. Но ситуация перестала быть столь простой, когда выяснилось, что они координируют <свои действия> с мятежниками, чтобы сместить Гбагбо»⁶¹. Что бы ни говорили представители ООНКИ о своем нейтралитете (она «не является участницей конфликта», утверждал Пан Ги Мун⁶²), с точки зрения ивуарийской оппозиции ООН встала на ее сторону. После ударов по президентскому дворцу 4 апреля пресс-секретарь правительства Гийома Соро, назначенного Уаттарой, утверждал: «С поддержкой, какую мы имеем от сил ООН, это может закончиться к <следующему> утру»⁶³. Удары были нанесены именно тогда, когда войска Уаттары предприняли «последний штурм» позиций гбагбистов в Абиджане, и они, как признали представители ООН, серьезно ослабили их военный потенциал⁶⁴. Бомбардировка президентского дворца 10 апреля, по словам австралийского журналиста Дэвида Свэна, «покончила с сопротивлением» Гбагбо; финальный штурм дворца силами Уаттары произошел всего «несколько часов спустя после того, как совместные удары французов и ООН уничтожили тяжелые вооружения, использовавшиеся осажденными силами, лояльными <бывшему> лидеру»⁶⁵.

Акция ООНКИ была одобрена далеко не всеми. Председатель АС президент Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг Нгема осудил военное вмешательство и призвал позволить Африке самой

⁶⁰ Mbeki T. What the World Got Wrong in Côte D'Ivoire // Foreign Policy. April 29, 2011.

⁶¹ Цит. по: Smith D. Ivory Coast: UN's intervention...

⁶² Цит по: Laing A., Swaine J. Op. cit.

⁶³ Цит. по: Ibid.

⁶⁴ См.: Plett B. Op. cit.

⁶⁵ Swan D. Laurent Gbagbo captured after UN airstrikes // The Australian. April 12, 2011. Однако министр по делам молодежи правительства Гбагбо лидер «Молодых патриотов» Шарль Бле Гуде утверждал, что «тяжелого вооружения нет в резиденции» (Ibid.).

решать свои проблемы⁶⁶. Табо Мбеки заявил о «неприкрытом использовании военных средств, чтобы открыть путь для Новых сил, разгромить силы Гбагбо и захватить его под бесстыдным предлогом, будто это делается для защиты гражданских лиц»⁶⁷. По его словам, «ООНКИ ничего не сделала, чтобы остановить наступление Новых сил с севера на юг, вплоть до Абиджана. Ни ООНКИ, ни французские войска не сделали ничего, из того, что им было поручено Объединенными Нациями, чтобы защитить гражданских лиц в районе Дуэкуэ, где, очевидно, имело место самое массовое убийство гражданских лиц! Это напоминает неспособность Объединенных Наций положить конец более катастрофической резне и жестокому обращению с гражданскими лицами на востоке Демократической республики Конго! <...> Объединенные Нации сделали выбор в пользу отказа от своего нейтралитета как миротворца и решили стать пристрастным участником ивуарийского конфликта». ООН доказала, что «является простым инструментом в руках великих держав мира»⁶⁸.

Из числа постоянных членов СБ свое недовольство выразила Российская Федерация. «Миротворческая миссия Организации Объединенных Наций и поддерживающий ее французский контингент в Кот-д'Ивуаре, — заявил российский министр иностранных дел Сергей Лавров еще 5 апреля, — вступили в боевые действия на стороне господина Уаттары. Мы сейчас разбираемся в правовой стороне дела, потому что миротворцы имели мандат, который обязывал их быть нейтральными. По нашему запросу состоялся срочный брифинг в Совете Безопасности ООН. Никаких конкретных ответов мы не получили»⁶⁹. Президент РФ Дмитрий Медведев высказался в том же духе уже после падения Гбагбо: «Если я не ошибаюсь, в резолюции 1975 говорится об использовании подразделений ООН, но не для того, чтобы поддерживать одну сторону конфликта в Кот-д'Ивуаре. ООН вообще не может поддерживать какую-либо сторону. А по факту получается именно так. Здесь у нас есть вполне серьезные вопросы к руководству ООН. Мне кажется, что это очень опасная тенденция. Ооновцы

⁶⁶ At last Gbagbo surrenders to UN // NigerianEye. 6.04.2011. URL: www.nigerianeye.com/2011/04/at-last-gbagbo-surrenders-to-un.html?m=0

⁶⁷ *Mbeki T.* Op. cit.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Цит. по: Россия требует отчета о действиях миротворцев в Кот-д'Ивуаре // Russia Today. 5 апреля 2011.

должны разводить стороны, а ни в коем случае не помогать какой-то из сторон»⁷⁰.

Каковы же были причины, побудившие руководство ООН принять решение о силовых действиях против Гбагбо? Ряд исследователей считает, что ключевую роль сыграли гуманитарные соображения⁷¹. Ситуация в стране действительно резко ухудшилась в начале 2011 года. «На сегодняшний день, — говорил Кхаре на заседании СБ 25 марта 2011 года, — более 93 000 человек бежали в Либерию, а порядка миллиона человек оказались на положении внутренне перемещенных лиц, из них приблизительно 300 000 находятся в Абиджане, хотя многие жители покидают город»⁷². Ивуарийский дипломат Бамба утверждал, что эскалация насилия в послевыборный период «привела к беспрецедентной гуманитарной катастрофе в Кот-д'Ивуаре»⁷³. Именно эта тема наиболее часто звучала при обсуждении СБ 30 марта Резолюции № 1975.

Неудивительно, что ООН, как писал британский журналист Дэвид Смит, подвергалась жесткой критике за неспособность «выполнить свой мандат по защите гражданского населения, подвергавшегося насилию или угрозе насилия»⁷⁴. Сам же Смит начал свою статью, посвященную событиям 4 апреля, словом: «Довольно»⁷⁵. А по мнению американского специалиста-международника Томаса Вейса, ООН вообще «опоздала в Кот-д'Ивуаре»⁷⁶.

Другим мотивом для принятия решения о вмешательстве стало беспокойство о том, что ивуарийский кризис может дестабилизировать всю Западную Африку. «Положение в Кот-д'Ивуаре, — говорилось в Резолюции № 1962, — продолжает создавать угрозу для международного мира и безопасности в регионе»⁷⁷. «Тяже-

⁷⁰ Цит. по: Медведев резко осудил военные операции в Ливии и Кот-д'Ивуаре. 14.04.2011. URL: <https://www.fontanka.ru/2011/04/14/082/>

⁷¹ *Bellamy A. J., Williams P.D.* The New Politics of Protection? Côte d'Ivoire, Libya and the Responsibility to Protect // *International Affairs*. Vol. 87. 2011. № 4. P. 836; *Mehler A.* From «Protecting Civilians» to «For the Sake of Democracy» (and Back Again): Justifying Intervention in Côte d'Ivoire // *African Security*. Vol. 5. 2012. № 3—4. P. 199—216.

⁷² Совет Безопасности. 6506-е заседание. С. 3. См. также свидетельство Пан Ги Муна: Двадцать восьмой доклад... С. 13.

⁷³ Там же. С. 6.

⁷⁴ *Smith D.* Ivory Coast: UN's intervention...

⁷⁵ *Ibid.*

⁷⁶ *Weiss Th.G.* The UN has proved its worth in Libya and Ivory Coast // *Independent*. 6 April 2011.

⁷⁷ Резолюция 1962... С. 2.

лая гуманитарная ситуация, — предупреждал 25 марта 2011 года Кхаре, — может привести к обострению ситуации в Кот-д’Ивуаре и в субрегионе, в частности в Либерии»⁷⁸, соседней стране, которая еще только оправлялась от последствий двух гражданских войн и в которой осенью должны были пройти президентские выборы. Эта дестабилизация в субрегионе, по словам представительницы Нигерии в ООН, «уже происходит, поскольку гражданские лица начинают искать убежища в Либерии, Гане и других соседних странах. Дополнительную нагрузку на эти общества нельзя недооценивать, и опасность распространения конфликта вполне реальна»⁷⁹. Особую угрозу, по мнению СБ, как показывает Резолюция № 1980, представляли для региональной безопасности трансграничные перемещения наемников и комбатантов, а также трансфер оружия⁸⁰.

Не менее важным мотивом стало и то, что ООН слишком много вложила в разрешение ивуарийского конфликта. Речь идет не только о расходах на ООНКИ, но и о восьмилетних дипломатических маневрах, уговорах, давлении в условиях, когда, казалось, успешные шаги по достижению компромисса между сторонами сменялись ростом напряженности, и долгожданные президентские выборы вновь откладывались. И ООН все больше и больше погружалась в ивуарийские дела и проблемы. Казалось, что состоявшиеся, наконец, осенью 2010 года выборы оправдают все материальные и нематериальные инвестиции ООН в Кот-д’Ивуар, однако отказ Гбагбо признать их результаты грозил полностью эти инвестиции обесценить. «Непризнание воли народа на этом этапе (победы Уаттары. — *И.К.*), — заявил Чхве Ён Джин 3 декабря 2010 года, — стало бы предательством по отношению к народу Кот-д’Ивуара и пустой растратой тех значительных ресурсов, которые международное сообщество вложило в него за последние восемь лет»⁸¹. Вместо разрешения конфликта выборы привели к его обострению, что ставило вопрос о полном банкротстве политики ООН в Кот-д’Ивуаре и могло добавить это государство в список стран, где усилия международного сообщества потерпели полный провал, как, например, в Руанде. На фоне постоянных обвинений миротворческой политики ООН в неэффективности перспектива

⁷⁸ Совет Безопасности. 6506-е заседание. С. 3.

⁷⁹ Совет Безопасности. 6508-е заседание. С. 2.

⁸⁰ Резолюция 1980 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6525-м заседании 28 апреля 2011 года. С. 3.

⁸¹ Совет Безопасности. 6437-е заседание. С. 3.

неудачи в Кот-д'Ивуаре воспринималась ее руководством весьма болезненно. По мнению Колина Китинга, бывшего представителя Новой Зеландии в ООН, пример Кот-д'Ивуара (как и Ливии) продемонстрировал «незначительное изменение не столько в желании Совета действовать (чтобы не допустить злодеяний), но скорее нежелание стать объектом обвинений, если дела пойдут плохо»⁸².

Эта неудача могла стать тем более полной, что, признав победу Уаттары, ООН сразу же противопоставила себя другой стороне конфликта, которая стала требовать вывода «голубых касок» с территории страны. Поэтому судьба усилий ООН оказалась теснейшим образом связана с утверждением легитимности Уаттары и его политической победой. Политическая дискредитация последнего означала политическую дискредитацию тех, кто его поддержал на международном уровне, прежде всего ООН и ЭКОВАС. Отметим, что военное вмешательство ООНКИ, по крайней мере ее акция 10 апреля, произошла на следующий день после обнародования доклада правозащитной организации «Хьюман райтс уотч» об убийстве сторонниками Уаттары сотен мирных жителей на западе страны и более 20 случаев изнасилования женщин⁸³. Эти обвинения подрывали репутацию Уаттары как законного президента и вместе с ней позиции ООН, АС и ЭКОВАС, которые признали его таковым⁸⁴. Нужно было как можно скорее ставить точку в ивуарийском кризисе, пока не стало слишком поздно.

И наконец, следует помнить и то, в каком контексте руководство ООН приняло решение о военном вмешательстве. Это произошло всего лишь две с половиной недели спустя после принятия СБ Резолюции № 1973, которая позволила «государствам-членам ... принимать все необходимые меры ... для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии»⁸⁵. Акция в Кот-д'Ивуаре оказалась, таким образом, не исключением, а частью новой глобальной стратегии ООН. 6 мая 2011 года Пан Ги Мун

⁸² Цит. по: *Plett B.* Op. cit.

⁸³ Côte d'Ivoire: Ouattara Forces Kill, Rape Civilians During Offensive // Human Rights Watch. April 9, 2011.

⁸⁴ См.: *Smith D.* Ivory Coast: UN and France launch reprisal attacks on Gbagbo // The Guardian. 11 April 2011.

⁸⁵ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. 17 March 2011. С. 3.

заявил: «То, что случилось в Ливии, Кот-д'Ивуаре и в других местах, является историческим прецедентом, водоразделом в рождающейся доктрине ответственности ради защиты»⁸⁶. Эта доктрина, по его словам, стала результатом стремления не допустить ничего подобного трагедиям в Руанде и Сребренице.

⁸⁶ UN. Press Release. Libya, Côte d'Ivoire Events Mark Historic Precedent, Secretary-General Tells Sofia Platform, Citing «Watershed» in Responsibility to Protect Doctrine. 6 May 2011.

Миротворческие усилия африканских государств в урегулировании гражданской войны в Кот-д'Ивуаре 2002–2011 гг.

А.Ю. Шипилов

Гражданская война в Кот-д'Ивуаре 2002–2011 гг., вызванная острыми этно-социальными, экономическими и социально-политическими факторами, происходила в контексте иных конфликтов, имевших место в соседних государствах региона в 1990–2000-х гг. Гражданские войны в Либерии и Сьерра-Леоне способствовали формированию единых механизмов сохранения мира в Западной Африке, а также привели к более активному вмешательству стран региона в ивуарийские дела. Поэтому ивуарийский конфликт стал площадкой для практического применения возникших ранее субрегиональных миротворческих механизмов. Для более полного понимания особенностей работы этих миротворческих механизмов целесообразно рассмотреть историю их формирования и обусловившие их возникновение политические связи, сложившиеся в годы холодной войны и после ее окончания в рамках западно-африканского субрегиона. Катализатором этих связей была война в Либерии, ставшая центром общего конфликта в Западной Африке в 1980-е – 2000-е гг., затронувшего и Кот-д'Ивуар¹. Возникшие в ее ходе между либерийским полевым командиром Чарльзом Тейлором и ивуарийским президентом Феликсом Уфуэ-Буаньи, а затем ивуарийскими повстанцами, отношения основаны не столько на этнической близости, сколько на попытках неафриканских держав обеспечить себе сферу влияния и союзников в регионе, а также на желании локальных политических игроков воспользоваться этими попытками. Поэтому стоит обратиться к истории либерийского конфликта.

Либерия изначально, в начале XIX века, была создана Соединенными Штатами и частными американскими аболиционистскими обществами для проживания освобожденных и репатрири-

¹ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 122–123. <https://doi.org/10.1080/19362200903361945>

рованных в Африку рабов². Несмотря на то, что американо-либерийцы составляли всего лишь 5 % населения страны, они занимали ключевые посты в республике, начиная с провозглашения страной независимости в 1847 году, и вплоть до 1980 года. Страна традиционно находилась под опекой США, обеспечивших территориальную целостность страны от посягательств европейских держав и оказывавших помощь при подавлении восстаний коренного населения. Инвестиции американских корпораций в добычу и переработку каучука и алмазов на территории страны, а также американское военное присутствие в годы Второй мировой войны в рамках оборонного соглашения 1942 года, позволили экономике страны динамично развиваться. Дополнительная экономическая помощь Либерии со стороны Соединенных Штатов поступала в годы холодной войны в рамках сдерживания «советской угрозы» в Африке. Поэтому Либерия в 1940–1960-е гг., период президентства Табмэна, оказалась под сильным политическим и экономическим влиянием США³. Однако преемник умершего в 1971 году Табмэна Толберт начал проводить более самостоятельную внешнюю политику, установив дипломатические отношения с СССР и другими странами мировой системы социализма, при этом обрвав контакты с Израилем после войны судного дня 1973 года. Более того, Толберт начал устанавливать экономические контакты с Ливией и Кубой, договорившись о создании совместных предприятий в Монровии⁴.

Поэтому США поддержали государственный переворот 1980 года, осуществленный сержантом Сэмюэлем Доу, чем, в итоге, завершился 133-летний период правления американо-либерийцев⁵. В первые годы после переворота Доу пользовался политической и экономической поддержкой США в рамках продолжающейся холодной войны. Однако к выборам 1985 г. Доу утратил значительную часть легитимности из-за давления на оппозицию, угроз и массовых фальсификаций, в результате которых ему удалось набрать

² *Ellis, Stephen*. *Mystical Weapons: Some Evidence from the Liberian War* // *Journal of Religion in Africa*, Vol. 31, Fasc. 2, Religion and War in the 1990s (May, 2001). P. 225.

³ *Ellis, Stephen*. *Liberia 1989–1994: A Study of Ethnic and Spiritual Violence* // *African Affairs*, Vol. 94, No. 375 (Apr. 1995). P. 174.

⁴ *Obi, Cyril*. *Op. cit.* P. 122–123; Gershoni, Yekutiel. *Liberia and Israel: The Evolution of a Relationship* // *Liberian Studies Journal*, Vol. 14, No. 1, 1989. P. 40.

⁵ *Kieh, George Klay, Jr.* *Neo-Colonialism: American Foreign Policy and the First Liberian Civil War* // *The Journal of Pan African Studies*, Vol. 5, No. 1, March 2012. P. 177.

на выборах 51% голосов⁶. Кроме того, пользовавшийся на раннем этапе поддержкой большей части коренного населения Доу начал притеснять народности гио и манго, продвигая интересы собственной этнической группы кран и мандинго. В результате либерийское руководство (при приближающемся окончании холодной войны) получало все меньше американской помощи, и часть госаппарата США (прежде всего спецслужбы) участвовала в создании вооруженной оппозиции существующему режиму⁷. Так, ЦРУ способствовало побегу из американской тюрьмы и за пределы Соединенных Штатов Чарльза Тейлора (оказавшегося в стране незаконно и ожидавшего экстрадиции в Либерию, где он обвинялся в хищении государственных средств)⁸. Таким образом, для удержания контроля в традиционной сфере влияния США были готовы поддерживать различные политические силы, в том числе и оппозицию.

Более последовательным внешним противником режима Доу стал режим Муаммара Каддафи после закрытия в Монровии совместного ливийско-либерийского предприятия и народного бюро Джамахирии⁹. Кроме этого, правительство Доу обрело региональных противников в лице руководителей Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуара. Одной из причин этого противостояния стала гибель в ходе переворота, совершенного Доу, зятя Феликса Уфуэ-Буаньи, Адольфуса Толберта, сына президента страны. Он был женат на приемной дочери главы ивуарийского государства Дейзи Делафосс¹⁰. Позднее, после гибели Адольфуса Толберта, она стала супругой президента Буркина-Фасо Блеза Кампаоре, что также способствовало разобщению между Либерией и этой западноафриканской страной.

Однако для конфронтации Либерии с этими франкоязычными государствами Западной Африки имелись и более серьезные мотивы

⁶ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The Ecomas Operation in Liberia // The Journal of Modern African Studies, Vol. 33, No. 4 (Dec., 1995). P. 573.

⁷ *Gershoni, Yekutiel*. Liberia and Israel: The Evolution of a Relationship. P. 43.; *Kieh, George Klay, Jr.* Neo-Colonialism: American Foreign Policy and the First Liberian Civil War // The Journal of Pan African Studies. Vol. 5. No. 1. March 2012. P. 180.

⁸ *Kieh, George Klay, Jr.* Neo-Colonialism: American Foreign Policy and the First Liberian Civil War. P. 180; *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 575

⁹ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 122–123.

¹⁰ *Ibid.* P. 123.

вы. Сэмюэль Доу и его администрация тесно сотрудничали с военным режимом Нигерии¹¹. Помимо личной дружбы, существовавшей между Доу и генералом Ибрагимом Бабангида, обе страны сближали общие внутривосточные проблемы. И в Нигерии, и в Либерии власть не имела безоговорочного авторитета и была вынуждена использовать репрессивные методы для подавления оппозиции. Кроме того, тесные связи между странами были обусловлены претензиями Нигерии, богатой нефтью и наиболее населенной страны континента, на региональное лидерство. Военные, находившиеся у власти в стране, видели возможный путь собственной легитимации и продления полномочий в превращении страны в регионального гегемона. Однако на пути у этих амбиций стояла Франция, по-прежнему полностью доминировавшая в большей части своих бывших колоний в Западной Африке. Исключение составляла лишь Гвинея, которая после обретения независимости избрала курс на сближение с социалистическими странами, а после переворота 1984 года сотрудничала преимущественно с США и не входила в региональные структуры, обеспечивавшие французское влияние¹². Поэтому руководство Нигерии способствовало созданию в 1975 году Экономического содружества стран Западной Африки (Economic Community of West African States – ECOWAS), первоначально призванного повысить экономическую самостоятельность стран этой части континента и снизить зависимость от внешних игроков и, прежде всего от бывших колонизаторов¹³. Объединения, созданные исключительно франкоязычными государствами региона, Западноафриканский валютно-экономический союз (Union Economique-Monetaire Ouest Africain – UEMOA, West African Economic and Monetary Union, WAEMU 1962 г.) и Экономическое сообщество Западной Африки (Communauté Economique de l'Afrique de l'Ouest – CEAO, 1970 г.) были названы нигерийскими властями инструментом неокOLONИАЛЬНОГО при-

¹¹ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 123.

¹² *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 121; CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gv.html>; *McGovern, Mike*. Janvier 2007 – Sékou Touré est mort // Politique africaine, Jan 1, 2007. P. 137–138.

¹³ МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rafr.nsf/0f0b8bac14338411432569d8002c13c4/b14d293bfb4b29b443256a240034e5d8!OpenDocument>; *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 120.

сутствия Франции на территории своих бывших колоний¹⁴. Кроме того, в 1967–1970 гг. Франция поддерживала сепаратистов на юго-востоке Нигерии, образовавших республику Биафра¹⁵. Еще одним игроком, мешавшим установлению нигерийской гегемонии в регионе, стала Ливия, начавшая активное вмешательство в дела африканских стран после начала кризиса светского национализма и социалистических идей в арабском мире в 1980-е гг.¹⁶ Поэтому данные государства – оппоненты режима Доу – оказались и соперниками Нигерии.

Однако Нигерия была не единственной западноафриканской страной, претендовавшей на региональное лидерство. Ивуарийский режим Уфуэ-Буаньи, тесно связанный с Францией рамками военного и экономического сотрудничества, получавший большие доходы от экспортного сельского хозяйства и обеспечивавший самый высокий уровень жизни в регионе, обладал схожими амбициями¹⁷. Поэтому усиление нигерийского влияния в регионе не устраивало Кот-д’Ивуар, а также Буркина-Фасо, (в конце 1960-х гг. ивуарийский президент также поддерживал повстанцев в Биафре)¹⁸. Так что Уфуэ-Буаньи и Кампаоре было выгодно поддержать либерийскую оппозицию и свергнуть Доу, чтобы лишить Нигерию союзника и укрепить собственное региональное влияние. Одновременно традиционно контролируемая США Либерия с началом демократизации стала более уязвимой для французского проникновения. Через своих сателлитов, Буркина-Фасо и Кот-д’Ивуар, а также Ливию,

¹⁴ *Ebohon, S.I., Isike, C.A.* The Dilemma of Big Brother Diplomacy: An Analysis of Nigeria’s Role in the Resolution of Ivorian Crisis. *Tropical Focus*// The International Journal Series on Tropical Issues, 4(3) September, 2004. P. 45–46; *Muller, Karis.* The Euro and African Monetary Integration // *Humanitas Journal of European Studies.* 2007, Vol. 1/1. P. 20 URL: <http://www.sbc.org.pl/Content/11962/muller.pdf>; *Adeleke, Ademola.* The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 577.

¹⁵ *Кривушин И.В.* Гражданские войны в Африке // Исторический журнал: научные исследования, 2011, №1. С. 71–72.

¹⁶ *Giroux, Jennifer; Lanz, David; Sguaitamatti, Damiano.* The Tormented Triangle: The Regionalisation Of Conflict In Sudan, Chad And The Central African Republic. Working Paper No. 47, Regional and Global Axes of Conflict. April 2009. P. 4 URL:<http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/The-Tormented-Triangle.pdf>; *Примаков, Евгений.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2012. С. 55

¹⁷ *Obi, Cyril.* Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d’Ivoire. P. 123.

¹⁸ *Ebohon, S.I., Isike, C.A.* The Dilemma of Big Brother Diplomacy: An Analysis of Nigeria’s Role in the Resolution of Ivorian Crisis. P. 46–51.

активно сотрудничавшую с Францией после урегулирования конфликта в Чаде, Франция стала поддерживать Ч. Тейлора¹⁹. В результате последовавшего получения организацией НПФЛ (Национальный патриотический фронт Либерии) контроля над большей частью территории страны на либерийский рынок стал более активно проникать французский капитал (изначально этому способствовала либеральная экономическая политика С. Доу, однако наиболее прибыльные отрасли экономики страны в 1980-е гг. по-прежнему контролировались корпорациями США). В частности, в 1990-е гг. сотрудничавшие с Тейлором компании получили доступ к алмазам из месторождений на юго-востоке страны, а также к ценным породам дерева, золоту и каучуку по низкой цене²⁰. Тейлор контролировал экспорт древесины ежегодно на сумму 53 млн. долл., преимущественно идущий во Францию²¹. За период 1994–1998 гг. на Антверпенскую биржу ежегодно попадало по 6 млн. каратов алмазов из Либерии, часть из которых доставлялась французскими посредниками²². Таким образом, оказывая поддержку главе НПФЛ, структуры, аффилированные с французским капиталом, смогли взять под свой контроль значительную часть теневых финансовых потоков, связанных с «кровавыми алмазами» и прочими ресурсами, добываемыми в Либерии.

Учитывая сложившуюся ситуацию и готовность многих международных и региональных сил поспособствовать отстранению Доу от власти, внутрилиберийским оппонентам «диктаторского» режима было не так трудно найти внешнюю поддержку. В дальнейшем, в 1985–1987 гг. Тейлор при американской помощи (в тот период) создал боевую оппозиционную организацию НПФЛ и прошел тренировку в Ливии²³. Затем в 1987 году, отряды Тейлора перемести-

¹⁹ *Clyde R. Mark*. Libya. Issue Brief for Congress. Updated May 23, 2002. P. 7; *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 122–123.

²⁰ *Kuchta, Diana*. The Resource Curse: A Case Study on Liberia – Charles Taylor, Timber and Diamonds. 15th International Humanitarian Conference, Geneva, Switzerland, 2011. P. 113; *Atkinson, Philippa*, The war economy in Liberia: a political analysis. Relief and Rehabilitation Network Paper, Overseas Development Institute, London, May 1997. P. 8.

²¹ *Richards, Paul, et al.* Community Cohesion in Liberia. A Post-War Rapid Social Assessment (Report). Washington DC. The World Bank. 2005. P. 5–6.

²² *Kuchta, Diana*. The Resource Curse: A Case Study on Liberia – Charles Taylor, Timber and Diamonds. 15th International Humanitarian Conference, Geneva, Switzerland, 2011. P. 118.

²³ *Ellis, Stephen*. Liberia 1989–1994: A Study of Ethnic and Spiritual Violence. P. 181.

лись под защиту Кампаоре в Буркина-Фасо. 24 декабря 1989 года при поддержке Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуара, управлявшихся, соответственно, Блезом Кампаоре и Феликсом Уфуэ-Буањи, Тейлор с территории Кот-д'Ивуара вторгся в Либерию, в округ Нимба, населенный преимущественно гио и мано, ущемленными режимом Доу²⁴.

Поскольку существовавшее либерийское руководство широко использовало репрессивный аппарат и опиралось на поддержку лишь народностей кран и мандинге, серьезного сопротивления повстанцам из НПФЛ оказать не удалось. После неадекватно жестких ответных мер силовых структур Доу, нанесших ущерб и гражданскому населению (что заставило 300 тыс. человек покинуть страну), число вооруженных сторонников Тейлора увеличилось с трехсот до нескольких тысяч и получило широкую поддержку населения²⁵. К июню 1990 года силы Тейлора смогли занять 95% территории страны, подойти к Монровии и подготовиться к ее взятию. Однако в данном случае среди внешних сил, изначально поддержавших Чарльза Тейлора, наметился раскол. США не поддерживали излишне тесных связей главы НПФЛ с Ливией, находившейся в состоянии конфликта с Западом из-за взрывов на берлинской дискотеке Ля-Бэль в 1986 году и самолета Панамерикан-103 над Локкерби в 1988 г, с одной стороны, а также американских бомбардировок Триполи и международных санкций – с другой²⁶. Кроме того, Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуар, создавшие необходимые условия для действий Тейлора, ориентировались прежде всего на французские экономические интересы в регионе, которые к концу холодной войны могли противоречить американским. Поэтому замена режима Доу на Тейлора могла оказаться невыгодной США и с военно-политической, и с экономической точек зрения. Это, согласно некоторым исследователям, побудило их поддержать раскол в среде сторонников Тейлора и способствовало появлению на либерийской политической арене третьей силы, более лояльной США, нежели НПФЛ, но при этом более устойчивой и дееспособной, чем руководство Сэмюэля Доу. В результате от НПФЛ откололась организация ИНПФЛ (Независимый национальный патриотический фронт Либерии), возглавленная

²⁴ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 121.

²⁵ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 575.

²⁶ *Clyde R. Mark*. Libya. Issue Brief for Congress. P. 5.

проходившим военную подготовку в США Йорми Принсом Джонсоном, занявшим вооруженные позиции между Тейлором и Доу и приостановившим наступление НПФЛ на столицу²⁷. Таким образом, быстрого захвата власти Тейлором не произошло, а вместо этого начался кровопролитный гражданский конфликт с тремя участниками и без перспективы быстрой победы одной из сторон.

В этих условиях конфликт в Либерии стал угрозой региональной безопасности, и С. Доу обратился к странам региона за помощью по стабилизации обстановки в стране²⁸. На его призыв негативно отреагировали не только страны, поддерживавшие Тейлора (Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуар), но и прочие франкоязычные государства, так или иначе связанные с французскими интересами. В то же время Нигерия активно выступила в поддержку Доу и против действий Тейлора по вышеуказанным причинам²⁹. В частности, лидер НПФЛ был объявлен марионеткой Франции, якобы реализующей неокOLONIAльную политику. Однако прочие англоязычные государства региона, Гана и Сьерра-Леоне, склонялись к разрешению конфликта политическим путем. Но для этого требовалось присутствие в стране региональных миротворцев, способных обеспечить декларируемые гарантии, стабильность в ходе переговорного процесса и осуществление достигнутых договоренностей. При этом юридические документы ЭКОВАС не предусматривали возможности и процедуры создания региональных миротворческих сил. Поэтому для образования группы мониторинга ЭКОВАС (ЭКМОМОГ – Economic Community of West African States Monitoring Group) нигерийское руководство нашло предлог в 52-й статье Устава ООН, предусматривающей возможность создания региональными организациями собственных миротворческих сил³⁰. При этом нигерийское руководство, ставшее основным инициатором создания группы, делало акцент на том, что страны Западной Африки должны самостоятельно, без привлечения бывших колониальных держав, решать вопросы региональной безопасности, что позволит повысить уровень самостоятельности региона в международной политике. Но Ниге-

²⁷ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 575.

²⁸ *Ibid.* P. 576.

²⁹ *Ibid.* P. 577.

³⁰ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 578; United Nations. Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice. URL:<https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf>

рии было необходимо отмежеваться от обвинений в попытке проведения региональной экспансии и защите Доу. Поэтому во вновь создаваемых миротворческих силах командующим был назначен представитель Ганы — генерал Арнольд Куайну. Однако в сформированной миротворческой миссии на Нигерию приходилось 80% личного состава и 90% финансирования, а также примерно 1000 погибших в ходе боевых действий³¹. Тем не менее, в сентябре 1990 года руководству Нигерии удалось избавиться от значительной доли критики после убийства Доу сторонниками Джонсона прямо в штабе сил ЭКОМОГ, расположенных в Либерии³². В результате было показано, что военные доминирующей в ЭКОВАС державы не причастны к поддержке одной из враждующих сторон (поскольку Доу более не обладал реальной властью, нигерийцы уже не нуждались в нем для укрепления собственных позиций в регионе в целом и в Либерии, в частности). Поэтому у противоположной стороны, Уфуэ-Буаньи и Кампаоре, более не было предлога для открытой «компенсационной» поддержки Тейлора, что ослабило позиции франкоговорящих государств Западной Африки³³.

В последовавший период основные участники либерийского конфликта разделились по этническому признаку, а также по поддержке каких-либо конкретных полевых командиров. В результате ключевых группировок стало восемь, и ни одна из них не была достаточно сильной для установления власти на большей части территории страны. При этом изначальный план ЭКОВАС, предусматривавший полное разоружение всех сторон конфликта в течение нескольких недель, образование временного правительства из нейтральных лиц и проведение через 12 месяцев президентских выборов, не увенчался успехом³⁴. Полевые командиры, лишавшиеся в рамках договора вооружений и не получавшие во временном правительстве постов, отказались выполнять условия и сдавать оружие, что привело к продолжению боевых действий. Нигерийское руководство, играющее наиболее важную роль в ЭКОМОГ, и в ходе

³¹ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 121–122.

³² *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 580.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 121–122; *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 581.

последующих переговоров настаивало на неучастии враждующих сторон во временном правительстве, что препятствовало разоружению³⁵. Однако после серьезного внутривластного кризиса в 1993 году и перехода власти в руки гражданского правительства Нигерия отказалась от столь активного участия в разрешении либерийского кризиса³⁶. Поэтому основная часть обязанностей по организации переговорного процесса легла на Гану, традиционно занимавшую позицию невмешательства и нейтралитета и не заинтересованную в отличие от Нигерии в победе или поражении какой-либо из сторон. Ганское руководство, представленное президентом Ролингсом, проявило большой прагматизм и пошло на отказ от принципа неучастия полевых командиров во временном правительстве. Однако и после этого переговоры зашли в тупик, так как посты в переходном правительстве были предложены лишь трём враждующим группировкам. Но, несмотря на трудности, в 1996 году в Абудже было подписано окончательное соглашение, в 1997 году, прошли президентские выборы, на которых победил Чарльз Тейлор, и в 1998 году силы ЭКОМОГ были выведены из Либерии³⁷.

Тем не менее, это не привело ни к окончанию гражданской войны, ни к региональной стабилизации. Политика Тейлора не удовлетворила прочие вооруженные группировки, что привело в 1999 году к возобновлению боевых действий³⁸. В соседней Сьерра-Леоне поддерживаемая Тейлором группировка Объединенный революционный фронт (*Revolutionary United Front – RUF*), атаковала в 1992 году расположенные в стране силы ЭКОМОГ, направлявшиеся в Либерию, начала вести боевые действия против коррумпированного правительства и захватывать алмазные прииски, что привело к нескольким государственным переворотам и всеобщей дестабилизации³⁹. И в этом случае потребовалось вмешательство сил ЭКОВАС, однако из-за продолжавшегося

³⁵ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 582.

³⁶ *Ibid.* P. 583.

³⁷ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 585; *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 124.

³⁸ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 124.

³⁹ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 124–125; *Kuchta, Diana*. The Resource Curse: A Case Study on Liberia – Charles

политического кризиса в Нигерии (где в 1998 году военные были окончательно отстранены от власти), группировка не смогла самостоятельно разрешить конфликт⁴⁰. Ситуация была нормализована только после вмешательства вооруженных сил Соединенного Королевства, бывшей метрополии Сьерра-Леоне, в 2000 году. Кроме этого, Тейлор поддерживал повстанцев в Гвинее, которая в отличие от остальных франкоязычных стран сыграла относительно видную роль в ЭКОМОГ и ориентировалась прежде всего на сотрудничество с США. В ответ гвинейское правительство при протекции Великобритании и США начало поддержку группировки ЛУРД (*LURD: Liberians United for Reconciliation and Democracy* – Либерийцы, объединенные в поддержку примирения и демократии), начавшую в 1999 году отвоевывать территорию у НПФЛ⁴¹.

Кот-д'Ивуар после смерти Уфуэ-Буаьи и эскалации внутренних экономических и этнополитических проблем, приведшей к расколу в альянсе между бауле и северянами, занял более дистанцированную позицию в либерийском кризисе⁴². После 1993 года страна начала постепенную переориентацию экономических связей с Франции на США. Поэтому поддержка Тейлора в данном конфликте перестала быть для ивуарийского режима актуальной. США полностью отказались от поддержки НПФЛ еще в 1990 году, Ливия к концу 1990-х гг. из-за введенных ООН экономических санкций более не могла позволить себе широкой поддержки африканских союзников и ставленников⁴³. Франция также потерпела в 1990-е гг. ряд неудач на африканском континенте, в частности, в Руанде, где французских миротворцев обвинили в косвенном соучастии в геноциде⁴⁴. В результате Франция более не могла открыто поддерживать скомпрометировавшего себя в ходе гражданской войны Тейлора, несмотря на экономические выго-

Taylor, Timber and Diamonds. 15th International Humanitarian Conference, Geneva, Switzerland, 2011, P. 113.

⁴⁰ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 125–126.

⁴¹ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 124; *Sada, Hugo*. Le conflit ivoirien: enjeux régionaux et maintien de la paix en Afrique// Politique étrangère N°2 - 2003 - 68e année. P. 327.

⁴² *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 583.

⁴³ *Clyde R. Mark*. Libya. Issue Brief for Congress. P. 5.

⁴⁴ *Moncrieff, Richard*. French Relations with Sub-Saharan Africa under President Sarkozy. 2012. P. 7.

ды от сотрудничества с НПФЛ. Единственным надежным союзником либерийского президента и лояльных ему сил в условиях международных санкций остался режим Блеза Кампаоре, поставивший Тейлору вооружения в обход эмбарго⁴⁵. Поэтому лидер НПФЛ оказался в значительной степени привязан к буркинийскому политическому курсу, что во многом определило дальнейшие действия Либерии, в частности, ее позицию в ходе ивуарийской гражданской войны. Сложившиеся в данный период региональные группы интересов в дальнейшем также проявили себя уже в ходе ивуарийских событий.

Итак, этно-конфессиональный фактор, вопреки мнению многих исследователей африканских конфликтов, не оказал решающего влияния на баланс сил в Западной Африке в десятилетие, предшествующее началу ивуарийской гражданской войны. Вместо этого совокупную роль сыграли экономические интересы США и Франции, столкнувшиеся после краха биполярного мира, и стремление Нигерии и Кот-д'Ивуара, а также Буркина-Фасо к региональному лидерству. В центре борьбы интересов в регионе в данный период оказалась Либерия, откуда конфликт распространился и на другие страны этой части континента. В результате смычки интересов политических группировок в различных странах Западной Африки и за ее пределами сформировались два ключевых экономических и военно-политических блока, группирующихся вокруг экономических интересов США и Франции, а также вокруг политических амбиций Нигерии и Кот-д'Ивуара. Именно эти региональные группировки сыграли одну из ключевых ролей в формировании предпосылок ивуарийской гражданской войны, а затем влияли на её ход на всем её протяжении. При этом либерийский конфликт привел к формированию регионального миротворческого механизма на основе ЭКОВАС, и именно в рамках этого формата преимущественно осуществлялось региональное миротворчество в ходе начавшегося в 2002 году ивуарийского конфликта.

В масштабном общерегиональном конфликте, начавшемся в Либерии в 1989 году и распространившемся на соседние страны, можно выделить два основных противоборствующих блока — англоязычные страны региона, связанные экономическими и внешнеполитическими узами с США и возглавляемые Нигерией (до середины 1990-х гг.), с одной стороны, и франкоязычные государства, связанные с бывшей метрополией и не имеющие четкого

⁴⁵ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 581.

лидера (и несколько претендентов на этот статус), — с другой. Противоречия между этими группами государств лежат в сфере экономики, геополитики и частично этно-конфессиональных различий. Поэтому в самом начале 2000-х гг. в Западной Африке сложилась крайне сложная военно-политическая ситуация, возникшая на фундаменте нерешенных конфликтов предыдущего десятилетия. Это послужило одним из наиболее существенных внешних условий для развития гражданского конфликта в Кот-д’Ивуаре — государстве, бывшем ранее наиболее стабильным и процветающим во всём регионе.

Как уже отмечалось, логистическое оснащение повстанцев, их снабжение и прочая поддержка осуществлялись с территории Буркина-Фасо⁴⁶. Кроме того, вооруженные формирования из числа сторонников либерийского президента Чарльза Тейлора вместе с повстанцами нанесли удар по ивуарийским правительственным силам с запада. Таким образом, Либерия, возглавляемая Тейлором, и вооруженные группировки, воевавшие при его поддержке в Сьерра-Леоне, оказались вовлечены и в ивуарийскую гражданскую войну. В качестве ответной меры сторонники ивуарийского президента Лорана Гбагбо создали условия для формирования на своей территории либерийской антиправительственной группировки «Движение за демократию в Либерии» (*Movement for Democracy in Liberia — MODEL*), предоставили ей необходимое финансирование и плацдарм для нанесения удара по силам Чарльза Тейлора⁴⁷. Эта группировка, опиравшаяся на народности кран и мандинге, вторглась на территорию Либерии со стороны Кот-д’Ивуара в 2003 году, нанесла поражение правительственным войскам и стала одной из оппозиционных группировок, занявших Монровию летом 2003 года. При этом, несмотря на введенное ООН эмбарго на поставку вооружений в Либерию, Соединенные Штаты не предъявили Гбагбо и в целом ивуарийскому руководству никаких претензий по поводу нарушения данного режима с ивуарийской стороны⁴⁸. Таким образом, американское государство, действуя в интересах собственных корпораций, способствовало устранению Тейлора, поддерживаемого Францией и допустившего французские компании в наиболее прибыльные отрасли народно-

⁴⁶ *Obi, Cyril*. Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d’Ivoire. P. 129.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ *Ebohon, S.I., Isike, C.A.* The Dilemma of Big Brother Diplomacy: An Analysis of Nigeria’s Role in the Resolution of Ivorian Crisis. P. 6.

го хозяйства Либерии. Поэтому США было выгодно сохранение у власти Гбагбо, несмотря на его сложные отношения с Францией. Ситуация несколько изменилась после свержения Тейлора в 2003 году, что сделало Гбагбо менее необходимым для американских интересов⁴⁹. Но международная изоляция со стороны великих держав не была в этот период полной, поскольку ивуарийский режим допускал в наиболее прибыльные сектора экономики страны американские компании, которых в противном случае на легальных основаниях оттеснили бы французские предприятия. В результате экономическая открытость Кот-д'Ивуара при Гбагбо оставалась привлекательной для американских компаний. В данном случае позиции региональных государств по-прежнему определялись их клиентскими связями с Францией либо США.

В этот же период сложились достаточно доверительные отношения между Кот-д'Ивуаром и Гвинеей, также подвергнувшейся нападению со стороны повстанцев, поддерживаемых Тейлором, и также способствовавшей его свержению. Окружение гвинейского лидера Лансана Конте столкнулось примерно с теми же проблемами, что и Кот-д'Ивуар — повстанческим движением и оппозицией, организовавшейся вокруг бывшего премьер-министра страны Сидиа Туре (аналогично Алассану Уаттара). В ходе визита в Канакри в 2004 году Гбагбо распространял информацию о якобы имевшем место сговоре между дезертирами из гвинейской армии и «Новыми силами», согласно которому после совместной победы в Кот-д'Ивуаре и захвата Абиджана повстанцы направят свои силы на свержение Лансана Конте. В тот же период гвинейские правительственные войска выдвинулись на границу территорий Кот-д'Ивуара, занятых повстанцами, при этом, согласно заявлениям министерства обороны страны, никак не вмешиваясь в дела соседнего государства. Однако аналогичные заявления гвинейское оборонное ведомство делало с 1999 года, когда гвинейские войска оказывали негласную поддержку антиправительственным повстанцам в Либерии. Кроме того, Гийом Соро обвинил в покушении, совершенном против него в июне 2004 года, гвинейские спецслужбы, а гвинейская оппозиция и сенегальские оппоненты обвинили Конте в контрабанде оружия в Кот-д'Ивуар в обход эмбарго для поддержки Гбагбо⁵⁰. Таким образом, среди соседних

⁴⁹ *Obi, Cyril.* Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 124.

⁵⁰ *Leloup, Christophe.* Lansana Conté et Laurent Gbagbo unis contre les Forces nouvelles? URL: <http://www.cairn.info/revue-outrre-terre1-2005-2-page-329.htm>; *Diallo,*

государств наиболее дружественную позицию в отношении официального руководства Кот-д'Ивуара заняла Гвинея, с 1980-х гг. поддерживающая более тесные отношения с США, чем с бывшей метрополией. Однако после политического кризиса в этой стране и смерти Лансана Конте в 2008 году Лоран Гбагбо лишился данного регионального партнера.

Гражданская война в Кот-д'Ивуаре, подобно либерийской, начала носить затяжной характер и угрожать региональной стабильности, а перспективы самостоятельного урегулирования в ближайшем будущем не возникало, поэтому у ЭКОВАС появилась причина для вмешательства⁵¹. Однако, как и в случае со Сьерра-Леоне, у группировки, при слабой заинтересованности Нигерии, не хватало самостоятельных сил для разрешения конфликта. Миссия ЭКОВАС, несмотря на наличие персонала, не была серьезной самостоятельной стороной, поскольку в данном случае Нигерия не предоставила собственных войск для проведения операции. Поэтому реальный контроль над ситуацией остался у французских войск. Тем не менее, сложившаяся ситуация, в рамках которой на длительный срок установилось равновесие между правительством и повстанцами, в определенной мере отражает общерегиональный баланс сил между франкоязычными государствами Западной Африки, преимущественно ориентировавшимися на Францию, вместе с примкнувшим к ним повстанческими движениями в Либерии и Сьерра-Леоне, с одной стороны, и англоязычными государствами – с другой.

При этом страны региона, сотрудничавшие с повстанцами и оказывавшие им поддержку на начальном этапе ведения вооруженных действий, способствовали и ведению переговоров по урегулированию гражданской войны и после не до конца оправдавших себя соглашений января 2003 года. В этой деятельности франкоязычные государства Западной Африки продвигали возможность президентских выборов, в ходе которых потенциаль-

El Hadj Hamidou. Lansana Conté, le plus grand accident de l'histoire de la Guinée. Actuelles Guineenes, lundi 26 mai 2008. URL: <http://guineectu.info/HTML/lansana-conte-le-plus-grand-accident-de-l-histoire-de-la-guinee.htm>; Jeune Afrique. *Ibrahim Coulibaly:* «Un dictateur est né à Bouaké». Interview avec Ibrahim Coulibaly. 28/06/2004. URL: <http://www.jeuneafrique.com/Article/LIN27074ibrahkauobn0/actualite-afrique-ibrahim-coulibaly-un-dictateur-est-n-bouak.html>

⁵¹ *Obi, Cyril.* Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. P. 129–130.

но мог бы выиграть А.Уаттара, обладающий хорошими связями с бывшей метрополией метрополии⁵².

В целом можно отметить, что в этот период Франция и ее клиенты в Западной Африке еще противостоят интересам США и англоговорящих государств региона. Это связано с нелояльной политикой ивуарийского президента в отношении французского капитала, присутствовавшего в Кот-д'Ивуаре, и открытостью прочим иностранным инвесторам. Экстраполяция на Кот-д'Ивуар либерийского конфликта способствовала косвенному конфликту между двумя группами стран. Вместе с тем затянувшийся конфликт привел к военному вмешательству ЭКОВАС, показавшему себя, однако, довольно слабой силой по сравнению с Францией. В сложившейся ситуации бывшая метрополия и ее региональные союзники сделали ставку на победу на выборах, признанных мировым сообществом.

Позиция ЭКОВАС в данный период объясняется тем, что существенное влияние над многими членами этой организации по-прежнему сохранили США и Франция, теперь консолидированно выступающие против усиливающегося китайского влияния. Те же ее члены, которые достигли большей самостоятельности, оказались достаточно пассивными в ивуарийском вопросе и не имели существенной поддержки извне для продвижения альтернативного подхода к проблеме. Так что западноафриканские государства в целом заняли позицию, менее лояльную к режиму Гбаббо, чем у Африканского Союза⁵³. Однако в рамках данного кризиса организация повела себя иначе, чем в ходе гражданских войн в Либерии и Сьерра-Леоне и не пошла на прямое силовое вмешательство во внутренние процессы в Кот-д'Ивуаре⁵⁴. Это имело место даже при сохраняющихся претензиях Нигерии на региональное лидерство, в свое время ставших ключевым фактором либерийских событий. В крупнейшей западноафриканской державе назрел собственный социально-экономический кризис, усугубленный этно-конфесси-

⁵² *Moncrieff, Richard*. French Relations with Sub-Saharan Africa under President Sarcozy. 2012. P. 28.

⁵³ *Yabi, Gilles*. Keeping the Peace in Electoral Conflicts: The Role of ECOWAS, UNOCI and the International Community in Côte d'Ivoire. Zentrum für Internationale Friedenseinsätze (ZIF). Policy Briefing, October 2012. P. 2. URL: http://www.zif-berlin.org/fileadmin/uploads/analyse/dokumente/veroeffentlichungen/ZIF_Policy_Briefing_Gilles_Yabi_Oct_2012.pdf

⁵⁴ *Ebohon, S.I., Isike, C.A.* The Dilemma of Big Brother Diplomacy: An Analysis of Nigeria's Role in the Resolution of Ivorian Crisis. P. 2.

ональными противоречиями. И, кроме того, экономические связи Нигерии с КНР также существенно выросли за предшествовавшее десятилетие, что делало нежелательным нанесение ущерба интересам партнера. Не менее важно и то, что приход к власти Уаттара означал укрепление позиций Франции в регионе, что ставило под удар нигерийские претензии на лидерство в Западной Африке. Еще одним конкурентом Нигерии в борьбе за лидерство в регионе стала ЮАР, также обладающая крупным экономическим и военно-политическим потенциалом и занявшая позицию в ивуарийском конфликте, лояльную Гбагбо (направив к берегам Западной Африки фрегат своего военно-морского флота «SAS Drakensberg» и подвергнув сомнению результаты выборов, заявленные Независимой избирательной комиссией)⁵⁵. Поэтому вмешательство в конфликт в пользу любой из сторон нарушало нигерийские интересы. Чрезмерное вовлечение в ивуарийский конфликт, несмотря на угрозу большого количества беженцев, не имело смысла и для Ганы, традиционно опирающейся на Бандунгские принципы и занимающую нейтральную позицию в решении региональных проблем⁵⁶. Прочие же государства блока, за исключением Буркина-Фасо, не были существенно затронуты ивуарийским кризисом и не имели достаточных ресурсов для полноценного участия в его разрешении. Этим и объясняется поведение стран ЭКОВАС осенью 2010 – весной 2011 гг. Джон Атта Миллс, президент Ганы, несмотря на признание победы Уаттара, отказался предоставлять вооруженные силы своей страны для силового разрешения конфликта в пользу Алассана Уаттара⁵⁷. Аналогичную позицию заняло руководство Нигерии, основной донор ЭКОВАС. У остальных стран организации оказалось недостаточно ресурсов для осуществления мандата ООН на силовую операцию в Кот-д'Ивуаре, и в итоге ее осуществили французские вооруженные силы. Страны Западной Африки, за исключением Буркина-Фасо, обеспечившей логистику ивуарийских повстанцев,

⁵⁵ *Wessels, André*. SAS Drakensberg's First 25 Years: The Life and Times of the SA Navy's Foremost Grey Diplomat, 1987–2012 // *Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies*, Vol. 41. No. 2. 2013. P. 131; *Durotoye, Adeolu*. One Personality, Two Regimes: A Comparative Analysis of Nigeria's Foreign Policies under Olusegun Obasanjo // *International Affairs and Global Strategy*, Vol. 24, 2014. P. 31; *Voice of America*. ECOWAS: S. Africa Undermining Ivory Coast Mediation. February 08, 2011. URL: <http://www.voanews.com/content/ecowas-president-says-south-africa-undermining-ivory-coast-mediation-115634659/134784.html>

⁵⁶ *Adeleke, Ademola*. The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. P. 583.

⁵⁷ *Cook, Nicholas*. Cote d'Ivoire's Post-Election Crisis. 2011. P. 15–16.

не оказали существенного прямого влияния на ход событий на завершающем этапе гражданской войны в Кот-д'Ивуаре⁵⁸.

Таким образом, с понижением градуса противостояния между Францией и США на африканском континенте, имевшего место в 1990-е гг., снизился и потенциал противоречий внутри ЭКОВАС. Это обусловило достаточно пассивную роль членов организации в ходе завершающего этапа гражданской войны в Кот-д'Ивуаре, наметившегося после соглашений в Уагадугу. Рост запроса ивуарийского руководства на большую внешнеполитическую самостоятельность, а также допуск на ивуарийский рынок более конкурентоспособных китайских корпораций лишил Лорана Гбагбо американской поддержки, что в условиях его конфликта интересов с голлистским руководством бывшей метрополии окончательно изменило региональный и международный баланс сил не в его пользу. Результатом произошедших перемен стало непризнание международным сообществом победы Гбагбо на выборах 2010 года и последующее международное давление, в котором страны региона играли уже не столь значительную роль. Поскольку вооруженная интервенция преследовала не столько региональные, сколько французские интересы, неучастие ЭКОВАС в этой операции и общее снижение «миротворческой» активности организации не стоит рассматривать в качестве признака ее ослабления и, следовательно, снижения самостоятельности стран региона. Несмотря на то, что эти государства по-прежнему достаточно слабы для противостояния политике держав Запада, они более не являются инструментом осуществления чуждых им интересов. Страны региона участвовали в вооруженной миротворческой миссии по обеспечению мира между противоборствующими сторонами на том этапе, когда это действительно способствовало региональной стабильности. Поэтому самостоятельность Западной Африки с 2007 года и способность самостоятельно предпринимать инициативы по урегулированию региональных конфликтов скорее выросла.

⁵⁸ *Moncrieff, Richard.* French Relations with Sub-Saharan Africa under President Sarkozy. 2012. P. 30.

Руанда 1994: Яркий пример провала миротворчества

Валенс Манирагена

Нельсон Мандела является признанным примером героя-миротворца. Отсидев 27 лет в тюрьме, он вышел из заточения, не требуя отпущения, наоборот, прося черное население своей страны, несмотря на все пережитое им во время апартхеида, быть готовым к тому, чтобы жить в мире с белыми соседями. «Комиссия правды и примирения», которая была учреждена в его стране – сыграла большую роль в утверждении мира и согласия в Южно-Африканской Республике.

Так получилось, что события, связанные с освобождением Манделы из тюрьмы, проходили, когда в Руанде шла война Руандийского патриотического фронта (РПФ) против правительственных сил с целью захвата власти в стране. Напомним, что РПФ вторгся на территорию Руанды из Уганды при активной поддержке Угандийской армии 1 октября 1990 года. В то время СМИ мира освещали события вокруг Кувейта, который тогда был захвачен Ираком. Комментировавший события журналист швейцарского международного радио выразил удивление в эфире от 1 октября 1990 года, что ведущие державы мира не осудили нападение на Руанду со стороны Уганды. Он указывал, что, согласно уставу ООН и документам УВКБ ООН, беженцам категорически запрещено братья за оружие и нападать на страну своего происхождения, а также, что страны, принявшие беженцев, не должны позволять им делать этого. Но почему-то никто не требовал от Уганды пресечь попытки руандийских беженцев нападать на свою родину.

Простым руандийцам трудно было понять, что их страна стала жертвой геополитики. Тогдашний развал Варшавского договора и ослабление Советского Союза давали фору победителю холодной войны для укрепления своих позиций на Африканском континенте. Тогда, видимо, было выяснено, что ослабление Руанды даёт прямой и самый простой путь для смены власти в Заире (ныне Демократическая Республика Конго) и свободный доступ к его богатствам. Именно поэтому все попытки урегулировать руандийский конфликт мирным путем ни к чему не привели.

Руководство Руанды обратилось к ООН и к Организации Африканского Единства с просьбой осудить нападение на неё и принять соответствующие меры для прекращения войны. В ОАЕ у руля находились сторонники¹ захвата власти РПФ, и поэтому практически все делалось для того, чтобы дать понять властям Руанды, что нападение законное, и надо найти общий язык с нападавшим на страну. Это было своего рода принуждение к переговорам. ООН констатировала факт нападения, и только. Точно так же Евросоюз лишь констатировал факт нападения на Руанду, хотя и «с тревогой».

Из соседних стран, две входили вместе с Руандой в Экономическое сообщество стран Великих озер. Это были Бурунди и Заир. Заир был на стороне официальной власти Руанды, в то время как Бурунди, хотя и не публично, поддерживал РПФ. Руанда, которая делала всё для установления мира и согласия внутри страны, оказалась вдруг вынуждена обратиться к друзьям для того, чтобы примирить разные стороны конфликта. Можно здесь упомянуть организованный и проводимый Руандой музыкальный фестиваль «Агасеке камахоро» в городе Гисеньи², в котором принимали участие различные руандийские артисты и артисты соседних стран, говорящие на языке киньяруанда.

После начала войны помощь Руанде оказали 3 страны. Бельгия и Франция из Европы и соседний Заир. Бельгийские и французские военные обеспечивали безопасность столицы страны и параллельно эвакуировали иностранных граждан, которые хотели уехать из страны вследствие возникшего конфликта. Солдаты из Заира принимали участие в военных действиях на фронте в октябре 1990 года. К середине октября, однако, военные из Заира вернулись к себе домой, как это делали до них бельгийские и французские военные. От французов остались военные советники. Кроме того, президент Франции Франсуа Миттеран требовал, чтобы президент Хабиаримана начал переговоры с РПФ, а также чтобы Руанда перешла к многопартийной системе.

¹ Гражданин Танзании Салим Ахмед Салим и большой друг президента Уганды являлся генеральным секретарем ОАЕ (1989–2001).

² Фестиваль «Agaseke k'amahoro» — «Корзина мира» проходил с 1985 по 1991 год в городе Гисеньи. В фестивале принимали участие руандийские артисты и коллективы, а также коллективы из Заира, Уганды и Бурунди. Во время этих фестивалей, а также во время велогонки Тур дю Руанда, некоторые офицеры РПФ приезжали в Руанду. Так, генерал Фред Рвигема ездил по Руанде на машине, которую ему предоставлял Рвигара Асинополь, бизнесмен, финансировавший Тур дю Руанда.

Сразу возник вопрос об определении посредника. По мере развития событий их было два. Президент Заира был выбран в качестве медиатора. Потом президент Танзании должен был играть роль фасилитатора. Первая встреча между представителем правительства Руанды и представителем РПФ состоялась в марте 1991 года в Нселе в Заире. Ранее состоялось несколько встреч между президентами Руанды и Уганды в Танзании, в которых принимались решения об объявлении прекращения огня между сторонами конфликта. На встрече в Нселе было принято решение приостановить военные действия и приступить к мирным переговорам. Потом Заир уступил место Танзании, и местом переговоров конфликтующих сторон в Руанде станет танзанийский город Аруша. Переговоры шли с 1991 года по 1993. 4 августа 1993 года был подписан документ, известный как «Мирное соглашение Аруши».

Когда РПФ напал на Руанду, в стране существовала однопартийная система. Все руандийцы, в том числе и только что родившиеся дети, были членами партии Национальное революционное движение за развитие (НРДР). Но уже тогда шло обсуждение изменения конституции с целью установления многопартийной системы. Каремера Эдвард³ возглавлял комиссию по сбору предложений от граждан и выработке новой конституции с учетом этих предложений. От землячества руандийцев в Ленинграде поступило предложение о поддержке многопартийной системы за подписью Мбанжубухоро Эммануеля, правда, с оговоркой, что переход к многопартийной системе должен осуществляться после окончания войны.

10 июня 1991 года конституция Руанды 1978 года была пересмотрена и дополнена. В новой редакции она разрешала руандийцам создавать политические партии. Она также предусматривала пост премьер-министра, который должен был принадлежать к партии, имеющей большинство в парламенте. В июле 1991 года в Руанде уже официально были зарегистрированы 5 политических партий. В декабре 1991 года премьер-министр Нсанзimana Силвестр от партии НРДРД⁴ руководил первым многопартийным правительством из двух партий. В апреле 1992 года его сменил Нсенгияремье

³ Каремера Эдвард занимал различные посты в Руанде. В 1990 году он возглавлял комиссию по изменению конституции страны, известную в народе как комиссия рукусанья (Rukusanya). Он осужден международным трибуналом по Руанде как вице-президент НРДРД.

⁴ НРДРД – Национальное революционное движение за развитие и демократию.

Дисмас из РРД (Республиканское Демократическое Движение), который создал второе многопартийное правительство из представителей 5 партий.

На одном из митингов своей партии в Рухенгери президент Хабиаримана сказал, что мир — это не листок бумаги, мир, по его словам, должен исходить из сердца. Это было в конце 1992 года. Он тем самым давал понять руандийцам, что не верит в искренность переговоров. Министр иностранных дел, который руководил правительственной делегацией на переговорах с РПФ, был членом партии премьер-министра и на переговорах не всегда придерживался линии, определенной правительством. Кроме того, по свидетельству Рухигира Энока⁵, последнего директора кабинета президента Хабиаримана, он хотел, чтобы на переговорах обсуждалась этническая составляющая руандийского конфликта. То есть каким образом и с какими полномочиями любая этническая группа может быть представлена в структурах власти. Как утверждает Алойс Нтивирагаба⁶, с момента нападения на страну у большей части населения сложилось мнение, что напавшие были потомками тех, кто бежал из страны после потери власти вследствие социальной революции 1959—1961 гг.

Мирное соглашение Аруши⁷ было подписано 4 августа 1993 года. Со стороны правительства его подписал президент Хабиаримана. Со стороны РПФ — полковник Каньяренгве. У многих руандийцев складывалось впечатление, что соглашение было подписано только одной стороной конфликта. Реальные противники власти, тутси, которые хотели вернуть себе власть и делали все, чтобы в этих соглашениях не фигурировала их подпись. Полковник Алексис Каньяренгве и президент Жювеналь Хабиаримана были оба хуту по этнической принадлежности. Они вместе учились в Высшей военной школе Руанды в первом её выпуске. Сами переговоры велись со стороны РПФ командой Визимунги Пастера, тоже хуту, а со стороны правительства — командой министра иностранных дел. Со 2 апреля 1992 года руководство этого министерства осуществлялось министром от оппозиционной партии РДД, сначала Нгулинзирой Бонифасом, а потом Гасаной Анастазом, и оба были хуту.

⁵ *Ruhigira Enoch*. Rwanda. La fin tragique d'un regime. Vol. 1: le Legs democratique gaspille. Editions la Pagaie, 2011.

⁶ *Ntiwiragabo Aloys*. Rwanda le mal de la region des grands lacs; editions Scribe, 2018. P. 456—489.

⁷ http://rwandadelaguerreaugenocide.univ-paris1.fr/wp-content/uploads/2010/01/Annexe_30.pdf, последнее посещение 13 мая 2019, 11:45.

Подписанное 4 августа в Аруше соглашение включало в себя следующие документы:

- Соглашение о прекращении огня, подписанное в Нселе в Заире 29 марта 1991 года. Потом оно было дополнено в Гвадолите в Заире 16 сентября 1991 года и в Аруше в Танзании 12 июля 1992 года.
- Протокол по соглашению о правовом управлении государством, подписанный в Аруше 18 августа 1992 года.
- Протоколы по соглашению о совместном участии в управлении страны, подписанные в Аруше 30 октября 1992 года и 9 января 1993 года.
- Протокол по соглашению о возвращении (репатриации) руандийских беженцев, подписанный в Аруше 9 июня 1993 года.
- Протокол по соглашению об объединении армии, подписанный в Аруше 3 августа 1993 года.
- Протокол по соглашению о разных вопросах и заключительных положениях, подписанный в Аруше 3 августа 1993 года.

Следует отметить, что каждый раз, когда объявлялось прекращение огня, РПФ пользовался этим для перегруппировки и нового нападения на правительственные силы. Так случилось в октябре 1990 года, в феврале 1991 года, в июне 1992 года, в феврале 1993 года и даже после подписания мирного соглашения в Аруше 4 августа 1993 года. В то время как правительственные силы были под постоянным наблюдением сил ООН по поддержке Руанды, войска РПФ получали новое оружие и готовились к последнему штурму Руанды. Франция как главная страна, поддерживающая Руанду, часто поступала непонятным образом. По свидетельствам генерала Нтивирагабо, иногда Франция задерживала поставку оплаченных военных материалов и поставляла их после того, как РПФ захватил часть территории, контролировавшейся правительственными войсками. При этом Франция оказывала давление на президента Руанды, чтобы тот сделал все для достижения мирного соглашения с РПФ. Те же, кто поддерживал РПФ, имея полную информацию о состоянии дел у правительственных войск, продолжали беспрепятственно вооружать РПФ и снабжать его информацией, необходимой для успешного завершения войны и захвата власти в стране.

То, что правительственные войска продержались 3 месяца после возобновления военных действий⁸, показывает, насколько они дорожили свободой и независимостью своей страны. Но, к сожалению, как сказал поэт⁹, не всегда в войнах побеждают те, кто борется за правду. Усилия по примирению сторон конфликта привели к тому, что одна сторона, та, которая его инициировала в нарушение международного права, почувствовала себя вольготной и, невзирая на большое количество жертв, добилась победы и завоевала власть. Но властвовала она не в интересах руандийцев, а в интересах своих спонсоров, которые делают все, чтобы гарантировать ей безнаказанность.

Если бы не они, международный трибунал по Руанде не закончил бы свою работу, никак не проявив интерес к убийству президента Руанды Жювенала Хабиаримана 6 апреля 1994 года. Не будь этого убийства, не было бы геноцида в Руанде. Кроме того, мандат международного трибунала по Руанде предусматривал расследование всех преступлений против человечности, имевших место в Руанде в период с января по декабрь 1994 года. Трибунал привлек к ответственности только представителей проигравшей стороны. Вряд ли это нормальный путь примирения конфликтующих сторон. Надо ли напоминать, что хваленая система традиционного правосудия¹⁰ использовалась больше для отстранения определенной категории граждан от политической и экономической жизни страны. Попытки примирить стороны руандийского конфликта провалились потому, что примирители, или во всяком случае часть их, крайне жестко преследовали свои собственные интересы, а не интересы руандийского народа. Именно интересы определенных

⁸ В нарушение мирного соглашения Аруши РПФ после убийства президента Руанды 6 апреля 1994 года возобновил военные действия на всей линии фронта и в столице Кигали в ночь с 6 на 7 апреля 1994 года.

⁹ Sheenagh Pugh – Sometimes, <https://www.poemhunter.com/poem/sometimes-416/>, последнее посещение 13 мая 2019, время 11:55.

¹⁰ Гачача – традиционная система примирения конфликтующих сторон в Руанде до принятия европейской системы правосудия. К этой системе прибегали власти Руанды в 2001 году для рассмотрения случаев, относящихся к геноциду 1994 года. Она применялась официально с целью совершения правосудия над виновным в геноциде и в помощь современной системе правосудия, которая не справлялась с большим количеством дел. Официально было рассмотрено более 1,9 млн случаев. Когда было принято решение прибегать к Гачача, в Руанде официально было 130 тыс. заключенных. По решениям судов Гачача имущество осужденных продавалось для возмещения ущерба жертвам. В результате в стране появилась категория обездоленных людей, всю жизнь работающих на возмещение ущерба.

держав или сил остаются главным тормозом к реальному и долгосрочному решению конфликта и сегодня.

Продолжающееся исключение части населения Руанды из экономической и политической деятельности, а также пренебрежение правдой относительно событий в Руанде 90-х годов затягивают процесс реального примирения руандийцев и установления мира и согласия в стране.

Кто они – боевики незаконных вооруженных формирований?

Г.М. Сидорова

В Демократической Республике Конго (ДРК) военно-политическая ситуация уже на протяжении многих десятилетий остается крайне нестабильной. Несмотря на богатейшие природные ресурсы страны, 80-миллионное население ДРК по многим мировым показателям остается за чертой бедности. По данным ООН, 7,7 млн человек взрослого населения и 2 млн детей хронически испытывают недостаток в продовольствии¹. Сказываются многие факторы, в том числе безработица, коррупция в верхних эшелонах власти, бесконечные войны и насилие со стороны боевиков незаконных вооруженных формирований (НВФ). Вследствие массового исхода населения в приграничных районах с Руандой, Угандой и Бурунди, где сосредоточены лагеря беженцев, складывается тяжелая гуманитарная ситуация.

Вооруженные столкновения происходят, как правило, в восточных районах страны, в первую очередь Северном и Южном Киву, Восточной провинции и Катанге. Большое скопление боевиков различного происхождения там объясняется прежде всего нелегальной добычей полезных ископаемых, востребованных современной промышленностью, и их продажей западным компаниям. Это редкоземельные металлы, а также золото, алмазы – практически вся таблица Менделеева.

Исследователь бельгийского Центра «Группа по исследованию и информации в области мира и безопасности (GRIP)» Ж. Бергезан предлагает разделить все НВФ на две группы – иностранные, поддерживающие сепаратистские настроения в ДРК, и те, которые находятся к ним в оппозиции – разного рода повстанческие движения «Май-май»².

¹ La RDC, ce géant d'Afrique centrale, pauvre et instable malgré ses ressources minérales. 08 août 2018. VOA Afrique // URL: <https://www.voaafrrique.com/a/la-rdc-un-g%C3%A9ant-d-afrique-centrale-instable-et-pauvre-malgr%C3%A9-ses-ressources-min%C3%A9rales/4518747.html>

² *Berghezan Georges*. Groupes armés actifs en République Démocratique du Congo. Situation dans le “Grand Kivu” au 2ème semestre 2013. Bruxelles: GRIP. 2013/11. P. 29.

Каждое НВФ имеет свое происхождение, историю, а также «сети поддержки». Одни состоят всего лишь из нескольких десятков членов, другие насчитывают тысячи боевиков. Появилась устойчивая тенденция интеграции боевиков в ряды вооруженных сил ДРК. Однако экс-комбатанты, вступив в ряды ВС ДРК, через какой-то промежуток времени могут вновь оказаться в стане полевых командиров. Военное руководство страны пока не в силах обеспечить своим подопечным постоянный заработок, жилье и необходимое социальное обеспечение. Военнослужащие конголезской армии зачастую вынуждены искать заработок «на стороне», выбирая преступную тропу и пополняя «армию» дезертиров. Они создают свои НВФ и промышляют на востоке страны, добывая и сбывая незаконным путем минеральное сырье.

Известный генерал национальной армии Боско Нтаганда руководил военными операциями на востоке ДРК, а затем дезертировал и создал свое НВФ – «Национальный конгресс защиты народа». Другой пример – Мбуса Ньямвиси, основатель вооруженного НВФ «Движение за освобождение Конго». В 2007–2008 гг. он занимал пост министра иностранных дел, а затем вновь «ушел на восток» и возглавил оппозиционное властям движение – объединение «Экуменическая сила за освобождение Конго». 12 августа 2012 года полковник Джон Чибангу, занимавший пост начальника генштаба 4-го военного округа ВС ДРК в провинции Западное Касаи, и 18 преданных ему человек создали военное объединение «Движение за восстановление справедливости избирательных урн». Свою причастность к объединению «Движение М23» полковник отрицает, утверждая, что «его движение противостоит тем, кто пытается разделить Конго»³.

Можно привести десятки других примеров таких «перемен настроений», свойственных конголезским военным и политикам. Это объясняется хрупкостью политического режима в ДРК, низким социально-экономическим уровнем, массовой безработицей. Особенно это касается молодежи, которой приходится выбирать между правовым полем деятельности и беззаконием. Последнее дает им не только заработок, но и определенный социальный статус.

2018 году в ДРК насчитывалось более 70 незаконных военных объединений (ранее около 50). Точную цифру определить трудно, поскольку многие из них не отличаются устойчивостью. Состав, руководство, численность и зона действия группировок неста-

³ Le Potentiel. Kinshasa. 18.08.2012. P. 5.

бильны: периодически происходят их объединения и расколы, а также частичная интеграция в ВС ДРК. На смену распавшимся НВФ приходят новые объединения, которые, в свою очередь, могут дробиться или сливаться с другими формированиями. Такой процесс наблюдается в ДРК уже на протяжении длительного периода. Причем названия НВФ, как правило, броские, имеющие патриотические или революционные оттенки, но не имеющие ничего общего с их содержанием. Основная их цель — нажива, грабеж или передел сфер влияния в деле добычи и сбыта полезных ископаемых. «Новые оккупанты» конголезской территории обкладывают данью местное население, устанавливают свои законы. Выступая перед дипломатическим корпусом в Киншасе по случаю Международного дня мира в сентябре 2012 года, замминистра иностранных дел ДРК Тунда Касенде подчеркнул, что «деятельность бандитских армий на территории Конго влечет за собой тяжелые последствия и в результате может разбалансировать всю социальную структуру. Разрушается школьная инфраструктура, нарушается природный баланс и экосистемы, страдают флора и фауна. Война подпитывает феномен браконьерства и незаконную вырубку ценных пород деревьев, в национальных парках Вирунга, Гарамба и Эпулу подвергаются варварскому уничтожению редкие виды животных — слоны, белые носороги и окапи. К этому добавляется мрачная картина сексуального насилия. Боевики не щадят ни инвалидов, ни детей. Беспредел царит в расхищении природных богатств. Незаконный промысел стал источником обогащения военных преступников, мафиозных торговцев и их заказчиков»⁴.

Новые формирования появляются практически постоянно. Так, 16 декабря 2011 года о своем создании объявил некий «Союз за освобождение Катанги» (UFLKA) — организация сепаратистского толка. Ее участники раздавали в г. Лубумбаши листовки с призывом к отделению провинции Катанга. В ноябре 2012 года в СМИ ДРК появилось сообщение о формировании военно-политического объединения «Союз за реабилитацию демократии в Конго» (URDC). В его состав вошли бывшие офицеры ВС ДРК, а ныне дезертиры из «Движения за возрождение Конго» (АРС) во главе с самопровозглашенным генералом Илером Комби. Координатор URDC полковник Ж. Танга Ниоло утверждал, что это военно-политическое объединение базируется в районе Рувен-

⁴ Allocution du gouvernement congolais à l'occasion de la célébration de la journée internationale de la paix. Kinshasa, 21 septembre 2012. P. 2.

зори (в переводе с языка киньяруанда — алмазные горы) и Габен на территории Бени в провинции Северное Киву. По его словам, представители этого НВФ ставили своей целью восстановить демократию в Конго, выступали за справедливые выборы на всех уровнях, а также за улучшение условий жизни военнослужащих. Комментируя появление «Союза за реабилитацию демократии в Конго», глава восьмого округа ДРК полковник Амули назвал это НВФ «сборищем дезертиров» и пообещал в короткие сроки с ним покончить⁵. В мае 2014 года в прессе появилось сообщение об образовании двух НВФ — «Народные силы в защиту хуту» (FPPH) и «Инкобокагихуту» (Ingobokagihugu). Как первое, так и второе являются «отголосками» НВФ «Ниатура» и Демократического союза за освобождение Руанды (FDLR) и защищают интересы хуту. Район их активности — также Северное Киву⁶. Среди наиболее крупных НВФ современного периода — «Движение М23». Именно из-за него с апреля 2012 года по октябрь 2013 года на востоке страны шла необъявленная война. В его состав вошли боевики из ряда бывших НВФ, включая PARECO-FAP, PARECO-FODEPE, PARECO-FORCE, PARECO-MONGOL, PARECO-NYEGANYEGA, PARECO-RENGERA BUZIMA и других.

Военные операции в Северном Киву повлекли за собой массовые потоки беженцев. По информации конголезского аналитика Р. Колвила, в июне 2012 года насчитывалось более 200 тыс. внутренне перемещенных лиц⁷. Один из населяющих провинцию Северное Киву народов — хунду — обратился к премьер-министру ДРК М. Поньо с призывом помочь местному населению, которое подвергалось насилию со стороны «М23». В меморандуме ассоциации «Бушенге хунде» говорится: «Народность хунду стала жертвой войны, развязанной и поддерживаемой врагами государства и конголезского народа. От природы народ хунду — гостеприимный. Однако его гостеприимство стоило ему самого существования этого племени»⁸.

В начале августа 2012 года в Северном Киву военные действия между ВС ДРК и «Движением М23» стали более интенсивными.

⁵ Le Phare. Kinshasa. 22.10.2012. P. 5.

⁶ *Cardoso Ludi*. Nord-Kivu: deux nouveaux groupes armés hutu signalés à Lubero // Potentiel. 15.05.2014. P. 4.

⁷ Comprendre le groupe arme M23 // La Référence plus. 29.06.2012. P. 3.

⁸ Мémорандум де ла коммунаuté хунде à л'attention particulѝère де сон excellеnce Monsieur Matata Ponyo Augustin, Premier Ministre et le chef du gouvernement de la Rэpublique Dэmocratique du Congo. Bushenge Hunde. Kinshasa, fait à Kinshasa, le 13 aoút 2012. P. 2.

Возникла реальная угроза захвата административного центра этой провинции города Гома. Тем не менее ВС ДРК при военной поддержке Миссии ООН смогли приостановить наступление негативных сил и снизить интенсивность вооруженных столкновений. Однако, по мнению Миссии, это не помешало боевикам сформировать свою администрацию в восточной части ДРК. В населенных пунктах Ручуру, Киванье, Мабенге, Рубаре, Каленгере, Бируме были образованы местные комитеты якобы для обеспечения безопасности гражданского населения. В их состав вошли местные традиционные вожди, а также лидеры общин. По утверждению военных экспертов, истинной целью этих комитетов являлось не решение проблем безопасности населения, а установление контроля в районах, богатых полезными ископаемыми. Более того, боевики создали так называемый политический кабинет, в который вошли 25 человек. Председателем был назначен некий Бишоп Жан-Мари Рунига, исполнителем секретарем – Франсуа Рюкогоза Чихимбазе, бывший министр правительства этой провинции. Место верховного главнокомандующего занял С. Макенга. В целом созданный «политический кабинет» напоминал, по мнению экспертов, правительство ДРК с различными министерскими должностями и рассматривался в Киншасе как структура, параллельная государственной.

В октябре 2013 года ВС ДРК при поддержке Бригады оперативного вмешательства ооновской Миссии (МООНСДРК) выдавили боевиков «Движения М23» за пределы страны. Их пристанищем стала Уганда, которая разместила бывших боевиков (около 1500 человек) в военном лагере близ границы с ДРК. В июне 2014 года решался вопрос об освобождении части боевиков на основе закона об амнистии, их разоружении и реинтеграции в мирную жизнь⁹. Однако, по мнению как конголезских военных экспертов, так и аналитиков МООНСДРК, боевики «Движения М23» по-прежнему представляли определенную угрозу стабильности в ДРК, и не исключалась возможность того, что, пополнив свои ряды, боевики этого НВФ могут вновь развязать военные действия на востоке страны.

В конце 2018 года обострилась ситуация в районе г. Бени на востоке страны. Там возобновились атаки на местных жителей

⁹ Loi N 14/006 du 11 février 2014 portant amnistie pour faits insurrectionnels, faits de guerre et infractions politiques // Journal Officiel de la République Démocratique du Congo, numéro spécial du 15 février 2014, 7 p.

со стороны боевиков угандийского НВФ «Армия сопротивления Господа» (АСГ), сомалийских террористов «Аль-Шабаб», а также националистов «Май-май» с применением огнестрельного оружия и мачете. В результате нападений были сожжены дома, разграблено имущество, похищено 17 детей, имелись убитые и раненые. Атаки НВФ спровоцировали массовый исход населения и гуманитарную катастрофу. Население г. Бени вышло на улицу в коммуне Рувензори в знак протеста против действий боевиков с лозунгами «Убейте нас всех сегодня». МООНСДРК провела совместно с ВС ДРК ряд рейдов по зачистке боевиков. Однако контратаки конголезской армии и военного контингента Миссии ООН не дали каких-либо положительных результатов. В ходе боев с боевиками погибло четверо военнослужащих ооновской миссии.

Следует отметить, что военная служба в Миссии подвержена различным рискам и значительной опасности. В период с 1999 по 2018 год в ДРК погибли 95 миротворцев, среди которых один россиянин – военный наблюдатель майор Бударин Вячеслав Юрьевич, подорвавшийся на mine 26 апреля 2003 года в округе Итури (Восточная провинция)¹⁰. «Голубые каски» гибнут от рук бандитов, в результате обстрелов патрульных вертолетов, внезапных нападений. Даже в центре столицы ооновская миссия вынуждена защищать себя от вооруженных нападений. Штаб Миссии в Киншасе обнесен колючей проволокой, а его стекла защищены пуленепробиваемой пленкой. Полностью защитить мирное население не под силу даже Миссии ООН при условии ее постоянного увеличения. К тому же, если миротворцы действуют цивилизованно, соблюдая предписания уставных документов, то для боевиков-повстанцев правил не существует.

27 ноября 2018 года губернатор провинции Северное Киву Жюльен Палуку объявил о том, что начался судебный процесс над военным преступником Нтабо Нтабери Чека, возглавлявшим одно из НВФ. Он подчеркнул, что это особенно важно для жителей провинции, пострадавших от рук боевиков в результате нападений на мирных граждан. Несмотря на декларативное заявление главы провинции, столкновения в этой провинции не прекратились. В районе Ручуру вновь были зафиксированы нападения боевиков со стороны националистов «Май-май». Жители вынуждены были скрываться в национальном парке Вирунга.

¹⁰ Effectifs (au 15 septembre 2017) URL : <https://monusco.unmissions.org/faits-et-chiffres>

С.В. Лавров, выступая на заседании высокого уровня по миротворчеству ООН в Нью-Йорке 25 сентября 2018 года, подчеркнул, что «деятельность по поддержанию мира – в числе безусловных приоритетов ООН. На протяжении нескольких десятилетий “голубые каски” олицетворяют надежды мирового сообщества на прекращение войны, залечивание ран вооруженных конфликтов. Служба миротворцев никогда не была легкой. Только в прошлом (2017 г.) году 59 из них отдали свои жизни. Необходимо сделать максимум, чтобы избежать подобных трагедий в будущем»¹¹.

С проблемой непрекращающихся конфликтов в ДРК связана другая острая и неизжитая трагедия – нарушение прав человека. Боевики НВФ продолжают вербовать или вовлекать насильственным путем детей и подростков в армейские ряды для их пополнения. Иногда сложно провести грань между так называемыми добровольцами и принудительной вербовкой.

Часто выбор детьми полевых командиров связан с отчаянной попыткой выживания. Для детей вступление в вооруженные группировки обеспечивает возможность получать раз в день пищу, и родители посылают их туда, надеясь, что там у них будут еда и кров.

Жертвами становятся не только мальчики, но и девочки. В некоторых случаях малолетних детей покупают у обнищавших родителей, а порой объектом насилия становятся кварталы лачуг на окраинах городов на востоке ДР Конго. Но чаще всего боевики используют для своих целей лагерь беженцев, насчитывающих десятки тысяч, а иногда и сотни тысяч человек. Взятые из такой среды дети 4–5 лет оказываются «белым листом», им навязывается самоидентификация с военной частью, где они живут и обучаются военному делу. В отличие от сверстников из лагеря беженцев они одеты в качественную, по сравнению с одеждой большинства местных детей, военную форму и не испытывают постоянного и жестокого голода, как было во все предыдущие годы их недлинной жизни. Дети, по воле судьбы попавшие в руки военных, получают прозвище «кадого» (в переводе с языка суахили – маленький, в данном контексте ребенок-новобранец). Не имея жизненного опыта, «кадого» не понимают, что такое смерть, увечье, чем ценна своя жизнь, а тем более – чужая.

¹¹ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании высокого уровня по миротворчеству ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2018 года URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches//asset_publisher/70vQR5KJWmR/content/id/3352327

Дети считаются экономически выгодной альтернативой взрослым комбатантам. Они легко внушаемы и являются хорошими бойцами. Подробно об этом было написано в книге фламандского писателя Давида ван Рейнбрука¹², а также военнослужащего ВС ДРК, который сам был таким ребенком-солдатом¹³. И по сей день многочисленные вооруженные формирования, действующие в Центральной Африке, используют детей-подростков. 8–9 летние дети-солдаты привлекаются для ведения боевых действий в пехоте, с 10–11 лет – в танковых войсках и лёгкой полевой артиллерии (в основном в качестве подающих и заряжающих 60-мм и 82-мм минометы). Часто им поручается проведение массовых расстрелов пленных и мирного населения. Вместе со взрослыми солдатами они участвуют на равных в тотальном грабеже захваченных населённых пунктов, а по достижении пубертатности – в массовых изнасилованиях. По рассказам детей, их использовали в качестве боевиков, сопровождения, носильщиков, поваров, охранников и сексуальных рабов. Им приходилось также перевозить и хоронить тела взрослых и детей, погибших на поле боя. Из группы девочек численностью 421, вербовка которых была задокументирована, 32% подвергались изнасилованию и сексуальным надругательствам. Об этом говорится и в докладе Генсекретаря ООН о положении детей в условиях вооруженного конфликта от января 2014 года¹⁴. Их рабский труд использовался не только на полях сражений, но и для добычи полезных ископаемых на шахтах и рудниках страны¹⁵.

По информации МООНСДРК, с января по август 2012 года военные группировки, действующие на востоке, вербовали более 150 детей и подростков. Представительство ЮНИСЕФ в Киншасе, которое тщательно следит за нарушением прав человека, констатировало, что только за три месяца, с июня по август 2013 года, боевики «М23» завербовали 94 детей и подростков. Число случаев, связанных с вербовкой, использованием и убийствами детей, а также нанесением

¹² *Reybrouck David van. Congo. Une histoire.* / Reybrouck David van. – Amsterdam: De Bezige Bij, 2010.

¹³ *Nzita Nzuami «Kadogo» J. Si ma vie d'enfant soldat pouvait être racontée.* / J. Nzita Nzuami «Kadogo». Aix-en-Provence: Persée, 2010.

¹⁴ Security Council. Report of the Secretary-General on children and armed conflict in Democratic Republic of the Congo. S/2014/453. 30 June 2014. 7 p.

¹⁵ Martin Kobler, Chef de la MONUSCO, salue l'engagement du Gouvernement congolais à lutter contre le recrutement et le travail forcé des enfants. Kinshasa, 12 juin 2015 [Электронный ресурс] – URL : <https://monusco.unmissions.org/12-juin-2015-journ%C3%A9e-mondiale-contre-le-travail-des-enfants> (дата обращения : 08.03.2018).

увечий, нападениями на школы и сексуальным насилием в отношении детей, достигло пикового уровня в 2012 году и оставалось высоким на протяжении всего 2013 года. Если сравнить показатели тех лет с предыдущим периодом, например, с 2007–2009 гг., что наглядно отражено в докладе международной НПО «Хьюман райтс вотч» с красноречивым названием «Солдаты насилуют, а их начальники закрывают глаза», то картина значительно ухудшилась, что объяснялось активизацией боевиков. Примерно треть зарегистрированных случаев касалась детей в возрасте до 15 лет.

Имея смутное представление о добре и зле в силу незрелости, а также из-за травмированной психики, дети-солдаты почти не испытывают эмоций. Зачастую их приучают к наркотикам, чтобы понизить барьер страха, убрать болевые ощущения от лёгких ранений, повысить выносливость во время ведения боя. Особенно часто наркотики применяются вооружёнными группировками, имеющими сектантскую составляющую – такими, как «Май-май», «Армия Господа» и многими другими. Общая численность детей-солдат, участвовавших в боевых действиях в Центральной Африке, продолжающихся до настоящего времени, может быть оценена минимум в 300–400 тысяч. В регионах, где прекратились военные действия, ведутся попытки реабилитации детей-солдат, возвращения их к нормальной жизни.

Тема детей-солдат является центральной в докладах международных и неправительственных организаций. Борьбу на этом фронте активно ведёт МООНСДРК, освобождая детей из плена как военными, так и политическими средствами. 4 октября 2012 года правительство ДР Конго подписало документ «План действия по борьбе с вербовкой и использованием детей конголезской армией и службами безопасности ДР Конго» в рамках Протокола к Конвенции о правах детей, запрещающей детям, не достигшим возраста 18 лет, участвовать в военных операциях. В начале 2015 года глава МООНСДРК Мартен Коблер выступил с заявлением по случаю Международного дня защиты детей-солдат, в котором осудил использование их в рядах боевиков. Он, в частности, заявил, что «тысячи детей по-прежнему вовлекаются в армейские группировки на востоке ДР Конго. Вербовка детей осложняет им жизнь в будущем»¹⁶.

В защиту детей выступают различные международные и правоохранительные организации. Информационная кампания «Дети,

¹⁶ Déclaration de Martin Kobler, Chef de l'ca MONUSCO. Kinshasa, 12 février 2015.

а не солдаты», разработанная совместно с Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в 2014 году, стала катализатором дальнейшего прогресса в деле защиты детей, затрагиваемых вооруженными конфликтами. В рамках кампании, которая была направлена на прекращение и предупреждение вербовки и использования детей, удалось достичь ощутимых результатов. Благодаря большей информированности общественности об этой проблеме, Специальному представителю совместно с ЮНИСЕФ, Департаментом операций по поддержанию мира и Департаментом по политическим вопросам удалось ускорить прогресс, а советники по вопросам защиты детей на местах сыграли решающую роль в реализации планов действий по защите прав детей. Реальными успехами можно считать отнесение к уголовно наказуемым деяниям вербовку и использование в ходе военных действий детей, издание соответствующих военных приказов, систематическую проверку войск, принятие руководящих принципов по установлению возраста, разработку протоколов передачи детей и освобождение и реинтеграцию детей, которые ранее были связаны с вооруженными силами¹⁷.

И все же ежедневные сообщения о военно-политической обстановке, поступающие из ДРК, свидетельствуют о том, что пока не удастся прекратить насилие и произвол незаконных вооруженных формирований в самом центре Африканского континента. Локальные конфликты обостряют не только этнические, религиозные и социальные проблемы, но и негативно сказываются на стабильности всего континента и международной безопасности в целом.

¹⁷ Ежегодный доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах. Организация Объединенных Наций. А/НRC/37/47. 8 января 2018.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ НА ЮГЕ АФРИКИ

«Наведение мостов между белыми и черными»:
Альфред Ксума о достижении межрасового мира
в Южной Африке

А.В. Воеводский

События второй половины XX века – периода борьбы против режима апарtheid в Южной Африке и достижения мирного внутривластного урегулирования в ЮАР – во многом заслонили собой более ранние этапы развития сил протеста. Нельсон Мандела и лидеры АНК, принадлежавшие к его поколению, олицетворяют собой в массовом сознании борьбу против режима расовой сегрегации, именно их биографии становятся в первую очередь предметом рассмотрения историков и журналистов. Однако, понимание их взглядов и характера борьбы против апарtheid невозможно без знания истории АНК с момента его создания, как и идей, которые вдохновляли его лидеров в предшествующие периоды.

Альфреду Ксуме в истории АНК принадлежит особая роль: он не только смог преодолеть глубокий внутренний и финансовый кризис, в котором оказался Конгресс в 1930-е гг., но и преобразовал его из объединения немногочисленных африканских интеллектуалов в подлинно массовую организацию. Без его организационных усилий и умения находить компромиссы с другими представителями национального движения АНК вряд ли мог стать той силой, в которую он превратился после Второй мировой войны. Более того, период его президентства в АНК с 1940–1949 гг. не стал определяющим фактором в его жизни. Альфред Ксума был уже вполне состоявшимся и чрезвычайно успешным для африканца человеком к тому моменту, когда занял эту должность. Он не был профессиональным политиком и активистом, как те, кто пришел ему на смену. Главным призванием в его жизни была медицина, и в политических вопросах он часто поступал, руководствуясь

известным принципом — не навреди. Это особенно показательно в его отношениях с южноафриканскими коммунистами и молодыми активистами из Молодежной лиги АНК, взгляды которых он не разделял или же считал слишком радикальными. Он стремился находить с ними общий язык, избегая опасности провоцирования конфликтов внутри Конгресса, что могло драматически сказаться на единстве африканского национального движения.

Тринадцать лет (1913—1926), проведенные в США, стали для него неисчерпаемым источником жизненного опыта. Америка предоставила ему такой шанс в жизни, которым мало кто обладал у него на родине. Благодаря самоотверженному труду и помощи белых благотворителей Ксума смог завершить курс обучения и получить диплом врача, который открывал для него самые широкие перспективы в Южной Африке. Вернувшись на родину, он сохранил веру в принципы равенства возможностей, провозглашавшиеся в США, равные гражданские права для всех, без учета цвета кожи, и свободу как высшую ценность, позволяющую достичь гармонии в социальных отношениях.

В своем первом публичном выступлении, которое Ксума озаглавил «Наводя мосты между белыми и черными в Южной Африке» (1930), он призвал правительство отказаться от политики расовой сегрегации и предоставить равные гражданские права всем южноафриканцам независимо от расовой принадлежности. Сравнивая ситуацию в Южной Африке с положением в Соединенных Штатах, он приходил к неутешительному выводу — она вызывала сильнейшую тревогу. Ксума неоднократно ссылаясь в своем выступлении на американский опыт, приводил цитаты из Конституции США, а также выдержки из выступлений и сочинений американских политических деятелей. Он отмечал, что принципы свободы и справедливости составляют фундамент правовой системы США. Причиной всех бед и расового отчуждения в Южной Африке он прежде всего усматривал в расовой дискриминации и несправедливости африканцев в ЮАС. В частности, Ксума особо выделял «Закон о туземных землях» 1913 года, который жестко ограничивал имущественные права африканцев. Однако, критикуя режим расовой сегрегации, он отнюдь не призывал к открытому противостоянию между белыми и черными. Напротив, подчеркивал, что среди белых, как африканеров, так и англоязычных южноафриканцев, есть заметное число людей, которые прикладывают все усилия к тому, чтобы в юридическом отношении между белыми и черными не было заметного разры-

ва. Он перевозносил судебную систему ЮАС, а также ее прессу за «беспристрастность».

В этой речи заключались наиболее фундаментальные принципы политической идеологии Ксумы. По его мысли, идея «христианского братства» делала расовое примирение жизненной необходимостью для Южной Африки.

Выход он видел в распространении в Южной Африке тех же принципов, которые, по его мнению, господствовали в США. Следуя традиции, установленной еще Б. Вашингтоном¹, Ксума утверждал, что настоящим мостом между белыми и черными может стать лишь просвещение. Представитель просвещенной элиты должен, по его мысли, играть роль посредника в отношениях между двумя расами: «Он, и только он может лучше всего выступать в роли толкователя европейца для африканца и африканца для европейца»². Идеалом будущего устройства Южной Африки должен был стать следующий лозунг: «Независимость, свобода, справедливость для всех и привилегии ни для кого»³. Ксума верил, что «разумные» требования со стороны «уважаемых» африканцев могут привести к желаемым переменам. В этом проявлялась умеренность и определенная двойственность его позиции. Как и многие другие образованные африканцы, он оказался между двух миров, во многих отношениях чувствуя больше общего с белыми, чем черными. Ксума даже женился на афроамериканке, которая в большей степени соответствовала его образу жизни и мировоззрению. Эта же черта проявлялась в его близких контактах с белыми либералами, в частности, в рамках работы Института расовых отношений, основанного в 1929 году.

Однако Ксума был далек от того, чтобы замыкаться лишь на элитарных кругах. Он живо интересовался положением основной массы африканского населения. Например, выступал с жесткой критикой условий, в которых приходилось жить африканским рабочим, активно боролся против «цветного» барьера, за повышение оплаты труда и т.д. Ксума прикладывал усилия по распространению современных медицинских знаний среди африканцев, для

¹ Букер Вашингтон (1856–1915) – выдающийся афроамериканский интеллект, просветитель и общественный деятель; был известен своим умением ужиться с расистски настроенными белыми жителями Юга США. Основанный им Институт Таскиги в Алабаме стал настоящей образовательной Меккой для афроамериканцев и выходцев из Африки.

² Xuma A.B. *Bringing the Gape Between White and Black in South Africa* // Xuma A.B. *Autobiography and Selected Works*. Cape Town: Van Riebeeck Society, 2012. P. 275.

³ *Ibid.*

этого он считал необходимым организовать подготовку квалифицированных кадров из числа местного населения.

Выступая в 1932 году в Виватерсрандском университете, он призвал белых южноафриканцев пересмотреть дискриминационное законодательство. Как он отмечал, «Южная Африка – не рабовладельческое государство, но ее законы и практики немислимы в уважающем себя современном государстве»⁴. При этом прогресс африканцев виделся Ксуме как постепенная вестернизация, чего, по его мнению, невозможно было достичь без исправления диспропорций в образовании и труде.

С ужесточением сегрегационных законов позиция Ксумы становилась все более встревоженной и критической. С 1924 по 1939 гг. правительство ЮАС возглавлял Д. Герцог, лидер Национальной партии, чья политика была проникнута духом африканерского национализма. В годы премьерства Герцога происходило дальнейшее ужесточение расового законодательства. Еще в 1924 году правительством был введен «цветной барьер» в промышленности: государственным учреждениям и частным предпринимателям рекомендовалось заменять африканцев белыми на всех сколько-нибудь квалифицированных работах. В 1936 году был принят «Акт о туземном представительстве», который лишил африканцев избирательного права. Их интересы в парламенте должны были представлять исключительно белые депутаты. Взамен создавался Совет туземного представительства, часть членов которого назначалась, а часть выбиралась самими африканцами. Но он был лишен какой-либо реальной законодательной силы.

Эти и другие подобные действия способствовали росту отчуждения африканских интеллектуалов не только от правительства, но и даже от умеренно-либеральных представителей белого населения ЮАС. Постепенно и риторика Ксумы приобретала более жесткий характер. Он винил правительство в том, что оно снимает с себя ответственность за чернокожих южноафриканцев, призывал к увеличению финансирования африканских школ. Однако Ксума продолжал уповать на здравый смысл белых. «Пытаясь подавлять африканцев политически, экономически и в отношении образования, европейцы создают себе потенциального врага, теряют заслуживающего доверия друга и необходимого партнера в будущем развитии Южной Африки, сохранении всего лучшего, что есть в цивилизации

⁴ Xuma A.B. Reconstituting the Union of South Africa or, a more rational Union Policy // Xuma A.B. *Autobiography and Selected Works...* P. 284.

белого человека. Вы можете сохранить свою цивилизацию в Южной Африке единственным способом — сделав ее таким же драгоценным достоянием для африканца, как и для самих себя»⁵.

Во многом переломным моментом для Ксумы стало обсуждение и принятие парламентом ЮАС так называемых «туземных законов», центральным из которых было исключение африканцев из общего списка избирателей в 1936 году. На съезде Всеафриканского конвента в 1935 году Ксума выступил против объединения усилий этой организации и Института расовых отношений — исследовательской организации, основанной белыми либералами в 1929 году. Его публичные выступления стали приобретать все бóльшую остроту, а требования равноправия в политике и экономике жестче артикулировались. Как следствие, накануне Второй мировой войны происходит окончательный разрыв Ксумы с либералами (прежде всего из Института расовых отношений), чей подход он находил слишком патерналистским и попустительствующим расовой сегрегации.

Его кредо в годы президентства в АНК выражают следующие слова, сказанные в декабре 1943 года: «Африканцы сами должны сказать Южной Африке и остальному миру, чего они хотят для себя, и работать для достижения этих целей посредством своей собственной организации»⁶. Свои усилия он направил на сплочение всех групп африканского населения вокруг АНК, превратив его в действительно главного выразителя мнения африканцев. Не являясь коммунистом и не разделяя коммунистических идей, Ксума, тем не менее, был и против исключения коммунистов из рядов АНК. В 1947 году он вместе с лидерами Трансваальского и Натальского индийских конгрессов подписал «Совместную декларацию о сотрудничестве», получившую известность как Пакт трех докторов. В ней подчеркивалась «необходимость сотрудничества между национальными организациями неевропейских народов»⁷. Его поражение в 1949 году означало уход в прошлое тех принципов, которые определяли политическую жизнь черных

⁵ Xuma A.B. Evidence submitted before the committee on native education 1935 // *Xuma A.B. Autobiography and Selected Works...* P. 238.

⁶ Gish S. Alfred B. Xuma. African, American, South African. New York: New York University Press, 2000. P. 121.

⁷ 'Joint Declaration of Cooperation' Statement by Dr. A.B. Xuma of the ANC, Dr. G.M. Naicker of the Natal Indian Congress and Dr. Y.M Dadoo of the Transvaal Indian Congress, 9 March 1947 // South African History Online. URL: <https://www.sahistory.org.za/archive/joint-declaration-cooperation-statement-dr-b-xuma-anc-dr-g-m-naicker-natal-indian-congress-a> (дата обращения: 01.04.2019)

южноафриканцев в довоенный период. К руководству организацией пришло новое поколение, выступавшее за Программу действия⁸, вместо прежней политики петиций и воззваний.

Его убеждения оставались неизменными до самого конца. Он не раз в своих выступлениях, статьях и письмах подчеркивал приверженность принципу африканского национализма. Его критика политики нового руководства АНК также строилась во многом на той идее, что, действуя в рамках коалиции оппозиционных режиму апартхеида сил, Конгресс терял, по мнению Ксумы, свое истинное предназначение — быть выразителем чаяний чернокожих южноафриканцев. «Не может быть интернационализма без национализма», — отмечал он в 1956 году⁹. Однако его национализм никогда не носил характер нетерпимости по отношению к другим народам или исключительности африканцев. Он лишь транслировал на общенациональный уровень ту идею, которую проповедовал еще в конце XIX века Б. Вашингтон, а именно, что прогресс каждого человека зависит в первую очередь от его личных усилий. По мнению Ксумы, никто, кроме самих африканцев, не мог принести им свободы. Однако он был и против любых форм национального или расового эксклюзивизма — его идеалом оставалась гражданская нация, построенная по образцу США. Выступая в 1951 году на открытии памятника С. Мг'айи, Ксума заявил: «Не должно быть коса или финго, мусуту или зулу — только единый африканский народ. Не должно быть деления на белых и не белых — должно быть общее гражданство единой южноафриканской нации»¹⁰.

⁸ Программа, принятая национальной конференцией АНК в 1949 г., призвала к бойкотам, забастовкам, кампаниям гражданского неповиновения.

⁹ Xuma A.B. Letter to the Annual Conference of the African National Congress 1956 // Xuma A.B. *Autobiography and Selected Works...* P. 116. Негативная оценка Ксумой сближения АНК с политическими организациями, представлявшими другие расовые и этнические группы Южной Африки, возможно, объясняется той ролью, которую в них играли коммунисты. У руководства большинства политических объединений, образовавших в 1956 г. Союз конгрессов (помимо АНК в него входили Южноафриканский индийский конгресс, Конгресс цветного населения, Конгресс демократов, Южноафриканский конгресс профсоюзов), находились члены ЮАКП. См.: Воеводский А.В. «Важность сохранения наблюдательного поста социалистических стран...»: к истории закрытия консульства Чехословакии в ЮАР в 1963 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 5 (69) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002288-5-1> (дата обращения: 26.12.2018). DOI: 10.18254/S0002288-5-1

¹⁰ Xuma A.B. Unveiling Samuel Edward Krune Mqhayi tombstone at Ntabozuke, Berlin // Xuma A.B. *Autobiography and Selected Works...* P. 263. Мг'айи был ярким представителем интеллигенции народа коса первой половины XX века.

Личность или обстоятельства? Нельсон Мандела как миротворец

И.И. Филатова

Нельсон Мандела, первый чернокожий президент Южной Африки, остался в истории как символ миротворчества, человек, которому эта страна обязана мирным переходом от апартхеида к конституционной демократии, от правления белого меньшинства к демократически избранному правительству черного большинства. Для остального человечества Мандела стал примером лидера, сумевшего не только не согнуться, не изменить своему делу и не утратить достоинства за время 27-летнего тюремного заключения, но и, став президентом страны, простить своих тюремщиков ради сохранения мира. Столь разные политические деятели, как В.В. Путин и Барак Обама, неоднократно выражали восхищение Манделой.

Миротворческая деятельность Манделы хорошо известна. Еще находясь в тюрьме, он по собственной инициативе повел «переговоры о переговорах» с представителями правительства белого меньшинства, а затем убедил своих товарищей в необходимости этого шага. Выйдя из тюрьмы, сделал все возможное, чтобы состоялись и были успешными переговоры между его партией, Африканским национальным конгрессом (АНК), с оружием в руках боровавшейся против апартхеида, и Национальной партией (НП), в течение четырех с лишним десятилетий проводившей эту политику. Его личную роль в том, что, несмотря на полное отсутствие у сторон доверия друг другу и многочисленные срывы, переговоры продолжались, как и в том, что основные политические силы страны приняли в них участие и сумели выработать совместные решения, невозможно переоценить. После прихода АНК к власти Мандела поддержал создание Комиссии правды и примирения, главной целью которой было создание условий для национального примирения. Мандела не принимал участия в заседаниях Комиссии, но его личное вмешательство неоднократно выводило ее из казавшихся неразрешимыми ситуаций и позволило ей довести свою работу до конца.

На личном уровне Мандела дал образец поведения не только лидера, но и просто человека в конфликтных ситуациях и в условиях социальной напряженности. Его пример особенно важен для самой

Южной Африки, где разные политические силы считают сейчас, что национальное примирение не только не состоялось, но и не должно было состояться, что оно было обманом, политической ловушкой. Многие, как в АНК, так и вне этой партии, винят Манделу в том, что своей примиренческой политикой он предал интересы черного большинства страны, не позволив ему довести дело национального освобождения до конца революционным путем. Многие представители меньшинств, в свою очередь, полагают, что они были обмануты обещаниями примирения, национального единства и равенства, и что обещания эти были всего лишь политическим трюком.

Именно поэтому важно понять, чем руководствовался Мандела, что заставляло его действовать так, а не иначе. Было ли миротворчество проявлением его миролюбивого характера или философией, возведенной в принцип? Или оно было политической тактикой, сознательно применявшейся им в одних обстоятельствах и отвергнутой в других? Было ли достижение мира единственной целью его миротворчества или у него были и другие задачи? И как ему удавалось добиваться того, что не могли сделать другие? Ответ на эти вопросы важен и потому, что пример Манделы уникален, и изучение его опыта может способствовать разрешению других конфликтных ситуаций.

Мы не можем заглянуть во внутренний мир Манделы, «прочитать» его логику. Но его автобиографии — а их у него было две — дают представление о том, как он хотел объяснить свои действия соотечественникам и остальному человечеству, каким хотел предстать перед потомками в разные периоды своей жизни и в разных политических обстоятельствах.

Автобиографии пишутся не для того, чтобы воспроизвести прошлое таким, каким оно было. Марк Твен говорил, что «человек не может рассказать всю правду о себе, даже если убежден, что написанное им никогда не увидят другие»¹. Больше, чем к кому бы то ни было, это относится к политикам, которые пишут о себе с четким осознанием политической ситуации, в которой создается автобиография, и с определенной политической целью. Мандела осознавал это очень хорошо. Он полагал, что «на автобиографию борца за свободу неизбежно влияет вопрос о том, будет ли раскрытие определенных фактов, какими бы правдивыми они ни

¹ “Mark Twain’s Bequest”, *The Times* (London), 23/05/1899. <https://www.litres.ru/mark-tven/avtobiografiya/chitat-onlayn/#note-m139923511136976>.

были, способствовать делу борьбы или нет. Если раскрытие таких фактов, — писал он, — поможет нам... приблизить нашу цель, то наш долг их раскрыть, сколь отрицательно это ни сказалось бы на отдельном человеке. Но откровенность, создающая ненужную напряженность, ведущая к разладу, которым может воспользоваться враг, и осложняющая борьбу в целом, опасна, и ее нужно избегать». Тем более, подчеркивал он, это справедливо по отношению к тем, кто пишет мемуары в тюрьме².

Эта мысль была важна Манделе — он повторил ее в разных контекстах несколько раз, в том числе, видимо, и для того, чтобы дать товарищам по партии понять, что он не свободен писать так, как ему, а возможно, и им, хотелось бы. О «важном» разговоре с генеральным секретарем запрещенной Коммунистической партии (ЮАКП) Мозесом Котане, состоявшемся в 1950 году, Мандела пишет: «Никогда не безопасно, а может, и опрометчиво подробно комментировать события, относящиеся к освободительному движению, которое все еще на поле боя. Такие комментарии могут дать жизненно важную информацию врагу и нанести серьезный ущерб нашей работе. Следовательно, соответствующая информация может быть опущена, и рассказ обрывается»³.

Мандела писал первую автобиографию в тюрьме на острове Роббен в 70-е годы. Она осталась только в рукописи и увидела свет лишь в 2011 году⁴. Вторая, только отчасти написанная по материалам первой, была опубликована в 1994 году⁵ и стала одной из самых читаемых книг в мире. Влияние политической ситуации, в которой обе они создавались на их содержание несомненно.

Тюремная автобиография создавалась «по заказу» руководства АНК. Для этой партии она должна была стать важным пропагандистским материалом; для Манделы, отрезанного от активной политики, она была оружием борьбы. Одна из глав его опубликованной, официальной автобиографии называлась «Борьба — моя жизнь», и обе автобиографии не оставляют сомнения в том, что годы, проведенные в тюрьме, не были для Манделы «отбыванием» срока, они

² Mandela Prison Manuscript. P. 617. <http://www.nelsonmandela.org/images/uploads/LWOM.pdf>

³ Ibid. P. 98.

⁴ Рукопись была тайно вывезена с Роббен-Айленда и доставлена в Лондон Маком Махараджем в 1975 г. Она осталась неопубликованной, но была размещена в Интернете в ноябре 2011 г. Фондом Нельсона Манделы.

⁵ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. The Autobiography of Nelson Mandela. London: Little, Brown and Company, 1994.

были борьбой, только в иных формах. Тюремная автобиография – черновик, ближе к концу – просто наброски. Мандела часто пишет: «проверить», «найти» такой-то документ и т.д. Это не заметки для себя, а инструкции коллегам по партии, находившимся в изгнании, но на свободе. Автобиография – вклад Манделы в дело борьбы, его личное оружие, которое коллеги были призваны отточить.

Невозможно понять истоки и характер миротворчества Манделы без понимания того, что для него борьбой было абсолютно все: саботаж, взрывы, массовые кампании неповиновения, забастовки, переговоры с другими партиями о совместных действиях, достойное поведение в тюрьме и даже переговоры, будь то с тюремной администрацией или с правительством.

Мысль, что переговоры с правительством являются продолжением борьбы, Мандела повторял многократно и в самых разных аудиториях. «Нужно совершенно ясно понимать, что борьба не окончена, и что сами переговоры являются полем битвы», утверждал он, например, в своей речи на национальной конференции АНК в Дурбане в 1991 году. «Несмотря на наши героические усилия, мы не победили режим. Следовательно, мы считаем переговоры продолжением борьбы»⁶. Ту же мысль он высказал и в речи на национальной конференции бойцов Умконто ве сизве (МК), военного крыла АНК, в 1993 году: «Самое главное, что нужно отметить о соотношении переговоров и других форм борьбы, это то, они не являются взаимоисключающими... Важно понимать, что переговоры способствуют нашей борьбе»⁷.

Если переговоры – одна из форм миротворчества – являются одновременно и формой борьбы, то на вопрос о том, было ли миролюбие Манделы чертой его характера, тактикой или принципом, стратегией, он отвечал сам, причем неоднократно. Во время подготовки Кампании гражданского неповиновения (1952) – протеста против новых расистских законов, введшихся один за другим правящей Национальной партией, – участники подготовительного совещания разошлись во мнениях о характере кампании. Одни настаивали на сугубо мирных акциях по типу тех, которыми пользовался Махатма Ганди, прежде всего ввиду безнадежности

⁶ K. Asmal, D. Chidester, W. James, eds. Nelson Mandela. From Freedom to the Future. Tributes and Speeches. Johannesburg: Cape Town: Jonathan Ball publishers, 2003. P. 104. Буквально эти же слова появляются и в его обращении к молодежи КаНьямазане, 13 апреля 1990 г: <https://www.sahistory.org.za/archive/nelson-mandelas-address-youth-kanyamazane-13-april-1990>

⁷ K. Asmal et al, eds. Nelson Mandela... P. 106–107.

любого сопротивления правительству с использованием насилия. Другие считали ненасилие делом не принципа, а тактики, и полагали, что нужно использовать любые методы борьбы, которых требуют обстоятельства. Если обстоятельства меняются, то придерживаться старых методов «смертельно» опасно. Мандела принадлежал ко второй группе, и именно его точку зрения поддержало большинство⁸.

Во время кампании проверить правильность позиции Манделы на практике не пришлось: в целом кампания прошла мирно. Но именно поэтому после ее окончания сторонники более радикальных организаций начали упрекать АНК в недостатке революционности. Мандела написал по этому поводу: «Является ли тот или иной метод революционным или нет, это вопрос не абстрактного принципа, но конкретных условий, в которых мы работаем»⁹.

Обсуждение необходимости перехода АНК к вооруженной борьбе, активизировавшееся во время процесса о государственной измене (1956–1961)¹⁰, поставило вопрос о том, является ли ненасилие принципом или только тактикой партии, ребром. Обвинение утверждало, что насилие было основополагающим принципом деятельности АНК, а ненасилие пропагандировалось только в публичных документах для маскировки истинных целей партии. Защита строилась на доказательстве, что ненасилие — основополагающий принцип деятельности АНК, а не тактика. Все обвиняемые были оправданы, а один из них, президент АНК, вождь Альберт Лутули, был награжден Нобелевской премией мира за ненасильственное сопротивление апарtheidу. Публично отказаться от ненасилия в этой ситуации было непросто. Но, как полагали многие, запрет АНК в апреле 1960 года изменил обстоятельства, и пришло время менять тактику.

Мандела был в их числе, хотя с какого времени — по его автобиографиям судить трудно. Вероятно, он пришел к выводу о необходимости отказа от ненасилия гораздо раньше. В 1953 году правительство начало выселять чернокожее население из Софиятауна, одного из пригородов Йоханнесбурга, предназначенного для заселения белыми. АНК ответил кампанией сопротивления, в которой Мандела был одним из организаторов, и именно во время этой

⁸ Mandela Prison Manuscript. P. 117.

⁹ Mandela Prison Manuscript. P. 130.

¹⁰ Процесс о государственной измене (1956–1961) — суд над 156 активистами, которых правительство обвинило в принадлежности к запрещенной коммунистической партии и коммунистической деятельности.

кампании он впервые публично на митинге высказался о необходимости насилия. «Я сказал, — пишет он, — что время пассивного сопротивления прошло, что ненасилие — бесполезная стратегия, которая никогда не сможет свергнуть режим белого меньшинства... В конечном итоге... насилие — единственное оружие, способное разрушить апарtheid, и мы должны быть готовы использовать это оружие в скором будущем». Прямо указав на полицейских, наблюдавших за митингом, Мандела сказал: «Вот ваши враги»¹¹.

По словам Манделы, Рабочий комитет АНК принял решение о том, что «обращение к насилию неизбежно» в начале июня 1961 года, через два месяца после того, как были оправданы последние обвиняемые по делу о государственной измене. В том же месяце вопрос об этом был поставлен на повестку дня Национального исполкома. На заседании разгорелись нешуточные споры, но в конце концов решение Рабочего комитета было поддержано¹².

Если, с точки зрения Манделы, переход к насилию был тактикой, необходимой для успешной борьбы в изменившихся обстоятельствах, то и переход к переговорам точно так же был тактикой, необходимой для достижения целей борьбы в изменившихся обстоятельствах. Мандела не пишет, когда именно он решил, что обстоятельства изменились, но действовать он начал в 1985 году, когда его отделили от товарищей по заключению и поместили в отдельную трехкомнатную камеру кейптаунской тюрьмы Полсмур. В этой ситуации он решил «сделать то, о чем размышлял уже некоторое время: начать дискуссии с правительством». «Я пришел к выводу, — пишет Мандела, — что пришло время, когда борьбу лучше продолжать через переговоры... При всех своих бомбардировщиках и танках они, должно быть, поняли, что они были не на той стороне истории. Правда была на нашей стороне, но сил было недостаточно. Мне было ясно, что военная победа была очень далекой, если не невозможной мечтой. Просто не имело смысла обеим сторонам терять тысячи, если не миллионы жизней в конфликте, в котором не было необходимости. Они должны были это знать тоже. Настало время говорить»¹³.

Знал ли Мандела о том, что первые встречи его коллег в Лусаке с представителями африканерской элиты уже состоялись, или нет, и если знал, то что именно, здесь не так важно. В любом случае, он

¹¹ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. P. 146.

¹² Mandela Prison Manuscript. P. 422.

¹³ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. P. 513.

брал на себя огромный риск, когда не только по собственной инициативе, но даже не поставив в известность своих коллег в тюрьме, начал писать письма с просьбами о встрече министру юстиции Коби Куцие. За последние пять лет его заключения у него было более 70 встреч с представителями высшего руководства страны, включая Нила Барнарда, главу службы безопасности, и президента Боту. «Я знал, — объяснял Мандела, — что мои коллеги наверху (в той же тюрьме — *И.Ф.*) заклеят мое предложение, и это убьет мою инициативу еще до ее рождения. Бывают времена, когда лидер должен двигаться впереди стаи, пойти в новом направлении в уверенности, что он ведет свой народ по верному пути»¹⁴.

Но насколько самому Манделе было близко это новое направление? Решился ли он идти по новому пути из-того, что вообще предпочитал бороться ненасильственными методами, или потому что знал, что так нужно, и в изменившихся условиях эта новая тактика приблизит победу? Мандела не часто высказывался на эту тему, и обычно неоднозначно. Но в 2000 году во время визита в США он заявил многотысячной аудитории шоу Опры Уинфри: «Наши чувства подсказывают: белое меньшинство — наш враг. Мы не должны идти на переговоры с ними, никогда. Но наш разум сказал: если вы не будете говорить с этими людьми, ваша страна сгорит в огне. На многие годы эта страна будет затоплена реками крови. Так что нам нужно было примирить этот конфликт [между чувствами и разумом], и наши переговоры с врагом стали результатом победы разума над эмоциями»¹⁵.

Если первая автобиография Манделы была его оружием и средством пропаганды АНК и его политического курса, в том числе и вооруженной борьбы, то и вторая тоже была призвана пропагандировать курс партии, в новых условиях направленный на национальное примирение. Она тоже была оружием пропаганды. Интонационные, а иногда и содержательные различия между двумя текстами порой разительны и говорят сами за себя. В первом, писавшемся в эпоху холодной войны и вооруженной борьбы, Мандела предстает куда более революционным и воинственным радикалом, чем во втором.

Год своего рождения, 1918-й, Мандела описал в рукописи так: делегация АНК поехала на Версальскую конференцию, чтобы

¹⁴ Ibid. P. 514.

¹⁵ <https://abcnews.go.com/blogs/entertainment/2013/12/nelson-mandela-the-inspiring-words-he-told-oprah-winfrey/>

рассказать о проблемах африканцев в Южной Африке. Но «главное, это был год, последовавший за большевистской революцией, являющейся бессмертным достижением, открывшим огромные возможности для прогресса человечества»¹⁶. По словам Манделы, разные чувства одолевали его, когда он слушал свой приговор в 1962 году. Но «утешением» был для него факт, что его приговорили 7 ноября, «в годовщину дня, ставшего свидетелем рождения первого социалистического государства в мире, которое не только покончило с угнетением в Советском Союзе, но и использовало свои огромные ресурсы на помощь угнетенным народам мира в их борьбе за национальное освобождение»¹⁷. В книге таких высказываний по поводу большевистской революции и СССР нет.

В рукописи Мандела часто называет себя марксистом — так же, как и почти всех коммунистов из своего окружения, а таковых среди его друзей в Йоханнесбурге было подавляющее большинство. Свою идеологию он определяет как «национализм» с одной стороны, и «диалектический материализм» — с другой. Вот как он объясняет соотношение этих идеологий: «Я считал борьбу против белого господства своей непосредственной задачей. Я горжусь тем, кто я, горжусь своим народом, нашей историей и традициями, языком, музыкой и искусством, и я твердо верю, что африканцам есть что внести в мировую культуру. Но как Южная Африка, так и Африканский континент, являются частью более широкого мира, и народы моей страны и всей Африки — часть человеческой расы. Их проблемы должны рассматриваться с точки зрения их уникальности, как отдельных народов, и с точки зрения истории человечества в целом. Изучая историю всей человеческой расы, мы можем предвидеть направление будущего развития наших народов и помочь ускорению этого процесса, сосредоточив наши ресурсы на достижении того, на что человеческая история указывает, как на неизбежность»¹⁸.

О социальном строе будущей Южной Африки, основанном на принципах Хартии свободы, основополагающего документа АНК, в тюремной рукописи говорится: «Конечно, мы не можем отрицать того довода, что победа движения Конгрессов¹⁹ и свер-

¹⁶ Mandela Prison Manuscript. P. 6.

¹⁷ Ibid. P. 511.

¹⁸ Ibid. P. 102–103.

¹⁹ Движение конгрессов — союзнические действия АНК, Национального конгресса индийцев Натала и Конгресса демократов, состоявшего, по большей части, из членов запрещенной компартии.

жение расового угнетения будет шагом к научному социализму»²⁰. В книге такие сентенции отсутствуют. В ней Мандела пишет, что ему близка марксистская идеология и рассказывает о своем знакомстве с марксистской литературой, но упоминает об этом только в связи с судебными процессами, на которых обсуждались его взгляды и близость с запрещенной компартией. И гораздо чаще и подробнее, чем в рукописи, он подчеркивает свои этнические (тембу) и африканские корни.

О своей речи в Софиятауне, в которой он преждевременно призывал к использованию насилия, Мандела пишет в книге более подробно, чем в рукописи, и даже цитирует эту речь. Однако тут же рассказывает, как, поняв, что толпа слишком перевозбудилась и готова броситься на полицейских, он остановил людей, запев революционную песню, которую все поддержали, и которая остановила агрессию, неизбежно закончившуюся бы бойней²¹. В рукописи Мандела упомянул эту речь только вскользь, без каких бы то ни было подробностей, и добавил, что получил за нее выговор от руководства АНК. Описания того, как он остановил агрессивную толпу, в этом тексте нет²².

По-разному пересказывал Мандела и некоторые важнейшие события истории своей партии, а значит, и своей страны. Так, отношение вождя Лутули к вооруженной борьбе в рукописи представлено куда более однозначным, чем в книге. «Некоторые говорили, — пишет Мандела в рукописи, — что вождь Лутули был против насилия, и против МК в частности. Ничего не может быть дальше от истины, и он совершенно ясно высказался об этом на июньской встрече Объединенного исполкома, когда кто-то попытался обвинить его именно в этом»²³. В книге пересказ этого же эпизода иной: «Вождь сначала противился моим аргументам. Для него ненасилие было не просто тактикой. Но мы работали над ним всю ночь; и я думаю, что сердцем он понял, что мы были правы. В конце концов он согласился, что военная кампания была неизбежна»²⁴.

²⁰ Mandela Prison Manuscript. P. 181.

²¹ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. P. 146.

²² Mandela Prison Manuscript. P. 156.

²³ Mandela Prison Manuscript. P. 424. Речь здесь идет о заседании Объединенного исполкома Совета конгрессов, состоявшегося сразу после заседания Национального исполкома АНК, принявшего решение о переходе к вооруженной борьбе.

²⁴ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. P. 260.

Мандела прекрасно знал, что в начале 90-х гг. руководство АНК вело пропагандистское наступление на Западе, стремясь представить свою партию умеренной организацией, добивающейся демократии и стремящейся действовать в рамках норм поведения, принятых в западном мире. Он хорошо понимал, что требуется от него в этой ситуации, но не всегда мог сдержать эмоций. Так в 1990 году, во время своего первого визита в США, в телевизионном интервью Мандела сказал о своих отношениях с Каддафи и Кастро, которых на Западе упрекали в нарушении прав человека: «Одна из ошибок политологов заключается в том, что они думают, будто их враги должны быть нашими врагами. Но наше отношение к любой стране определяется отношением этой страны к нашей борьбе. Ясир Арафат, полковник Каддафи, Фидель Кастро поддерживают нашу борьбу полностью. Они поддерживают ее не только на словах, они предоставляют в наше распоряжение ресурсы, чтобы мы победили в этой борьбе. Нет абсолютно никаких причин, почему мы должны колебаться в прославлении их приверженности правам человека в том виде, в каком их требуют в Южной Африке»²⁵.

Это высказывание вызвало фурор в западных СМИ, но, конечно, увеличило популярность Манделы среди тех, кто числил США в своих врагах. Подобные эпизоды есть и в книге, но там они остались менее замеченными. Так, посмотрев в тюрьме документальный фильм об американской банде «Ангелы ада», Мандела пришел к выводу, что «Ангелы» были не бандитами, а бунтарями, хотя и не слишком приятными, боровшимися против «правых» властей. Ему понравилось сравнение «Ангелов» с борцами против апартеида, сделанное другим заключенным²⁶. Ему не пришло в голову, что если «Ангелы» и были политическими борцами, то боролись они против демократически избранного правительства.

Но в целом для книги Мандела нашел и интонацию, и убедительные слова, призванные показать миру, что к власти в Южной Африке идут не террористы и не радикалы, а умеренная партия, которая сумеет установить в стране мир, демократию и законность. Мандела был не просто талантливым политиком, он был политиком, который умел создавать общественное мнение и управлять им. Ему отнюдь не были чужды драматические жесты, помогавшие донести до людей то, что он хотел им сказать. Начиная кампанию

²⁵ <https://newsrescue.com/your-enemies-are-not-our-enemies-mandelas-respect-for-gaddafi-arafat-and-castro-in-epic-ny-video/>

²⁶ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. P. 489.

гражданского неповиновения, например, он пригласил прессу и фотографов к себе домой, и когда они появились, демонстративно сжег свой пропуск, без которого не имел права передвигаться по стране. 27 лет тюремного заключения не лишили Манделу этого таланта. В 1995 году, он посетил 94-летнюю Бетси Фервурд, вдову создателя апартхеида Хендрика Фервурда, в ее доме в африканерском поселке Орания, чтобы выпить с ней чаю в присутствии прессы²⁷. Он понимал ценность такой пропаганды.

Но пропаганда или не пропаганда, смысла деятельности Манделы это не меняло. Каковы бы ни были его чувства, он добивался национального примирения, потому что был уверен, что оно нужно для победы и для блага его народа, и готов был идти не только против собственных эмоций, но и против эмоций и даже решений своих коллег. Заседание Национального исполкома АНК, состоявшееся за четыре месяца до первых демократических выборов (апрель 1994 года), обсуждало вопрос о новом южноафриканском гимне. Началось оно без Манделы, и решение заменить старый африканерский гимн «Ди Стем» на гимн АНК «Нкоси сикелел' иАфрика» было принято сразу и единогласно. Вернувшись, Мандела сказал: «Эта песня, к которой вы отнеслись с такой легкостью, выражает чувства многих людей, которых вы пока что не представляете. Одним росчерком пера вы принимаете решение разрушить самое основание — единственное основание, на котором мы строим: национальное примирение». Решение было изменено²⁸.

Похоже, что примирение, коль скоро Мандела пришел к его необходимости, давалось ему легче чем многим. Среди его коллег, приговоренных вместе с ним к пожизненному заключению в 1963 году, не было никого, кто без колебаний и сразу одобрил бы его линию. Никто не сказал и не написал даже позднее, что «военная победа была... невозможной мечтой». Узнав о его инициативах, даже Оливер Тамбо, *alter ego* Манделы в эмиграции, засомневался в его мотивах.

Жизнь Манделы дает много логических объяснений его поведению, в том числе и по отношению к белым. Мандела был провинциалом, но воспитывался в семье знати тембу, где он научился держаться с достоинством даже с теми, кто был явно выше его по чину и рангу, в том числе и с белыми. В школьные годы и в универ-

²⁷ New York Times, 16/08/1995. <https://www.nytimes.com/1995/08/16/world/mandela-visits-apartheid-die-hards.html>, доступ 23/12/2018.

²⁸ <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/07/nelson-mandela-freedom-fighter-john-carlin>

ситете Форт-Хейр ему довелось столкнуться с немногими белыми, но он четко осознал уже тогда, что белые думают и ведут себя далеко не одинаково. Его опыт общения с белым населением значительно обогатился, когда он приехал в Йоханнесбург. В Витватерсрандском университете его ближайшими друзьями стали коммунисты, белые и черные, уделявшие внимание цвету кожи только в случае политической необходимости. Белый владелец фирмы, в которой Мандела начинал свою карьеру адвоката, стал его другом и во многом помогал ему. Политическая работа, которую он вел, сталкивала его с самыми разными представителями белой общины, и многие, в том числе чиновники и бизнесмены, помогали ему, даже когда он был в подполье. Адвокатская практика свела Манделу с многими белыми судьями, адвокатами и прочими служителями закона, и он умел отделить тех, кто действительно служил закону, от тех, кто служил власти. Мандела высоко оценил факт, что в 1952 г., когда руководство Юридического общества Южной Африки попыталось исключить его из числа членов по политическим причинам, большинство белых коллег, независимо от их взглядов, поддержали его, и инициатива руководства провалилась²⁹.

Широкий круг общения, знакомство с марксистской литературой и близость с коммунистами, членство в компартии, путешествия по стране и за рубежом — все это создало Манделу, который смог преодолеть предубеждения — собственные и своих коллег.

Но логика обстоятельств все же недостаточна, чтобы объяснить поведение Манделы. Гаур Хадебе, его коллега по первой адвокатской фирме, был не менее образованной и активной и, по крайней мере на первых порах, более раскрепощенной личностью, чем Мандела. Он был коммунистом и оказал на Манделу большое влияние. Но уже тогда, в конце 1940-х — начале 50-х гг. он мог сказать своему белому боссу: «Когда-нибудь мы сбросим всех вас в море»³⁰. Хадебе кончил в рядах Панафриканского конгресса, отвергнув даже прагматическое сотрудничество с белыми, не говоря уже о национальном примирении.

Мандела мог не любить африканеров, да и других белых. «Могут ли быть люди более жестокие, чем африканеры?», — спрашивал он в тюремной рукописи. И отвечал: «Позднее я понял, что испанцы и португальцы, англичане, голландцы, французы, бель-

²⁹ Mandela Prison Manuscript. P. 138–139.

³⁰ [N. Mandela]. Long Walk to Freedom. P. 68.

гийцы, немцы и американцы – все империалисты делали еще худшие вещи»³¹.

Но то – «империалисты». Расистом Мандела по натуре не был. Он пользовался своей расовой принадлежностью крайне редко и только как тактикой. После поездки по Африке в 1962 году он попытался убедить своих коллег, прежде всего руководство компартии, что слишком тесное сотрудничество между коммунистами и АНК создает невыгодное представление о политике и целях АНК за рубежом. Такой союз не способствовал солидарности лидеров африканских стран с АНК и затруднял помощь ему со стороны западных либеральных кругов. Мандела считал, что по крайней мере внешне эту ситуацию нужно было изменить. Эта новая, «африканистская» тактика не пришлась по душе его коллегам и вызвала сомнения в верности Манделы партийному курсу, вплоть до того, что пошли слухи о том, что именно обеспокоенные «представители меньшинств» среди его коллег, выдали его властям – слухи, которые он начисто и полностью отвергал³².

Во время суда над ним в 1962 году Мандела потребовал отставки судьи на основании того, что судья – белый, и поэтому не может судить «справедливо и беспристрастно, как ему положено» человека, призывавшего к свержению господства белых. На этом процессе Мандела стремился доказать, что он – африканский националист, а не коммунист. Он появился в кароссе, национальной одежде тембу, и всячески подчеркивал свои африканистские взгляды. Но это снова была тактика. Адвокатом Манделы был Джо Слово, белый коммунист, и когда Слово отстранили от суда, Мандела резко протестовал. Его заменили другим белым коммунистом, Бобом Хепплом³³.

Было в Манделе нечто, что заставляло его обращаться абсолютно со всеми, как с равными, независимо от цвета кожи, от тюремщика до прислуги и до английской королевы, которую он называл «Элизабет» даже по телефону и у которой справлялся о здоровье ее семейства.

Автору этой статьи довелось познакомиться с этой чертой личности Манделы. Меня представили Манделе на мероприятии Института демократической альтернативы для Южной Африки в конце 1991 года, после путча 19 августа, но до распада СССР,

³¹ Mandela Prison Manuscript. P. 195. Ни русских, ни китайцев, ни, конечно, африканцев среди этих жестоких империалистов не было.

³² Mandela Prison Manuscript. P. 502–503.

³³ Ibid. P. 506–507.

когда ситуация с политической властью в СССР была далеко не ясна. Мандела спросил, как поживает Горбачев. Ситуацию Горбачева в этот период мне удалось уложить в два предложения. «А как поживает Ельцин?», — спросил Мандела. У меня за спиной стояла длинная очередь желающих поговорить с Манделой, и я уложила ситуацию Ельцина в три предложения. Мандела сказал: «Передайте мои приветствия и добрые пожелания им обоим. Но главное — добрые пожелания вам лично и всему советскому народу». Мандела говорил со мной, как если бы он говорил с министром иностранных дел СССР. Думаю, что и с министром иностранных дел он говорил бы так же, как со мной.

Мандела всегда был политиком. И в самом начале своей карьеры, когда он заявил коллегам по Молодежной лиге АНК, что когда-нибудь станет президентом Южной Африки, и когда вместе с ними радикализировал политику АНК, и когда начал пропагандировать необходимость отказа от ненасильственных методов борьбы, и когда стал коммунистом и пользовался советами, связями и помощью более опытных коллег, и когда призвал их сделать связи между АНК и коммунистами менее видимыми, и в тюрьме, когда боролся за свои права, и когда, к неодобрительному изумлению своих коллег, начал изучать африкаанс и историю африканеров. Тюрьма не озлобила его, но сделала мудрее и опытнее. Мандела оставался политиком и тогда, когда единолично начал переговоры с руководством страны, и когда продолжал защищать линию на национальное примирение после выхода на свободу в самых трудных ситуациях. Все сдвиги в его взглядах и поведении на протяжении его политической карьеры были результатом изменения обстоятельств, требовавших новой тактики.

Это отнюдь не уменьшает его заслуг перед соотечественниками и перед всем человечеством. Скорее наоборот. Действуй Мандела по зову сердца, он вряд ли добился бы того, что ему удалось совершить.

«Примирить прошлое с будущим»: Комиссия правды и примирения в ЮАР

М.С. Курбак

Раскаяние — путь к исцелению

*Лозунг Комиссии правды
и примирения*

Амнистия придумана не для хороших людей

Десмонд Туту

С начала 1990-х гг. о судьбе «новой Южной Африки» спорили буквально во всем мире. Становилось все более очевидным, что Национальная партия постепенно теряет контроль над ситуацией в стране, силы протеста нарастают. Многие предрекали для ЮАР неминуемую национальную катастрофу, очередную «кровавую баню» на африканском континенте, падение экономического уровня и социальную нестабильность. Другие же, особенно после освобождения из тюрьмы Нельсона Манделы, говорили о «южноафриканском чуде», о возможности национального и расового примирения без насилия.

Реальная же картина событий выглядела, разумеется, намного сложнее. Южная Африка стояла на распутье, и это понимали как белые, терявшие власть, так и черные, которые должны были определять будущее страны. Многие говорят, что переход власти был мирным. Это верно, но лишь отчасти. Еще во время заключения Нельсон Мандела действительно выразил готовность сесть за стол переговоров с теми, кто когда-то его посадил в тюрьму и едва не приговорил к смертной казни. Политические переговоры между Африканским национальным конгрессом (АНК) и Национальной партией (НП) шли хотя и непросто, но относительно спокойно.

Но было ли спокойно южноафриканское общество?

С 1984 по 1994 гг. 20 500 человек погибли в результате вооруженных столкновений и политического насилия в стране, большинство — обычные люди, преимущественно черные. С 1990 по 1994 гг. — были убиты 15 000 человек¹.

¹ *Jeffery A.* The Truth About the Truth Commission. Johannesburg: South African Institute of Race Relations, 1999. P. 3.

Если брать статистику политических убийств за предыдущий период, то с 1985 по 1989 гг. она составляла в среднем около 1080 человек в год. С конца 1990 года уровень насилия вырос втрое, достигнув цифры 3400 человек в год².

Таким образом, за четыре года в результате вооруженных столкновений и политического насилия погибло больше людей, чем за предыдущие 30 лет. Как писал известный историк Герман Гильоме³, «опасность состояла не в возможности восстания, а в нарастающей анархии». Майк Лоу, второй человек в командовании Национальной разведывательной службы ЮАР (NIS)⁴, говорил тогда: «Неуправляемость — это вам не кран, который можно открыть и закрыть; она создает совершенно новую психологию, с которой мы боремся сейчас [в 1995 году], а именно — полное пренебрежение к власти и отсутствие уважения к закону»⁵. Того же опасался и министр обороны Магнус Малан (1980—1991). Говорят, его настольной книгой в то время была «Красная книжечка» Мао Цзэ-дуна. С нищими массами, вдохновленными идеями коммунизма, невозможно найти компромисс, считал он⁶.

Но поиск компромисса был единственно возможным путем сохранения мира в стране. И это понимали и члены АНК и НП. Конечно, большую роль в переговорах сыграл Мандела, чей авторитет в стране и за ее пределами рос день ото дня. Как писал известный южноафриканский писатель Дж. М. Куцие, «Лицо Манделы, на постерах и футболках, было знаменем всех волнений 1985—86 гг.»⁷. Власти несколько раз предлагали Манделе освобождение: в 1973 году взамен на обещание спокойной жизни в хоумленде Транскей, потом, в 1985 году, в обмен на отказ от вооруженной борьбы против апартхеида. Мандела отверг и то и другое. «Вести переговоры может только свободный человек. Заключение не может подписывать договоры»⁸, — сказано он. Однако в ноябре 1985 года Мандела несколько изменил свой подход: «Я понял, что пришло время, когда борьба должна быть заменена переговорами.

² *Jeffery A.* The Truth About the Truth Commission. Johannesburg: South African Institute of Race Relations, 1999. P. 3.

³ *Giliomee H.* The Last Afrikaner Leaders. A Supreme Test of Power. Cape Town: Tafelberg, 2012. P. 270.

⁴ Национальная разведывательная служба (NIS) была создана в 1979 году как наследница Бюро по государственной безопасности.

⁵ *Giliomee H.* The Last Afrikaner Leaders... P. 270.

⁶ *Ibid.* P. 271.

⁷ *Coetzee J.M.* Waiting for Mandela// New York Review of Books, 8 May 1986. P. 3.

⁸ *Ibid.* P. 1.

Если бы мы не начали вести диалог, обе стороны вскоре погрузились бы во мрак угнетения и войны. Настало время переговоров»⁹.

Шли месяцы и даже годы сложных переговоров. Новая конституция ЮАР и новая политическая система были совместным детищем АНК и бывших лидеров режима апарtheidа. Это была великая победа. Победа прежде всего моральная, победа здравого смысла над политическим эгоизмом с обеих сторон. Герман Гильоме брал интервью у де Клерка вскоре после освобождения Манделы из тюрьмы и снятия запрета с АНК. «Зачем вы все это делаете? — спросил Гильоме. — Ведь правительство могло бы удерживаться еще десятки лет». Де Клерк со злостью ответил: «Да, мы могли находиться у власти еще десятки лет, но за это время нам пришлось бы убить множество людей. Разве это нравственно?»¹⁰.

Идея создания Комиссии правды и примирения родилась во время переговоров между АНК и НП. Как своеобразный компромисс, или «третий путь», как писал один из ее создателей и руководителей архиепископ Десмонд Туту. Первым путем был аналог Нюрнбергского процесса (что было сразу же отвергнуто НП), вторым — «национальная амнезия» (вариант предать полному забвению все прошлые события и обиды, отправить все в «дыру памяти», как у Оруэлла). Второй вариант, разумеется, не устраивал АНК, да и многих южноафриканцев, пожалуй, тоже. Поэтому был найден этот самый «третий путь». НП хотела гарантий, что правосудие не затронет ее членов, военный и полицейский состав. Они намеревались даже подать список людей, которым гарантировалась бы полная неприкосновенность. АНК на это был не готов. Была достигнута договоренность о даровании амнистии тем, кто подаст заявление индивидуально и раскается в совершенных преступлениях. Никакой коллективной вины, никакой коллективной амнистии.

Как замечала в своей статье Джилиан Слово, дочь Джо Слово¹¹, и Рут Ферст¹²: «Из-за необходимости положить конец кровопролитию и двигаться как-то дальше [в Южной Африке] произошла политическая трансформация, но не социальная». И приводила слова

⁹ *Mandela N. Long Way to Freedom: The Authobiography of Nelson Mandela. Randburg: Macdonald Purnell, 1994. Pp. 512–513.*

¹⁰ *Giliomee H. The Last Afrikaner Leaders...P. 290.*

¹¹ Джо Слово (1926–1995) — генеральный секретарь Южно-Африканской коммунистической партии, член Национального исполнительного комитета Африканского национального конгресса, активный борец против режима апартеида.

¹² Рут Ферст (1925–1982) — ученый, журналистка, педагог, активный борец против апарtheidа. Была убита взрывным устройством, полученным посылкой.

своего отца: «На следующий день после первых демократических выборов (и, следовательно, после неизбежной смены правительства) Южная Африка останется той же страной, что и накануне»¹³.

Действительно, не произошло даже люстрации — почти все государственные служащие, прокуроры, судьи, полицейские, солдаты времен апартхеида сохранили свои рабочие места. Тем более нужно было отвлечь людей, показать, что прошлое не канет в Лету, что наследие зла не будет забыто. Нужен был некий суд истории. Пусть даже во многом показательный. «Обменять правду на справедливость», — как говорили многие.

Официально главной целью Комиссии было «примирить Южную Африку с ее часто ужасным прошлым, исцелить ее путем раскаяния, исповеди и прощения». А чтобы прощать, нужно было, как считали создатели Комиссии, знать, кого и за что прощаешь.

Формально работа Комиссии опиралась на Закон о пропаганде национального единства и примирения (Promotion of National Unity and Reconciliation Act, No. 34 of 1995) 1995 г. Комиссия делилась на три комитета:

1. Комитет по амнистии. Он изучал поданные заявления с просьбой об амнистии за любые действия, бездействие или преступления, совершенные с политической целью в период с 1 марта 1960 года по 6 декабря 1993 года. Ключевым здесь являлся акцент именно на политических мотивах. Амнистия не могла быть дарована за преступления, совершенные по личным мотивам, из чувства расовой или иной неприязни.

2. Комитет по репарации и реабилитации. Должен был заниматься поддержкой жертв, а также «обеспечением исцеления, здорового существования». Для выплат компенсаций жертвам был создан Президентский фонд, финансируемый с помощью государственных и частных инвестиций. Однако на практике этого оказалось недостаточно (до настоящего времени многие жертвы компенсации так и не получили или получают в мизерном объеме), не говоря уже о психологической реабилитации, которая не предполагалась в принципе.

3. Комитет по нарушениям прав человека. Устанавливал, какие нарушения были совершены с 1960 по 1994 гг. на основании заявлений, поданных в Комиссию. Устанавливал имена жертв, преступников, масштаб нанесенного ущерба, являлись ли преступления преднамеренными и проч.

¹³ Slovo G. Revealing is Healing// New Humanist, 31 May 2007// <https://newhumanist.org.uk/articles/585/revealing-is-healing>

Первые слушания проходили в закрытом режиме. Но под давлением общественных организаций с 1996 года на слушания стали допускать журналистов с камерами (в том числе иностранных — Би-би-си, норвежское телевидение и др.). Южноафриканская радиокорпорация передавала происходившее по радио в переводе на 14 языков. На телевидении выходила специальная передача «Специальный репортаж о Комиссии правды». Вел ее известный журналист-африканер Макс дю Прииз. Велись прямые трансляции из зала заседаний Комиссии, за ними следили буквально все южноафриканцы, в домах которых были телевизоры.

За деятельностью КПП следила страна и весь мир. Южная Африка буквально наполнилась детальной информацией о прошлых травмах, насилии, убийствах, издевательствах физических и моральных. Часть этой информации, возможно, была и излишней (например, сколько часов тюремные служащие готовили барбекю из тела убитого черного). Многие рассказывали, что слушали рассказы жертв и палачей по радио в машине, останавливались и были не в силах сдержать приступы рвоты. Казалось, вся страна скорбела и плакала по своему ужасающему наследию.

Однако это не мешало многим с самого начала видеть изъяны и перегибы Комиссии. Африканерская пресса скоро окрестила КПП «Комиссией слез и лжи» (“crying and lying Commission”), намекая на то, что не только жертвы насилия, но и члены Комиссии много плакали (в первую очередь Туту) и часто искажали суть событий, как и те, кто просил об амнистии.

Строго говоря, Комиссия была несудебным органом, в своих решениях она не полагалась ни на действовавшее законодательство, ни на конституцию. Именно это было главным аргументом для родственников Стива Бико¹⁴, подавших иск на КПП в Конституционный суд. Они сочли, что Комиссия оставила причастных к его убийству без должного наказания. Дело Стива Бико, борца за права чёрных южноафриканцев, считавшегося основателем движения «чёрного самосознания» в Южной Африке, было одним из самых громких в деятельности Комиссии. И родственников можно понять. По сути, им дважды «плюнули в лицо». Первый раз — когда произошло убийство и министр юстиции, полиции и тюрем Джимми Крюгер заявил, что Бико умер в результате голодовки, добавив при этом, что Южная Африка настолько демократичная

¹⁴ Стив Бико (1946–1977) — борец за права чёрных южноафриканцев, считается основателем движения «чёрного самосознания» в Южной Африке.

страна, что даже заключенные могут сами выбирать, как им умирать¹⁵. И даже получив результаты расследования действительной причины смерти (тяжелые травмы головы, неоказание своевременной медицинской помощи), Крюгер сказал: “Dit laat my koud” («Это оставляет меня равнодушным»). Конечно, родственники Стива Бико хотели справедливого наказания. Показания тюремных служащих и медицинских работников тюрьмы, причастных к делу, транслировались в прямом эфире, как и рассказы родственников Бико. Но в итоге этот многосерийный фильм остался без какого-либо внятного финала. Все остались при своем. Амнистии не последовало, но в тюрьме никто не оказался. Конституционный суд апелляцию семьи Бико тогда не удовлетворил.

Наблюдая за работой Комиссии, многие задавались вопросами: какую истину она хочет выявить? Чья это будет истина? И какими методами будет получена?

В самом деле, вопрос «что есть истина» и как ее сочетать со справедливостью был решающим. КПП помимо «объективной, или фактической истины» признавала еще три других – «личную, или нарративную истину», «социальную, или диалоговую истину», а также «исцеляющую, или реституционную истину». В таком терминологическом разнообразии и заключалась одна из слабостей Комиссии: она по сути полагалась исключительно на слова как жертв, так и тех, кто желал получить амнистию за преступления. Дополнительной проверки практически не производилось. Да и возможно ли это было? КПП получила около 21 300 ходатайств от жертв преступлений, 38 000 заявлений о нарушениях прав человека и 7 127 прошений об амнистии. Если бы по каждому из этих случаев производилась тщательная проверка с привлечением других источников (а КПП заявляла, что так оно и будет), работа растянулась бы не на один десяток лет.

Из работ, посвященных работе КПП, можно составить целую библиотеку. Споры об ее объективности, о необходимости ее создания, пользе или бессмысленности, моральной и этической сторонах ее деятельности не утихают по сей день.

Выходило много воспоминаний и рассказов о Комиссии (иногда в сочетании с некоторой долей анализа) тех, кто так или иначе принимал участие в ее работе: создатели и члены комиссии, журналисты,

¹⁵ Apartheid enforcer sticks to 'farical' story on Biko killing // The Independent, London, Sep. 11, 1997 // https://web.archive.org/web/20071110010302/http://find-articles.com/p/articles/mi_qn4158/is_19970911/ai_n14132136

освещавшие процессы, и др. Среди наиболее известных из них: «Нет будущего без прощения» Десмонда Туту¹⁶, «Разоблаченная страна: внутри Южноафриканской комиссии по установлению правды и примирению» Алекса Борейна¹⁷, «Страна моего черепа: вина, печаль и границы прощения в Новой Южной Африке» Анки Крох¹⁸. Все эти книги написаны очень эмоционально. Книга южноафриканской писательницы, поэтессы и журналистки Анки Крох — это по сути репортажи из зала заседаний, подробные, точные, и интервью с участниками. Конечно, на нее, как и на многих других, происходившее и услышанное произвело неизгладимое впечатление. Она не могла поверить, какой невероятной жестокостью обладали представители ее народа. И Алекс Борейн, и Десмонд Туту признавали, что КПП сталкивалась с трудностями в вынесении решений, особенно в отношении амнистий, но безоговорочно признавали ее необходимость в процессе движения к мирному сосуществованию всех жителей Южной Африки. Как писал Борейн, «выявление правды не гарантирует примирения, но без нее оно точно невозможно».

Конечно, влияние Десмонда Туту и религиозной составляющей в деятельности КПП было значительным. Он постоянно напоминал в своих речах о вечной жажде любого человека переложить свою вину на кого-то другого (даже Адам и Ева всю вину переложили на змея, напоминал он), а также о целительной силе раскаяния и прощения. В книге «Нет будущего без прощения» он признавался:

«Мы, члены комиссии, так часто приходили в ужас от глубины разврата, в который могут погрузиться человеческие существа, и мы, большинство из нас, говорили, что те, кто совершал такие подлые поступки, были чудовищами, потому что поступки были чудовищными. Но религия не позволяет нам делать это. Религия напомнила мне, что каким бы дьявольским ни было это действие, оно не превращает преступника в демона. Мы должны были проводить разграничительную черту между деянием и исполнителем, между грешником и грехом, ненавидеть и осуждать грех, наполняясь состраданием к грешнику... несмотря на ужасность своих деяний, они остаются детьми Божьими, способными покаяться, быть способными измениться»¹⁹.

¹⁶ *Tutu D.* No Future Without Forgiveness. New York: Image books, 2000.

¹⁷ *Boraine A.* A Country Unmasked: Inside South Africa's Truth and Reconciliation Commission. Oxford University Press, 2001.

¹⁸ *Krog A.* Country of My Skull. Guilt, Sorrow, and the Limits of Forgiveness in the New South Africa. New York: Times Books/Random House, 1999.

¹⁹ *Tutu D.* No Future Without Forgiveness. P. 66.

Действительно, большая часть поколения, на чьих глазах происходили слушания КПП, верила в ее необходимость, в то, что чтобы не допустить повторения выявленных преступлений в будущем, надо откопать все трупы (что иногда происходило и буквально), открыть все раны, назвать виновных по именам.

Но существовала и широкая критика Комиссии. Пожалуй, самой честной и откровенной работой о деятельности КПП и ее результатах стала книга Энфии Джеффри «Правда о Комиссии правды»²⁰, опубликованная в 1999 году.

Она тщательно изучила все 5 томов отчетов Комиссии. Автор отдала должное Комиссии за то, что она обнажила многие зверства апартхеида, позволила жертвам рассказать их истории и достичь своего рода катарсиса, но в целом ее работа была по меньшей мере неудовлетворительной.

Руководствуясь странными определениями разного типа правды, комиссия рассмотрела 21 300 неподтвержденных заявлений, ни одно из которых не было проверено в ходе перекрестных допросов и менее 10 % которых были даны под присягой. Кроме того, ей нужно было проверить 7 127 заявлений об амнистии. Комиссия и сама разыскивала пострадавших. Но потом все внимание было направлено на расследование 9980 убийств. Из них, по заключению Комиссии,

- в 2700 убийствах виноватой была признана полиция,
- в 1300 – АНК,
- в 4500 – Инката,
- а 1480 так и остались необъясненными.

Кроме того, изначально стоял вопрос о легитимности Комиссии. Апартхейд еще в 1973 году был признан Генеральной Ассамблеей ООН и Международным уголовным судом преступлением против человечности. А по международному законодательству нельзя даровать амнистию за такого рода преступления (известный слоган: «нет амнистии, нет амнезии, только закон» – «*no amnesty, no amnesia, just justice*»). Но Конституционный суд ЮАР все же смог провести закон о создании Комиссии.

Еще один основополагающий принцип критики Джеффри – признание большинства конфликтов и преступлений расовыми (угнетение белыми черных, справедливая борьба черного большин-

²⁰ Jeffery A. The Truth about the Truth Commission. Johannesburg: South African Institute of Race Relations, 1999.

ства против преступного правительства белых). Но в 1984–1994 гг. большинство убитых были черными, и погибли они в основном от рук своих чернокожих сограждан. Сама Джеррри написала об этих событиях отдельную книгу «Народная война»²¹.

КПП рассматривала по сути две возможных причины такого количества жертв:

1. Конфликт был порожден и стимулировался правительством с помощью «третьей силы» (информаторы, сообщники режима, агенты), которая дестабилизировала АНК.
2. Жесткая природа режима апартхеида и жесткие методы его установления, и как результат — порождение ответной жестокости общества, вылившуюся в «народную войну».

КПП выбрала первую причину, переложив при этом чуть ли не всю вину на Инкату как сообщника режима. О другой причине было забыто. КПП имела целью не только обнаружить правду, но и написать историю, санкционировать лишь один взгляд на нее, тот, который перейдет в школьные учебники.

Безусловно, многое зависело и от состава Комиссии, где явно преваляли сторонники АНК. Отсюда и предвзятый подход, который явно прослеживался при рассмотрении дел. Вина членов АНК зачастую преуменьшалась. Вообще очень активно обсуждался вопрос, нужно ли членам АНК подавать прошения об амнистии за убийства и другие преступления, совершенные во время борьбы против апартхеида.

Так, Мэтьюз Поса (*Mathews Phosa*), бывший тогда премьер-министром Мпумаланга, в 1996 году заявил: «Складывается неправильная тенденция сравнивать борьбу с апартхейдом с теми, кто его (апартхейд) осуществлял... Членам АНК нет надобности подавать заявления об амнистии за совершенные ими законные действия в борьбе с режимом апартхеида»²².

Члены Инкаты, главного соперника АНК, изначально отказались участвовать в деятельности Комиссии, считая ее предвзятой. Однако они подали заявление о рассмотрении дела об убийстве более 400 членов Инкаты отрядами АНК. Но прошение рассмотрено не было. А сам Мангосуту Бутелези был признан чуть ли не главным преступником, провоцировавшим насилие. Бутелези

²¹ *Jeffery A. People's War: New Light on the Struggle for South Africa.* Jonathan Ball, 2009.

²² Phosa slams Giliomee in apartheid battle// Mail and Guardian, 01 Nov 1996// <https://mg.co.za/article/1996-11-01-phosa-slams-giliomee-in-apartheid-battle>

(как Питер Бота, бывший президент ЮАР, и Винни Мандела, жена Нельсона Манделы) на процессе отказался просить об амнистии взамен на раскрытие всех деталей преступлений. «Если я совершил что-то противозаконное, то пусть государство судит меня», — сказал он.

В 2012 году Бутелези написал статью «Почему Комиссии правды и примирения не удалось достичь примирения»²³. В ней он объяснял, почему, с его точки зрения, опыт Комиссии не стоит перенимать и продолжать. Считалось, пишет он, что если насильник взглянет в глаза своей жертве, то его пронзит острое чувство вины и уважения к боли жертвы. В это хочется верить, пишет Бутелези, только все мы знаем из опыта, что большинство насильников спокойно смотрят в глаза своим жертвам. Во многом потому, что они были знакомыми или даже членами одной семьи. И вскрытие ран последних 18–20 лет, говорит он, не может объяснить, почему же страна находится в таком бедственном положении сейчас. Не рассматривалось, как правило, и насилие черных против черных, что продолжает быть частью жизни Южной Африки. Бедность, низкий уровень образования, высокий уровень преступности, коррупции, безработицы — все это продолжает ущемлять права каждого человека, несмотря на «очищение» путем раскаяний и прощений.

И никакого примирения тоже не произошло, пишет Бутелези. Потому что люди не доверяют друг другу, как и раньше. 60% считают, что «люди разных рас не доверяют и не любят друг друга»²⁴.

Сама идея начать некий открытый диалог в обществе, создание возможности спокойно сесть против друг друга, постараться услышать другую сторону, поделиться болью — безусловно, была очень достойной. Но на практике столкнулась с порой неразрешимыми трудностями. Не формального характера, но и психологического, морального. Есть несколько исследований, где анализировались механизмы принятия решений членами Комиссии. Например, большинство было склонно возложить больше вины на тех, кто отдавал приказы, нежели на тех, кто реально совершал эти преступления. Многие также склонны были сочувствовать целям преступления (например, борьбе против апарtheidа), оправдывая тем самым и средства. Играла роль и принадлежность к той или иной политической силе (если одно и то же преступление совершал член

²³ <http://www.politicsweb.co.za/politics/why-the-trc-failed-to-bring-about-reconciliation-->

²⁴ <http://www.politicsweb.co.za/politics/why-the-trc-failed-to-bring-about-reconciliation-->

АНК и член Национальной партии, то первый имел гораздо больше шансов на амнистию, второй — почти никаких)²⁵.

Опыт работы Комиссии правды и примирения является, безусловно, полезным как попытка решить мирным путем нарастающий конфликт в обществе, избежать самосуда или как возможность снять напряжение при смене режима. Очень интересна в этом отношении книга фотографий Джулиан Эдельштейн «Правда и ложь: истории из Комиссии правды и примирения»²⁶. Предисловие к ней написал Майкл Игнатъев, канадский историк и политик русского происхождения. Он довольно верно замечал:

«Крайне важно, чтобы прежние режимы [тоталитарные, авторитарные — *М.К.*] были показательно посрамлены за их аморальную сущность, чтобы эта сущность была установлена и показана в объективном процессе поиска и нахождения доказательств и фактов. Это исключит ностальгию. Одна из главных причин, почему демократические преобразования в России идут так тяжело, заключается в том, что миллионы людей продолжают предаваться ностальгии по имперскому величию советского периода. Следовательно, они верят, что будущее находится позади, в возвращении ко всей этой жестокости и репрессиям. Ностальгия устойчива, только когда опирается на систематическую ложь и безнаказанность для легионов мучителей, тюремщиков, палачей, доносчиков и аппаратчиков, которые являются винтиками аппарата террора, истреблявшего или сажавшего население более тридцати лет. Любое общество, которое позволяет своим мучителям уходить на почетную пенсию с медалями и пособиями, неизбежно за это расплачивается. И цена за это — бесконечное состояние ностальгии по тирании»²⁷.

Возможна ли подобная ностальгия после разоблачений, слез и ран, открытых во время работы Комиссии правды и примирения? Время показало, что да. Национализм и расизм не могут быть излечены так быстро, на это нужен не один десяток лет, опыт многих поколений, живущих вместе, бок о бок. Но возможно ли повторение апартхеида после этого? Едва ли. Так что все-таки Комиссия

²⁵ *Gibson J.L., Gouws A.* Truth and Reconciliation in South Africa: Attributions of Blame and the Struggle over Apartheid// *The American Science Review*, Vol. 93, No. 3 (Sep. 1999), pp. 501–517.

²⁶ *Edelstein J.* Truth and Lies: Stories from the Truth and Reconciliation Commission[®]. New Press, 2002.

²⁷ *Ibid.* P. 20–21.

внесла в такой мирный исход свою лепту, пусть и не столь значительную, как хотелось ее создателям.

Все же, нужно помнить, что в то время, когда КПП заседала, в Руанде происходил геноцид, где были убиты почти миллион человек. А в России, о которой упоминал Игнатьев, в событиях 1990-х гг. погибли сотни (а иногда говорят и о тысячах) людей. Случилось бы все это, если бы каждый из режимов заканчивался такой Комиссией, которая бы не наказывала, не сажала, не казнила, а предлагала стране вступить в открытый диалог между жертвами и мучителями? Если бы вместо насилия и коллективной амнезии была открытая общественная дискуссия?

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Но есть пример Южной Африки, где, при всех недостатках Комиссии правды и примирения, полного национального примирения может и не произошло и правда осталась у каждой стороны своя, но все же апартхейд не закончился кровавой расправой или гражданской войной. И хотя бы это дает возможность сказать, что южноафриканский пример может быть обдуман и даже в какой-то степени использован для решения внутренних проблем и противоречий в других странах мира.

Apartheid South Africa and the Peace Processes of 1988–1989 in the Southern African Region: Did the Leopard Change its Spots?

Colin Darch

In the two years, 1988 and 1989, observers noticed that the South African apartheid regime had apparently begun to abandon its aggressive policy of direct military destabilisation of neighbouring southern African states, and was instead sponsoring, either directly or indirectly, ‘peace processes’ in such diverse areas of conflict as Namibia, Angola, Mozambique, and even within its own borders. Despite some threatening noises from Pretoria, the elections for the ‘tricameral’ parliament that were held on 6 September 1989 – whatever their domestic significance – took place without any accompanying South African military raids on neighbouring countries. Such attacks had become an almost customary feature of apartheid elections over the previous decade. Were we witnessing in this moment the end of warfare and a genuine possibility of peace in southern Africa? The answer to that question remains, even with hindsight, complex and hedged about with reservations. Peace is never simply the absence of fighting, and even if it were, the subordinate question of *peace on whose terms* very much needed to be raised.

The apparent South African shift to an emphasis on diplomatic rather than military means to achieve policy objectives did not really represent a consequential change of strategic direction on the part of the Pretoria regime. Despite significant changes in the economic, social and political realities underpinning the South African system, the basic policy goals of a South African government under apartheid remained both the maintenance of white minority rule and South African regional hegemony. The whole southern African region needed to be made both safe and profitable for apartheid. The central problem for Pretoria was always how to reconcile the two¹.

The regime’s concept of the ‘Total Strategy’ – a complete mobilisation of economic, political, socio-psychological and military resources against

¹ Safe for apartheid might have meant simply flattening neighbouring majority-ruled states; but profitable for apartheid required that those states should constitute prosperous markets for South African exports.

a perceived Soviet/Communist threat – had first been developed in the mid-1970s, and was officially described in the 1977 Defence White Paper². By 1978 the Total Strategy had become state policy. The old hegemonic concept of a southern African ‘Constellation of States’ (CONSAS) was revived, in order to try to prevent other states from developing independent economic or foreign policies, and to ‘encourage’ them to break with the ANC, to moderate their own anti-apartheid rhetoric, and to maintain close economic links with South Africa. CONSAS was to include Rhodesia, South-West Africa, as well as Lesotho, Botswana and Swaziland, as well as the Bantustans, in a regional alliance dominated economically and politically by South Africa. The army and police were restructured and the military budget was increased by a factor of three over the decade. Indirect and clandestine government support for proxy forces destabilising Angola, Lesotho, Rhodesia, and Mozambique was stepped up, with close linguistic-cultural counterpart units introduced within the South African Defence Force, the SADF.

Last, and most importantly, P.W. Botha, as head of government from 1978, and General Magnus Malan (later Minister of Defence from 1980), acted to centralise decision-making and eliminate the political and bureaucratic infighting that had led to the scandals of John Vorster’s last years. This decision led them to set up what amounted to a parallel infrastructure of government, the National Security Management System (NSMS), a highly centralised and hierarchical network of decision-making committees which ‘complemented’ civil government throughout South African society. The NSMS was headed by the State Security Council, while lower echelons were made up of Joint Management Committees (JMCs). At all levels, military and security participation was guaranteed³.

However tattered it might have been by the late 1980s, the Total Strategy remained official policy, and was still the most important analytical framework for understanding the logic of South Africa’s regional

² ‘We are today involved in war whether we like it or not. It is therefore essential that a *total strategy* [be] formulated at the highest level.’ See Republic of South Africa, Dept. of Defence, *White Paper on Defence, 1977* (Cape Town, 1977) p. 7 ff. Emphasis added.

³ For detailed contemporary analysis of the NSMS, see especially the work of Annette Seegers, e.g. ‘Extending the security network to the local level,’ in C. Heymans and O. Totemeyer (eds.), *Government by the people?* (Cape Town: Juta, 1988); an amended version of the same paper in *Politeia* vol. 7, no. 2 (1988); and various conference papers. There were over 500 JMC structures (James Sanders, *Apartheid’s friends: the rise and fall of South Africa’s secret service* [London: John Murray, 2006], p. 228).

actions⁴. But the Total Strategy could not simply be reduced to a problem of South African destabilisation, or military and economic aggression. Bureaucrats may have spoken of incentive levers and disincentive levers, but in ordinary language the country fell back to the old cliché of the carrot and the stick. In the late 1980s the apartheid regime was moving away from a prolonged 'stick' phase, with extremely aggressive operations of all kinds being mounted against neighbouring states, into a 'carrot' period, with diplomatic and economic incentives being offered instead. The key questions were, why was this so, and how to react?

The South African Economic Crisis

In the late 1980s, South Africa was facing a severe and multi-faceted economic crisis both domestically and internationally. This economic crisis was a facet of generalised political and social contradictions, and hence could not be resolved by economic measures alone. Nevertheless, the South African state seemed to perceive the economic breakdown as in some way separable from the political and social problems that it was confronting.

At that time, for structural reasons, South Africa's economic prospects were gloomy. Output growth had been falling steadily since the 1960s, from an average of five percent in that decade, to an average of three percent in the 1970s and down to one percent per annum since 1980. Despite a net emigration rate, white unemployment doubled in the 1980s, to a figure around four percent; among black workers, whose numbers were growing at four percent a year, unemployment then averaged 30 percent, with much higher rates in some areas. Personal and corporate savings had been falling steadily since the 1970s, and in 1985 and 1986 capital outflow had been estimated at US\$5 billion yearly. There was a multiplicity of other negative indicators⁵.

⁴ By far the most influential analysis produced at the time was Rob Davies and Dan O'Meara, 'Total Strategy in Southern Africa: an analysis of South African regional strategy since 1978,' *Journal of Southern African Studies* vol.11, no. 2 (April 1985), p. 183-211. For a factual update from the same period see Colin Darch 'South Africa and the Total Strategy in the late 1980s: an overview' (Paper presented to the 4th International Conference on Peace and Security in Southern Africa, Arusha, Tanzania, 23-30 July 1988).

⁵ For a pessimistic contemporary analysis of South African economic prospects at this time and their probable regional impact, by a senior economist at the World Bank, see Chandra Hardy, 'The prospects for growth and structural change in southern Africa,' *Development Dialogue* no. 2 (1987), p. 33-58. For a modern overview of

However, entering the 1990s, South African economic decision makers were faced, not only with the chronic structural problems which they had been dealing with for years, but with two major upcoming events which were to have unforeseeable outcomes. These were the political and financial struggle over the June 1990 rescheduling of South Africa's foreign debt, and the impact of the formation of a single European market in 1992.

The Debt Crisis

In mid-1985, during the political and financial crisis which led, among other things, to the imposing of the State of Emergency, several US banks, including Chase Manhattan, withdrew credit lines to South Africa, mainly for reasons to do with domestic political pressure in the US. South Africa, which at that time had a total foreign debt of US\$24 billion, unilaterally declared a moratorium on the repayment of about US\$14 billion of that sum. The standstill did not apply to trade credits or borrowings from the IMF or the Club of Paris. By early 1986, negotiations with the commercial banks whose repayments had been frozen led to a rescheduling which essentially extended the deadline from 1985 to June 1987.

In March 1987, the South African government signed a three-year rescheduling agreement which was due to expire on 30 June 1990. Under the new agreement South Africa had to repay US\$1.4 billion of the US\$13 billion which was still outstanding from the frozen repayments. However, and here lay the crux of the matter, in 1989 Pretoria still owed US\$10 billion outside the so-called 'standstill net,' and it was not known how much of the second amount would mature in 1990, nor how much would be rolled over⁶. Nevertheless, the temporary arrangements made in 1987 gave Pretoria a breathing space and allowed the regime to continue to support the artificially high living standards of the white minority, while the main weight of the economic crisis was borne by the black population. In addition, total debt fell at this time to about US\$21.2 billion, partly as a result of the solidity of the dollar against European currencies.

The arrangements with the commercial banks were due to expire in June 1990 while the regime negotiated with the banking groups led

monetary policy, see e.g. D. Goedhuys, 'South African monetary policy in the 1980s: years of reform and foreign financial aggression,' *South African Journal of Economic History* vol. 9 no. 2 (2012), p. 145-164.

⁶ *South Africa: country profile 1989-1990* (London: Economist Intelligence Unit, 1989), p. 49.

by British finance houses, to arrive at a more permanent agreement. The main interest in the commercial debt was held by British banks, with other major players from West Germany, Switzerland, France, the US and Japan. Almost all other Western countries were involved on a minor scale, however: the list included banks from Austria, Belgium, Canada, Denmark, Finland, Greece, Hong Kong, Ireland, Israel, Italy, Luxembourg, the Netherlands, New Zealand, Norway, Portugal, Singapore, Spain and Sweden⁷.

The South African government needed to slow the domestic economy down, in order to generate the necessary surplus on the current account of the balance of payments, if it was to stand any chance of making the necessary repayments⁸. However, it faced in addition a coordinated campaign by European and North American anti-apartheid activists, together with South African churches and trade unions, who sought to put pressure on Western banks and governments. They were demanding, not only that existing South African debt should not be rescheduled, but that there should be a ban on new loans, whether short-, medium- or long-term; that there should be an end to state credit guarantees; that trade credits should be prohibited; and that sanctions should be applied against coal and gold from South Africa⁹. These complex and technical issues were always likely to be decided at a political level, with the danger that pressure on South Africa's financial managers might cause them simply to declare a default. In such a case, retaliatory confiscation of South African assets overseas would have been highly probable¹⁰.

South Africa, the EEC and 1992

The anticipated achievement of a single European market in 1992, sometimes tagged 'EC92,' was even more of an imponderable from the South African point of view in the late 1980s than the debt rescheduling. The single market of 1992 would have a population of 323

⁷ *AWEPAA News Bulletin* no.25 (October 1989), p.7.

⁸ 'Surplus on the current account' is the difference between exports and imports after subtracting interest and dividend payments. South Africa's current account surplus at this time was estimated at US\$2-3 bn., but might have run as high as US\$ bn. if stringent rescheduling had been imposed. See 'South Africa: the bankers' hand,' *Africa Confidential* vol. 30, 00. 20 (6 October 1989), p. 6-7.

⁹ *AWEPAA News Bulletin*, loco cit.

¹⁰ For a non-technical if conservative analysis of the issues involved, see 'South Africa: the bankers' hand,' op.cit.

million people, a combined GDP of US\$4.7 trillion and would include three out of South Africa's top five trading partners at that time. Eight of the then twelve EC member countries were among South Africa's top 15 trading partners¹¹. The EC as a whole accounted for well over half of South Africa's external trade. The EC's importance in world trade was then greater than the US or Japan; its external exports (i.e., not including internal community trade) accounted for 20 percent of world trade, against a US share of 15 percent and Japan's 9 percent. The question was whether the consolidation of a relatively large number of South Africa's major trade partners into one market would represent a golden opportunity for the regime, or whether it would, on the contrary, open up a 'window of vulnerability'¹².

EC92 was an imponderable partly because it was then not fully understood even by the governments who were building it. There were initially fears that it would represent a new kind of protectionism, but these worries disappeared with the publication of a detailed programme of some 300 directives for the project. Nevertheless, there was much grand rhetoric and little hard fact, and as one observer commented at the time, 'Within Europe and beyond, the ultimate goal of the [...] project remains a mystery. It is less than some outsiders feared [...] but more than some insiders expected'¹³.

There were two key questions about EC92 and its direct impact on South Africa. First, to what extent would the new market extend its internal free trade philosophy to the rest of the world, on GATT-style principles?¹⁴ Of course, an EC92 open to external imports would constitute one of the most fiercely competitive markets in the world, and there was no guarantee, from the South African point of view, that its products would be cost-effective in such an environment. Second, would EC92 adopt political measures (sanctions or other steps) towards the white minority regime?

¹¹ *Africa News* (August 1989), p.12, quoting the then still unpublished 'Hanlon report', *South Africa: the sanctions report, prepared for the Commonwealth Committee of Foreign Ministers on Southern Africa* (London: Penguin Books and James Currey, 1989).

¹² On the nature of the single market in general terms, see the special supplement by Nicholas Colchester, 'Europe's internal market,' *The Economist* (8 July 1989); for a conventional banker's view of the implications for South Africa, see 'The European Economic Community's vision for 1992: implications for South Africa and lessons to be learnt,' *Standard Bank Economic Review* (August 1989), p. 1–3.

¹³ Colchester, op.cit., p. 5.

¹⁴ The General Agreement on Trade and Tariffs was the legal framework for international trade in place from 1947 until the establishment of the World Trade Organisation (WTO) in the late 1990s.

It seemed likely that the answer to the first question could be summed up in the single word 'reciprocity.' In other words, EC92 would probably open up to other countries, in return for their opening up their own markets to EC exporters. In addition, however, external imports would have to meet stringent quality and safety standards defined by the central bureaucracy in Brussels. It was unclear in the late 1980s whether domestic South African producers would have the will or the means to adapt domestic production to such technical requirements within a short timeframe.

The answer to the second question was also still indeterminate, but Pretoria was already showing concern about its possible implications. A common trade policy implied a minimally common set of political positions. Would the EC cut off trade and financial relations with South Africa, possibly on the basis of a majority decision in the European Council of Ministers (i.e., against Mrs. Thatcher's opposition). Such a decision might even be framed in fairly tough terms, and would be much more likely if South Africa was perceived as a repressive police state under a semi-permanent State of Emergency.

These concerns were noted in the corridors of official Pretoria, and signs of a much more public-relations-conscious South Africa were emerging in these months and years. But there was yet another aspect of EC92 which was worrying policy makers in South Africa. The Thatcherite and Reaganite vision of a world trend away from central planning and state economic controls, of large open markets, had caught the imagination of economists in South Africa as well as in the US and Great Britain. Not only was it vital, from their point of view, that they should not be cut off from the opportunities of EC92, but it provided an ideological justification for a reconstructed hegemony in southern Africa as a whole. South African bankers waxed lyrical at such a prospect:

The southern African region is in the throes of attaining peace for the first time in many years: if the remaining political obstacles could be overcome, significantly greater regional co-operation among all southern African countries would be possible [...] the economic rationale behind such cooperation would be the attainment of greater economies of scale, the exchange of goods and services without costly bureaucratic barriers, the creation of an efficient financial system and the generation of additional wealth for all'¹⁵.

But to bring this about as an updated version of CONSAS, in which the markets of the Southern African Development Coordination

¹⁵ 'The European Economic Community's vision for 1992', op. cit., p. 3.

Conference (SADCC) region¹⁶ would help to rescue the South African economy from its own structural crisis, certain questions (the ‘remaining political obstacles’) needed to be removed from the agenda. The first of these was Namibia.

Namibia: Staying On Track

Of all the various ‘peace processes’ underway in the southern African region, by 1989 the only one to have reached the status of a negotiated settlement was the question of Namibian independence. Why did South Africa sit down at this particular negotiating table, and how, despite several near-collapses, did this particular negotiating process eventually produce an agreement? The peace process that led to the transitional phase in Namibia and to eventual independence can be traced back through different attempts by the parties involved to come up with acceptable formulae to put an end to the fighting. But the real beginning of the process which led to the Brazzaville Protocol of December 1988 on the withdrawal of Cuban troops, and the subsequent New York Accords on Namibian independence in the same month was earlier, when the Angolan government put forward proposals on 4 August 1986 for an agreement between Angola, Cuba, South Africa and the South West African People’s Organisation (SWAPO). It should be noted that SWAPO was not brought into the process which led to the Namibian transition, despite its recognition as the legitimate representative of the Namibian people by both the United Nations and the Organisation of African Unity (OAU), and its special status as a liberation movement engaged in armed struggle. In this respect, the negotiations were seen as a victory for South Africa¹⁷.

The US government did not react for nearly a year, until July 1987, when they produced a counter-proposal to the Angolan document at a meeting in Luanda. The main US preoccupation at this time was with ‘linkage’ – getting Cuban troops out of Angola. In September 1987, there was further discussion of the US counter-proposal of July, at a US-Angolan meeting in Brussels. But the most significant breakthrough occurred in January 1988,

¹⁶ SADCC, now the Southern African Development Community (SADC), was an economic grouping set up in Lusaka, Zambia, in April 1980. The nine original members were Angola, Botswana, Lesotho, Malawi, Mozambique, Swaziland, Tanzania, Zambia and Zimbabwe.

¹⁷ There was reportedly some pressure from South Africa for the inclusion of UNIT A as well, and South African analysts felt that Savimbi’s exclusion was a disastrous ‘weak link.’ (*Financial Mail*, 9 September 1988).

when two meetings were held between US and Angolan representatives in Luanda. At the second, Cuban representatives were present for the first time. Agreement was reached to continue with the negotiation process; in broad terms the Cubans agreed to leave Angolan territory if the SADF left as well, and if South Africa stopped aid to UNITA¹⁸. But at this point, Pretoria was still not directly involved in the talks.

In the meantime, the Angolan army (FAPLA) had launched a major offensive in August-September 1987, with the objective of taking the important town of Mavinga, in the south-eastern province of Cuando Cubango. A joint SADF-SWATF-UNITA¹⁹ counter-offensive halted the Angolans and forced a withdrawal to Cuito Cuanavale, where the Angolans dug in. By January 1988, the South African air force had lost air superiority, and a deadlock had developed, to resolve which the South Africans fell back on artillery bombardment with long-range guns. When even this failed to break the standoff, it became clear that a 'swift, surgical strike' was not going to take place. With its troops bogged down and no end in sight, Pretoria was at a considerable strategic and diplomatic disadvantage²⁰.

Against this background, on 9–11 March 1988, another meeting took place in Luanda, with US, Angolan and Cuban participation. The Angolans and Cubans presented a draft document to the US, for eventual approval by Angola, Cuba, South Africa and SWAPO. This second attempt to secure SWAPO participation also failed. The draft dealt with Angolan security, Namibian independence, and peace in both countries. A few days afterwards, on 14 March, the South African Foreign Minister R. F. 'Pik' Botha and the US secretary for African affairs, Chester Crocker, met in Geneva to 'explore the possibility of peace for south-western Africa'²¹.

¹⁸ UNITA – the National Union for the Total Independence of Angola.

¹⁹ SWAFT (the South West Africa Territorial Force) was in essence a branch of the South African Defence Force (SADF).

²⁰ For an analysis of the implications of the battle of Cuito Cuanavale, see Centro de Estudos Africanos, 'The Cuito Cuanavale syndrome: some notes on Pretoria's tactical and strategic options after the Angola debacle,' *Southern Africa Dossier* no. 40 (October 1988), p. 1-17. See also Fred Bridgland, *Cuito Cuanavale: twelve months of war that transformed a continent*, rev.ed. (Cape Town: Jonathan Ball, 2017). Analysis of the Angolan campaigns from multiple national perspectives can be found in Ian Liebenberg, Jorge Risquet and Vladimir Shubin (eds.), *A far-away war: Angola 1975-1989* (Stellenbosch: SUN Press, 2015).

²¹ See Chester Crocker, *High noon in Southern Africa: making peace in a rough neighbourhood* (Johannesburg: Jonathan Ball, 1992), p. 377-391; and Theresa Papenfus, *Pik Botha and his times* (Pretoria: Litera, 2010), p. 564-566.

By now the ball was rolling and even gaining momentum. On 3–4 May 1988, the first quadripartite meeting was held in London, with direct South African participation for the first time. The South African delegation was led by the foreign affairs department's Neil van Heerden. The South Africans offered independence for Namibia in exchange for a Cuban withdrawal within four years. The communiqué issued after the talks referred to 'progress' at the meeting. Within a couple of weeks, on 13 May 1988, the Angolans and a much higher-powered South African delegation, led this time by R.F. 'Pik' Botha and Magnus Malan, met alone in Brazzaville to clarify certain issues. Both sides left pronouncing themselves 'satisfied.'

But several weeks later at the second quadripartite meeting in Cairo on 24–26 June, chaired by Chester Crocker, progress halted and the talks failed to move forward. The Angolan delegation, which was led by foreign minister Afonso van Dunem 'M'Binda', blamed Pik Botha. Botha had confined himself to an analysis of the general situation in south-western Africa and to comments on democracy but had refused to discuss concrete issues. Nonetheless, the principles for a settlement were written down for the first time.

The next meeting was better prepared. On 11–13 July, the third of the quadripartite meetings, held on Governor's Island in New York, reached agreement on a 14-point document outlining the principles for a peace agreement. The main points included implementation of United Nations Security Council Resolution 435 on Namibian independence; cooperation with the UN; a Cuban troop withdrawal from Angola; recognition by all parties of the sovereignty of their neighbours; a ban on the use of national territories as launching points for acts of aggression; the recognition of the US as a mediator; and recognition of Namibia's right to self-determination.

A week later, on 20 July, the four countries formally ratified what became known as the New York agreement. On 22–23 July military representatives of the four countries met in Cape Verde to discuss technical and concrete aspects of the agreement, and on 2–5 August, Angola and South Africa agreed in Geneva to suspend military hostilities.

But the signing of the New York agreement was still only a step along the path to a real treaty. At the quadripartite meeting in Brazzaville on 24–26 August, a calendar for a Cuban troops withdrawal was mooted for the first time, and a draft protocol dealing with the issue was drawn up for later approval. On 27 August 1988, under the Geneva agreement, the last SADF troops left Angola, and a joint border monitoring commission

with FAPLA, SADF and Cuban participation was set up. However, after another meeting in Brazzaville in the first week of September, the leader of the South African delegation, Neil van Heerden, commented angrily that Cuba and Angola wanted war, while South Africa wanted peace. The talks had been frank, he said, with 'genuine differences of opinion.' By this time, the world was watching, and beginning to believe that genuine results were in the offing. On 21–22 September, United Nations Secretary-General Perez de Cuellar visited South Africa and Namibia, where he met with all the Namibian internal parties, in an attempt to build confidence in the peace process.

After the third Brazzaville meeting on 26–29 September, the US delegation believed that progress was being made, and Angola announced that the sides were 'on the threshold of an agreement.' However, the Brazzaville Protocol was still not formalised. At this point, in early October, Chester Crocker convened informal tripartite talks. After serious horse-trading, Angola and Cuba upped the period for a Cuban withdrawal to 30 months; South Africa and the US still wanted a two-year time-span. Agreement seemed near. Eventually, final agreement was reached in Geneva on 13–15 November. The Namibian independence process was to begin in seven months and a Cuban withdrawal was to be completed within 27 months.

In late November working groups from Cuba, Angola and South Africa met to finalise the text of the proposed Brazzaville Protocol. But in early December, a senior South African delegation, including Pik Botha and Magnus Malan, left Brazzaville, refusing to sign the Protocol. The South Africans had come up with a new demand, for places on the commission to verify the Cuban withdrawal, despite the fact that they had agreed to the principles in New York in July. After two weeks, however, things had calmed down again, and the South Africans returned to Brazzaville on the 13th and finally initialled the protocol, setting Namibian independence for November 1989 and the end of June 1991 for a complete Cuban military withdrawal from Angolan territory.

On the 22 December 1988, the Brazzaville Protocol was signed by Cuba, Angola and South Africa in New York, and acquired the legal status of a treaty. The starting date for the implementation of United Nations Security Council Resolution 435 was set for 1 April 1989. Angola and Cuba also signed a bilateral agreement on the withdrawal of an estimated 50,000 Cuban soldiers.

Why did this tortuous process, threatened at so many points along the way by South African obduracy, in fact stay on course? There were several factors involved, all of which must be considered in the context

of South Africa's internal crisis already described. It was clear even at the time that the defeat of the SADF at Cuito Cuanavale was of great importance in determining a shift in the South African government's perception of the nature of the war in south-western Africa. Some analysts have argued from a formalistic viewpoint that the SADF did not suffer a defeat on the battlefield. According to this version, the SADF, facing a full-size conventional army, and using the best equipment available to it, failed to defeat the combined Angolan-Cuban forces, but was itself not beaten. However, the escalating costs of the war meant that in 1988 defence spending had risen by 22 percent to R8.2 billion, representing 15 percent of total government spending. If such high levels of expenditure could not produce victories, they were difficult to justify, and public opinion polls at the time reflected first opposition to further increases in military spending and second support for negotiations, even with SWAPO if necessary²².

Social costs were also a significant factor. South Africa itself admitted to 50 white casualties in the Angolan campaign, and it has been convincingly argued that a political decision was taken during the battle at Cuito Cuanavale, rejecting the idea of an infantry attack which might have involved as many as 300 more deaths²³. But if white soldiers could not be committed on the battlefield, and if black soldiers could not be entrusted with the task of defending apartheid, of what use was it to consider a military option?

The international context was also changing. The imminent end of the Reagan presidency meant that there was no longer any guarantee that a future US administration would continue to support the Cuban-linkage issue, a keystone of South African policy. Under Gorbachev's leadership, the Soviet Union had adopted a policy of supporting the settling of local conflicts by peaceful means. The presence of a Soviet delegation at the negotiations was important in convincing the Cubans and the Angolans of the viability of the solution. There were changes in the balance of forces within the South African government itself. It must be borne in mind that there was no serious disagreement within the South African government – until much later – about the policy objective of maintaining white rule and South African regional dominance. Nevertheless, although the hoary old division of Pretoria's decision-makers into the 'securocrats' of the military establishment, and the doves of Foreign Affairs was much

²² *Southscan* (10 August 1988).

²³ Thomas Ohlson, 'South Africa and its neighbours: regional strategies in confrontation,' (Paper for the IEEI/CEA Symposium on Development, International Relations and Regional Integration in Southern Africa, Lisbon, October 1989), p. 8.

criticised, it did represent, in however schematic a fashion, a genuine contradiction within the ruling white elite²⁴. The failure of the military to deliver a decisive victory in southern Angola made the diplomatic project, with the objective of buying time, viable again.

It was no surprise when Pretoria began to use various ‘dirty tricks’ to prevent SWAPO from winning the two-thirds majority needed in the Constituent Assembly to be able to draw up a constitution. South Africa’s difficulty was to prevent a fully ‘free and fair’ election (which would certainly result in a SWAPO victory), while at the same time producing a result which would be minimally acceptable to the world community. An independent Namibia recognised only by South Africa, and entirely dependent on Pretoria, was not the goal of the exercise. Indeed, it was entirely possible that a SWAPO government, widely recognised and receiving multilateral aid, but still inside the Rand monetary area and SACU, and without Walvis Bay and hence transport independence, would have been satisfactory from Pretoria’s point of view.

In these circumstances, the question remained, peace and independence on whose terms? A Namibian independence which did not allow a future Namibian government full freedom to develop its own economic and social policies, would still have been Namibian independence on apartheid’s terms.

Angola: psychodrama at Gbadolite

Once the question of Namibian independence had been, if not settled, then at least unblocked, it was obvious that pressure would be mounted for the MPLA-PT to reach some kind of agreement with Jonas Savimbi’s UNITA. This ‘bandit’ movement operated with great ferocity and barbarity but had certain distinct differences from – one might almost say advantages over – the Mozambican RENAMO (originally the MNR)²⁵. Whereas RENAMO was founded by the white Rhodesian intelligence services in the mid-1970s, UNITA had been set up by a black Angolan nationalist in the 1960s. Whereas RENAMO only came into existence after independence was won, UNITA had its fighters in the field during the armed struggle for national liberation. UNITA was also a signatory,

²⁴ As Ohlson pointed out, it is an error to associate individual personalities too closely with such polarised positions. In fact, individuals occupied different positions along the spectrum at different times and on different issues. *Ibid.*, p. 11.

²⁵ The Resistência Nacional Moçambicana, abbreviated as RENAMO, was known earlier by the English abbreviation MNR, for Mozambique National Resistance.

together with the MPLA and the FNLA, to the Alvor Agreement with Portugal, which set up a tripartite transitional government of the three groups in 1975, and which was never formally revoked. There could be no question, therefore, of the MPLA denying the existence of UNITA as a *political* entity.

Above all, however, UNITA had Jonas Savimbi. Savimbi's physical appearance and his personality, to say nothing of his ambition, convinced many that his movement was a genuine nationalist grouping which deserved a say in the running of Angola. His well-documented alliance with the Portuguese army in the early 1970s, his undeniable – and undenied – South African connection, the fact that UNITA's programme boiled down to making Savimbi president and nothing else – all of these facts were brushed aside. UNITA received direct US military aid, and, such is the power of the appeal to anti-communism, was still receiving it as late as 1989²⁶.

Consequently, when President José Eduardo dos Santos of Angola shook hands with Jonas Savimbi at Gbadolite in north-eastern Zaire²⁷ on 22 June 1989 and agreed to a cease-fire, he was taking an important step in a process affecting not only his own country, but the whole southern African region. He was also running the risk of alienating important sections of support within his own Movimento Popular de Libertação de Angola – Partido do Trabalho (MPLA-PT).

The cease-fire of 24 June resulted from a meeting of eighteen African heads of state, hosted by Zairean President Mobutu Sese Seko. Unfortunately, it held for only six days before an explosion knocked out a high-tension power-line in Bengo province, plunging Luanda into darkness and bringing the MPLA delegation home from the continuation of peace talks with UNITA in Kinshasa. Despite defensive claims that the landmine explosion on 29 June was triggered by a grazing cow, intense diplomatic efforts were necessary in early July to get the talks moving again.

The prospect of peace, and Angola's good relations with the oil multinationals had attracted growing capitalist interest ever since the South

²⁶ There is an extensive literature on these historical questions. For a general history of Angolan political movements, see John Marcum, *The Angolan revolution. Vol. 1: The anatomy of an explosion, 1950-1962* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1969). A hagiographical study of Savimbi by the British journalist Fred Bridgland, who subsequently became disillusioned, nonetheless remains informative: *Jonas Savimbi: a key to Africa* (London: Hodder and Stoughton, 1986). A detailed indictment of Savimbi's imperialist connections was edited by William Minter, *Operation Timber: pages from the Savimbi dossier* (Trenton, N.J.: Africa World Press, 1988).

²⁷ Since 1997, Zaire has been known as the Democratic Republic of Congo.

Africa-Angola-Cuba peace pact on Namibia had brought the first glimmer of hope for peace in the region. In the late 1980s the Angolan economy was in serious crisis, although the country was even then the third most important US trading partner in sub-Saharan Africa. Revenues from oil sales to the US – around \$1.34 billion in 1988 – were being sucked up by the war. Despite an ambitious economic rehabilitation programme, the *Sanearmento Económico e Financeiro* (Economic and Financial Cleanup, also known as SEF) basic commodities remained hard to find for ordinary Angolans. Angola's national currency had been pegged at just under thirty *kwanza* to the US dollar since independence in 1975 but traded on a thriving black market at around Kz2,500 to the dollar. Despite all this, the MPLA maintained an excellent reputation with western oil firms as a reliable partner²⁸.

Competition for the right to revive the diamond mining industry was intensifying. The sector had once been the fourth largest gem diamond producer in the world, and in March 1989, Maurice Tempelsman, a politically-influential US businessman, signed a contract to buy US\$20 million-worth of Angolan diamonds per year. He expressed the hope that his contract would lead to more 'mutually beneficial examples of economic cooperation between our two countries.' Tempelsman was a frequent collaborator and sometimes a competitor to the South African diamond industry giant De Beers. De Beers also stepped in with a bid to market Angola's entire diamond output, potentially worth close to US\$2 billion a year.

All this depended on the success of the extremely vaguely defined cease-fire. If the agreement was successful, said one of the summit participants, President Robert Mugabe of Zimbabwe, it 'might serve as a model for a peaceful solution in Mozambique, although the situations differ'. Even Mozambique's President Joaquim Chissano conceded on his return home from the summit that 'in the end, nothing is impossible'. Despite the press fanfares, the peace accord arrived at during a summit of over one-third of the membership of the OAU consisted of little more than an agreement to stop fighting and begin talking.

It was the end result of a diplomatic process which had begun with an eight-nation meeting in Luanda in mid-May, to discuss Angolan government peace proposals. Until then, Luanda's policy towards UNITA had been limited to 'clemency and national harmonisation' under which

²⁸ The ironies were summed up in a cartoon showing Cuban troops protecting American oil installations from Chinese-trained guerrillas sent against them by the US. (*Nigrizia* [September 1989], p. 11).

rebels were invited to surrender to the authorities with a promise that no reprisals would be taken.

As African diplomatic initiatives gathered momentum, the US stepped up pressure by increasing supplies to Savimbi's UNITA, flying massive C-130 transports directly to a specially-built runway at the main rebel base at Jamba. At the end of May 1989, observers noted that a meeting of the MPLA's central committee had to be extended for an extra day to discuss the peace proposals, which were finally approved. Immediately before the Gbadolite summit, in what was seen as a good faith gesture, the Angolan government announced the release of 700 UNITA prisoners in Namibe province, under the official policy of 'clemency and national harmonisation'.

The summit meeting itself was marked by ambiguities. In an interview with Zairean and Mozambican journalists immediately after the meeting, Jonas Savimbi stated that the agreement was a 'victory for the Angolan people.' But, he added, 'the cease-fire is a process which has to be put into effect, you can't stop just by saying the word.' Savimbi went on to thank Mobutu for his efforts, saying that it was because of 'the trust which the sides have for President Mobutu, that we've been able to arrive at the present situation'.

Savimbi later denied reports that he had agreed to withdraw from political activity for two years, and, according to some versions, go to work for the MPLA government as a special counsellor on relations with the US. Nonetheless, it had been clear for some months that no settlement was possible without some kind of special treatment for the UNITA leader²⁹.

There was some irony in the way the cease-fire was suddenly agreed. José Eduardo dos Santos and the man he has described for 14 years as a South African-backed bandit were brought together by someone who had done as much as anyone to encourage Angolans to kill each other: Mobutu Sese Seko. In previous years, President Mobutu had allowed the United States to use his territory as its main staging ground for arms shipments to UNITA. But even before Angola became independent in 1975, Mobutu – often working in concert with the CIA – was intimately involved in the promotion of conflict in Angola. It is easy to be cynical about Mobutu's motives in 1989 and to attribute his actions to pressure from the Frontline States, or to a desire to improve his image as a corrupt dictator with the more wholesome persona of a peacemaker. But Mobutu's actions helped to determine the real prospects for peace. Washing-

²⁹ Southscan (8 March 1989); (15 March 1989).

ton announced that it would continue to ship weapons to UNITA until Savimbi had a more fully worked-out peace agreement with the Angolan government, while Mobutu faced strong pressure from the Frontline States to stop allowing the US use his territory to arm UNITA.

But ultimately peace depended, of course, on the Angolan belligerents, who took pains after Mobutu brought them together to emphasise – at least verbally – their determination to transform the cease-fire into a permanent settlement. After the destruction of the power-lines into Luanda (mentioned above), President dos Santos reaffirmed his government's commitment 'first, to guaranteeing that the cease-fire will be rigorously observed, and second, to creating the conditions for the [continuation] commission to carry out its tasks'. Many Angolans distrusted Savimbi, who had brought so much violence to their country. Dos Santos summed up this feeling just after the summit when he commented that 'We are all acting in good faith.' Pressed, he defined 'all of us' as meaning 'the Angolans who represent the Government'.

The role of the Angolan churches, which had sometimes seemed prisoners of stereotyping, was much less clear than in the Mozambican conflict. Some churchmen argued that there was little to choose (from their point of view) between the government and UNITA. In Angola, Protestant denominations tended to divide along ethnic lines. The Congregationalists, strong among Savimbi's Ovimbundu ethnic group (Savimbi's father served them as a lay missionary) tended to identify with UNITA, but Methodists were seen as closer to the MPLA. The Catholic hierarchy was bitterly anti-MPLA, though not publicly pro-Savimbi. At the Southern African Bishops Conference in Harare in September 1988, Angolan bishops clashed behind closed doors with their more liberal South African counterparts. Some of the Angolans shocked and annoyed the South Africans by insisting that Angola's Marxist MPLA government was worse for believers than South Africa's apartheid regime.

Rebuilding Angola's war-wrecked economy was seen as a task that would take many years. The UN estimated that the country suffered US\$17 billion in the destruction of physical infrastructure between 1975 and 1986. But economic reconstruction was likely to prove simple in comparison with the task of rebuilding the shattered lives of so many of the population. UNICEF reported in April 1989 that because of the war, Angola's under-five mortality rate had soared to over 325 per thousand, the highest rate in the world at that time, and equalled only by Mozambique's. Nevertheless, it was unclear when the stage of reconstruction would be reached, and in fact, after numerous violations, Savimbi unilaterally and simply declared the cease-fire to be

over, and UNITA resumed fighting³⁰. After that the intensity of the war increased, with ambushes and attacks on economic infrastructure all over the country³¹.

Some new initiatives were launched all the same. By the end of August, when it had become obvious that the cease-fire was not holding, a summit of the original eight African heads of state was held in Harare, which issued a communiqué admitting that the June agreement ‘had not been successful’. The communiqué stated that the main topics of the Gbadolite summit (which had not previously been made public) were the cessation of interference in the internal affairs of Angola; the integration of UNITA elements into Angolan institutions; the 24 June cease-fire; Savimbi’s voluntary and temporary retirement; and the setting up of a commission under Mobutu Sese Seko³².

Later, speaking in Boston during a visit to the US, President Mobutu stated that a new cease-fire agreement had been drafted and was ready for signing. Hank Cohen, the US Assistant Secretary of State for African Affairs, said that the US was willing to provide technical implementation assistance, but would not become directly involved in any negotiations between the MPLA-PT and the UNITA movement³³. The Angolan government, however, having been once burned was twice shy and was only prepared to deal with UNITA indirectly, through third parties³⁴.

At the time, and in such a volatile situation the likely outcomes of such initiatives were unclear. But the determinant factor was the nature of the war in Angola, which was never essentially a civil war with its own internal dynamic, but a war motivated and fed from outside, from South Africa and the United States. If those countries had withdrawn their material support from UNITA, then the Angolan government might have been able to resolve the problem, which in the end was to continue until Savimbi’s death in battle in February 2002, thirteen years later. What was certain, even at the time, was that an agreement that had been conceived as a piece of political theatre to secure the financial position of the president of Zaire, had almost nothing to do with a true peace process.

³⁰ *La Libre Belgique* (25 August 1989).

³¹ On the intensified fighting, see *ANGOP News Bulletin* no.125 (14 August 1989) and no.126 (30 August 1989).

³² ZIANA-PANA despatch, Harare (22 August 1989), printed in *Summary of World Broadcasts*.

³³ *Summary of World Broadcasts* ME/0582 (9 October 1989), p. ii.

³⁴ *The Herald* [Harare] (6 October 1989).

Mozambique: negotiate what, and with whom?

The facts about the origins and causes of the RENAMO rebellion in Mozambique are well-known³⁵. The conflict was launched from Rhodesia in the mid-seventies, using a motley gang of escaped criminals and former Portuguese commandos, and was taken over and revamped by the South Africans in 1980, when Zimbabwe became independent under the ZANU-PF³⁶ government. The character of RENAMO changed only slowly: in certain specific local circumstances, RENAMO gradually won support from some rural social strata. On the question of continued South African support, William Minter concluded that ‘there was no dramatic change in the pattern of supplies, command or communications at any time from the assumption of South African control in 1980 until the end of 1988’³⁷.

When pressed to negotiate an end to the war with RENAMO, the FRELIMO³⁸ government in Mozambique consistently responded ‘Negotiate with whom? Negotiate what?’ These were not merely rhetorical questions to gain abstract debating points. RENAMO has regularly, throughout fourteen years of warfare, committed gruesome atrocities against the civilian population, including burning people alive in their houses, cutting off parts of their bodies, and instrumentalising children for these activities. As a result, by the late 1980s, not a single government in the world, including the South African, publicly admitted to supporting RENAMO.

Nonetheless, the idea of a negotiated end to the war in Mozambique had been floating around for some time. But the breakdown of the discussions in Pretoria which led to the four-point Pretoria Declaration of October 1984, when Mozambican government officials appeared for the first time on a public platform alongside RENAMO, put an end to any further possibility of public contact. In Pretoria, just as

³⁵ The publication in 1990 of Christian Geffray’s book *La cause des armes au Mozambique: anthropologie d’une guerre civile* (Paris: Éditions Karthala, 1990) marked the beginning of an attempt to analyse the war in terms of bad FRELIMO governance, citing especially misconceived agricultural policies and forced villagisation as the causes of conflict. This view minimises the external origins of the war and the determinant role of South African support. For a broad historical description of the character of the war and of the peace process, see Colin Darch, *A success story gone wrong? The Mozambican conflict and the peace process in historical perspective* (Maputo: Friedrich Ebert Stiftung, 2018).

³⁶ ZANU-PF – Zimbabwe African National Union – Patriotic Front.

³⁷ William Minter, *The Mozambican National Resistance (RENAMO) as described by ex-participants* (Washington D.C., March 1989).

³⁸ FRELIMO – the Mozambique Liberation Front.

the two sides had apparently been about to reach agreement on a ceasefire, a mysterious telephone call from Portugal to Evo Fernandes, then the secretary-general of RENAMO, led to the RENAMO's abrupt withdrawal from the talks³⁹. After that, the Mozambican position became, in the blunt words of one senior FRELIMO cadre, 'We talk to the organ-grinder, not the monkey'⁴⁰.

But by late 1988, it had become clear that war-weariness was emerging as an important factor in the 13-year-old conflict. In addition, the local Catholic hierarchy, which had for many years been advocating an end to what it had always insisted on terming a 'fratricidal' struggle between Mozambican brothers, was slowly coming round to the view that the war was in reality promoted from *outside* the country⁴¹. Nevertheless, at the Southern African Roman Catholic Bishops Conference in Harare in September 1988, Mozambican clerics argued strongly in favour of talks, and a confidential report was submitted to the meeting which unambiguously stated that peace was only possible if the government reached some kind of agreement with RENAMO⁴².

In early February 1989, the South African Foreign Minister, Pik Botha, revealed that he had suggested in December to George Shultz, then the US Secretary of State, that they initiate a Brazzaville-style peace process, with government agreement, in Mozambique. 'The idea is,' said Botha, 'if we could do it in the west, why can't we do it in the east?'⁴³ The US response was cool and formal, but immediate. A State Department spokesman emphasised that the first step would have to be 'an expression of interest' by the Mozambican government, and pointed out dryly that 'South Africa's long-standing relations with RENAMO give it the ability to play a constructive role in ending the conflict *if it is prepared to do so.*' [emphasis added]⁴⁴. A week later, RENAMO's spokespersons in Lisbon

³⁹ David Martin and Phyllis Johnson, 'Mozambique: to Nkomati and beyond,' in: Johnson and Martin (eds.), *Destructive engagement: southern Africa at war* (Harare: Zimbabwe Publishing House, 1986), p. 33–35.

⁴⁰ Martin and Johnson, op. cit., p. 41.

⁴¹ This position was openly stated for the first time in a pastoral letter from the Mozambican Catholic bishops published in April 1989. *The Tablet* (19 August 1989); *National Catholic Reporter* (1 September 1989).

⁴² This was gleefully reported in the rightwing Lisbon newsletter *África Confidencial* (15 October 1988).

⁴³ Capital Radio, Umtata, 1200 GMT, 1 February 1989, quoted in *Foreign Broadcast Information Service* (8 February 1989) FBIS-AFR-89-025; also *Washington Post* and *New York Times* (both 8 February 1989).

⁴⁴ State Dept. briefing by Charles Redman, reported in *The Herald* [Harare] (9 February 1989).

rejected the idea out of hand, saying that South African mediation was unacceptable since Pretoria had become 'an ally of the Mozambican government.' Only direct negotiations would serve⁴⁵.

At this point, the Mozambican government reacted with firmness and clarity:

If the object of the [proposed] negotiations is to reach a compromise between those willing to build a Mozambican nation – united, free, independent, democratic and prosperous – and those sponsoring a foreign project aimed at rendering unviable our society while institutionalising instability and crime, perpetuating exploitation and underdevelopment, such a proposal goes against the national interests and the survival of an independent nation.

On the other hand, as President Joaquim Chissano emphasised, if the objective was 'to reintegrate in the community those willing to renounce acts of destruction of our society on behalf of external forces, this approach appears to be acceptable'⁴⁶. In other words, the government was prepared to discuss the modalities of reintegration with RENAMO if the group renounced violence.

Chissano repeated this position even more emphatically in mid-March in Senegal, when he said that RENAMO as an organisation 'represents nothing'. The only negotiations possible, he reiterated, would be 'over the mechanisms for reintegrating the rebels into society'. After such reintegration, he added in a widely misinterpreted remark, former bandits might even be allowed to attend the FRELIMO Party's 5th Congress, due to be held in July. Some church leaders had been told that they would not be breaking the law if they contacted the bandits, he added, but this did not mean that the government was officially sanctioning their talks⁴⁷.

Shortly before this, US deputy assistant secretary of state for African affairs Charles Freeman had been dispatched to southern Africa for exploratory conversations, to see if a US role was feasible. Freeman had done much of the leg-work for the US during the Angolan-Namibian negotiations. He described his contacts as 'very encouraging' and added that both Mozambique and South Africa had now formally welcomed US intervention⁴⁸.

⁴⁵ *Windhoek Advertiser* (14 February 1989).

⁴⁶ *The Herald* [Harare] (16 February 1989).

⁴⁷ *The Herald* [Harare] (21 March 1989); *Southscan* (22 March 1989).

⁴⁸ *EASA: Trade and Investment in Eastern and Southern Africa* [London] (17 March 1989). There was confusion at this time. Some reports said that both South Africa and Mozambique had rejected US mediation (*Marchés Tropicaux et Méditerranéens*

The whole process then entered a phase of shuttle diplomacy, with affirmations, denials, and position statements emerging from all sides. The official South African Broadcasting Corporation (SABC) radio station broadcast a 'Comment' on 'Peace Moves on Mozambique', in which it was stated that

South Africa's role in the south-western African peace Initiative was not only vital – it was indispensable. Moreover, *it established finally South Africa's position as the regional power in southern Africa* [... Outside powers can play their role, but the final solution must be provided by the governments of southern Africa [emphasis added]⁴⁹.

Around this time, certain Zimbabwean members of parliament joined in what they perceived as a growing chorus of support for the idea of a negotiated settlement, voicing dissatisfaction among disparate social strata with Zimbabwe's costly military commitment to Mozambique. They were duly rebuked by the then defence minister, Enos Nkala⁵⁰.

By now, unwilling to leave the stage to the Americans, the British Prime Minister, Margaret Thatcher, was trying to get in on the act. On 23 March, Pik Botha flew into Maputo for his second meeting with President Chissano in less than six weeks and said he had come to exchange 'ideas on latest developments as regards the objectives of achieving peace in the region, and in Mozambique in particular.' He later said that the meeting had been 'most useful and positive,' and revealed that he had reported to Chissano on his talks on 'south-eastern Africa' (diplomatic code for Mozambique) with the British Prime Minister the previous week. It was hoped that Mrs. Thatcher's imminently forthcoming visit would mark the launching of a joint US-UK initiative⁵¹.

The Soviet Union's Anatolii Adamishin⁵² was in Maputo at the same time as Botha, practising what one Soviet scholar has characterised as 'shadow mediation,' that is to say, maintaining the need to settle regional disputes through political and not through military means, but otherwise going along in general terms with the other major powers. By the mid-1980s it had become clear that southern Africa was not a central area of

[24 February 1989)]; others insisted the process was under way (*Front File* vol. 3, no. 3 [March 1989] p. 1-2).

⁴⁹ See the SABC transcript, 'Peace moves on Mozambique,' (Johannesburg: SABC, 17 March 1989).

⁵⁰ *West Africa* (5-12 March 1989).

⁵¹ *Washington Post* (24 March 1989).

⁵² Adamishin later published a memoir in Russian, *Белое солнце Анголы* (Moscow: Vagrius, 2001).

concern for Soviet foreign or strategic policy. Nonetheless, the USSR did want to keep its options open, and to be part of the process⁵³.

In March the Mozambican government quietly circulated among sympathetic diplomats in Maputo copies of a 'non-paper' which listed 12 points for a possible settlement. The document stated unequivocally that the war was 'an operation of destabilisation which should not be confused with a struggle between two parties,' but while continuing with a tough political line, and insisting on an end to violence, it was conciliatory in other ways. It spoke cautiously of 'dialogue' with 'all individuals, including those who ... had been involved in violent acts of destabilisation.' But the document underlined that 'the first action should be to stop all terrorist and bandit actions'. The text was leaked to the press on 23 June and was finally presented as an official position paper at President Chissano's press conference on 17 July⁵⁴.

By this point, the momentum towards a peace initiative was considerable; the difficulties were with its actual content. In July it was reported again that high-ranking Catholic clerics were planning to meet with RENAMO chiefs, perhaps even with Afonso Dhlakama himself. It was rumoured that the Bishop of Beira, Jaime Gonçalves, an outspoken critic of FRELIMO in the past, was involved in the contacts, as was the Archbishop of Maputo, Alexandre dos Santos. Gonçalves in particular had come to see the nature of the war (and of the government) more clearly, and had gone on record just before the Pope's visit to southern Africa in September 1988 as believing that 'the era of religious oppression [by FRELIMO] is over'. It was this change in previously obdurate Catholic attitudes that created a climate for possible cooperation between church and state⁵⁵.

The long-awaited first meeting finally took place in Nairobi, following talks on 7 August 1989 between President Robert Mugabe of Zimbabwe and President Daniel arap Moi of Kenya, who had been named mediators by the Mozambican government and accepted as such by RENAMO. The two presidents endorsed 'the guidelines for the meeting' (the non-

⁵³ The view that southern Africa was peripheral to Soviet interests was eventually accepted even in the Pentagon. See *The Star* [Johannesburg; weekly ed.] (4 October 1989). I am grateful to Kyrill Usenkov of MGIMO (Moscow State Institute of International Relations) for the concept of shadow mediation as a characteristic of Soviet policy at the time.

⁵⁴ For the text of the 'non-paper' in Portuguese, see *Noticias* [Maputo] (18 July 1989). The official English translation appeared in the 'Dossier on the Peace Process in Mozambique,' *Mozambique Information Office News Review* no.163-164 (28 September 1989). See also *The Independent* (23 June 1989); *Southscan* (5 July 1989).

⁵⁵ *Indian Ocean Newsletter* (17 June 1989); see also *The Tablet* (19 August 1989).

paper) and called on ‘all those interested’ to support the initiative. The talks, between the church group of four and six RENAMO leaders led by Dhlakama, began on the 8th and lasted until the 13th.

It rapidly became clear that RENAMO, which had issued a 16-point document at the end of the first round of talks, did not have a coherent set of demands. Despite their claim to be ‘an active and political force on the Mozambican political scene’, and their unconvincing denial of the atrocities attributed to them by overwhelming evidence over the years, their document did not put forward any coherent demands. It was not even clear whether they wanted ‘free elections’ within a multi-party system or not⁵⁶. A second round of talks, lasting only two days, took place in Nairobi from 29 August to 1 September.

The outcome of the preliminary talks in Nairobi between Mozambican church leaders and RENAMO representatives depended at the time on two conditions imposed by the government; the willingness of RENAMO to effectively dissolve itself as an organisation and reintegrate its members into an increasingly participatory but essentially unchanged Mozambican political and social system; and an end to South African support for the rebellion. In the end, of course, things turned out very differently.

In the meantime, however, the Mozambican government maintained its tough stance, refusing to talk directly to the ‘armed bandits’ as it termed RENAMO while watching developments very carefully. Both Armando Guebuza (then Minister of Transport) and Teodato Hunguana (then Minister of Information) were discreetly in attendance in Nairobi. At the Non-Aligned Movement summit in Belgrade in early September, President Chissano reiterated that contacts were not aimed at establishing a ‘power-sharing’ arrangement with RENAMO; nor at altering the constitution; or at changing the existing political order in the People’s Republic of Mozambique⁵⁷.

At this stage, however, the mainly conservative church leaders had begun to view the RENAMO chiefs with increasing disfavour, as it became clear that they had a poor grasp of day-to-day Mozambican realities. According to one news story, the Archbishop of Maputo, Alexandre dos Santos, privately described RENAMO’s Afonso Dhlakama as a child⁵⁸.

⁵⁶ Malawi radio, 1800 GMT, 18 August 1989, quoted in *Summary of World Broadcasts*.

⁵⁷ Radio Mozambique, 5 September 1989, quoted in *Summary of World Broadcasts*.

⁵⁸ *Indian Ocean Newsletter* no.400 (7 October 1989) p.3. An extremely respectful biography of dos Santos is Hélio Filimone’s *Cardeal Dom Alexandre José Maria dos Santos* (Maputo: Minerva, 2017).

Diplomatic activity continued behind the scenes. During his official visit to Mozambique in late September the Portuguese Prime Minister, Aníbal Cavaco Silva, was emphatic in his support for the Mozambican government's position on the talks. Zimbabwe, whose President Robert Mugabe was at the time an officially-accepted mediator together with Kenya's Daniel arap Moi, sent his Permanent Secretary in the Ministry of Foreign Affairs, Elleck Mashingaidze, to speak to RENAMO leaders. But at the time, the question 'Negotiate what?' remained unresolved on the table.

South Africa: a broad alliance of democratic forces

The formulation 'Negotiate what?' helped to clarify the politically crucial distinction between talks and negotiations. Talks were – and are – just that: conversations with a view to clarifying issues and drawing up agendas, in which neither side has a mandate to make commitments or agreements. The phase of negotiation, which may or may not follow, requires that a common agenda and language be agreed, and that both sides have clear objectives and mandates.

The emergence in the mid-1980s of the highly disciplined and broadly based Mass Democratic Movement (MDM), a coalition of civil society organisations, trade unions, and faith groups, and the practical dominance of the ANC and its allies over other groupings inside the country is a story that has been exhaustively reported and analysed, both at the time and in subsequent decades. What follows is focussed on the negotiation process as an essential front in a struggle that still, in 1988–1989, included armed struggle⁵⁹.

In the case of South Africa, the 'talking' phase had begun just over four years previously, with the first delegation of South African businessmen and editors trekking to Lusaka for conversations with members of the ANC executive on 13 September 1985. It was not a coincidence that white businessmen decided that they would like to talk to the liberation movement, precisely at the end of two years of consistent challenge to the state from the townships by what was later to be called the mass democratic movement or MDM. That first group included Gavin Relly of Anglo-American; Tony Bloom of Premier Milling; and the editor of

⁵⁹ The PAC was critical of the ANC and its policy on negotiation – see e.g. Waters Toboti, 'Negotiation fever: a passing phase' (Dar es Salaam: PAC External Headquarters, [1989?]).

Vaderland, Harald Pakendorf. Apparently the question of nationalisation of companies – a commitment in the Freedom Charter – came up and naturally caused disagreement. But, said one participant, ‘there was an overall feeling of South Africanism’ and the meeting was ‘amicable’⁶⁰.

That first contact opened the floodgates, and soon afterwards a South African journalist was interviewing Oliver Tambo in London, and groups from van Zyl Slabbert’s PFP, the trade unions, the churches, the parents’ committees, and even the Bantustans were talking to the ANC. The government made a couple of desultory attempts to stop the contacts, for example by withdrawing the passports of a group of University of Stellenbosch students who persisted in wanting to talk to the ANC Youth League. State President P.W. Botha made an emotional appeal to the students not to talk to ‘self-confessed men of violence.’ If they persevered, he added, they would have to explain themselves ‘to the security forces on the borders and inside the country who fight and die for the maintenance and enhancement of the principles of democratic governing structures [...]’ Similar action was taken in November 1985 against a group of Dutch Reformed Church ministers (of all races), with Botha fulminating against ‘naive’ discussions and ‘defiance of the state’s authority’⁶¹.

But the state could not withdraw the passports of the entire population, and it could not stop regular contact abroad between South African citizens and ANC representatives. The most important of the meetings that took place in this period was in Dakar, Senegal, on 9 July 1987, between a delegation of fifty people – mainly Afrikaners – headed by van Zyl Slabbert in the name of IDASA, and an ANC group led by Thabo Mbeki. The South African group included PFP Members of Parliament, journalists (both as participants and to report on the sessions), academics, an artist, architects, a psychologist, an actress, a lawyer, and a film-maker.

Even the state’s representatives were, by this time and in certain circumstances, joining in. In December 1986 Justice Minister Kobie Coetsee admitted in an interview in a prestigious glossy magazine that ‘Yes I have met [Nelson Mandela]’ but he refused to divulge the content of confidential conversations⁶². In April of that year, the regime’s ambassador to Washington was persuaded to take part in a television

⁶⁰ For details on this and other meetings and contacts (including aborted ones) up to September 1987, see ‘Meeting the African National Congress: a chronology,’ *SA Barometer* vol. 1, no. 15 (25 September 1987), p. 227–230.

⁶¹ *Op.cit.*, p. 227.

⁶² *Leadership* (December 1986).

debate on South Africa in which the ANC's Solly Semelane was also a participant.

The state also tried to seize the initiative by launching a series of large newspaper advertisements. The first was grandiosely headed 'Revolutionaries may stamp their feet. The Communists may scream their lies. Our enemies may try to undermine us. But here is the reality'⁶³. The advertisement spoke of peaceful negotiation, of a commitment to power-sharing, and of the 'offensive racial provisions' of certain legislation. A follow-up advertisement was published in April, again claiming that reform was already under way, that each 'group' had its own rights, and that negotiation was the way forward. But the document also abused 'those skulking criminals who sneak around at night,' presumably a reference to the very ANC with which any negotiations would have to take place⁶⁴.

The ANC itself had few illusions about the Botha regime's motives in raising the issue of a negotiated settlement. The regime, said the movement's National Executive Committee (NEC) in October 1987, 'had neither the desire nor the intention to engage in any meaningful negotiations'. On the contrary, it said, the two immediate objectives of the regime were to defuse the struggle by holding out false hopes of a just political settlement, and to defeat the international campaign for comprehensive mandatory sanctions against South Africa. The NEC pointed out that while South African hit-squads⁶⁵ roamed the region, while mass detentions and the whole apparatus of the NSMS, including the JMCs, were in operation, then the regime's concept of negotiation was simply 'to impose its will'⁶⁶.

Nevertheless, contacts continued as internal and external pressure on the regime built up. The F.W. de Klerk regime used some of these encounters as channels for preliminary contacts. In October 1989 the so-called 'Broederbond' meeting between prominent Afrikaans-

⁶³ *Sunday Times* (2 February 1986) p.10-H. This, and twenty other important primary documents on the negotiations question, are available in 'Negotiations,' *PHT Dossier Series* vol. no.1 (September 1989) from the Popular History Trust in Harare.

⁶⁴ *Sunday Star* (27 April 1986) p. 9.

⁶⁵ On the so-called 'Z-squads' of professional killers, see later reports in e.g. *Sunday Star* [Johannesburg] (10 April 1988); *Southern African Report* [Johannesburg] (27 May 1988); *Indian Ocean Newsletter* (30 July 1988).

⁶⁶ Statement of the National Executive Committee of the African National Congress on the question of Negotiations (Lusaka. 9 October 1987). See also the UDFs pre-banning position paper 'Negotiations,' published in *Phambili* and reproduced in *PHT Dossier Series*. op.cit. A later ANC position paper was published in *Business Day* (20 July 1989).

speakers and the ANC took place in London, amid speculation that Willie Esterhuysen, an academic and a former NP member, was being used as a conduit for the top-level exchange of views between the government and the liberation movement. The inclusion in the group of the editor of *Die Burger* (the Cape Town NP newspaper), and the State President's brother, Wimpie de Klerk, fuelled the conjectures. But the State President denied that the government was involved either 'directly or indirectly'. He went on to condemn groups who 'without a mandate or accountability' talked to the ANC. His statement showed that no change had taken place in the state's position and that until the ANC renounced armed struggle ('violence'), no direct talks were possible⁶⁷.

South Africa also began to take new steps to try to end its economic isolation from neighbouring states. In July, during a meeting between F.W. de Klerk (then NP leader) and Pik Botha, with President Joaquim Chissano, the question of a South African 'Marshall Plan' of aid to its neighbours was discussed. President Chissano was reportedly pressured to try to persuade Zimbabwe to adopt a less hostile attitude towards such cooperation, but the Mozambican president insisted that a genuine process of change would have to be under way inside the country before such a plan could be implemented⁶⁸. Interestingly, but probably not coincidentally, the same terminology of a 'Marshall Plan' was used by Mobutu Sese Seko of Zaire in the UN General Assembly in October, when he called for a ten-year debt moratorium⁶⁹.

De Klerk was clearly running out of time. He was under pressure domestically, as the MDM continued to take advantage of the regime's new-found sensitivity about its public image. The ANC had its 24-point negotiating guideline adopted by the OAU and the Non-Aligned Movement, and was moving to try to win further endorsements from the Commonwealth and even the United Nations. The US and the USSR were working together to exert pressure for an internationally acceptable settlement. President George H.W. Bush met with Albertina Sisulu, and the ANC was even planning to open an office in Washington DC.

But the bottom line was the economy. Unless de Klerk was able to find a way to bring South Africa out of its pariah status and back into the international community, the twin perils of debt negotiations and EC92 threatened to change the economic crisis from chronic to acute.

⁶⁷ *Citizen* [Johannesburg] (2 October 1989) and (3 October 1989), lead stories.

⁶⁸ *Cape Times* [Cape Town] 20 July 1989.

⁶⁹ *The Herald* [Harare] (6 October 1989).

The urgent need was for the Frontline States and other allies of the MDM to step up their pressure, so as to ensure that de Klerk and his regime could not make the transition out of pariah status cheaply.

Conclusion: did the Leopard changed its spots?

In 1988–1989, the South African regime began to try to present a new face to the world. After Cuito Cuanavale, Pretoria participated in a negotiation process which was successful insofar as it eventually led to Namibian independence. The content of that independence was at that time, of course, still the object of struggle. In Angola, the South African role remained ambiguous, although the SADF withdrew, and there was no prospect of direct military invasion again. In Mozambique, government-to-government contacts continued, and South African aid and economic relations were also maintained. F.W. de Klerk met with the chair of the Frontline States, Kenneth Kaunda. The proxy was ground on, but South Africa continued to deny that it was supporting them. Were things really changing?

It may be that asking if the South African regime changed in any fundamental way in the period 1988–1989, is to set up a straw man only in order to knock him down again, given that with hindsight the outcomes of the regional peace processes in Namibia, Angola, Mozambique, and South Africa itself are all now well known. However, this article argues that in 1988 and 1989, at the beginning of these processes, the regime's strategic objectives had not fundamentally changed, nor had the regional policy used to achieve those objectives. The maintenance of white minority rule and of regional hegemony was still being pursued by means of the Total Strategy.

A concrete example of how Pretoria's new 'reasonableness' was serving these ends occurred in late September 1989, when the veteran South African campaigner Mrs. Helen Suzman, together with Frederik van Zyl Slabbert and the pro-ANC KaNgwane leader Enos Mabuza, met Mrs. Thatcher in London. Afterwards, Mrs. Suzman reported that '[Thatcher] is still against sanctions, but clearly needs help [...] a sign that Mr. de Klerk is sincere in his commitment to a new South Africa'⁷⁰. Mrs. Thatcher was particularly concerned because of the forthcoming Kuala Lumpur Commonwealth Summit in October, where she feared she would be isolated in her opposition to sanctions. In order to defend her position, she needed to produce evidence that her gradualist approach was working.

⁷⁰ *Citizen* [Johannesburg] (29 September 1989).

And so, on 10 October, State President de Klerk announced the freeing of eight senior political prisoners, including Walter Sisulu and Ahmed Kathrada⁷¹, and personally informed Mrs. Thatcher of the move⁷².

The regime had devised a 'game plan' aimed at defining the terrain of the domestic negotiation process and controlling it on its own terms. The first phase, termed 'climate building' was marked by the release of Sisulu and his comrades. The objective was to convince the MDM that the regime's recognition of the need for reform was sincere. De Klerk's advisors hoped that by early 1990, before the debt rescheduling deadline, low-key meetings with selected leaders of the MDM would become possible. It was in this context that the 'Pretoria spring' of permitted mass anti-apartheid marches took place in August 1989⁷³.

So was there a need, in the post-P.W. Botha era, for a major paradigm shift in the analysis of South Africa's regional policy? The short answer was that the changes were tactical rather than strategic, and the leopard had not yet changed its spots. The Southern African peace processes were to take much longer to reach completion.

⁷¹ The freed prisoners were: Ahmed Kathadra, Jafta Masemula, Raymond Mhlaba, Wilton Mkwayi, Andrew Mlangeni, Elias Motsoaledi, Oscar Mpetha, and Walter Sisulu. *Citizen* [Johannesburg] (11 October 1989).

⁷² *Citizen* (11 October 1989).

⁷³ Political correspondent David Breier wrote a short and apparently well-sourced article on this tactical plan. See *Sunday Star* [Johannesburg] (17 September 1989).

Reflections on Peace and Security in Southern Africa: South Africa and SADC over four decades

Chris Saunders

Many come away from the history they learn at school with an abhorrence of dates and a sense that history is merely one damned thing after another, while history is often regarded by policy-makers as of little, if any, relevance. But to know where you are going, one needs to know where you have come from, while continuities from the past of course influence the present. A colleague of mine aptly entitled his recent book *History Matters*¹. To try to show the relevance of history for contemporary regional dynamics, I shall – in this brief and very modest tribute to Apollon Davidson – sketch security issues involving South Africa and the region over four decades. I do this in part because, surprisingly, there is no good history of the main regional organisation, the Southern African Development Community (SADC) since its formation in 1992, let alone of South Africa's role in SADC since South Africa joined the organisation in 1994². To show evolution over time, I shall first go back forty years, then thirty, then twenty, then ten, selecting a few developments to illustrate long-term trends in each decade.

Forty years ago

On 4 May 1978, which happened to be a public holiday to mark Ascension Day both in South Africa and in the territory that South Africa then occupied and called South West Africa (now Namibia), planes of the South African Airforce bombed and then dropped paratroopers on the main refugee camp of the South West Africa People's Organisation's

¹ Bill Nasson, *History Matters. Selected Writings, 1970–2016* (Cape Town: Penguin Random House, 2016).

² The best single book on SADC is Laurie Nathan, *Community of Insecurity: SADC's struggle for peace and security in Southern Africa* (Andover: Ashgate, 2012), but Nathan is not a historian. On South Africa see Adekeye Adebajo and Kudrat Virk, eds., *Foreign Policy in Post-Apartheid South Africa: Security, Diplomacy and Trade* (London: I B Taurus, 2017).

(SWAPO) in southern Angola. By the end of the day, over 1,000 people in the camp are thought to have been killed (they were buried in mass graves; no exact figure of deaths is possible). This was the worst single atrocity committed by the apartheid regime (though even more had been killed in an attack carried out by the Rhodesian regime against the Zimbabwe liberation movement ZANU-PF in Mozambique shortly before the Cassinga massacre). What happened at Cassinga began a new phase of South African aggression against other countries of the region, a phase that continued for a decade and culminated in a large-scale conventional war that South Africa fought against Angolan and Cuban forces in southern Angola³.

So forty years ago South Africa and the region of which it was part had entered a period of destabilisation in which the apartheid regime was in conflict with neighbouring states. This conflict contrasts vividly with the relative stability in the region today, at a time when much of the rest of the continent is plagued by conflict and instability. No state in Southern Africa is now intervening with force to destabilise another, while efforts have been and continue to be made by SADC to bring peace and stability to particular states. How did Southern Africa move from the conflicts of the 1980s to the relative stability of today, and what was the role of South Africa in bringing this about?

The answer is complex and multi-faceted, but let us notice two other developments of forty years ago. Despite the Cassinga massacre, SWAPO agreed to a United Nations (UN) plan for a transition to independence in Namibia in July 1978, while in September that year the UN Security Council passed its famous resolution 435 providing for such a transition. That resolution was the outcome of a major process of mediation in 1977–78 led by the so-called Western Contact Group (WCG), which negotiated with both the South African government and SWAPO a compromise process that would take Namibia to independence. In persuading a reluctant SWAPO to accept that deal in the middle of 1978, the informal grouping known as the Frontline States (FLS) – then comprising Botswana, Angola, Mozambique, Zambia and Tanzania – played an important role, for they wanted the conflict to end and argued to SWAPO that if a UN mission went to Namibia to supervise a free and

³ On this history see, inter alia, Richard Dale, *The Namibian War of Independence, 1966–1989: Diplomatic, Economic and Military Campaigns* (Jefferson, N.C.: McFarland, 2014); Colin Leys and John S. Saul, *Namibia's Liberation Struggle: The Two-Edged Sword* (London: James Currey 1998); Piero Gleijeses, *Visions of Freedom: Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa 1976–1991* (Johannesburg: Wits University Press, 2013).

fair election then SWAPO would win and come to power. As SWAPO insisted it should, the UN Security Council accepted that Walvis Bay, Namibia's main harbour, was an integral part of Namibia. The South African government disliked that and in early 1979 raised objections to the UN's proposals for the implementation of resolution 435. Because of South African objections, that resolution was not implemented for a decade, but in the late 1970s the ground was laid for the eventual process leading to Namibia's independence.

The FLS, at first a very informal grouping, emerged out of a concern to respond to South African aggression, to oppose the apartheid regime and bring about greater stability in the region. After the independence of Zimbabwe in April 1980 a larger and more formal Southern African Development Co-ordinating Conference (SADCC) emerged and sought to reduce the economic dependence of the rest of the region on South Africa. Though SADCC never effectively co-ordinated action against apartheid South Africa, as Gilbert Khadiagala shows in *Allies In Adversity*, SADCC in 1992 transformed itself into SADC, the key to peace and security in the region today.

From the late 1970s, then, three threads emerge that can be traced through the later decades. One is the extent and nature of conflict in the region and its causes, which in the 1980s was primarily the determination of the South African government to destroy the South African and Namibian liberation movements that were challenging it through their armed struggles. A second is the attempts that were made to settle conflict (in the 1970s and 1980s these were mainly from outside, such as the WCG, but involved the South Africa government). Thirdly, there is the story of the evolution of a regional organisation and its efforts to settle conflicts and bring about greater stability.

Thirty years ago

In the early months of 1988, the largest battle in Africa since the 2nd WW took place near the small town of Cuito Cuanavale in southern Angola. In May that year Cuban forces were advancing to close to the Namibian border for the first time and rebuilding two airfields from which their MIG23s could operate and so win air superiority over the South African Airforce in the skies of southern Angola. If one interprets the battle of Cuito Cuanavale as including the push by Cuban and SWAPO forces to the Namibian border in south-west Angola, it was undoubtedly a turning point in the military history of Southern Africa which helped lead to

a negotiated settlement between South Africa, Angola and Cuba. In May 1988 official representatives of those three countries met for the first time with the American mediator, Chester Crocker, in a small hotel just off Piccadilly in London. That began a series of negotiations that led to the signing of the New York Accords in December that year, which provided for the implementation of UN Security Council resolution 435, the end of the South African occupation of Namibia, and the independence of that country. This turning-point was reached in the context of the winding down of the Cold War, with both the United States and the Soviet Union working to end the conflict in south-western Africa. The Namibian settlement reached at the end of 1988 opened the door for South Africa to re-engage with the region on a peaceful footing. At the same time the civil war in Mozambique came to an end, and in Angola as well a process began that led to the first election to take place in that country in 1992. The Namibian settlement also fed into the negotiated settlement in South Africa itself in the early 1990s. Though civil war would resume in Angola after the 1992 election, much of the region now experienced a new relative stability.

The last major clash under apartheid between South African forces and those of people of the region occurred at the beginning of April 1989. Robert Mugabe of Zimbabwe, it seems, had advised SWAPO President Sam Nujoma to send armed troops across the Angolan border into northern Namibia on the day of implementation of Resolution 435, expecting them to be received by UN officials there and allowed to remain through the months leading up to the independence election. Within a few days in early April over 300 SWAPO fighters were killed by South African forces who had been allowed out of the bases to which they were restricted in terms of the settlement plan. After all the major parties got together, the process of taking Namibia to independence resumed. Despite much continuing suspicion of South Africa in the region, the process leading to Namibia's independence continued in 1989, with the first democratic election, supervised by a UN Transition Assistance Group, being held in November that year. By the time Namibia's independence arrived in March 1990, among those in the Windhoek stadium to see the South African flag lowered and the new Namibian one raised, was Nelson Mandela, who had been released from imprisonment the previous month.

It was against that background, with some major apartheid legislation already repealed and the end of formal apartheid in sight, that SADCC became SADC at the summit of regional heads of state and government held in Windhoek, Namibia, in 1992. And in Gaborone two years later,

at the SADC summit in August 1994 South Africa was admitted as a member. It immediately became the most important member, because it dominated the region economically and its accession to membership transformed SADC into a truly regional organisation. But though the advent of South Africa aroused great expectations, there was much concern in other countries about South Africa playing a hegemonic role in the region. Sensitive to this, and mindful of the history of South African destabilisation of other countries under apartheid, South Africa played a hesitant role in SADC, not wanting to be seen as Big Brother. SADC's headquarters remained in Gaborone. During Mandela's presidency South Africa grappled with how to consolidate its new democracy, and when Mbeki took over from Mandela, his main concern was with the continent as a whole, the new African Union and associated institutions, rather than with the region. So South Africa did not play the leading role in SADC that some had expected it to play when it became a member.

From the outset SADC was of course aware that the economic development of the region required political stability, and that it must act to try to bring this about, but it took time for it to work out how to do this. In the mid and late 1990s it did not intervene to try to bring the civil war in Angola between the MPLA and UNITA to an end. Only gradually did it begin to take over responsibilities for regional peace and security. Previously the major mediation efforts in the region had been led by external powers— the WCG and then Chester Crocker in the case of Namibia; Portugal, then the UN, in the case of Angola — but by the end of the 1990s such efforts were being undertaken within the region, particular, as we shall see, by presidents or former presidents whom SADC sent as mediators and facilitators to try to prevent conflicts in particular countries.

Twenty years ago

After the DRC had joined SADC in 1997, thanks largely, it would seem, to then South African Deputy President Mbeki, President Mandela attempted to mediate between Mobutu Sese Seko and his rival Laurent Kabila, the leader of the Banyamulenge rebels. This mediation failed and after Rwandan and Ugandan forces had invaded, South Africa opposed the idea of sending troops to support the new Kinshasa government of Kabila against the invaders. Zimbabwe, Namibia and Angola, on the other hand, decided to send troops, in what was called Operation Sovereign Legitimacy (OSLEG). Robert Mugabe of Zimbabwe, who

had been the dominant figure in SADC before South Africa's accession and resented Mandela, a global icon, out-staging him, wanted to keep control of the Organ on Politics, Defence and Security Cooperation (the equivalent of the African Union's Peace and Security Council) that SADC established in 1996 to prevent conflict through mediation, preventive diplomacy and peace-making. Initially, Mugabe refused to let the Organ fall under the rotating SADC chair and it was under his leadership that Zimbabwe, Namibia and Angola sent troops into the DRC. Initially this was approved only by the Organ, chaired by Zimbabwe, and only retrospectively was it endorsed by SADC as a whole.

SADC was also divided in 1998 over another military intervention. In September that year, when Mandela was out of the country, South African troops, accompanied by a few hundred from Botswana, moved into Lesotho, at the request of its government, to restore political stability there, when the country seemed threatened by a military coup. Like the DRC operation, this one, known as Operation Boleas, received only retrospective endorsement by SADC. Having taken the lead in the Lesotho operation, not surprisingly South Africa then took the lead in subsequent attempts to bring peace to Lesotho. A succession of South Africans, including President Jacob Zuma and then deputy president Cyril Ramaphosa acted as facilitators to try to resolve conflict there, though in 2017 South Africa avoided taking the lead when in December of that year a SADC Police and Military Operation (SAPMIL) was launched in Maseru. This so-called 'preventive mission' entered Lesotho at the request of its government, in a further effort to stabilise the mountain kingdom, and was renewed in April 2018 for a further six months, at a cost of over \$1 million a month.⁴

South Africa was also to play a key role in the DRC in the early 2000s, after SADC mediation efforts, including one by President Chiluba of Zambia failed. After a horrific war, in which millions died, Mbeki was the key mediator in promoting an Inter-Congolese dialogue at Sun City in 2002, which brought a kind of peace to the DRC.⁵ South African then sent troops to assist the UN in the DRC, while, more recently, South African troops served in the Eastern DRC as part, with Tanzania and

⁴ Defenceweb, 'SAPMIL mandate extended', 26 April 2018: http://www.defenceweb.co.za/index.php?option=com_content&view=article&id=51499.

⁵ The Pretoria agreement, signed in December 2002, followed earlier mediations by Presidents Frederick Chiluba of Zambia and Ketumile Masire of Botswana, neither of which had produced a settlement. Institute for Security Studies (2004) 'Hawks, Doves or Penguins: A Critical Review of the SADC Military Intervention in the DRC', Paper 88, April, Available at: <<https://www.issafrica.org/uploads/PAPER88.PDF>>

Malawi, of the so-called Force Intervention Brigade (FIB of 6,000 troops, established in 2013). That year the South African forces, using their locally-produced Rooivalk helicopters, proved effective in confronting the M23 rebels and forcing them to surrender⁶. But the eastern DRC continues to remain unstable. In August 2018 the South African government was critical of UN plans to reduce the size of the FIB, believing that would weaken it and make the remaining force more vulnerable to rebel attacks.⁷

Ten years ago

South Africa played a leading role in stabilising Zimbabwe in 2008. After a violent and much disputed election, President Thabo Mbeki, SADC's facilitator, mediated a so-called Global Political Agreement (GPA), providing for an inclusive government. But Mbeki and then his successor as SADC facilitator, Jacob Zuma, did not intervene when the GPA proved ineffective, with Mugabe retaining all the key power in his hands. Nor did South Africa protest when SADC disbanded its own tribunal after that body ruled against Zimbabwe, to which some white farmers who had lost their farms had appealed. (South Africa's acquiescence in this was later challenged in South Africa's courts, and its Constitutional Court eventually ruled that the government's actions in respect of the SADC tribunal were 'unlawful, irrational and unconstitutional'.) When Zimbabwe held another election in 2013, after the GPA ended, the SADC electoral guidelines were not observed, as happened again in the 2018 election. SADC observer missions nevertheless approved the elections as sufficiently free and fair. Though SADC had said it would not recognise any unconstitutional regime change, it was quick to recognise President Mnangagwa after an army coup brought him to office in November 2017.

⁶ See speech of South African Minister of Defence, 18 May 2018, Weekend Argus, 20 May 2018, 14.

⁷ Sheeran, Scott and Case, Stephanie (2014) 'The Intervention Brigade: Legal Issues for the UN in the Democratic Republic of the Congo', <http://www.scribd.com/doc/267461654/The-Intervention-Brigade-Legal-Issues-for-the-UN-in-the-Democratic-Republic-of-the-Congo#scribd>; Peter Fabricius, 'SA Defence Minister Criticises UN Plans to Reduce Force Intervention Brigade in DRC', 22 August 2018: accessed at <https://www.dailymaverick.co.za/article/2018-08-22-sa-defence-minister-criticises-un-plans-to-reduce-force-intervention-brigade-in-drc/>. Cf. Stearns, Jason K. and Vogel, Christoph (2015) 'The Landscape of Armed Groups in the Eastern Congo', Congo Research Group, Center on International Cooperation at New York University (accessed at <http://congoreserchgroup.org/wp-content/uploads/2015/11/The-Landscape-of-Armed-Groups-in-Eastern-Congo1.pdf>)

For both South Africa, the country most concerned, and for SADC as a whole, the main priority was what was seen as 'stability', and this Mnangagwa seemed to offer, at least in the short run, and this trumped considerations of democratic process and adherence to such values as constitutionalism.

Madagascar, where there was extensive French influence, was much less important for South Africa, and South Africa played a minimal role after Andry Rajoelina took power with the aid of the army in early 2009, though South Africa did, allow the ousted president, Marc Ravalomanana, to remain in exile in Johannesburg. South Africa went along with SADC when it refused to recognise the new government and suspended Madagascar from membership, which it never did with Zimbabwe. There followed a lengthy process of mediation, led by former President Joachim Chissano of Mozambique, who came up with the so-called 'ni' solution: neither Rajoelina nor the ousted president should participate in the 2013 election. In 2018 Madagascar was again back on SADC's agenda, because of new instability in the lead-up to the election that took place there in November, in which the former presidents participated and which led to Rajoelina's return to power. Once again, South Africa did not play a leading role. `

In Conclusion

Over the past decades there have been both major changes as well as continuities in South Africa's role in relation to the peace and security in the region. The security situation under apartheid, when South Africa conducted cross border attacks into other countries in the region, is of course very different from that SADC has had to deal with over the past quarter century. In recent decades, in almost all cases (the DRC being the major exception), conflicts have arisen within particular countries, not between them. Some of these conflicts had external repercussions (the Zimbabwean crisis led to a large Zimbabwean diaspora to South Africa, for example). SADC has not acted firmly to uphold the principles it professes, such as democracy and the rule of law, and South Africa has gone along with this for pragmatic reasons and because those values are not strongly embedded even in South Africa.

SADC has been criticised for not being able to provide lasting solutions for crises. The DRC and Lesotho have been on SADC's security agenda for twenty years. They again headed that agenda at the SADC double troika meeting held in Luanda in April 2018, when

concern was expressed that Lesotho was not instituting the necessary security sector and constitutional reforms, and the SADC peace mission in that country was extended. In the DRC Joseph Kabila clung to power ahead of the elections eventually held in December 2018, though South African President Cyril Ramaphosa, whose term as chair of SADC was about to expire, was able to persuade him in August to declare that he would not run for a third term. In Madagascar, there was in late 2018 a replay of an earlier crisis. It was of course the case that all three crises arose from highly complex circumstances and in none was there an easy fix. It remains the case that, compared to the rest of continent, SADC is a relatively stable region compared with others on the continent, as can be seen from the reports from the Institute for Security Studies and the agendas of the AU's Peace and Security Council, which are taken up with crisis situations in Somalia, South Sudan, Nigeria, Libya and elsewhere. The DRC apart, the SADC region is not mentioned in these reports. What seemed to be a renewal of war in central Mozambique between Renamo forces and the Mozambique government appears in early 2019 to be dying down, while the significance of the incidents of terrorism in northern Mozambique, which some attribute to Al-Shabaab, remains unclear.

Has this relative stability lulled SADC into a false sense of relative security? It can certainly be argued that SADC has not responded adequately to the potential challenges facing it. The SADC Stand-by force (SBF), launched with some fanfare in Lusaka, Zambia, at a SADC summit in 2007, is still not effectively operational well over a decade later. Because the ASF was not ready, President Zuma proposed the creation of an African Capacity for Immediate Response to Crises (ACIRC), which was set up in November 2014, as a temporary measure until the SBF was fully operational, but the ACIRC did not materialise. When the Zimbabwean army intervened in November 2017, SADC merely agreed to send Presidents Zuma and Joao Lourenco of Angola to Zimbabwe to mediate. In the event their visit was overtaken by events. SADC was quick to approve the change of president from Mugabe and Mnangagwa despite the de facto military coup, and played no role in the transition. SADC was also not involved in the other transitions of 2018 in Angola, South Africa and Botswana. Ramaphosa remained SADC's facilitator on Lesotho, but his main focus was tackling South Africa's major internal problems. Given those problems, South Africa was unlikely to act forcefully in the region unless it had to.

Over time, as we have seen, SADC has used a variety of means to try to bring about stability in the region. South Africa has, somewhat

reluctantly, taken a leading role in SADC's search for peace and security in the region. SADC is mostly made up of weak states which are very concerned with their own sovereignty and are reluctant to cede any to a regional body. SADC therefore remains weak and lacking in capacity to act forcefully. It is largely a club of rulers, many of them leaders of liberation movements still in power. Though SADC's record compares favourably to that of other regional organisations on the continent, long-term security means dealing with inequalities between and within the member states, inequalities greater in Southern Africa than anywhere else in Africa. Long-term security means making SADC and its constituent states more democratic, promoting economic growth and tackling the problems associated with climate change. In all of these South Africa, as the economic power-house of the region, can potentially play a vital role. To date, however, there is no sign that it has the political will to do so.

Gorbachev's 'Perestroika' and the South African Negotiated Settlement

Irina Filatova

The late 1980s – Gorbachev's 'perestroika' – have become one of the most maligned periods in the Russian history. Indeed, it was the time of tectonic shifts in Soviet domestic and foreign policy which brought a lot of suffering to the Soviet population at home and, it is often assumed, a disastrous loss of the country's prestige in the international arena. The new Soviet policy of settling local conflicts by peaceful means did not end happily for many regions concerned. But there were exceptions, Southern Africa being the most notable of them. It is indisputable that in the late 1980s Soviet diplomacy towards this region helped to settle the Angolan conflict and liberate Namibia. Yet the Soviet role in the peaceful transition in South Africa in the same period has been a contentious issue both among Soviet academics and South African politicians.

This article analyses Soviet policy towards South Africa in the late 1980s and its multi-layered influence on the peace-making process in that country. The main question which it attempts to answer is whether this policy contributed anything, and if so, what, to the South African 'miracle' – the negotiated settlement that brought a peaceful end to apartheid.

New Soviet Policy towards South Africa

During the Cold War Soviet policy towards South Africa, was based on the same principles as everywhere else in the world: assist the enemies of your enemies and build an international network of friends. Support for the struggle against colonialism and apartheid was not just a matter of principle, but a front in the Cold War. Such support for the liberation movements and young independent states which were ideologically close to the USSR was particularly important. The closest allies were the countries which were building socialism (countries of 'socialist orientation') and liberation movements which potentially could. The South African anti-apartheid movement, as represented by the African National Congress (ANC) and the South African Communist Party (SACP), was certainly in this category.

However, doubts about the wisdom of this policy emerged among some members of the Soviet political elite already in the early 1970s. The clash between the theory and practice of building socialism in the former colonies led to the disillusionment of many of those engaged in implementing the theory, and even of some of those who had created it. Doubts emerged about the correctness of the theory of building socialism in these countries through ‘national democratic revolutions’ and ‘socialist orientation’ and about the possibility of implementation of the ‘socialist orientation’ in any country without a massive Soviet economic, political and military support. This led to doubts in the practicability and the need for achieving success at such a price at all.

Memos written to the Politburo of the CPSU’s Central Committee (CC) by Karen Brutents, deputy head of the CC’s International Department and one of the authors of the theory of socialist orientation, clearly showed disillusionment in national liberation movements both as revolutionaries and as allies¹. Recent research based on the archival material shows that the first-hand information coming from KGB operatives in Third World countries contributed to such scepticism². By the mid-1980s it had spread deep and wide.

Long after the collapse of the USSR the diplomat Alexander Baryshev, who remained loyal to the ideas of the 1960s and early 1970s, wrote that:

...the leading circles of the Foreign Ministry of the USSR generally did not sympathise with, much less support, the idea of ‘socialist orientation’ proclaimed by some Third World countries... Reading the memoirs of Dobrynin and Korniienko³, one cannot but be struck again and again by their open irony directed at ‘the international duty’ of the Soviet Union to assist national liberation movements, at the ‘socialist orientation’ of some developing states, and at the Marxist views of A. Neto and other leaders of people’s liberation struggles. It turns out that these ‘Marxist views’ and their ‘socialist orientation’ were but an excuse to solicit weapons and other aid and support from the Soviet Union!⁴

¹ O.A. Westad, Interview with KN Brutents. In Westad, *The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of our Time*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 284–285.

² Westad, *The Global Cold War*, p. 381.

³ A.F. Dobrynin – Soviet ambassador in the USA for 24 years, head of the International Department of the CPSU’s Central Committee under Gorbachev; G.M. Korniienko – deputy foreign minister.

⁴ A.P. Baryshev, *Bolshevizm i sovremennyi mir* [Bolshevism and the Contemporary World], vol III, *The USA Stake in the Demise of the National Liberation Movement and*

Baryshev quoted memoirs by his colleague, deputy foreign minister Anatoly Adamishin, as an example of such a ‘revisionist’ approach. And, indeed, Adamishin wrote: ‘Our allies called on us to loosen our purse strings in order to support socialist transformation. No problem that it [such a transformation]... was not even visible on the horizon. We were told: if you don’t give us arms, the whole revolutionary process in the Southern African region will be in danger. But was there such a process?’⁵

Such sentiments were not, however, limited to the Foreign Ministry. The diary of Anatoly Chernyaev, another deputy head of the CPSU’s CC and later a foreign relations aide to Gorbachev, is testimony to the fact that there were people in the Central Committee itself who saw the situation in a similar light⁶.

Some practical factors contributed to this change of heart. Soviet diplomats, for example, were very unfavourably impressed by the fact that in 1984 neither Angola nor Mozambique informed the USSR about their negotiations with South Africa, although their treaties with the Soviet Union committed them to consultations on such issues⁷.

Adamishin wrote: ‘I think that by the mid-1980s, the beginning of perestroika, for those who cared about the fate of our country, the indisputable fact was that one of the causes of our troubles was confrontation on almost all azimuths of our external political horizon. First of all, with the USA and their allies... Perhaps, to some extent we were right when we did not simply express indignation at all the injustice in the world, but also tried to put it right. But we had neither enough power, nor funds for this’⁸.

‘Revisionist’ ideas began to surface and, gradually, to occupy ever more prominent political space after Gorbachev came to power in March 1985. The 27th Congress of the CPSU (February–March 1986) heard that negotiated settlements of Third World conflicts were preferable to military solutions.

On 4 November the same year, Gorbachev received Oliver Tambo and informed him that South Africa had made advances to the USSR

the Position of Soviet Revisionism. Np, nd [Moscow, 2003], <http://www.barichev.ru/book/stavka.htm> .

⁵ A.L. Adamishin, *Beloie solntse Angoly*, Moscow: Vagrius, 2001, p. 61.

⁶ A.S. Chernyaev. *Sovmestny iskhod. Dnevnik dvukh epokh: 1971–1992* [Shared Exit. The Diary of Two Eras: 1971–1992]. Moscow: Rosspen, 2008.

⁷ S.Ya. Sinityn, “Venskii vals” s burami. In *Africa v vospominaniakh veteranov diplomaticheskoi sluzhby*, Moscow: Publishing House 21st Century–Accord, 2000, pp. 179–180, 183.

⁸ Adamishin, *Beloie Solntse Angoly*, p. 23.

with the purpose of establishing closer relations, but that the USSR would make any step in this direction only after consultations with the ANC⁹.

This position was confirmed in September 1987 during closed consultations between the USSR, Cuba and the ANC in Moscow and in November 1987 at the ceremony for decorating Oliver Tambo with the Soviet Order of Friendship. And in December, after the Soviet–American treaty on the liquidation of medium and short range missiles, the CPSU sent a confidential letter to ‘friendly organisations’ which ran:

While discussing the problems of regional conflicts and other issues with the Americans we have stressed the point that our aspirations for a dialogue with the US by no means should be construed in such a way that we give up solidarity with the liberation struggle of peoples or ignore the interests of the developing countries... For us a solidarity with those who struggle for national liberation against imperialism and neo-colonialism remains a permanent factor which is not influenced by temporary changes¹⁰.

But elsewhere Gorbachev simultaneously gave signals that sounded rather different. In his book, *Perestroika: New Thinking for our Country and the World*, he wrote: ‘I have explained on many occasions that we do not pursue goals inimical to Western interests. We know how important the Middle East, Asia, Latin America, other Third World regions and also South Africa are for the American and West European economies, in particular as raw material sources. To cut these links is the last thing we want to do, and we have no desire to provoke ruptures in historically formed, mutual economic interests.’ In the same book, however, Gorbachev repeated his words to Tambo: ‘We side with you in your struggle against the apartheid regime and its henchmen, for a democratic state and independent development, for equality of all races and ethnic groups’¹¹.

The essence of Soviet policy did not change either in 1987 or in the first half of 1988. What was changing was wording. But at that time even the shifts in language were important, as they could signal a change of policy. In March 1988 the Soviet Foreign Ministry sent a statement to the South African ‘authorities’ – not the ‘regime’! For the first time an official Soviet document mentioned a ‘united’ South Africa and efforts by ‘all South Africans’. It denounced apartheid, but there was no mention

⁹ Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress v gody podpolia i vooruzhennoi borby*, Moscow: Africa Institute of the Russian Academy of Sciences, 1999, pp. 329–330.

¹⁰ Shubin, *ANC. A View from Moscow*. Cape Town: Mayibuye Books – UWC, 1999, pp. 318–319.

¹¹ M.S. Gorbachev, *Perestroika: New Thinking for our Country and the World*. London: Collins, 1987, pp. 178, 187.

of overthrowing it by military means. On the contrary, 'the Pretoria authorities' were told to work out their own new thinking in order to put an end to this system¹².

More significant shifts started after the 19th Conference of the CPSU (June 1988). In practice it ended the Party's monopoly on power. One of the themes raised at the conference was the interdependence of social systems in the nuclear era, and the need to substitute values common to all mankind for class values in international relations.

In June 1988 the journal *World Economy and International Relations*, which was at the forefront of perestroika, published an article by a Foreign Ministry official, who expressed this idea more clearly: 'We need an approach to the developing countries which would, to a large extent, be de-ideologised, and which would recognise both the unique nature of processes going on there, and their independence from the competition between two socio-economic systems'¹³.

The peaceful settlement of the Angolan conflict at the end of 1988 changed the attitude to the ANC's armed struggle in some Soviet circles. In April 1989 the *Cape Times* quoted the head of the Soviet Foreign Ministry's African Directorate as saying: 'We would prefer a political settlement in SA and want apartheid to be dealt with by political means... Any solution through military means would be short-lived... SA should not be destroyed. The [South African] government should also be spoken to not only through threats or pounding our fist on the table. There should be dialogue'¹⁴.

Andrei Urnov, deputy head of the International Department of the CPSU's CC, also supported a peaceful settlement for South Africa in an interview with a South African political scientist. 'We see the escalation of armed struggle and growing instability as detrimental to all in South Africa, both black and white,' he said. 'This is why we are for a peaceful, orderly process. Our aim in South Africa is an orderly transfer of power. An explosion in South Africa is most undesirable. We are fully for a political settlement. This is a very important part of our approach to South Africa'¹⁵.

But the stress on a peaceful settlement in South Africa by various Soviet organisations responsible for formulating Soviet foreign policy

¹² *Pravda*, 7 March 1988.

¹³ *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniia*, no 6, 1988, pp. 32–41.

¹⁴ *Cape Times*, 4 April 1989.

¹⁵ M. Phillips, *Beyond Raspberry Diplomacy? Current Soviet Policy Toward South Africa*, no 3. Johannesburg: Centre for Policy Studies, University of the Witwatersrand, May 1990, p. 8.

did not mean the immediate end of their support for the ANC's armed struggle. On the contrary, the scale of that support was dramatically increased in the last years of the existence of the Soviet Union. Urnov expressed this very clearly:

When to stop or suspend the armed struggle or cease hostilities – that is for the ANC to decide... I would like to stress that we continue to recognise the ANC's right to take up any form of struggle at their disposal, including armed struggle. It is a legitimate form of struggle recognised in international law by the United Nations. Of course, this does not include terrorism. But the other thing is that time changes. Once armed struggle seemed to be the only way. It is no longer so¹⁶.

The ANC's Operation Vula – a plan for creating underground military structures inside the country (in the implementation of which the USSR took an active and important role) – was going on at the same time as the ANC and Pretoria were already negotiating the transfer of power. This was testimony to the ANC's deep distrust of the intentions of De Klerk's government. But it was also a testimony to the fact that there was either no consistency or no unity among Soviet decision makers in their dealings with South Africa during the Gorbachev era.

'Progressives' and 'Conservatives'

Western and South African analysts explained such inconsistencies in the Soviet approach towards South Africa in the late 1980s by clashes between different political interests and institutions, contrasting the 'progressive' position of the Foreign Ministry to the 'conservative' view of the CPSU's Central Committee. But such differences emerged only at a very late stage, and at first, from the early 1980s, it was, in fact, the Central Committee that drove the shifts in the Soviet policy.

In February 1981 the Foreign Ministry and 'other interested organisations' submitted a 'detailed Memorandum' on South Africa to the CPSU's Central Committee. Its main proposal was to diversify contacts with South Africans opposed to apartheid while maintaining 'the principal line in questions of the struggle' against it. The memorandum was adopted, and 'in the years to come' defined Soviet practical work on South Africa¹⁷.

¹⁶ *Ibid*, p. 15.

¹⁷ Sinitsyn, "“Venskii vals” s burami", p. 177.

In 1985 the CC's International Department organised two meetings on South Africa at which representatives of Soviet NGOs and the media took part. The result was practical steps towards establishing contacts with legal opposition elements in South Africa. A stream of visits by South African non-ANC opponents of apartheid followed. Each candidate was approved by the ANC: CC's officials always consulted the ANC leadership on any prospective delegation. That same year the CC took a decision to reinforce anti-racist propaganda among South Africa's white population¹⁸.

The new Soviet policy was aimed at exploiting fault lines within the Afrikaner community and consolidating and uniting opposition to apartheid in all circles of South African society¹⁹. It was certainly useful in helping the ANC to create a broad people's front, a part of its People's War. These shifts were not necessarily purely tactical: some Soviet policy makers already had their eye on ties with South Africa's business circles²⁰.

Already in 1985 officials of the CC's International Department were aware of attempts by some elements of the South African leadership to start negotiations with the ANC, and later of Mandela's meetings with South African government representatives and with PW Botha, as well as the ANC's conditions for negotiations with the government. The ANC leaders informed the officials of the Central Committee about these developments and discussed them with them. This information was received 'positively'²¹: CC's International Department did not oppose contacts and negotiations. The question was not whether to negotiate, but rather when, with whom and on what conditions.

According to Vladimir Shubin, at that time an official of the CC's International Department, the idea of US–Soviet cooperation in the Angolan–Namibian settlement, which in the West was considered the brainchild of the Foreign Ministry, in reality belonged to Oliver Tambo,

¹⁸ Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, pp. 318–319.

¹⁹ See, for example, AnA Gromyko, 'Pokonchit s rasizmom i kolonializmom' ('To put an end to racism and colonialism'), *Aziia i Afrika segodnia*, March 1986, pp. 7–9.

²⁰ Such ideas became more pronounced by the end of the 1980s. They were raised, for example, by representatives of 'practical' organisations at a situational analysis on South Africa, organised by the African Section of the International Department of the CPSU's CC in June 1989: 'Perspektivy ustraneniia aparteida v YuAR i ustnovleniia mira i stabilnosti v yuzhnoafrikanskom regione' [Prospects of the liquidation of apartheid in the RSA and of the establishment of peace and stability in the Southern African region], 27–28 June 1989, p. 15, I. Filatova's papers; I Filatova, *Zametki s situatsionnogo analiza* [Notes from the situational analysis], I Filatova's papers.

²¹ Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, pp. 293, 302, 380.

who offered it to Gorbachev and then to the International Department during his visit in November 1986²².

On 13 November 1986 Adamishin reported on the Southern African question to the Central Committee's Politburo. His line on 'the strengthening of political factors at the expense of military ones' was accepted²³.

So until the very end of the 1980s there were really no policy differences either between the Foreign Ministry and the Central Committee, or between these Soviet organisations and the ANC. There were, however, different institutional perspectives. Many in the Foreign Ministry saw South Africa as yet another conflict that had to be settled, preferably by peaceful means. But for officials of the International Department of the Central Committee, South Africa was yet another country that had to be liberated. Liberation meant the capitulation of the regime and the transfer of power to the 'anti-apartheid majority', in which the ANC would play a decisive role. If such a regime change were possible without bloodshed, fine; but if not, the struggle would continue.

There were also differences in personal opinions, though these were kept personal for a while. Many in the Foreign Ministry thought that the ANC should not be allowed to 'dictate' to the Soviet Union what it could and could not do in the Southern African region. Speaking of Gorbachev's promise to Tambo to consult the ANC before establishing any relations with the South African government, Adamishin ruefully opined: 'Why hand an issue where we have our own interests into other people's hands, even if friendly? What did we get out of such political generosity, which complicated our diplomatic work?'²⁴

But by the end of the Soviet era the most fundamental difference lay in different assessments of the nature and potential of the ANC. This came out clearly at the situational analysis in the Central Committee, in June 1989. 'Some analysts [who took part],' the report of the meeting ran, 'think that the ANC is a narrow émigré organisation, which is not influential inside the country. They think that the ANC does not have any organisational structure in South Africa and that none of the ANC's Lusaka leadership will be part of the future South Africa's government... This group of experts thinks that the basis of the ANC's tactics is its allegiance to armed struggle, and that this tactic antagonises both the white population and world public opinion...'²⁵

²² *Ibid.*, p. 331.

²³ Adamishin, *Beloie solntse Angoly*, p. 63.

²⁴ *Ibid.*, p. 46.

²⁵ 'Perspektivy ustraneniia aparteida...', pp. 7–8.

Representatives of the opposite point of view thought that the ANC enjoyed much popularity among South Africa's black population and that –

...for the majority of the black population the ANC now is not an ordinary political organisation, but a symbol of opposition to racism... For it the refusal to continue the armed struggle now would mean the danger of losing a significant part of influence in the country and the risk of being overtaken by forces on the left ... the ANC's armed struggle to a certain extent constrains the explosion of uncontrollable violence in the country. Many experts ... are of the opinion that the ANC unites supporters of rational and moderate and not radical actions. However ... the ANC does not adjust to the changing situation quickly enough, a part of its leadership is not free of dogmatism ... and lacks realism (which is manifested, for example, by its attitude to the nationality problem)... At the moment it is difficult to find a better tactic than the one that the ANC follows, i.e. the tactic of the creation of a broad front of forces in opposition to apartheid.'

Those who supported this second point of view thought that since the ANC and the USSR had been allies for decades Soviet policy should be based on continuing support for the ANC and assisting it to gain greater influence in the country²⁶.

At the heart of the debate was the ANC's armed struggle. A South African political analyst wrote that 'the ANC obviously failed to convince the USSR of its ability to turn its military successes into political ones, which would make the transfer of power to the ANC possible'.²⁷ But not everybody in the Soviet Union even believed that the ANC had serious military successes to speak of. *The Guardian* quoted Gennady Gerasimov, head of the Foreign Ministry's Information Directorate, answering a question on Soviet support for the ANC's armed struggle: 'What armed struggle? How can one support something that doesn't exist?'²⁸

In August 1989 *Pravda* published an article by Boris Asoyan, then deputy head of the Foreign Ministry's African Directorate. Asoyan wrote that opposition to the apartheid regime in South Africa was uncoordinated and its structures obscure, that the ANC was only one of many opposition organisations, that Botha's reforms were working in that 'skin colour was losing significance as a factor of economic life', and that FW de Klerk, Botha's successor as the National Party's

²⁶ *Ibid*, pp. 8–9.

²⁷ P. Nel, *Perceptions, Images and Stereotypes in Soviet-South African Relations – a Cognitive-Interpretative Perspective*. *Annale*, 1992/4, Stellenbosch: University of Stellenbosch, n.d., p. 54.

²⁸ *The Guardian*, 18 March 1989.

leader²⁹, had come up with a five-year plan for dismantling apartheid. 'The rapid polarisation of forces in the White community,' he continued, 'has led to a paradoxical situation in which many institutions of Afrikaner nationalism, traditionally seen as ideological pillars of apartheid, are propagating its liquidation.' The reason for such changes was not 'the good will' of South Africa's leadership, but the accumulated effect of 'political, economic and demographic factors.' In a lengthy article the ANC was mentioned just twice in passing, and the struggle, armed or otherwise, was not mentioned at all³⁰.

At closed meetings such opinions were worded more openly. At the situational analysis at the Central Committee mentioned above, Asoyan said that, from his point of view, the liquidation of apartheid was 'inexpedient, as the power of the white minority would guarantee the security of South Africa's highly developed economy and save the Afrikaner nation from destruction'³¹. 'Why shouldn't we leave the South Africans alone? Give them a chance to sort out their problems? They have a beautiful developed country, they'll manage,' Asoyan said. 'What good would it do if the ANC comes to power there? It does not have a programme, it just envies the rich. Having come to power, the ANC will forget about its non-racial slogans, and there is no guarantee that they would not want to throw the Whites into the sea'³². The KGB representative at the meeting also spoke of the ANC as an émigré organisation that had lost connection with South African realities and was not influential inside the country³³. Soon after this another situational analysis took place, this time by the Africa Institute. The KGB representative who took part in it virtually repeated Asoyan's words.

Depending on one's attitude to the ANC many other issues arose: should armed struggle continue, and if so, until when; should sanctions be dropped and if so, when and on what conditions; should the USSR establish direct relations with the South African government, and if so, when; should the ANC, among all South Africa's political forces, be the only or at least the main Soviet ally; what point of time should be considered as the end of apartheid? The answer to such questions in turn determined attitudes towards Botha's reforms, the unbanning of the ANC and other parties, the liberation of Mandela and the formation of

²⁹ F.W. de Klerk became president in September 1989.

³⁰ *Pravda*, 20 August 1989.

³¹ 'Perspektivy ustraneniia aparteida...', p. 2.

³² Filatova, 'Zametki s situatsionnogo analiza'.

³³ *Ibid.*

a new government led by the ANC. Opinions on all these issues began to differ dramatically.

Vasily Solodovnikov, at that time deputy head of the Afro-Asian Solidarity Committee, held opinions directly opposite to Asoyan's. *The Guardian* called his position 'traditional'. He compared apartheid to Nazism and called for the continuation of armed struggle against it and for the isolation of the Pretoria regime³⁴. Solodovnikov attempted to persuade the Foreign Ministry that any attempts at establishing closer contact with the South African government 'at the expense of the ANC' would be a mistake for Soviet diplomacy. He expressed with indignation his view that both the Foreign Ministry's and the Soviet media's assessments of De Klerk's reforms were too positive. He sent three memos to this effect to the foreign minister, Eduard Shevardnadze — on 30 March and 8 December 1989 and on 23 November 1990³⁵. But the Foreign Ministry did not change its line, and with the changing political situation in the USSR the Ministry's weight in defining Soviet foreign policy became ever greater.

After De Klerk's speech of 2 February 1990 which ended the state of emergency, the banning of the ANC and other political parties and Mandela's incarceration and opened the way to negotiations, the voices in Moscow calling for the dropping of sanctions against South Africa, the cessation of armed struggle and the establishment of diplomatic relations with South Africa, became much louder³⁶.

In March 1990 Eduard Shevardnadze, Soviet Foreign Minister, met De Klerk at Namibia's independence celebrations. He said that the USSR could establish diplomatic relations with South Africa if the South African government normalised political activities in the country and began steps to negotiate with the ANC³⁷. Soon Shevardnadze agreed to a visit from the South African Trade Minister, Kent Durr, to the USSR. Durr arrived later that year, despite the fact that the UN trade boycott of South Africa had not yet been lifted³⁸.

In April 1990 Mandela was awarded the International Lenin Peace Prize followed by an invitation from the Afro-Asian Solidarity Committee

³⁴ *The Guardian*, 18 March 1989.

³⁵ V.G. Solodovnikov, *SSSR i Yuzhnaia Afrika. 1987–1991* [The USSR and South Africa. 1987–1991]. Moscow: Africa Institute of the Russian Academy of Sciences, 2002, pp. 27–31, 33–40, 41–42.

³⁶ See, for example, *Izvestia*, 5 December 1990.

³⁷ *The Times*, 22 March 1990.

³⁸ V.G. Shubin, '*Rooiigevaar*' and the Revolution. *Russia's Changing Relationship with the ANC/SACP, 1960–1993*. Cape Town: Mayibuye Centre (University of the Western Cape), nd, p. 10.

to visit the USSR. The invitation was handed to him by the Committee's delegation in Lusaka and confirmed by Shevardnadze during his meeting with Mandela in Windhoek. But Mandela did not come: Soviet leadership could not find a date to meet him, and the visit was postponed several times, once when Mandela was already on his way. This was clearly a reflection of Gorbachev's changing view of the situation in South Africa.

ANC delegations were still coming to Moscow. In December 1990, for example, a delegation led by Henry Makgothi was received by Gennady Yanaiev, at that time a member of the CC's Politburo member and secretary for international affairs. He pledged his unwavering support, but all major decisions were 'frozen' until Mandela's visit, which was not happening³⁹.

Despite these debates and shifts, Soviet official policy remained cautious and, on the whole, close to the position of the ANC. In March 1991, in the wake of the agreement signed by the USSR and South Africa on 26 February about the exchange of Interest Sections, the Foreign Ministry organised a meeting to which representatives of NGOs, commercial organisations and various state institutions from Soviet republics were invited. The news about the Interest Sections was announced, but it was stressed that this did not yet mean the establishment of diplomatic relations, as economic sanctions against South Africa had not been dropped⁴⁰.

Even after De Klerk's government repealed one of the most odious apartheid laws, the Population Registration Act, which defined citizens' 'race', the Soviet Foreign Ministry declared that although it was 'a most important step in the right direction, it was too early to speak about the final and complete liquidation of apartheid', and that 'the reintegration of South Africa into the world community would depend on how soon apartheid would be dismantled by peaceful means'⁴¹.

This was June 1991, just two months before the attempted coup in the USSR and a few months before the banning of the CPSU and the collapse of the Soviet Union.

The End of the Monolith

In the late 1980s the Soviet media were among the most important drivers of Gorbachev's policy of openness, 'glasnost': they were the first

³⁹ Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, p. 403.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 404.

⁴¹ *TASS*, 18 June 1991.

to test what was already permissible and what was not. Their attitude to South Africa changed slowly at first. The state of emergency introduced by the South African government in summer 1986 and its repression of the media and of the UDF and Cosatu did not go down well amongst the pro-democracy mood then sweeping the Soviet intelligentsia. News from South Africa sounded just as it always had: 'South Africa: repression against the strikers'⁴², 'Police on campuses'⁴³, 'African students' leader killed'⁴⁴, 'Racists' crime'⁴⁵, 'Aggressors'⁴⁶, 'Following the Nazi model'⁴⁷.

The Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR on decorating Joe Slovo, the leader of both the SACP and Umkhonto we Sizwe, the ANC's military wing, with the Order of Friendship of Peoples read: 'For the contribution to the struggle against imperialism and racism... Moscow, Kremlin. 22 May 1986'⁴⁸. Gorbachev's telegram to Mandela in July 1988, congratulating him on his birthday, read: '... You became a symbol of resistance to racial tyranny... Your comrades in the ranks of the African National Congress and other democratic organisations of the country are waging a just struggle...'⁴⁹

And yet discord over attitudes to the South African question started practically from the first steps of 'glasnost'. In June 1986 Gleb Starushenko, Deputy Director of the Africa Institute, spoke at an international conference in Moscow, on the principles of the future South African constitution. It should, he said, stipulate special guarantees for whites and a two-chamber parliament: one chamber based on universal suffrage, the other on the equal representation of the four 'racial' communities, with both chambers having the right to veto the decisions of the other chamber⁵⁰.

⁴² *Pravda*, 13 August 1987.

⁴³ *Izvestia*, 18 October 1988.

⁴⁴ *Izvestia*, 26 August 1987.

⁴⁵ *Pravda*, 28 July 1987.

⁴⁶ *Pravda*, 9 October 1987.

⁴⁷ *Izvestia*, 29 August 1988.

⁴⁸ *Pravda*, 23 May 1986.

⁴⁹ *Pravda*, 18 July 1988.

⁵⁰ G. B. Starushenko, *Problemy borby protiv rasizma, aorteida i kolonializma na Yuge Afriki. Doklad na II sovetsko-afrikanskoj nauchno-politicheskoj konferentsii 'Za mir, sotrudnichestvo i sotsialnyi progress'*. Moscow, 24–26 June, 1986.' Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Africa Institute, p. 9; The same in: G. Starushenko, *Problems of Struggle against Racism, Apartheid and Colonialism in South Africa*. Report presented to the Second Soviet–African Conference for Peace, Cooperation and Social Progress, Moscow, June 24–26, 1986). Moscow. USSR Academy of Sciences, Africa Institute, 1986, p. 12.

This paper received wide publicity abroad. Starushenko was proclaimed the author of the new Soviet line on South Africa and even of Gorbachev's ideas⁵¹. The ANC leadership was not used to such affronts coming from the USSR. For it Starushenko's paper became the symbol of new and dangerous tendencies in Soviet policy.

Within a year an 'unfortunate' interview by another deputy director of the Africa Institute, Leongard Goncharov, followed. Goncharov told a South African journalist that he did not expect a socialist revolution in South Africa soon and that, although the Soviet attitude to apartheid had not changed, the USSR was prepared to act 'more realistically, more flexibly, with the participation of all sides'⁵². This declaration was, in fact, tantamount to announcing a readiness to talk to the South African government.

Starushenko's and Goncharov's pronouncements were seen as an aberration, but gradually the tone of almost all Soviet media towards South Africa started to change. Diplomatic initiatives by the South African government in Africa were no longer 'racist tricks' or 'manoeuvres', but 'inevitability'⁵³. Not every white South African politician was automatically called a 'racist'. This term was now reserved for the Afrikaner Weerstandsbeweging (Afrikaner Resistance Movement)⁵⁴. Even the Conservative Party was spared such accusations⁵⁵. By the late 1988 Soviet press was discussing the lifting of sanctions against South Africa and establishing diplomatic relations with it⁵⁶.

An *Izvestia* correspondent, Boris Piliatskin, a long-time foot soldier of the Soviet propaganda front, was the first Soviet journalist to visit South Africa in September–October 1988, with the approval of both the ANC and the Central Committee. His publications about this visit were not exactly traditional (for example, he wrote that Botha's reforms were working), but still full of praise for the ANC. His last report about this trip ended with a description of his meeting with Winnie Mandela, whom he admiringly called a 'legendary woman'⁵⁷. A year later, in October 1989, in his article about a mass meeting in Soweto organised to greet Water Sisulu, who had just been freed from prison, Piliatskin described

⁵¹ See, for example, Nel, *Perceptions, Images and Stereotypes*, p. 26.

⁵² A. Sparks, *Tomorrow Is Another Country*. Johannesburg & Cape Town: Jonathan Ball Publishers, 1995, p. 354–365; Tikhomirov, *States in Transition*, p. 48.

⁵³ *Izvestia*, 16 September 1988; *Izvestia*, 24 February 1989.

⁵⁴ See, for example, *Izvestia*, 13 and 29 August 1988.

⁵⁵ See, for example, *Izvestia*, 23 November 1988.

⁵⁶ See, for example, *Komsomolskaya Pravda*, 22 December 1988.

⁵⁷ *Izvestia*, 25 November 1988.

the ANC as a very popular organisation with reasonable and moderate demands⁵⁸.

But in 1991 Piliatskin described the ANC as an organisation which killed municipal and community workers and called on Soweto teenagers to boycott schools, and the SACP as ‘one of the most Stalinist in the international communist movement’. The Afro-Asian Solidarity Committee, he continued, had long been ‘a non-governmental cover for the CC–GB⁵⁹ which helped to supply the ANC with money and weapons’. He also accused the Committee of blocking the ‘normal’ process of establishing diplomatic relations and broad economic cooperation with South Africa, and, most amazingly, of blocking information about ‘the real South Africa, not the scarecrow from the propaganda clichés written by “fighters against apartheid”’⁶⁰. In another article Piliatskin denounced the Central Committee for subordinating Soviet interests to those of the ANC – which, he said, was engaged in terrorist acts against peaceful South Africans and organised demonstrations of marginalised youth⁶¹.

Later on Piliatskin seriously offended the feelings not only of the ANC, but of the majority of South Africans when he wrote that Mandela did not deserve the Nobel Peace Prize, as he did not do anything: it was De Klerk who ‘let him out of prison and allowed him to legalise the ANC’⁶².

Boris Asoyan had travelled the same ideological route. His books and articles published before the mid-1980s fully reflected the orthodox Soviet approach⁶³. In 1987 he published a big article on the need for a sober analysis of African realities. As for South Africa, he wrote that it was time to stop depicting that country in black and white. It was a country, he wrote, where the white working class was one of the pillars of apartheid, where black policemen defended it, in which white doctors treated black patients, and the media published anti-government articles⁶⁴. This article seemed brave at the time, and it was widely commented on both in the USSR and abroad⁶⁵. There were no surprises in Asoyan’s pamphlet, ‘South Africa: What Lies Ahead?’, published in 1989. It was obviously

⁵⁸ *Izvestia*, 30 October 1989.

⁵⁹ The CPSU’s Central Committee and the KGB.

⁶⁰ *Nezavisimaia gazeta*, 1 October 1991.

⁶¹ *Izvestia*, 14 October 1991.

⁶² *Izvestia*, 10 December 1993.

⁶³ For example, B. R. Asoyan, *Dorogami svobody* [By Roads of Freedom]. Moscow: Politizdat, 1982; B. R. Asoyan, *Dikiie gusi ubivaiut na rassvete. Tainaia voina protiv Afriki* [Wild Geese Kill at Dawn. The Secret War against Africa]. Moscow: Politizdat, 1984.

⁶⁴ *Literaturnaia gazeta*, 15 July 1987, p. 29, p. 14.

⁶⁵ See, for exam-ple, Nel, *Perceptions, Images and Stereotypes*, p. 20.

written earlier, for publications of that nature took time⁶⁶. But his *Pravda* article which appeared in August 1989 was a complete departure from the official Soviet position and a shock for the ANC. By then the views expressed in this article had enough support both among the Soviet public and at the very top, to pass muster.

This new vision for South Africa which found its way into the pages of Soviet newspapers met strong opposition. Solodovnikov warned the Soviet public against underestimating the aggressiveness of 'imperialism' and predicted that 'if the USSR remained faithful to its socialist choice, its ideological confrontation with the capitalist world was unavoidable'. The weakening of Soviet positions in the developing world, he argued, was in this context a mistake⁶⁷.

In 1991, two months before the anti-Gorbachev putsch, *Nezavisimaia Gazeta* published Solodovnikov's article 'Premature euphoria. Soviet interests in South Africa. What are they?' It was a mistake, Solodovnikov thought, to increase contacts with the South African government at the expense of the ANC. 'The whole world', he wrote, 'must be watching in amazement how hard we are working to saw off the bough we are sitting on'⁶⁸.

Solodovnikov's position notwithstanding, the ANC now had to face opposition to some of its policies even at the Afro-Asian Solidarity Committee, the pillar of its support in the USSR. In 1987 and 1989 the Committee organised seminars attended by ANC representatives and Soviet social scientists. Outright opponents of the ANC were not invited, and yet there were a lot of contradictions between the views of the Soviet participants and the ANC representatives.

The ANC delegation came to the conclusion that its Soviet counterparts did not understand either Marxism or the ANC documents, particularly when it came to the nationality question. The Soviets returned to this issue time and again, while discussing such problems as education, economic policy, relations with other parties, and many other. This experience was unusual and deeply disturbing for the ANC. A politically

⁶⁶ B. Asoyan, *South Africa: What Lies Ahead?* Moscow: Novosti Press Agency Publishing House, 1989.

⁶⁷ V.G. Solodovnikov, *Borba stran Azii i Afriki za ekonomicheskii i sotsialnyi progress: problemy i perspektivy. Pozitsiia SSSR v otnoshenii problemy Sever – Yug. Sovremennyi etap razvitiia stran Azii i Afriki i dvizheniia solidarnosti (The Struggle of Asian and African Countries for Economic and Social Progress: Problems and Prospects. Soviet position in respect of the problem North – South. Contemporary stage of the development of Asia and Africa and the Solidarity Movement)*. Moscow: Nauka, 1991.

⁶⁸ V.G. Solodovnikov, 'Prezhdevremennaia eiforiia. Sovetskie interesi v Yuzhnoi Afrike. V chem oni?': *Nezavisimaia gazeta*, 27 June 1991.

correct academic wisdom of the time particularly in academic circles close to the ANC, considered 'ethnicity' – ethnic identity – an artificial creation that would disappear with the end of apartheid. This was not the opinion of the Soviet participants of the seminar.

Assessing the results of the 1989 seminar, Pallo Jordan, head of the ANC's delegation, wrote:

We benefited from the plurality of opinion among our Soviet counterparts, though we were unable to engage directly with those who have voiced opinions some of us found uncomfortable... There was one fundamental divergence in the approaches of our respective delegations. The Soviet comrades, almost without exception, made ethnicity and nationality their starting point of analysis... There seemed also to be no appreciation of the social character of our movement and the relative weight of the different classes that are united under its banner... It was our argument that most of the current conflicts and political demands which express themselves in ethnic terms are a function of the specific class ideologies... In the post-liberation period the issue would then become devising policies that take account of ethnic feelings while containing the possibilities of it becoming a flashpoint by timeously addressing the problems of uneven development, uneven distribution of resources, uneven levels of education between and among regions of the country...'

Jordan expressed the opinion that what Soviet comrades needed in order to overcome the deficiencies of their views was a more regular access to 'progressive South African journals'⁶⁹.

The prominence of ethnicity in Soviet participants' vision of the South African situation was not the only issue that startled their ANC counterparts. One of the sessions was visited by Rostislav Ulianovsky, a former deputy head of the CC's International Department and one of the authors of the theory of the national democratic revolution. Having listened to what the ANC delegates had to say about the policy of their future government, Ulianovsky said that they should not discuss details of their future economic reforms and the stages of their implementation, since all that would depend on concrete situations. He also called on them to learn from the negative experience of other African countries, particularly in respect of nationalisation, and to be extremely cautious about nationalising any businesses, local or international. His last words were: 'Comrades, be careful'⁷⁰. This was met with stunned silence.

⁶⁹ Report on the ANC–Soviet Social Scientists Seminar, part one, Moscow, 21–24 February 1989, pp. 3–4.

⁷⁰ Social Scientists Seminar, Moscow, 17–22 March 1987. Full text of the seminar deciphered from tape recorder, pp. 46–47, I Filatova's papers.

Perestroika and the ANC

The seminars at the Afro-Asian Solidarity Committee were just one of many signs of the deepening chasm between the position of the ANC and that of a significant part of Soviet political elite. The ANC's 1985 National Consultative Conference in Kabwe left little doubt that the revolutionary overthrow of government constituted the thrust of the organisation's tactics and strategy.

The discussion document submitted to the conference by the Commission on Strategy and Tactics discussed the revolution, insurrection, People's War, the need to be ready, 'at the right moment, to provide guidance and lead the people in mass actions involving revolutionary force, such as land occupation, factory occupation, people's control of the townships...', and the need to 'apply the principles of MCW [military combat work] to the question of armed struggle'. 'MCW,' the document went on to explain, 'involves the preparation of combat forces of the revolution according to specific principles, methods and structures' which 'derive from the experience of the Bolsheviks in three revolutions and the experience of revolutionary movements throughout the world'⁷¹.

At a practical level the policy of the ANC in the conditions of the People's War was defined by the 'Broad Guidelines on Organs of People's Power' This document ran:

The strategic objective of our National Democratic Revolution is the overthrow of the racist regime and seizure of power by the people... For this power to serve the interests of the people we have to destroy the racist state machinery, and the political, economic, social and cultural relations of the apartheid system. In their place, a new state machinery and relations of genuine equality will be set up... In broad terms the following characteristics should obtain: ...the system in its totality should have become unbearable for the masses; political, social and economic hardships should be at their worst... These conditions are necessary for the revolution to take place... Where organs of the regime have been destroyed, we have to create new ones... These organs have to involve all the people. Therefore they have to be elected; consult the people and report back to them... It emerges therefore that we are

⁷¹ African National Congress National Consultative Conference, June 1985. Commission on Cadre Policy, Political and Ideological Work. Internal Commission Report. Commission on Strategy and Tactics. RH. MSS Afr s 2151, pp. 15–16, 18. MWC was the basic course in organising armed underground which the majority of the ANC cadres in exile were taught.

talking of a government in the making with corresponding substructures: its parliament in the form of Street Committees for example, its army and police in the form of self-defence units and combat groups; its courts: the people's courts...⁷²

The SACP programme, 'The Path to Power', adopted in 1989 at the 7th Party Congress in Cuba, declared the armed seizure of power through revolutionary struggle as the Party's main goal before the building of socialism. Changes in the USSR were barely mentioned, and there was no reference to its policy towards Southern Africa⁷³.

The ANC policy was defined, as before, by revolutionary ideals. In this system of values, perestroika – with its ideas of negotiated settlement of conflicts and of building bridges with the West – could not but seem dubious to the ANC leadership, to say the least. Essop Pahad remembered:

Some of the CPSU people ... began to discuss this with the world communist movement in Prague, at the *World Marxist Review* ... quite a number of the people working on the journal, who were all, of course, basically Soviet intellectuals, were very favourable. Some of us were not so favourable... I was never sure whether this thing was pushed basically by intellectuals in order to free themselves to be able to do a whole set of things, or whether this thing had the support from ... the masses of the people... I wasn't sure whether they were taking the people with them on this question. And I wasn't sure [about] the extent to which the economy would be ready to withstand the shocks of this... I was certainly in favour of both perestroika as well as glasnost, but I was never sure about the timing, the pace, how soon the depth of the changes will come⁷⁴.

This said, the ANC was also changing. In the late 1980s, when the mass movement started to decline as a result of repression, new tendencies emerged, and just as with the Soviet policy of that time, the policy of the ANC also became multi-layered and complex. On the one hand, the Kabwe Conference passed resolutions about the intensification of the People's War and about 'making the country ungovernable'. On the other, some among the ANC leadership started to think about negotiations. 'Some people in the ANC with President Tambo were already thinking of engaging in' [negotiations], said Pahad. '...Not even the entire leadership of the movement knew that, because you had to keep

⁷² *Broad Guidelines on Organs of People's Power (Draft Document for Discussion)*. ANC. Confidential Discussion Document, circa 1987. Rhodes House Library, Howard Barrell's Papers, MSS Afr s 2151, box 4, A24, L. 1–2.

⁷³ 'The Path to Power, Programme of the South African Communist Party Adopted at the 7th Congress, 1989', *The African Communist*, No 118, 1989.

⁷⁴ Filatova, Interview with E. Pahad, part 1.

it under wraps, because you were talking about people from South Africa, who would have got into serious trouble with the apartheid regime'⁷⁵.

The late 1980s were a period of a diplomatic offensive for the ANC. Its leaders began to meet representatives of governments and the business circles of the Western powers. Discussion of negotiations was becoming no less important a feature of ANC tactics than the armed struggle and propaganda. The ANC's Soviet colleagues actively discussed these new tactics with them. It has already been mentioned that it was Tambo, not the Soviets, who raised the question of the Soviet role in the Angolan–Namibian negotiations process. (November 1986). According to Essop Pahad, during the delegation's meeting at the CPSU's Central Committee, Thabo Mbeki, a member of the delegation, suggested that the USSR should have its own position on negotiations, independent from that of the ANC and the SACP. Otherwise, Mbeki thought, Western powers would 'impose' a political settlement on the ANC⁷⁶.

In March 1987 Joe Slovo mentioned openly for the first time the possibility of a peaceful transition in South Africa⁷⁷. By then several lines of communication between representatives of the government and the ANC leadership had already been opened. Slovo was very interested in Gorbachev's ideas and accepted many of them, although he thought that under the banner of socialist reforms the USSR and other countries of the Eastern bloc were subjected to a massive attack by anti-communist forces. But he was an avid reader of the Soviet pro-perestroika English-language publications, *The Moscow News* and *The New Times*, and said that they changed his view of the Soviet Union and made him accept that socialism as it existed in the USSR needed to be reformed. His view of the need for a socialist perspective for South Africa did not change, but, he wrote in 1989, after coming to power the ANC and SACP needed a 'multi-party post-apartheid democracy' at both the national democratic and socialist stages, 'a democratic competition for power', since one-party states had a tendency towards authoritarianism⁷⁸. Both the tone and the meaning of such pronouncements were a departure from the earlier ANC and SACP rhetoric.

In October 1987 the ANC's National Executive Committee issued a statement about the possibility of negotiations on certain conditions

⁷⁵ *Ibid.* It should be stressed that Pahad was speaking about 1986.

⁷⁶ Filatova, Interview with E. Pahad, part 1.

⁷⁷ A Sampson, *Mandela. The Authorised Biography*. Johannesburg and Cape Town: Jonathan Ball, 1999, p. 365.

⁷⁸ J. Slovo, 'Has socialism failed?' Umsebenzi discussion pamphlet. London: Inkululeko Publications, nd [1989], p. 27.

which included the liberation of political prisoners, the lifting of the emergency, the cancellation of repressive laws, withdrawal of troops from the townships and the return of political émigrés. But the meeting simultaneously stressed the need to continue the struggle⁷⁹. This document, which was discussed with Moscow, became the basis of the Harare Declaration, adopted in 1989, by the Organisation of African Unity as its official position on the process of peaceful transformation in South Africa.

In July 1989 the ANC adopted its Constitutional Guidelines for a Democratic South Africa – in effect, its position for future negotiations. The document announced that South Africa should be a unitary non-racial state with a mixed economy and multi-party democracy, that all citizens should be equal before the law, that racist propaganda should be prohibited, and that the rights of all peoples of the country to their language and culture should be protected⁸⁰.

But, as in the USSR, the process of change in the ANC was neither straightforward nor easy, and there was no unity even among the leadership as to its pace and direction. At the 2 May 1989 meeting of the ANC's National Working Committee, Chris Hani, then Chief of Staff of Umkhonto, said that the time for negotiations was not yet right and that before initiating them it was imperative to strengthen the armed underground in the country. The majority of the leadership shared this view⁸¹.

Although official relations between the ANC and the USSR did not change, perestroika could not but result in friction and misunderstandings.

The pronouncements by Starushenko and Goncharov were a shock to the ANC, particularly since they were a wonderful propaganda boost to the South African government. The attention paid by Soviet academics and journalists to the fate of the white population under majority rule also annoyed the ANC. Essop Pahad said: 'Starushenko. Oh, we quarrelled... And I had to say to him: "You don't understand South Africa. You are placing too much emphasis on white South Africans"... They [the Russians] were quite determined that you should not hate whites. And they were quite determined that whites – and which was not wrong – would have to play some important role, which we agreed with.

⁷⁹ *South African Survey. 1987/88*. Johannesburg: South African Institute of Race Relations, 1988, p. 704; Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, pp. 344–345; 378–379.

⁸⁰ Constitutional Guidelines for a Democratic South Africa. Issued by the ANC. Lusaka, n.d. [1989]. UCT Manuscripts and Archives, BC 1081. P. 25.4.

⁸¹ Minutes of NWC Meeting, 2 May 1989, p. 1, UWC. Mayibuye Centre, ANC Collection (Lusaka).

But my own view was that they exaggerated it to that extent, and that was one of the reasons that led to problems'⁸².

But it was Asoyan's 1989 *Pravda* article that became a watershed. Joe Slovo decided to reply with an article of his own which *Pravda* also published.⁸³ The very fact that an SACP (and ANC) leader had to engage in an ideological debate with a Soviet official in the pages of the official organ of the CPSU's Central Committee could not but deeply worry and upset the ANC.

The changes both in ANC policy and in the Southern African policy of the USSR were defined by many different factors in the international arena, in the USSR, in South Africa and in the ANC itself. All these processes were interconnected and influenced one another. The Soviet leadership, for example, could not fail to notice that the ANC had become an independent player in the international arena, and that it had its own relations with Western countries and, indirectly, with the South African government. Unlike pre-perestroika times, mutual interests did not always coincide. The ANC was interested in the continuation of the status quo in the Soviet position on Southern Africa, as it enormously strengthened its position in any negotiations. But in the new situation, particularly in the context of negotiations on the Angolan–Namibian settlement, this was impossible. The ANC leadership understood this but tried to slow down the change.

One nagging question seemed to be of particular importance to the Soviet leadership in its relations with the ANC in the late 1980s: the possibility of direct contact and then relations with the South African government. It was raised by the Soviet side several times at meetings with the ANC leadership, and every time any such contact was vetoed. In May 1987, however, Tambo gave a nod to direct Soviet relations with Pretoria in connection with the Angolan–Namibian question, but suggested they wait. Even in late 1987 Dobrynin could not persuade Tambo to allow Soviet contacts with South African officials⁸⁴.

In March 1989 Tambo came to Moscow as head of the most representative ANC delegation ever since the establishment of relations with the USSR. But Gorbachev did not receive him, having entrusted this mission to Anatoly Lukianov, his first deputy at the Presidium of

⁸² Filatova, Interview with E. Pahad, part 1.

⁸³ *Pravda*, 1 October 1989. This article was also published in the *African Communist*.

⁸⁴ Adamishin, *Beloie solntse Angoly*, pp. 46, 57–58; Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi kongress*, p. 347.

the Supreme Council of the USSR. At the Foreign Ministry he was received by Adamishin – not by the minister.

In practical terms there was little to complain about: both Lukianov and Adamishin confirmed that the Soviet support would continue and its military assistance to the ANC would continue to grow. But discrepancies in the position of the two sides became more noticeable. Adamishin said, for example, that it was impossible to crush apartheid by military means. His interlocutors replied that only armed struggle could pressurise the government into negotiations. The ANC asked the USSR not to weaken its attention to the Southern African region, particularly since the West was getting more active there. Adamishin said that the USSR would not leave its allies to the mercy of the West, but that it would not try to squeeze the West out of that region and to break its historically formed ties there. This time, though, Tambo replied ‘positively’ to Adamishin’s question about Soviet contacts with South African officials. By then, negotiations on Namibia, during which the Soviets met South African officials all the time, were over⁸⁵.

The ANC was losing faith in the continuing support of its Soviet ally. At the 2 May 1989 meeting of the ANC’s National Working Committee a member of the Committee asked whether the ANC could be sure that the Soviet position of support for the ANC would continue⁸⁶. There was no answer to this.

In July 1991 the ANC held its first National Conference in South Africa since its banning in 1960. The conference took place in Durban. Vladimir Shubin was with the Soviet delegation. According to a South African journalist, Shubin ‘received the loudest applause on the day when 2000 ANC delegates greeted their numerous guests’⁸⁷. Nelson Mandela, who met the delegation, told them: ‘Without your support we would not have been where we are now’⁸⁸. For friends and enemies alike this conference on South African soil, the storm of applause meted out for Shubin, and Mandela’s words marked the triumphal completion of the decades of work of the CPSU’s Central Committee on the South African direction – just a month before the CPSU’s fall from grace.

⁸⁵ Adamishin, *Beloie solntse Angoly*, pp. 46, 57–58; Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, p. 371.

⁸⁶ Minutes of the NWC Meeting, 2 May 1989, p. 1.

⁸⁷ *Pretoria News*, 4 July 1991.

⁸⁸ Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, p. 407.

Soviet Participation in the Angolan-Namibian Negotiations and South Africa

The Soviet role in the Namibian and Angolan settlement is well researched, but the influence of Soviet involvement in this process on the peaceful transition in South Africa deserves more attention.

The Soviet Foreign Ministry was pushing for Soviet participation in the negotiations since late 1986. The CPSU's Central Committee officially approved it in June 1988. The CC's resolution also mentioned that Soviet representative 'should not avoid official contacts with South Africa', but only if the initiative came from South Africa, and only if the Angolans and Cubans approved of every such meeting. It was too late: CC's sanction came when the negotiations were well advanced. It was still important, however, for maintaining relations with the liberation movements. Without it they might not have agreed to the compromises which they finally had to make.

While defending the interests of Soviet traditional allies at these meetings, Soviet representatives simultaneously warned them against taking any risky steps that could jeopardise the balance of forces in the region. South African diplomats were appreciative of this unexpected assistance. According to Adamishin, after the successful completion of the negotiations they were telling him that 'such speedy progress would have been impossible without the positive changes in the international arena brought about by perestroika in the USSR'⁸⁹. One of the participants, André Jaquet, remembered:

Brandt Fourie, former director-general of foreign affairs... wrote in an article that glasnost was the greatest danger for us, as we could no longer rely on the veto in the UNO⁹⁰. But the negotiations changed this opinion. They [the Soviets] were not the main power in the negotiations room... [But] without the support of the USSR Crocker⁹¹ would not have been able to do it... I am sure that the negotiations were a success because of the USSR... Without the changes in the USSR the negotiations simply would not have started⁹².

Of course, the South Africans remained suspicious of the Soviets. André Jaquet remembered that during the negotiations Niel Barnard, head of the NIS, kept on repeating: 'We do not know what they want'.

⁸⁹ Adamishin, *Beloie solntse Angoly*, pp. 130–131; 138–139.

⁹⁰ Obviously, Western powers' veto of Soviet proposals on South Africa in the UN's Security Council.

⁹¹ Chester Crocker, Assistant Secretary of State for African Affairs.

⁹² I Filatova, Interview with Andre Jaquet, 26 April 2006.

But time after time when the Cubans or the Angolans came up with a position which was completely unacceptable to the South African delegation, a break was announced, and after the break they had changed their position. It was quite obvious that one of the Russians had spoken to them seriously⁹³.

Despite limitations, imposed by the CC, Soviet diplomats were present at all nine rounds of the quadripartite negotiations and obviously met South African counterparts every day and maintained regular contact with them, and this was hardly less important than the role the Russian played in the negotiations.⁹⁴ Neil van Heerden, Director-General of the South African Foreign Ministry, was impressed by the fact that Soviet participation in the negotiations was not only constructive, but also tactful:

Before then I thought that Russian interventions were always rough: they ordered, they did not negotiate... But with time we all came to appreciate the unobtrusiveness and tact with which the Russians handled the negotiations. [Moreover,] at a personal level we always had... a mutual understanding which quickly allowed us to feel comfortable in each other's company...

Moreover, the South Africans discovered that they shared some notions with those whom they used to see as their arch enemy. 'We understood', van Heerden said, that the Russians were Europeans. And the Russians understood the role of the stabilising..., civilising European influence in South Africa. Such ideas have completely fallen out of fashion now. But then the idea that Russia was a most important European power was completely new for many South Africans⁹⁵.

Before the negotiations, Andre Jaquet remembered, ...none of us had anything to do with the Soviet way of thinking, and we were afraid of the Big Bear... But very soon our team understood that the Soviets were ordinary people, that they were not eight foot high and that they did not have any extraordinary abilities... This impression that the Russians were normal people was almost as important as the question whether one shouldn't try to reach a settlement in South Africa through negotiations. Because the government and the intelligentsia began to think: "So, it is possible to negotiate with terrorists? It is possible to negotiate with the Soviets, the Russians? And the sky does not fall on

⁹³ Filatova, Interview with André Jaquet.

⁹⁴ See, for example, *Jane's Defence Weekly*, 26 November 1988, p. 1322, in Vanneman, *Soviet Strategy in Southern Africa*, p. 83.

⁹⁵ I. Filatova, Interview with Neil van Heerden, 21 September 2005.

your head. They have not captured anything. This is called peaceful settlement”⁹⁶.

When, in May 1989, Pik Botha, South Africa’s Foreign Minister, spoke about the idea of establishing relations with the Soviet Union in Parliament, he referred to the experience of working with the Soviets during the Angolan–Namibian negotiations⁹⁷.

In establishing new relations, it was difficult for Moscow not to spoil relations with its old friends. The outcome of the Angolan–Namibian settlement left the ANC in a particularly vulnerable position. It meant the withdrawal of Umkhonto we Sizwe, ANC’s military wing, from Angola. Tambo did not conceal that ‘leaving the West’ (Angola) would cripple Umkhonto. Yet, in January 1989 the ANC announced that it was withdrawing its bases from Angola in order to comply with the agreements on Angola and Namibia. The USSR assisted in relocating Umkhonto from Angola to Tanzania and Uganda and continued its military assistance. This helped Umkhonto to keep its cadres, but it had still suffered a huge moral and practical blow. It is difficult to imagine that this could have occurred if the policy makers in the USSR had believed that Umkhonto had any chance of success. Its weakness was demonstrated to the whole world and to its own people. Shubin wrote that ‘the negotiations on the Angolan–Namibian settlement served as a kind of warning to the ANC. Its leadership realised that it could face the inevitability of negotiations with Pretoria, even if it still considered them premature’⁹⁸.

Obviously, these developments did not leave everybody happy, even in the Soviet Foreign Ministry itself, let alone the ANC cadres.⁹⁹ But the alternative to the peaceful settlement would have been the continuation of the conflict, in which case the fate of the liberation movements, particularly after the collapse of the USSR, might have been very different. And one can only guess what would have happened if the Soviets had agreed ‘to inflict bombing or other strikes on South African bases in Angola and Namibian airports’ (a step suggested by the Cubans), or even simply ignored the Cubans’ intention of crossing the Angolan border into Namibia¹⁰⁰.

⁹⁶ I. Filatova, Interview with André Jaquet.

⁹⁷ *Hansard*, 1989, 11, cols. 7492–7506.

⁹⁸ Shubin, *Afrikanskii natsionalnyi congress*, pp. 365, 367–368, 347.

⁹⁹ See, for example, Baryshev, *Bolshevizm i sovremennyi mir*

¹⁰⁰ Adamishin, *Beloie Solntse Angoly*, pp. 59–60.

The Quiet Exit of the 'Total Onslaught'

Judging by the South African press and parliamentary debates it took the South Africans a few years to start taking Gorbachev's ideas seriously. To be more exact, their attitude to the Soviet Union started changing from 1988. In October 1987 Magnus Malan, South Africa's Defence Minister, said: 'The situation in Mozambique has deteriorated because it is in the grip of the Soviet Union... The USSR considers Mozambique as one of its tools for achieving its goals in South Africa' and that 'the tragedy of Angola is that its government is directed by Moscow, and Moscow uses Angola as a trampoline for achieving its main goal — South Africa'. But on 5 March the following year he offered the Soviet leadership direct bilateral negotiations on Angola¹⁰¹.

Most probably the offer was a propaganda trick, aimed at proving to the West that the Soviet Union was not sincere about its declared intent to settle conflicts by peaceful means. But even so, a year earlier such a move by one of South Africa's leading hawks was unthinkable.

There is no doubt that one of the reasons for this change was events in Angola. Malan said in Parliament that from his point of view South African operations in Angola were 'a fantastic achievement' — a sentiment that was certainly not shared by South Africa's opponents. But, having listed the losses of the Angolan army, Malan added that 'the Soviets supplied even more sophisticated equipment' to them¹⁰². Early in 1988 it was announced that the SADF would withdraw from Angola.

The official reason given for Malan's proposal was the announcement by the Soviet government that it would withdraw Soviet troops from Afghanistan. But there were other reasons as well. The squeeze on the South African government by the Western powers tightened, which made many among South Africa's leadership believe that their allies were betraying them. By 1988 some felt that establishing relations with the USSR was, perhaps, a cunning, if not the only possible way out of the crisis. Malan's proposals, for example, were full of anti-American rhetoric¹⁰³.

In 1988 Pik Botha said in Parliament that trade relations with the USSR should be established for practical reasons¹⁰⁴. In 1989 the idea of opening trade relations with the Soviet Union in order to break international sanctions against South Africa popped up in parliamentary

¹⁰¹ *The Star*, 11 March 1988; Nel, *Perceptions, Images and Stereotypes*, pp. 24, 25.

¹⁰² *Hansard*, 1988, 4, cols. 9932–9935.

¹⁰³ *The Star*, 11 March 1988.

¹⁰⁴ *Hansard*, 1988, 4, col. 9722.

debates quite often – always in combination with a grudge against the Americans and British¹⁰⁵.

Meeting the Soviets in different countries, first of all in connection with the Angolan–Namibian negotiations, played a huge role in this change of heart too. The South African Foreign Ministry came to the conclusion that its former assessment of Soviet policy in Southern Africa was no longer valid, and that the new Soviet approach could be used to South Africa's advantage¹⁰⁶.

Yet another reason was the changing situation in South Africa itself. The government viewed the United Democratic Front, a mass anti-apartheid organisation, as the creation of the Kremlin, which exercised full control over it¹⁰⁷. The campaign against it was waged under anti-communist slogans such as 'for Christianity against Marxism and Communism'¹⁰⁸. In February 1988 the UDF was banned. For a part of the ruling elite this weakening of this internal ally of the ANC meant that the enemy could be spoken to from a position of strength.

However, the most important thing that turned the Afrikaner mind around was the events in Eastern Europe. The idea that the Soviet Union was engaged in the 'total onslaught' on South Africa through its support of the ANC was the core of the regime's thinking and propaganda. For the majority of the Afrikaners the belief in the 'total onslaught' became second nature, almost the core of their identity. The coming to power of anti-communist governments in the Eastern bloc, the fall of the Berlin Wall and, most importantly, the fact that the USSR did nothing about it, took an enormous weight off their shoulders. There is no doubt that F.W. De Klerk, South Africa's new president, was among those who felt this strongly. De Klerk's famous speech of 2 February 1990 actually started with a description of events in Eastern Europe. 'These developments', he said, will entail unpredictable consequences for Europe, but they will also be of decisive importance to Africa'. He praised the desire of the Soviets to resolve regional conflicts by peaceful means and said that it was the persistence of Soviet politicians that enabled him to release Nelson Mandela and unban the ANC and SACP¹⁰⁹. In his interview to the Soviet magazine *Novoie Vremia*, Pik Botha repeated these words and added:

¹⁰⁵ *Hansard*, 1989, 11, cols. 7342–7343; 7338–7341.

¹⁰⁶ Nel, *Perceptions, Images and Stereotypes*, p. 24.

¹⁰⁷ *Hansard*, 1987, 17, col. 979.

¹⁰⁸ *Hansard*, 1988, 1, col. 2519.

¹⁰⁹ Address by the State President, Mr FW de Klerk, DMS, at the Opening of the Second Session of the Ninth Parliament of the Republic of South Africa, Cape Town, February 2, 1990. South African Government Information. Speeches and

‘I hope I have explained sufficiently clearly why I think that perestroika had a decisive impact on the internal events in South Africa’¹¹⁰.

Of course, as in the USSR, protagonists of the new line met strong opposition from all sides¹¹¹. But, while the South African political elite may not have believed that the strategic goals of the USSR in the world generally and in South Africa in particular had changed, they did believe that the ‘total onslaught’ was over. The ‘total onslaught’ somehow quietly disappeared from newspapers and parliamentary debates. The leader of the National Democratic Party casually noted in Parliament: ‘Incidentally, what is ... becoming clear is that the total onslaught is petering out’¹¹². If an ‘onslaught’ was mentioned at all, it was usually a ‘revolutionary’ onslaught, and it was associated with Cuba and the ANC, not with the Soviet Union. Even Magnus Malan did not mention any ‘total’ or ‘Soviet’ onslaught in his 1989 budget speech in Parliament, though he did mention the ‘communist’ or ‘revolutionary’ onslaught¹¹³.

The predominance of the ‘total onslaught’ paradigm in the minds of the regime made its leaders believe that once the Soviet Union had removed itself from the scene, the ANC would follow suit or at least would be significantly weakened. The admission by the USSR of the faults within its own system, it was thought, would make the ANC drop their ‘communist aspirations’ and ‘violence’.

Towards the end of his February 1990 speech, De Klerk said: ‘The events in the Soviet Union and Eastern Europe ... weaken the capability of organisations which were previously supported strongly from those quarters. The activities of the organisations in respect of which the prohibitions are now being lifted, no longer hold the same degree of threat to internal security which initially necessitated the imposition of the prohibition’¹¹⁴.

If by ‘security’ De Klerk meant the preservation of the status quo in some form, this was an entirely wrong assessment of the situation. By the late 1980s the ANC was deeply entrenched within the country both politically and structurally and could mobilise mass support

Statements, <http://www.info.gov.za/speeches/1996/101348690.htm>; Hansard, 1990, 18, cols. 7205–7206.

¹¹⁰ *Novoie vremia*, no 29, 1990, p 21. These words were virtually a quotation from De Klerk’s speech in Parliament on 2 February 1990, Hansard, 1990, 18, cols. 7205–7206.

¹¹¹ See, for example, *Hansard*, 1989, 11, cols. 7322–7323; *Hansard*, 1990, 17, cols. 2981–2982; *Hansard*, 1988, 4, col. 9255.

¹¹² *Hansard*, 1988, 4, col. 9247.

¹¹³ *Hansard*, 1989, 9, col. 1069.

¹¹⁴ Address by the State President.

without any assistance from the USSR. Its People's War did not need any serious Soviet military supplies – and this was, after all, the main form of 'violence' which the government was worried about. The ANC's relations with the USSR generally, and at that period in particular, were not based on the possibility that the Soviets might order them around or even 'tell them'. In effect the regime fell victim of its own propaganda. The belief that Soviet influence on the ANC was over made it easier for the Afrikaners to make it to the negotiations table.

Soviet policy towards South Africa in the late 1980s and early 1990s was often criticised as inconsistent and even contradictory. But in effect, this inconsistency proved the best tactic to support and advance political transformation in South Africa. The interest of the USSR in the negotiated settlement and in establishing relations with 'white' South Africa, the personal acquaintance of representatives of the Afrikaner elite with Soviet diplomats and academics, the belief that without Soviet assistance the ANC would lose ground – all that persuaded white South Africans that it was possible and desirable to negotiate with the ANC.

The ANC leaders, on the other hand, were reassured by the continuation of Soviet military supplies and of the training of its military cadres, by the meetings at the highest level at which they were told of the continuation of the Soviet support and by the attitude of the Central Committee officials who called on their comrades to distinguish between official Soviet policy and the debate in the Soviet perestroika media. However, such debates made the ANC leaders realise that one day the Soviet support might ultimately end and that a better moment for negotiations with the regime might never arrive.

In other words, Gorbachev's perestroika became one of the main contributing factors to the creation of the situation in which the opposing political forces in South Africa had to start talking to one another. This conclusion stresses the fact that peace making is an extremely complex process which cannot be defined simply by the will of one particular person or a group of people. It may be enhanced or hampered by many different events very far from the main theatre of action.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные труды Аполлона Борисовича Давидсона

Составитель:
Л.А. Карташова

1957

Либерия, Танганьика, Уганда, Юго-Западная Африка, Южно-Африканский Союз // Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М.: Изд-во Политической литературы, 1957. С. 595–597, 643–645, 653–655, 673–675, 676–684.

1958

Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации, 1888–1897. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 184 с., с ил. и карт.

Обзор журнала “Africa South” // Советское востоковедение. 1958. № 2. С. 175–179.

1959

Формэн Л., Сакс С. Процесс о государственной измене в Южно-Африканском Союзе / Пер. с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Отв. ред., авт. предисл.

Хантон У.Э. Судьбы Африки / Пер. с англ. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. 339 с. Отв. ред.

1960

Апартхейд – система расового порабощения // Расовая дискриминация в странах Африки. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. С. 20–103.

Создание Британской южноафриканской компании // Империализм и борьба рабочего класса / Сборник статей памяти академика Федора Ароновича Ротштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 143–162.

La résistance de la tribu Matabélé à l'établissement de la colonie de Rhodésie du Sud // Des africanistes russes parlent de l'Afrique. Paris: Présence Africaine, 1960. P. 55–87.

Коуп Джек. Прекрасный дом. Роман / Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1960. С. 379–387. Отв. ред., авт. предисловия.

Дискриминация африканцев в Южно-Африканском Союзе // Советская этнография. 1960. № 3. М. С. 123–133.

Крушение колониальной системы в Африке // Международная жизнь. 1960. № 11. С. 103–110.

1961

Африка сегодня // Африка. 1956–1961. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. С. 121–168. В соавт. с Н.И. Гавриловым.

Хатчинсон Э. Путь в Гану / Сокр. пер. с англ. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 227 с. Отв. ред., авт. предисл.

1962

Страницы истории // Африка сегодня. Краткий политико-экономический справочник. М.: Госполитиздат, 1962. С. 37–49.

Южно-Африканская Республика // Африка сегодня. Краткий политико-экономический справочник... С. 314–321.

Сигэл Р. Токолош / Пер. с англ. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 128 с. Отв. ред., авт. предисл.

Создание Африканского национального конгресса // Народы Азии и Африки. 1962. № 6. М. С. 78–88.

Шомбург Ганс. С палаткой по Африке / Сокр. пер. с нем. М.: Изд-во восточной литературы, 1962 (Путешествия по странам Востока). 192 с. Отв. ред., авт. предисл.

Можейко Игорь. Это – Гана. М.: Изд-во восточной литературы. 129 с. Отв. ред.

1963

Южно-Африканская Республика. (Население. Исторический очерк); Южно-Африканская Республика. (Важнейшие политические партии и организации. Профсоюзы) // Африка.

Энциклопедический справочник. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 338–342; 342–343.

Коуп Джек. Прирученный бык. Рассказы / Пер. с англ. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 84 с. Отв. ред.

Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1, 2. М.: Советская энциклопедия, 1963. Редактор-консультант.

1964

Новейшая история Африки. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. 500 с. Ред. совм. с Г.А. Нересовым, С.Р. Смирновым.

Введение // Новейшая история Африки. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. С. 5–38.

Малави (Ньясаленд), Замбия (Северная Родезия), Южная Родезия // Новейшая история Африки... С. 400–421.

Южно-Африканская Республика // Новейшая история Африки... С. 422–449.

Юго-Западная Африка // Новейшая история Африки... С. 450–457.

Ла Гума А. Скитания в ночи / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1964. Отв. ред. под псевд. А.Б. Макрушин.

The Russian Experience (As Others See South Africa) // New African. Vol. 3. № 3. Cape Town, March 28. P. 54–57.

Дэвидсон Бэзил. Черная мать. Африка: годы испытаний. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. 280 с. Ред. совм. с С.Ю. Абрамовой под псевд. А.Б. Макрушин.

1965

Южно-Африканская Республика // Новейшая история стран Азии и Африки. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. М.Ф. Юрьева. М.: Изд-во Московского университета, 1965. С. 565–577.

Рут Фёрст и ее книга // Рут Фёрст. Юго-Западная Африка. Историко-публицистический очерк / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1965. С. 5–22. Ред., авт. предисл. совм. с И.П. Ястребовой.

Ленин и первые коммунисты Африки // Азия и Африка сегодня. 1965. № 4. М. С. 10–13, 16. Под псевд. А. Макрушин.

Southern Africa: Liberation is Drawing Nearer // New Dawn. №. 11. Beirut, 1965.

Линде Г., Э. Бретшнейдер. До прихода белого человека. Африка открывает свое прошлое / Пер. с нем. М.: Наука, ГРВЛ, 1965. 264 с. Отв. ред. под псевд. А.Б. Макрушин.

Потехин И.И. Становление новой Ганы. М.: Наука, 1965. 351 с. Ред. совм. с А.Б. Летневым, Г.А. Нерсесовым.

1966

Политика апартхеида в Южной Африке // Против расизма. Расизм в странах «свободного мира» и новый этап борьбы против него. М.: Наука, 1966. С. 253–286 (АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая).

То же на англ. яз.

Южная и Тропическая Африка в период между войнами; Народы Тропической и Южной Африки на пути к освобождению // Краткая всемирная история / Под ред. А.З. Манфреда. Кн. 2. М.: Наука, 1966. С. 220–226; 425–436.

То же на англ. яз.

The Crime of Apartheid. Theory and Practice in South Africa. Moscow: Novosti Press Agency Publishing House, 1966. 63 p. (Vital problems of our time).

То же на фр. яз.

Первые русские на Юге Африки // Азия и Африка сегодня. № 1. М. С. 47–49. Под псевд. А. Макрушин.

Les premiers explorateurs russes dans le Sud de l'Afrique // Études soviétiques. № 220–22. Paris. P. 86–87. Под псевд. А. Makrouchine.

Куббель Л.Е. Страна золота. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. 144 с. (По следам исчезнувших культур Востока). Отв. ред.

Абрамова С.Ю. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV – начало XIX в.). М.: Наука, ГРВЛ. 195 с. Отв. ред.

Russia and Africa. Moscow: "Nauka" Publishing House. Central Department of Oriental Literature, 1966. 248 p. Ed. with D.A. Olderogge, V.G. Solodovnikov.

То же на фр. яз.

1967

- Завоевание политической независимости // Антимпериалистическая революция в Африке. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 92–162; 164–186, 394–460
- Страны Южной Африки // История Африки в XIX – начале XX в. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. Часть I. Страны Африки в 1800–1870 гг. С. 164–186; Часть II. Страны Африки в 1870–1918 гг. С. 394–460.
- Делегат из Трансвааля (Джонс Дэвид Айвон) // Ленинская гвардия планеты. М.: Политиздат, 1967. С. 95–111.
- Two South Africas: Social-Political and Cultural Role of the Republic of South Africa in the African Continent. - II International Congress of Africanists. Papers presented by the USSR Delegation. Moscow, 1967. 14 p.
- То же на фр. яз.
- Винокуров Ю.Н.* Конго. Трудный путь к независимости. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. 199 с. Отв. ред.
- Голуб Э.* По Южной и Центральной Африке / Пер. с нем. и чешск. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. 239 с. Отв. ред.

1968

- African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule // Emerging Themes of African History. Proceedings of the International Congress of African Historians held at University College, Dar es Salaam, October 1965 / Ed. by T.O. Ranger. Nairobi: East African Publishing House, 1968. P. 177–188.
- Новейшая история Африки. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, ГРВЛ. Ред. совм. с Г.А. Нерсесовым, С.Р. Смирновым.
- Введение // Новейшая история Африки... Совм. с Г.А. Нерсесовым, С.Р. Смирновым С. 5–40.
- Замбия, Малави, Южная Родезия // Новейшая история Африки... Изд. 2-е С. 504–539.
- Южно-Африканская Республика // Новейшая история Африки... С. 552–592.
- Юго-Западная Африка // Новейшая история Африки... С. 593–612.
- A History of Africa, 1918–1968. Moscow: Nauka Publishing House. Central Department of Oriental Literature, 1968. Ed. with G.A. Nersesov and S.R. Smirnov.

Zambia, Malawi, Southern Rhodesia // A History of Africa... P. 423–451.

South West Africa // A History of Africa, 1918–1968... P. 499–515

The Republic of South Africa // A History of Africa, 1918–1968...
P. 465–498.

Pumter Э.А. Чака Зулу: возвышение зулусской империи / Пер.
с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. Отв. ред. и авт. предисл.

Трансваальская листовка // Иностранная литература. № 7. С. 220–227.

Potekhin I.I. African Problems. Analysis of eminent soviet scientist.
Moscow: Nauka Publishing House, Central Department of Oriental
Literature. Ред. и авт. предисл. совм. с А.Б. Летневым и Г.А.
Нерсесовым

То же на французском языке.

Потехина Г.И. Очерки современной литературы Западной Африки.
М.: Наука, ГРВЛ, 1968/1967. 214 с. Отв. ред.

1969

Коминтерн и рождение первой компартии в Африке // Коминтерн
и Восток. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. С. 448–507.

Entstehung der revolutionären Kräfte der Republik Süd Afrika // Gegen
Rassismus und Neokolonialismus, für die Befreiung des Südens
Afrikas. Konferenz. Berlin, 1968. (Reden). S. 1, 1969. (2). S. 302–321.

Apartheid: a System of Racial Oppression // Against Racism. Berlin
/ Moscow: Social Sciences Today, 1969/1971. P. 86–109 (USSR
Academy of Sciences. Problems of the Contemporary World. № 1,
1969).

То же на фр. яз.

То же на исп. яз.

Городнов В.П. Южно-африканский рабочий класс в борьбе против
реакции и расизма (50–60-е годы XX века). М.: Наука, ГРВЛ,
1969. 156 с. Ред. совм. с В.А. Мартыновым.

1970

У истоков распространения марксизма на юге Африки // Марк-
сизм и страны Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. С. 153–181.

African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial
Rule // Problems in History of Colonial Africa, 1860–1960 / Ed.
R.O. Collins. New Jersey: Prentice-Hall, 1970. P. 50–58.

Делегат из Трансвааля // Ленинская гвардия планеты. М.: Изд-во Политической литературы, 1970. 2 изд. С. 83–97.

African Communists Speak. Articles and documents from “The African communist”. Moscow: “Nauka” Publishing House. Central Department of Oriental Literature, 1970. 328 с. Отв. ред. совм. с И.П. Ястребовой.

1971

Зарождение революционных сил ЮАР // Против расизма и неокониализма, за освобождение Юга Африки (Материалы международной научной конференции, состоявшейся 22–25 мая 1968 г. в Берлине). М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 253–266.

То же на англ. и порт. яз.

Apartheid: a System of Racial Oppression // Against Racialism. Moscow: Social Sciences Today, 1971. P. 86–109 (Problems of the Contemporary World. № 1, 1969).

То же на фр., нем., исп. и порт. языках.

Формирование сил национального и социального протеста в Южной Африке (1870–1924). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: Институт востоковедения АН СССР. 60 с.

У истоков советской африканистики. (К 80-летию со дня рождения Эндре Шика) // Вопросы истории. № 4. С. 86–96.

Говорят коммунисты Африки / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 368 с. Отв. ред. Совм. с И.П. Ястребовой.

1972

Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924. М.: Наука, ГРВЛ. 615 с. с ил.

У истоков борьбы против расизма на юге Африки // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 1972. С. 276–301.

Маховский Я. История морского пиратства / Перев. с польск. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 288 с. Отв. ред. и авт. предисл. То же в изд. 1978 и Гром над Южной Африкой. Рассказы писателей Южно-Африканской Республики / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 160 с. Отв. ред.

1973

Хаггард Г.Р. Миссия в Трансвааль / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 238 с. Отв. ред. и авт. предисл.

Франкос А. Африка африканеров / Пер. с франц. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 232 с. Отв. ред. и авт. предисл.

Лерумо А. 50 лет борьбы. История Южно-Африканской коммунистической партии. 1921–1971 / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 312 с. Ред.-консультант.

1974

Шрейнер Оливия. Избранное / Пер. с англ. М.: Художественная литература, 1974. Отв. ред. и авт. предисл.

И.И. Потехин и советская африканистика // Советская этнография. № 4. С. 73–87.

Африка глазами наших соотечественников. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 319 с. Отв. ред. и авт. предисл.

1975

Облик далекой страны. М.: Наука, ГРВЛ. 423 с. с ил. и карт. Совм. с В.А. Макрушиним.

Изучение истории стран Африки южнее Сахары // Развитие советской исторической науки, 1970–1974. М.: Наука, 1975. С. 258–264. Совм. с Г.В. Цыпкиным.

Голоса из Кейптауна и Трансвааля // Голоса доброй надежды. Стихи современных поэтов Южно-Африканской Республики / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 5–6.

Африка глазами Гончарова // Искры пламени. Восточный альманах. Вып. 3. М.: Худ. лит.-ра, 1975. С. 363–384. Совм. с В. Макрушиним.

Бенсон Мэри. В точке покоя / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1975. С. 186–191. Отв. ред. и авт. послесловия.

Studies of South Africa's History in Moscow (Historiography, Problems) // Africa in Soviet Studies. Annual 1972. Moscow: "Nauka" Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1975. P. 141–171.

Альберт Нзула – один из первых африканцев-коммунистов // Рабочий класс и современный мир. 1975. № 6. С. 162–164.

Голоса доброй надежды. Стихи современных поэтов Южно-Африканской Республики / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 191 с. Отв. ред.

1976

Тропическая и Южная Африка // История стран Азии и Африки в новейшее время. — Часть 1 (1917–1945). М.: МГУ, 1976. С. 217–247.

Южная Африка // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М.: Наука, ГРВЛ, Southern African, 1976. С. 471–544.

Вяткина Р.Р. Создание Южно-Африканского Союза (1902–1910). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 227 с. Отв. ред.

Иорданский Б.Б. Африканскими дорогами. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 304 с. Отв. ред.

1977

Страны Тропической и Южной Африки / Тропическая и Южная Африка // Всемирная история. Т. XI. М.: Изд-во Мысль, 1977. С. 450–466.

То же на англ. и итал. яз.

Между Европой и Африкой // Ат-Тайиб Салих. Сезон паломничества на Север / Пер. с арабск. М.: Прогресс, 1977. Отв. ред. и авт. предисл.

Криге Э. Баллада о великом мужестве / Пер. с африкаанс. М.: Художественная литература, 1977. Отв. ред. и авт. предисл.

Риттер Э.А. Чака Зулу / Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Наука. ГРВЛ, 1977. Отв. ред. и авт. предисл.

Бринк А. Мгновенье на ветру / Пер. с англ. М.: Художественная литература, 1977. Ред. и авт. предисл.

Источниковедение африканской истории. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 300 с. Отв. ред.

Бейлис В.А. Воле Шойинка. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 271 с. Отв. ред.

Изучение Африки в России (дореволюционный период). М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 188 с. Отв. ред. Совм. с Г.А. Нерсесовым.

Катагощина И.М. Интеллигенция Нигерии. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 239 с. Отв. ред.

1978

Южно-Африканская Республика // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 458–506.

- Marxist Literature on the Problems of Colonialism and Anti-Colonialism in Africa South of the Sahara (From the 1920s until the end of the Second World War) // Sources and Historiography on African National-Liberation Movements (Proceedings of the 2nd International Conference of the Socialist Countries' Africa Historians, September 5–8, 1977, Budapest) / Ed. by Lőszly Krizsbn. № 96. Budapest : Hungarian Academy of Sciences. Institute for World Economics, 1978. P. 7–15 (Serie: Studies on Developing Countries).
- Межрасовые отношения и критика идеологии расизма. М.: ИНИОН АН СССР, 1978. 216 с. Ред. и авт. предисл.
- Биннс Ч. Т.* Динузулу. Конец династии Чаки / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. 295 с. Отв. ред. и авт. предисл.
- Абрамова С. Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. 284 с. Отв. ред.
- Синицына И. Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. История изучения. Кодексы обычного права. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. 286 с. Отв. ред. совм. с В. А. Тумановым.
- Избранные произведения писателей Южной Африки. М.: Прогресс, 1978. 581 с. (Библиотека избранных произведений писателей Азии и Африки). Ред.

1979

- Зов дальних морей. М.: Наука, ГРВЛ. 326 с. с ил. и карт. Совм. с В. А. Макрушиным.
- Историческая наука в странах Африки. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 302 с. Отв. ред. и авт. предисл.
- Марксистское и национально-демократическое направление в южноафриканской историографии // Историческая наука... С. 277–290.
- Тропическая и Южная Африка; Заир; Ангола и Мозамбик; Южная Африка; Южно-Африканская Республика // История стран Азии и Африки в новейшее время. Часть 2 (1945–1977). М.: Изд-во Московского университета, 1979. С. 316–333; 379–403.
- Страны Тропической и Южной Африки // Всемирная история. Т. XII. М.: Изд-во Мысль, 1979. С. 436–453.
- То же на итал. и англ. яз.
- Традиции интернационализма в революционном движении Южной Африки // Проблемы колониализма и становления антиколониальных сил. Сообщения историков-африканистов социалистических стран. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 116–121.

1980

Цыпкин Г.В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации (вторая половина XIX—начало XX в.). М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 310 с. Отв. ред.

1981

Этно-национальный фактор в конфликтных ситуациях мировой и региональной политики (к постановке проблемы) // Роль национальных проблем современного Востока в мировой и региональной политике. — Спец. бюллетень № 5 (218). М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 9—23.

Харвуд Рональд. Одинаковые тени / Пер. с англ. М.: Наука. ГРВЛ, 1981. Отв. ред. и авт. предисл.

Эндре Шик // Народы Азии и Африки. 1981. № 2. С. 148—160.

Макаров А.А. Борьба африканского населения ЮАР (70-е годы XX в.). М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 206 с. Отв. ред.

Непомнящий Н. Колесницы в пустыне. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 200 с. Отв. ред.

1982

Этно-национальный фактор в жизни развивающихся стран Азии и Африки // Международная конференция “Актуальные проблемы современной Азии”. Москва, 30 июня — 2 июля 1982 г. М.: Наука, ГРВЛ, 1982 (АН СССР. Институт востоковедения). 11 с.

То же на англ. и фр. яз.

Дэвис Дж. Г. Операция “Носорог” / Пер. с англ. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 171—174. Ред. и авт. послесловия совм. с Н.Н. Дроздовым.

Sik Endre // *Valóság*. № 5. Budapest. P. 109—118.

Lenin on South Africa // *The African Communist*. № 91. London, 1982. P. 73—79.

Урнов А.Ю. Политика ЮАР в Африке. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. 277 с. Отв. ред.

1983

Страны Тропической и Южной Африки // Всемирная история. Т. XIII. М.: Изд-во Мысль, 1983. С. 478—502.

То же на итал. и англ. яз.

- Великая южноафриканская война — в истории и в литературе // Африка. Литературный альманах. Вып. 4. М.: Художественная литература, 1983. С. 427–459.
- Endre Sik (1891–1978) // Africa in Soviet Studies. — Annual 1983. — Moscow: Nauka Publishing House, 1983. P. 250–263.
- Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 128/206 с. Отв. ред.
- Городнов В.П. Черные жители “белого” города. Жизнь и борьба африканского гетто. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 232 с. Отв. ред.
- История германского колониализма в Африке / Пер. с немец. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 412 с. Отв. ред. и авт. предисл.

1984

- Сесиль Родс и его время. М.: Мысль, 1984. 368 с. с ил.
- Страны Южной Африки // История Африки в XIX—начале XX в. 2-е, перераб. и доп. изд. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. Часть I. Страны Африки в 1800–1870 гг. С. 155–177; Часть II. Страны Африки в 1870–1918 гг. С. 389–451; Часть III. Южная Африка. Вопросы культуры. С. 508–518.
- Сесиль Родс — “герой дня” британского империализма // Новая и новейшая история. 1984. № 3. С. 127–142.

1985

- Politics and Nationalism in Central and Southern Africa, 1919–35 // General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination 1880–1935 / Ed. A. Abu Boahen. Heinemann-California-UNESCO, 1985. P. 673–711. With A. Isaacman and R. Pélissier.
- Шкляж И.М. Томас Прингл — южноафриканский демократ. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 139 с. Отв. ред.
- Шубин В.Г. Социал-демократия и борьба против колониализма и апартеида. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 191 с. Отв. ред.
- Филатова И.И. История Кении в новое и новейшее время. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 381 с. Отв. ред.

1986

- Георгий Александрович Нерсесов — историк-африканист // Африка. Проблемы истории. Сб. статей. М.: Наука, ГРВЛ, 1985/1986. С. 215–228.

Балезин А.С. Африканские правители и вожди в Уганде (эволюция традиционных властей в условиях колониализма, 1862–1962). М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 277 с. Отв. ред.

Овчинников В.Е. История Танзании в новое и новейшее время. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 272 с. Отв. ред.

1987

Булатович А.К. Третье путешествие по Эфиопии. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 124 с. Отв. ред. и авт. предисл.

Дрекслер Х. Юго-Западная Африка под германским колониальным господством. 1884–1915 / Пер. с нем. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 295 с. Отв. ред. и авт. предисл.

1988

Cecil Rhodes and His Time. Moscow: Progress Publishers, 1988. 443 p.
Муза Дальних Странствий // Африка. Литературный альманах. Вып. 9. М.: Художественная литература, 1988. С. 642–716.

Цыпкин В.Г. Эфиопия в антиколониальных войнах. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 312 с. Отв. ред.

1989

История Тропической и Южной Африки, 1918–1988. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 412 с. Отв. ред.

Основные проблемы новейшей истории Тропической и Южной Африки // История Тропической и Южной Африки... С. 3–63. Совм. с И. Филатовой.

ЮАР // История Тропической и Южной Африки... С. 335–363.

Первая программа советской африканистики. А. Шийк. К постановке марксистского изучения социально-экономических проблем Черной Африки. // Народы Азии и Африки. 1989, № 4. С. 117–126.

Риттер Э.А. Зулус Чака. Возвышение зулусской империи / Пер. с англ. 3-е изд., исправл. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 374 с. Отв. ред. и авт. предисл.

Балезин А.С. У великих африканских озер. Монархи и президенты Уганды. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 208 с. Отв. ред.

1990

Князь Багратион и англо-бурская война // Нико Багратиони в Африке. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1990. С. 127–132 (На грузинском языке).

1991

Накопление отечественных знаний о Южной Африке. Знакомство и начало изучения // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение. № 1. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 15–24.

Soviet Attitudes Toward Southern Africa // Disengagement from Southwest Africa. The Prospects for Peace in Angola and Namibia / Ed. by O.E. Kahn. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. P. 201–207.

Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1991. № 1. 104 с. Отв. ред. Совм. с И.И. Филатовой.

1992

Муза странствий Николая Гумилева. М.: ВО Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1992. 319 с.

Early Contacts between Russia and South Africa // Slavic Almanach. A Year Book of the South African Society for Slavic, Central and East European Studies. Vol. I. Johannesburg: University of the Witwatersrand, 1992. P. 66–93. With I. Filatova.

The Study of South African History in the Soviet Union // The International Journal of African Historical Studies. Vol. 25. 1992. № 1. Grahamstown: Rhodes University. P. 2–13.

Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд., испр., доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1992. 293 с. Отв. ред.

Ганкин Л.Э., Туева Е.Б. Черная Африка. История в художественной литературе. М.: Наука. Восточная литература, 1992. 192 с. Отв. ред.

Филатова И.И. Люди “Зеленых холмов Африки” между прошлым и настоящим. М.: Наука. Восточная литература, 1992. 233 с. Отв. ред.

1993

Патриарх отечественной африканистики. Из воспоминаний о Д.А. Ольдерогге // Восток. 1993. № 2. С. 112–120.

То же на англ. яз: Russian Patriarch of African Research. From Recollection of D.A. Olderogge // African Studies in Russia. Yearbook 1993–1996. Issue 1. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute for African Studies, 1993. P. 79–88.

African Travels of the Russian Poet Nikolai Gumilev // Threefold Wisdom. Islam, the Arab World and Africa. Papers in Honour of Ivan Hrbek / Ed. by O. Hulec and M. Mendel. Praha: Academy of Sciences of the Czech Republic. Oriental Institute. P. 47–52.

Olive Schreiner: A Century in Russia // English in Africa. Grahamstown: Rhodes University. Vol. 20. 1993. № 1. P. 39–48. With I. Filatova.

Мазов С.В. Парадоксы «образцовой» колонии. Становление колониального общества Ганы. 1900–1957 гг. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 220 с. (РАН СССР. Институт всеобщей истории). Отв. ред.

1994

Африканская муза русского поэта // Международная жизнь. 1994. № 11. С. 89–96.

The Africans and the Russians in the Nineteenth Century. Four Episodes // Quarterly Bulletin of the South African Library. Vol. 49. 1994. № 2. Cape Town: South African Library. P. 50–65. With I. Filatova.

1995

Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17–19 August 1994. Cape Town: Phoenix Publishers, 1995. 161 p. With I. Filatova. Ed. and author of the introduction.

Russia and South Africa: Centuries of Contact // Russia in the Contemporary World... P. 95–107.

Африканистика, африканисты и африканцы в Коминтерне (статья первая) // Восток. № 6. С. 112–134.

The Russian Boer General // Historia. Pretoria: Historical Association of South Africa. Vol. 40, № 2. November 1995. P. 20–38. With I. Filatova.

Николай Гумилев и русская эмиграция в Эфиопии // Новый журнал. № 196. Нью-Йорк. С. 377–381.

1996

Russian Patriarch of African Research. From Recollection of D.A. Olderogge // African Studies in Russia. Yearbook 1993–1996. Issue 1. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute for African Studies. P. 79–88.

Африканистика, африканисты и африканцы в Коминтерне (статья вторая) // Восток. 1996. № 2. С. 100–114.

Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. № 3. Архивные документы по истории Африки и российско-африканских отношений. М.: Изд-во Московского университета, 1996. Отв. ред. и авт. предисл.

1997

African History: A View from behind the Kremlin Wall // Rethinking African History / Ed. by S. McGrath, Ch. Jedrej, K. King and J. Thompson. [Edinburgh]: Centre of African Studies. Edinburgh: University of Edinburgh Press. P. 45–69. With I. Filatova.

Russian Literature in South Africa // Festschrift in Honour of Academician Chelyshev. Moscow: Nauka Publishers, 1997.

South African Society: Soviet Perspectives – 1917 to the mid 1950s // Alternation. International Journal for the Study of Southern African Literature and Languages. Vol. 4, 1997. № 1. Durban: Univ. of Durban-Westville. P. 84–92. With I. Filatova.

The South African War and the Russian Public // Alternation. International Journal for the Study of Southern African Literature and Languages. Vol. 4. 1997. № 2. Durban: Univ. of Durban-Westville. P. 81–102. With I. Filatova.

В поисках Туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907–1996) // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 130–140.

Russia and South Africa a Hundred Years Ago // South African Historical Journal. 1997. № 37. Pretoria: University of South Africa. P. 21–47. With I. Filatova.

Russian Doctors and Nurses in the South African War // Historia. Vol. 42. № 1. Pretoria: Historical Association of South Africa. P. 49–60. With I. Filatova.

1998

- The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town, Pretoria and Johannesburg: Human and Rousseau, 1998. 287 p.: il. With I. Filatova.
- Сесил Родс – строитель империи. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. 448 с. с ил. («Человек легенда»).
- Русская литература в Южной Африке. Письмо с мыса Доброй Надежды // Россия–Восток–Запад. М.: Наследие, 1998. С. 210–229.
- За все, что ему второпях не сказали... // Олег Константинович Дрейер. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1998. С. 116–126.
- Памяти Олега Константиновича Дрейера // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 215–218.
- В ЛГУ полвека назад. Из истории петербургской африканистики // Восток. 1998. № 4. С. 68–80.
- Seeking the Secrets of War. Russian Military Observers at the South African War. 1899–1902 // Kleio (Department of History of UNISA). № XXX. Pretoria, 1999. P. 45–63.

1999

- Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. 1960 г. Том I. XVIII в. 1917 г. 290 с.; Т. II. 1918–1960 гг. 400 с. М.: ИВИ РАН, 1999. Ред. совм. с Р.Р. Вяткиной и Г.В. Цыпкиным, и авт. предисл.
- Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. 1960 г. Т. 2. 1918–1960 гг. М.: ИВИ РАН, 1999. Ред. совм. с С.В. Мазовым.
- Коминтерн в Африке: документы, события, люди // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 181–198; № 4. С. 152–168.

2000

- Южноафриканцы в гражданской войне в России // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. С.-Петербург: РАН, 2000. С. 347–350.
- Отечественная африканистика – когда она зарождалась? // Под небом Африки моей. Альманах. Вып. 1. М.: ИД “Муравей”, 2000. С. 9–14.
- Российские африканисты в ЮАР // Под небом Африки моей. Альманах. Вып. 1. М.: ИД “Муравей”, 2000. С. 212–222.

- В поисках туманного Альбиона и туманного Петербурга // Россия и Британия. Вып. 2. Чтения памяти Н.А. Ерофеева. М.: Наука, 2000. С. 11–24.
- Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 31–50. Совм. с И. Филатовой.
- Наш цех историков в мемуарах. В связи с выходом книги академика Ю.А. Полякова // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 80–89.
- Южная Африка XX века глазами российских историков // Исторические записки. Вып. 3 (121). М.: Наука, 2000. С. 106–131.
- Тропическая и Южная Африка в XX веке // Новая и новейшая история. № 5. С. 10–29.
- Russian sources on the Anglo-Boer War // South African Archives Journal. Vol. 41. Johannesburg, 1999/2000. P. 56–63. With I. Filatova.
- Россия и Британия. Вып. 2. Чтения памяти Н.А. Ерофеева. М.: Наука, 2000. 188 с. Чл. редкол.
- Под небом Африки моей. Альманах. Вып. 1. М.: ИД «Муравей», 2000. Чл. редкол.
- Российские африканисты в ЮАР // Под небом Африки моей. Альманах. Вып. 1. М.: ИД «Муравей», 2000. С. 212–222.

2001

- Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин // Смоленск: Русич, 2001. 416 с.
- Страны Тропической и Южной Африки // Мир в XX веке. М.: Наука, 2001. С. 455–483.
- Африка в истории России (опыт трех столетий) // Историческая наука на рубеже веков. М.: Наука, 2001. С. 142–165.
- African history: a view from behind the Kremlin wall // Africa 2000. Forty Years of African Studies in Prague. Prague: SET OUT, 2001. С. 51–70. With I. Filatova.
- Литературное мастерство историка // Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 78–87.
- Мастер биографического жанра // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 217–226.

Литературное мастерство историка // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 91–97.

Николай Гумилев в Абиссинии // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 137–148.

Что это? Предостережение миру? // Иностранная литература. 2001. № 12. С. 229–237.

Interview with Professor Apollon Davidson // South African Historical Journal. №. 42. Bloemfontein, 2001. P. 307–317.

Николай Гумилев в Абиссинии // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 137–148.

2002

СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М.: ИВИ РАН, 2002. Совм. с С. Мазовым и Г. Цыпкиным.

Коминтерн и Африка // СССР и Африка... С. 13–77.

СССР и ЮАС во время и после Второй мировой войны // СССР и Африка... С. 107–116.

Россия и Британия. Вып. 3. В мире английской истории. Памяти академика В.Г. Трухановского. М.: Наука, 2002. Отв. ред.

Мастер биографического жанра // Россия и Британия. Вып. 3... С. 31–46.

Новые отношения бывшей метрополии с бывшими колониями. Опыт крупнейшей империи // Россия и Британия. Вып. 3... С. 121–129.

А жизни суть — стоит на мастерах // Ethnologica Africana. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. М.: “Муравей”, 2002. С. 31–44.

Политика Коминтерна в Африке // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наукаб 2002. С. 334–385 (РАН. Институт всеобщей истории).

Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 51–71.

«Чёрная Африка» в истории России: опыт трёх столетий // Мир истории. 2002. № 2. 2002.

- На путях к изучению Коминтерна // Исторические записки. № 5 (123). М.: Наука, 2002. С. 69–83.
- Последствия распада империй для XXI века // Вестник Российской Академии наук. Т. 72. 2002. № 5. С. 396–404.
- Африка в контексте отношении “Север–Юг” // Вестник Российской академии наук. Т. 72. 2002. № 11.

2003

- Московская Африка. М.: Изд-во Театрального Ин-та им. Бориса Шукина, 2003. Совм. с Л.В. Ивановой.
- Cecil Rhodes and his time. 2nd ed. Pretoria: Protea Boekhuis, 2003.
- South Africa and the Communist International: A Documentary History. Vol. I: Socialist Pilgrims to Bolshevik Footsoldiers, 1919–1930 ; Vol. II: Bolshevik Footsoldiers to Victims of Bolshevisation, 1931–1939. London: Frank Cass, 2003. Ed. and author of the introductory article and comments with I. Filatova, V. Gorodnov, S. Johns.
- Коминтерн и Африка. Документы / Сост. В. Городнов. СПб.: Алетейя, 2003. С. 5–56. Отв. ред. и авт. предисл. совм. с В.П. Городновым.
- Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х. М.: Наука, 2003. Отв. ред.
- Прошлое нашего цеха // Становление отечественной африканистики... С. 5–21.
- Патриарх (Д.А. Ольдерогге) // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х... С. 55–73.
- Автор первой многотомной “Истории Черной Африки” (Эндре Шик) // Становление отечественной африканистики... С. 74–93.
- Глава первого центра африканистики (А.З. Зусманович) // Становление отечественной африканистики... С. 94–115.
- Основатель Института Африки (И.И. Потехин) // Становление отечественной африканистики... С. 116–135.
- Знарок зулусского языка (И.Л. Снегирев) // Становление отечественной африканистики... С. 147–152.
- За комплексный подход (С.Р. Смирнов) // Становление отечественной африканистики... С. 152–168.
- Выстраданная мудрость (И.П. Ястребова) // Становление отечественной африканистики... С. 189–192.

- Тема пришла из детства (М.Б. Рабинович) // Становление отечественной африканистики... С. 193–197.
- Отмененная и снова присужденная степень (В.Я. Голант) // Становление отечественной африканистики... С. 198–203.
- О Трансваале и бурах (А.Л. Витухновский) // Становление отечественной африканистики... С. 204–206.
- “Архив, библиотека, другой архив” (Г.А. Нерсесов) // Становление отечественной африканистики... С. 266–272.
- Хотя он и не считал себя африканистом (Н.А. Ерофеев) // Становление отечественной африканистики... С. 273–277.
- Его именем называли издательство (О.К. Дрейер) // Становление отечественной африканистики... С. 278–281.
- Африка в истории международных связей России (опыт трех столетий) // Россия в Африке и Африка в России. Материалы научной конференции “Африка: общества, культуры, языки (г. Санкт-Петербург 16–18 мая 2001 г.)” Москва: Институт Африки РАН, 2003 С. 25–47 (Серия чтений памяти Д.А. Ольдерогге. Т. 3).
- Неожиданная находка в Кейптауне // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. С.-Петербург: РАН. С. 252–257.
- Первая большая встреча // Под небом Африки моей. История, языки, культура народов Африки. Альманах. Вып. 2. М.: “Муравей”, 2003. С. 7–24.
- Все они жили на том перекрестке // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 197–223.

2004

- Когда мы были молодыми // Есть любовь на земле... Памяти Томаса Колесниченко / Сост. С. Колесниченко. М.: Совершенно секретно, 2004. С. 31–39.
- Африка в конце холодной войны // Конец холодной войны: новые факты и аспекты. Сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2004. С. 135–152.
- Николай Александрович Ерофеев (1907–1996) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Восточная литература, 2004. С. 183–194.

- Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Восточная литература, 2004. С. 338–349.
- Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 361–383 (Новые границы).
- Судьба основателя отечественной африканистики // Сб. материалов. Серия «Чтения памяти Д.А. Ольдерогге». Т. 4. М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 338–349.
- Балезин А.С. По Африке в поисках России. Путевые заметки историка. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2004. Отв. ред.
- В блокадном Ленинграде // Новая и новейшая история. М., 2004/2005. № 1. С. 127–142.

2005

- Иван Изосимович – достижения и трагедии // Человек на фоне континента. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию И.И. Потехина (Москва, 1–2 октября 2003 г.). М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 8–15)
- Полвека назад. Судьба Отдела Африки Института востоковедения и его сотрудников // Под небом Африки моей. Вып. 3. История, культура, языки народов Африки. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. С. 7–20.
- Революция в наших знаниях // Архивы – ключ к истории Африки XX века / Материалы международной научной конференции к 75-летию проф. А.Б. Давидсона / Отв. ред. А.С. Балезин. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 15–21.
- В блокадном Ленинграде // Новая и новейшая история. 2005. № 1. М. С. 127–142 (Воспоминания).
- Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. М. С. 51–64.
- Russia and South Africa at the Beginning of the Twentieth Century. Five Episodes // A Century is a Short Time / Ina Snyman, Ian Liebenberg, et al, eds. – Pretoria: Nexus Editorial Collective, 2005. P. 348–376. With I. Filatova.
- История Африки в документах, 1870–2000. В 3 т. Т. 1. 1870–1918. М.: Наука, 2005. (Ин-т всеобщей истории РАН). Отв. ред. и авт. введения.

Под небом Африки моей. Вып. 3. История, культура, языки народов Африки. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. Чл. редкол.

2006

Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления XIX–XX века / Сост. отв. ред., авт. введения. М.: Наука (Ин-т всеобщей истории РАН), 2006.

Первая блокадная зима. Воспоминания // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: изд-во «Нестор-История», 2006. С. 538–546.

У причала Санта-Марии // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2005. М.: Луч, 2006. С. 43–45.

Devant le quai de Sainte-Marie // Dans le pays mystérieux de Madagascar. Année 2005. Moscou: Loutch, 2006. P. 9–10.

Ключевая проблема XXI столетия: последствия распада империй // Новая и новейшая история. № 2. М., 2006. С. 3–21.

Африканистика в Институте востоковедения АН СССР. К 50-летию создания Отдела Африки в ИВАНе // Восток (Oriens). № 5. М., 2006. С. 101–111.

Африканистика в Институте всеобщей истории – итоги исследований // Новая и новейшая история. № 5. М., 2006. С. 57–69.

2007

История Африки в документах, 1870–2000. В 3 т. Т. 2. 1919–1960 / М.: Наука, Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. Сост., отв. ред. и авт. предисл.

Воспоминания российского африканиста А.Б. Давидсона о Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Июль–август 1957 г. // История Африки в документах, 1870–2000. Т. 2. С. 609–613.

История Африки в документах, 1870–2000. В 3 т. Т. 3. 1961–2000 / М.: Наука, Ин-т всеобщей истории РАН. 2007. Сост., отв. ред. и авт. предисл.

African History: A View from behind the Kremlin Wall // Africa in Russia, Russia in Africa: three centuries of encounters. Trenton (NJ), Asmara (Eritrea): Africa World Press, 2007. P. 111–131. With I. Filatova.

- To the Other End of the Earth: Russia and South Africa in the 17th and 18th Centuries // Africa in Russia, Russia in Africa: three centuries of encounters. – Trenton (NJ), Asmara (Eritrea): Africa World Press, 2007. P. 201–218. With I. Filatova.
- Имперское наследие в XXI веке // После империи / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 60–75.
- Афроцентризм – пережиток прошлого или знамение будущего? // Мы и Они. Конформизм и образ «другого»: сб. статей на тему ксенофобии. М.: КДУ, 2007. С. 134–164. Совм. с И. Филатовой.
- Первые россияне на Мадагаскаре // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2006. М.: КДУ, 2007. С. 54–73.
- Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 181–197;
- Южноафриканская писательница в России // Восток (Oriens). 2007. № 1. С. 72–85.
- Учитель, англовед, яхт-капитан // Историк и художник. 2007. № 1 (11). С. 119–131.
- Корреспондент во всех странах мира // Историк и художник. 2007. № 4 (14). С. 73–99 (Историк как рассказчик).
- Kipling in Russia / The Kipling Journal. Vol. 81. 2007. № 322. London, Pp. 54–55.

2008

- Мир Николая Гумилева, поэта, путешественника, воина. М.: ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2008.
- Я вас люблю. Страницы жизни. М.: Изд-во «МИК», 2008.
- Патриарх африканистики (из книги воспоминаний) // Всеобщая история и история культуры: Петербургский историографический сборник. СПб.: Лики России, 2008. С. 287–295.
- Дмитрий Алексеевич Ольдерогге и малоизвестная африканистика // Африканский сборник. 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 5–16.
- Африканистика в Институте всеобщей истории РАН // Африка: континент и диаспора в поисках себя в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 12–17
- Дартмутские встречи (воспоминания) // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. Сб. статей. М.: ИВИ РАН, 2008.

- С. 35–48 (РАН, Институт всеобщей истории. Центр по изучению холодной войны).
- Национальная идеология и политическая борьба в ЮАР после 1994 года // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 100–109. Совм. с И. Филатовой.
- От зулусов до казахов. Давние контакты России и Южной Африки // Восток (Oriens). 2008. № 1. С. 121–129. Совм. с И. Филатовой.
- Британия глазами Чуковского // Imagines mundi. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 284–293 (Сер. Альбионика. Вып. 3).
- Южная Африка после апартеида // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 77–87. Совм. с И. Филатовой.
- Россия и первая война XX века // Исторические записки / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. № 11 (129). М.: Наука, 2008. С. 291–329. Совм. с И. Филатовой.
- Мазов С.В.* Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008. 339 с. (ИВИ РАН). Отв. ред.

2009

- Рах Аfисана: континент и диаспора в поисках себя / Сост., отв. ред. и авт. предисл. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009.
- Исторические пласты афроцентризма // Рах Аfисана: континент и диаспора в поисках себя. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 6–40. Совм. с И. Филатовой.
- Какого цвета «южноафриканское чудо»? Национально-демократическая революция и национальные отношения в ЮАР в конце XX – начале XXI в. // Рах Аfисана: континент и диаспора в поисках себя. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 141–214. Совм. с И. Филатовой.
- Национальная политика и национальные отношения в ЮАР после 1994 года // Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Вост. лит., 2009. С. 377–445. Совм. с И. Филатовой.
- Последствия распада империй. Вместо послесловия // Имперский вопрос – национальный ответ. Сб. научных статей. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 276–307.

- Николай Павлович Полетика (1896–1988) // Российские и славянские исследования. Научный сборник. Вып. IV. Минск: БГУ, 2009. С. 287–298 (К 75-летию исторического факультета БГУ).
- Помощь с юга Африки // Под небом Африки моей. Вып. 4. История, культура, языки народов Африки. М.: Издательский дом “Ключ–С”. С. 8–20.
- Двойное рождение отечественной африканистики // Восток (Oriens), 2009. № 1. С. 5–13.
- О роли культурных связей в международных отношениях: Англо-русское литературное общество (1892–1930) // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 85–98.

2010

- Россия и Южная Африка. Три века связей. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010 (ГУ-ВШЭ). Совм. с И. Филатовой.
- Россия и Британия. Вып. 5: На путях к взаимопониманию / Сост. и отв. ред. М.: Наука, 2010.
- «Надо больше знать друг о друге, люди...» // Россия и Британия... С. 5–28.
- В годы Сердечного согласия: англо-русские общественно-политические контакты накануне и во время Первой мировой войны // Россия и Британия... С. 31–53.
- Южно-Африканская Республика. История (с 1870-х гг.) // Африка. Энциклопедический справочник. Т. 2. М-Я. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»: ИД «ИНФРА», 2010. С. 994–1000.
- Путь к созданию нашей кафедры // Под небом Африки моей. Вып. 5. Африканистика и африканисты в Институте восточных языков и Институте стран Азии и Африки МГУ. М.: ИД “Ключ–С”, 2010. С. 50–54.
- Полетика Николай Павлович // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5. М.: Наука, 2010. С. 373–389.
- Потехин Иван Изосимович // Портреты историков... С. 413–426.
- Шийк Андрей Александрович // Портреты историков... С. 584–596.
- Особняк у Кенсингтонского парка // Российские посольства за рубежом. Очерки истории дипломатических отношений. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 51–74. Совм. с Н.К. Капитоновой.
- Африка и отечественные историки. К 50-летию “Года Африки” // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 43–54.

2011

- From the Zulus to the Kazakhs. Nineteenth Century Contacts between Russia and South Africa // African Studies in Russia. Yearbook 2008–2009. Moscow, 2011. P. 134–145 (Russian Academy of sciences. Institute for African Studies). Совм. с И. Филатовой.
- Поговорить бы с ним сейчас! (Е.Г. Гимпельсон) // Мастер и наука / Сост. В.Л. Телицын. М.: Собрание, 2011. С. 44–50.
- Проблемы взаимопонимания в современных международных отношениях // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С.137–142.
- Репрессированная африканистика // Африканский сборник. 2011 / Отв. ред. А.Ю. Желтов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 14–20.

2012

- Россия и Южная Африка. Наведение мостов. М.: Изд-во НИУ-ВШЭ, 2012. Совм. с И. Филатовой.
- Cecil Rhodes and his time. 2nd ed. Pretoria: Protea Boekhuis, 2012.
- История Африки в биографиях. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. Отв. ред. и авт. введения.
- С.П. Бантинг // История Африки в биографиях... С. 24–26.
- Н. Гордимер // История Африки в биографиях... С. 71–73.
- Л.Д. Грин // История Африки в биографиях... С. 74.
- Лобенгула // История Африки в биографиях... С. 154–166.
- С.Д. Родс // История Африки в биографиях... С. 311–320.
- О. Шрейнер // История Африки в биографиях... С. 400–405.
- Замысел Петра и пираты Мадагаскара // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2008. М.: Экон-информ, 2012. С. 43–53.
- Становление исторической мысли в странах Африки. Проблемы изучения // Новая и новейшая история. № 3. С. 41–51.
- Исторический опыт Африканского Национального Конгресса // Новая и новейшая история. № 6. С. 103–112.
- Битвы вокруг исторического прошлого. Африка последних десятилетий // Вестник Российской Академии наук. Т. 82, № 12. М., 2012. С. 1119–1126.

2013

The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg and Cape Town: Jonathan Ball, 2013. With I. Filatova.

История. Вып. 3 (19). История Африки в отечественных и зарубежных исследованиях. М., 2013. Отв. ред. и авт. предисл.

Южная Африка в трудах российских историков и политиков в 1920-е – 1950-е годы // История... С. 18–35. Совм. с И. Флатовой

«Дартмутские встречи учили вести диалог» // Исторический архив. № 6. М., 2013. С. 50–60.

Российские горные инженеры в Южной Африке // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 8. Екатеринбург, 2013. С. 170–178 (Серия Альбионика. Вып. 4).

2014

Африка: история и историки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Отв. ред. и авт. предисл.

Связи между нашими академиями // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2012. М.: Экон-Информ, 2014. С. 239–250.

То же на фр. яз.: *Les relations entre nos Académies // Dans le pays mystérieux de Madagascar. Année 2012 / L. Kartachova, N. Rajaonarimanana, éds.; J.-P. Domenichini, red. Antananarivo: Votsihera / Moscou: Econ-inform, 2015. P. 196–205.*

Академия наук Мадагаскара – связи с Россией // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 92–100.

Нельсон Мандела: добрый урок современному миру // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 192–204.

Российские и британские историки на пути к взаимопониманию // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 114–125.

То же на англ. яз: *Russian & British Historians on the Way to Mutual Understanding: British Studies in Russia // East-West Review. Journal of the Great Britain-Russia Society. Vol. 13, no. 2, Issue 36, 2014 P. 5–11*

Делегация на Юге Африки – впервые своими глазами // Восток (Oriens). 2014. № 5. С. 125–134. Совм. с И. Флатовой.

2015

История — поле сражений / Отв. ред. М.: Собрание, 2015. Афроазиатизация в современном мире и новые подходы к истории // История — поле сражений. М., 2015. С. 5–24.

История поле битв. И примирений // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 44–54.

2016

Становление колониальных порядков после Первой мировой войны // Черная Африка: прошлое и настоящее. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 122–139 (Совм. с И.И. Филатовой).

Вторая мировая война // Черная Африка: прошлое и настоящее... С. 140–142 (Совм. с И.И. Филатовой).

Изменение роли Черной Африки в мировой экономике и политике. Социально-экономические сдвиги // Черная Африка: прошлое и настоящее... С. 142–144 (Совм. с И.И. Филатовой).

Новые планы колониальной эксплуатации. Политические нововведения метрополий // Черная Африка: прошлое и настоящее... С. 144–147 (Совм. с И.И. Филатовой).

Идеология афроцентризма // Черная Африка: прошлое и настоящее... С. 180–182.

Связи с Российской империей // Черная Африка: прошлое и настоящее... С. 208–211 (Совм. с Г.В. Цыпкиным).

Африканская политика СССР // Черная Африка: прошлое и настоящее... С. 211–219 (Совм. с С.В. Мазовым).

South Africa in the Writing by Russian Historians and Political Scientists in the 1920s–1950s // AnOther Africa? (Post-) Koloniale Afrikaimaginationen im russischen, polnischen und deutschen Kontext. Heidelberg: Universitätsverlag, 2016. S. 233–250. With I. Filatova.

Россия и Африка: этапы формирования взаимных представлений // Электронный научно-образовательный журнал “История”. Выпуск 3 (47). М., 2016. Отв. редактор.

2017

Иже именуется Африка. Вести из русской старины. М.: «Principium», 2017.

Письма с мыса Доброй Надежды. М.: ВШЭ, 2017.

- Тропическая и Южная Африка: трансформация колониального общества // Всемирная история / Отв. ред.: А.О. Чубарьян. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Книга 1. М.: “Наука”, 2017. С. 612–633.
- На путях к взаимопониманию, Россия и Великобритания // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Общественные науки. Вып. 4 (788). М.: МГЛУ, 2017. С. 97–125.
- Nation and State Building in South Africa and Russia in the Late 20th-early 21st Century. Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences/South Africa–Russia Dialogue Forum, 2017, ed. and author of the preface.
- What Colour Is the South African Rainbow? The ANC’s Racial Transformation // Nation and State Building... P. 123–162. With I. Filatova.
- Уроки взаимопонимания в годы холодной войны // Электронный научно-образовательный журнал “История”. Выпуск 10 (54). 31.01.2017.
- ‘We, the South African Bolsheviks’: The Russian Revolution and South Africa // Journal of Contemporary History. Vol. 52 (4), 2017. P. 935–958. With I. Filatova.
- Знать историю нашего цеха – уроки нашего общего прошлого. Пленарный доклад // XIV Международная конференция африканистов “Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях”. Москва, Институт Африки РАН, 17 октября 2017 // https://inafran.ru/sites/default/files/news_file/davidson-doklad.pdf

2018

- Тропическая и Южная Африка: деколонизация и поиски устойчивого развития. // Всемирная история / Отв. ред.: А.О. Чубарьян. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Книга 2. М.: “Наука”, 2018. С. 556–581. Совм. с И.И. Филатовой.
- Историк, социолог, философ, этнолог. К 90-летию И.С. Кона // Новая и новейшая история. 2018. №2. С. 159–164.
- Родным, умершим от голода. Воспоминания // Историки – дети Великой войны: воспоминания / Сост. М.В. Золотухина, И.С. Пичугина. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 125–148.

Судьба африканиста // Электронный научно-образовательный журнал “История”. Т. 9: Выпуск 5 (69). Проблемы истории и историографии Африки глазами отечественных историков: переключки поколений. 30.06.2018 // <https://history.jes.su/s207987840002277-3-1>

Опыт примирения, миролюбия, миротворчества // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 89–96.

2019

Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. Отв. редактор.

Южная Африка // Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 8–10.

Знакомство СССР с Африкой – первые шаги // Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 25–120.

СССР и Южная Африка в годы Второй мировой войны // Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 120–134. Совм. с И.И. Филатовой.

Сведения об авторах

АНТОШИН Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета. *alex_antoshin@mail.ru*

БАЛЕЗИН Александр Степанович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). *alex.balezin@yandex.ru*

ВОЕВОДСКИЙ Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент НИУ ВШЭ, доцент кафедры всеобщей истории РАН-ХИГС, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. *valeks77@mail.ru*

ДАВИДСОН Аполлон Борисович – академик РАН, доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, руководитель Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *adavidson@yandex.ru*

ДАРЧ, Колин (Colin Darch) – заслуженный профессор Кейптаунского университета, Совета по гуманитарным исследованиям Южной Африки, Федерального университета Пернамбуку (Ресифи, Бразилия). *colin.darch@gmail.com*

ЕМЕЛЬЯНОВ Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, и ИСАА МГУ. *emeljanov.andrej@yandex.ru*

ИВАНОВА Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *caashoru@mail.ru*

КАРТАШОВА Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, академик Академии наук Республики Мадагаскар. *adavidson@yandex.ru*

КРИВУШИН Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя и профессор Департамента между-

народных отношений Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики, ведущий научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *ikrivushin@hse.ru*

КУРБАК Мария Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *kurbak-m@yandex.ru*

МАЗОВ Сергей Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *s.mazov@mail.ru*

МАНИРАГЕНА Валенс – старший преподаватель кафедры африканистики, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Председатель правления благотворительного общества «Ичумби» (приют, ночлег) – общественной организации, созданной руандийскими беженцами для помощи беженцам из Африки в северо-западном регионе России. *valencem@mail.ru*

СИДОРОВА Галина Михайловна – доктор политических, кандидат исторических наук; доцент; профессор кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета. *gal_sid@mail.ru*

СОНДЕРС, Крис (Chris Saunders) – заслуженный профессор Кейптаунского университета. Research Associate, Institute for Democracy, Citizenship and Public Policy in Africa, University of Cape Town. *chris.saunders@uct.ac.za*

ФИЛАТОВА Ирина Ивановна – доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ, заслуженный профессор Университета КваЗулу-Натал, School of Social Sciences, University of KwaZulu-Natal. *ifil1805@gmail.com*

ЦЫПКИН Георгий Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *ethiopand@mail.ru*

ШИПИЛОВ Александр Юрьевич – младший научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН, аспирант Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. *alexmo1994@gmail.com*

М 64 Миролюбие и миротворчество в Африке. К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона. Сборник статей /
Институт всеобщей истории РАН; на рус. и англ. яз. М.:
Издательство «Весь Мир», 2019. 312 с.

ISBN 978-5-7777-0786-4

Основу настоящего издания составляют материалы научной конференции, прошедшей в октябре 2018 года в Москве. Проблематика конференции – миролюбие и миротворчество в Африке – предложена А.Б. Давидсоном, к 90-летию которого и приурочена эта книга. Сборник представляет собой первую в отечественной африканистике попытку проанализировать опыт миротворчества, решения разных по характеру конфликтов, как удачный, так и неудачный, на Африканском континенте.

**УДК 94(6)
ББК 63.3(6)**

МИРОЛЮБИЕ И МИРОТВОРЧЕСТВО В АФРИКЕ

*К 90-летию академика
Аполлона Борисовича Давидсона*

Сборник статей

Редактор: *О.А. Зимарин*
Мл. редактор: *М.Р. Завьялова*
Корректор: *Т.В. Бронзова*
Верстка: *С.А. Голодко*
Художник: *Е.А. Ильин*

Подписано в печать 16.08.2019
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз.
Заказ №

109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
[http:// vesmirbooks.ru](http://vesmirbooks.ru)

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

ISBN 978-5-7777-0786-4

9

785777

707864

Основу настоящего издания
составляют материалы
научной конференции, прошедшей
в октябре 2018 года в Москве.
Проблематика конференции –
миролюбие
и миротворчество в Африке –
предложена
А. Б. Давидсоном,
к 90-летию которого
и приурочена эта книга.